

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Абуков С. Н.** К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны Рабинович Я. Н. Торопец и его жители в первые годы Смутного времени (1606–1610) 5
- Полозова И. В.** Россия и Германия: к вопросу о взаимодействии культур в процессе становления и развития отечественного музыкального искусства в XVII–XVIII веках 12
- Аукштыкальните А. Д.** Николай Иванович Салтыков и Фредерик Сезар де Лагарп 22
- Голосеева А. А.** «Ave, revolutio»: судьба Максима Бердягина – эсера, поэта, самоубийцы 28
- Матиев Т. Х.** Образование Горской АССР и его влияние на ситуацию в Ингушетии после окончания Гражданской войны 35
- Мякшев А. П.** Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта, причины краха 42
- Герман А. А.** О крайних направлениях в историографии российских немцев: попытка анализа 46
- Конониренко В. А.** Переселение колхозников из России и Украины на постдепортационные территории Крыма в 1944–1953 годы 52
- Мединец М. Я.** Образ противника в приднестровском конфликте 1989–1992 гг.: взгляд из Приднестровья 59
- Шех А. В.** Развитие общественно-политической активности «на местах» в период перестройки в СССР 1985–1991 годов 64

Всеобщая история и международные отношения

- Иващенко М. В.** Комплекс керамических клейм из засыпи балки под херсонесским театром 67
- Шашлова Т. Ю.** Скульптура перса из Гераклеи Понтийской и некоторые вопросы политической истории города 73
- Ахиев С. Н.** После мартовских ид: республиканцы в 44–42 гг. до н. э. 79
- Рыжова Д. С.** Влияние церковного запрета турниров на развитие геральдики в XII–XIII веках 83
- Корнев Е. С.** Албанский фактор в региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е годы 88
- Арсентьева И. И.** США против КНР на «великой шахматной доске»: возможен ли цугцванг? 92
- Баранов А. В.** Иранская инициатива по восстановлению отношений с Египтом в 2011 году 99
- Алексеев Д. С.** Новый этап в отношениях России и НАТО в эпоху сдерживания и диалога 107

Региональная история и краеведение

- Колганова Т. А.** Уровень жизни работников промышленных предприятий Саратова в 1920–1930-е годы 113
- Лукьянов А. В.** Военно-учебные заведения Саратова и Энгельса в 1921–1941 годах 117
- Яковлева Ж. В.** Антирелигиозная кампания в отношении мусульман Саратовского Поволжья в 1930-е годы 123
- Данилов В. Н.** Подготовка военнообученных резервов из гражданского населения в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны 127
- Ищенко Ю. В.** Медицинское обслуживание трудовых ресурсов российской деревни во второй половине 1940 – начале 1950-х годов (на материалах Саратовской области) 133

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Каргин Игорь Анатольевич

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес учредителя, издателя и редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 27.02.17.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,97 (18,25).
Тираж 500 экз. Заказ 17-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; приложения (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Abukov S. N.** On the Origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne 5
Rabinovich Ya. N. Toropets and its Residents in the Early Years of the Time of Troubles (1606–1610) 12
Polozova I. V. Russia and Germany: on the Issue of the Interaction of Cultures in the Process of the Establishment and Development of Russian Music in the 17–18th Centuries 22
Aukshtykalnite A. D. Nikolay Ivanovich Saltykov and Frederick Ceasar de La Harpe 28
Goloseyeva A. A. «Ave, Revolutio»: the Fate of Maxim Berdyagin – SRs, Poet, Suicider 35
Matiev T. H. The Creation of the Mountain ASSR and its Impact on the Situation in Ingushetia after the Civil War 42
Myakshov A. P. Soviet National Policy: the Success Factors, Unique Historical Experience, Reasons of Failure 46
German A. A. On the Extreme Trends in the Historiography of the Russian Germans: an Attempt of Analysis 52
Kononirenko V. A. The Removal of Collective Farmers from Russia and Ukraine to the Postdeportation Territory of Crimea in 1944–1953 59
Medinets M. Ya. Enemy Image in the 1989–1992 Trans-Dniester Conflict: a View from Transnistria 64
Sheh A. V. The Development of Local Social and Political Activity during the Period of Perestroika in the USSR, 1985–1991 67

World History and International Relations

- Ivashchenko M. V.** Complex of Ceramic Stamps from the Stock Line of the Beam under the Chersonese Theater 73
Shashlova T. Ju. The Sculpture of a Persian from Heraclea Pontica and Some Questions of the Political History of the City 79
Akhiev S. N. After the Ides of March: the Republicans in 44–42 B.C. 83
Ryzhova D. S. The Influence of the Ecclesiastic Prohibition of Tournaments on the Development of Heraldry in the XII–XIII Centuries 88
Korenev E. S. The Albanian Factor in the Regional Strategy of NATO in the Balkans in the 1990–2000s 92
Arsentyeva I. I. The USA vs China on the «Grand Chessboard»: Entering Zugzwang? 99
Baranov A. V. The Iranian Initiative Concerning the Restoration of Relations with Egypt in 2011 107
Alexeev D. S. A New Stage of Relations between Russia and NATO in the Era of Deterrence and Dialogue 113

Regional History and Local Studies

- Kolganova T. A.** The Living Standards of Saratov Industrial Workers in the 1920–1930s 117
Lukyanov A. V. Military Educational Institutions of Saratov and Engels in 1921–1941 123
Yacovleva Zh. V. The Anti-religious Campaign against Muslims of Saratov Volga Region in the 1930s 127
Danilov V. N. The Preparation of Military Reserves from the Civil Population in the Saratov Region during the Great Patriotic War 133
Ishchenko Yu. V. Medical Care of the Russian Village Manpower Resources in the Second Half of the 1940s – the Beginning of the 1950s (Based on the Materials of the Saratov Region) 140

Information about the Authors

147

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

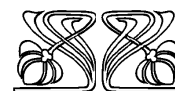
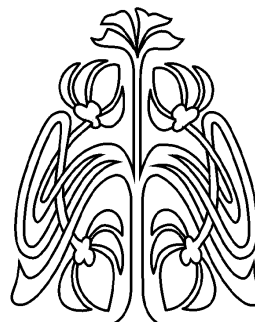
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

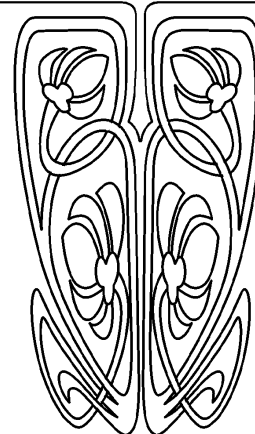
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

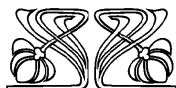
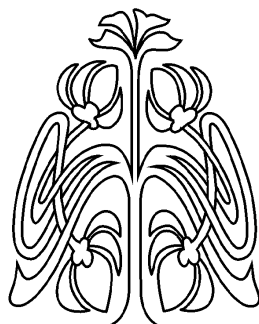
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

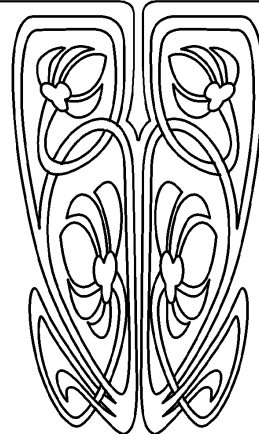

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Raleigh Donald J. (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (367) : 929.5 «15»

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕТКИ СЕМЕНА ГОРДОГО КНЯГИНИ АННЫ

С. Н. Абуков

Донецкий национальный университет
E-mail: legusha@list.ru

Статья посвящена спорному вопросу происхождения тетки Семена Гордого княгини Анны, упоминаемой в двух документах XIV в. Автор рассматривает наиболее вероятные варианты ее генеалогии и возможное время вступления в брак. Предполагается, что княгиня, скорее, – дочь князя Даниила Московского, чем жена, одного из его сыновей. Сам ее брак связан с князьями Рязанской династии. Ее супругом мог быть князь Иван Коротопол. После смерти мужа бездетная княгиня в 40-е гг. XIV в. отказала свои владения московскому племяннику Семену Ивановичу. Сама генеалогическая проблема родства представляется важной в изучении ранней истории Московского княжества и сложной для исследователя из-за ограниченного и неполного комплекса наших источников.

Ключевые слова: княгиня Анна, Семен Гордый, Москва, Рязань, брак, владение, князь.

On the Origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne

S. N. Abukov

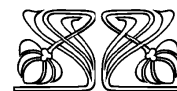
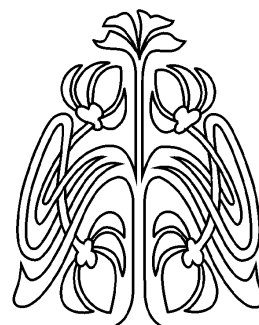
The article is devoted to the disputable issue of the origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne, who is mentioned in the XIV century documents. The author considers the most likely opinions of her genealogy and possible time of marriage. It is supposed that the Princess had rather been the daughter of Prince Daniel of Moscow, than the wife of one of his sons. Her marriage is connected with the Ryazan' dynasty. Her husband could be Prince Ivan Korotopol. After her husband's death, the childless princess had given her possessions to his Moscow nephew Semyon in the 1440s. This genealogical problem itself is important for studying the early Principality of Moscow and rather difficult for researchers because of the limited and incomplete set of our sources.

Key words: Princess Anne, Semyon the Proud, Moscow, Ryazan', marriage, possession, prince.

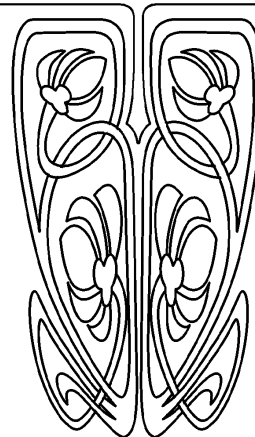
DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-5-11

Генеалогические связи первых двух поколений московских князей известны крайне плохо. Собственно, кроме двух браков Юрия Даниловича у нас нет никаких иных данных. Имеющиеся источники настолько скудны, что не позволяют даже выдвигать серьезные гипотезы. Летописцы обошли семью Даниила Александровича своим вниманием. Это неудивительно: никто не мог предполагать в конце XIII – начале XIV в., что именно эта линия владимиристо-суздальских князей станет самой могущественной. К сожалению, и духовные грамоты Ивана Калиты и его сыновей весьма мало дают информации о возможных браках и родственных связях первых московских князей. Ни летописи, ни сам Калита в своих духовных грамотах ничего не сообщает о своих родителях, женах, сестрах и браках. Большой генеалогический вопрос следующего поколения – происхождение матери Дмитрия Донского княгини Александры. Историки находятся в страшном затруднении, вынужденные строить догадки на довольно зыбкой почве.

А вопрос важен для понимания одной из ключевых проблем русской истории – причин возвышения Москвы. Начальный этап этого процесса приходится на время правления Даниила Александровича и его сыновей Юрия и Ивана Калиты. Весьма вероятно, что их активная политическая и военная деятельность в отношении других русских кня-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

жеств находилась в тесной связи с их родственными связями, как это мы знаем по периоду второй половины XIV–XV вв., куда лучше освещенному источниками. Значит ли, что мы должны отказаться от попыток решения этой, без преувеличения, загадки? Думается, что нет.

Одной из таких генеалогических проблем в ранней истории Московской династии следует считать упомянутую в двух грамотах Семена Гордого его тетку княгиню Анну. Переходя к перечислению своих владений, этот московский князь в духовной грамоте пишет: «Заячковь, что мя бл(а)г(о)с(ло)вила тетка моя, княгини Анна, и Гордошевичи...»¹ Отметим, что в историографии есть только два варианта ее происхождения. Анна – жена Афанасия Даниловича, предположил М. Д. Хмыров². В ней также видят не только его вдову, но и жену в первом браке князя Святослава (М. К. Любавский)³. К. А. Аверьянов назвал даже гипотетического отца княгини-вдовы двух мужей – гипотетического же белозерского князя Василия Глебовича⁴. Второй вариант: Анна – сестра Калиты, вышедшая замуж за одного из рязанских князей (В. А. Кучкин)⁵.

Так, кто же такая княгиня Анна? Попробуем определить вначале факты, которые более-менее ясны. Итак, она – тетка Гордого. Очевидно, что она была перед смертью вдовой. Причем вдовой без наследников, иначе ей не было без повода завещать владения великому князю московскому мимо своих сыновей. Она умерла после 1339 г., так как о ее землях ничего не говорится в завещании Калиты, и до договорной грамоты между его сыновьями Семеном, Иваном и Андреем, по датировке которой существует разброс мнений, но нет сомнения, что она относится к концу 1340 – началу 50-х гг.⁶ Скорее, Семен Иванович стал наследником тетки в 40-е гг. XIV в. Ее владения, переданные Гордому, были важными и значительными, так как о них же он упоминает еще раз и в духовной грамоте⁷. В договоре с братьями, несмотря на дефект текста в этом месте, великий князь ревностно оговаривает свое владетельное право на земли княгини Анны⁸. Действительно, формально все племянники Ивановичи имели права на ее наследство, но старший брат, опираясь на «благословение» родственницы, взял их себе⁹. Такие «дарения» становились предметом конфликтов между родственниками, которые не хотели от них отказываться¹⁰.

Итак, всего теоретически существует не два, а три объяснения ее родства с Калитовичами: 1) сестра матери Гордого княгини Елены, также вышедшей замуж за одного из князей; 2) жена одного из братьев Калиты: Юрия, Бориса или Афанасия; 3) это дочь Даниила Александровича, вышедшая замуж за одного из князей.

Первое предположение едва ли возможно. Трудно представить, чтобы княгиня, не принадлежащая к правящей семье Даниила, свояченица Калиты, состояла в браке с одним из местных

князей и также имела владения на территории Московского княжества.

Что касается второй версии, то она нуждается в детальном рассмотрении. Ключевым вопросом для общего ответа на вопрос является проблема локализации владения княгини Анны. Как установил В. А. Кучкин, ее земли (текст грамоты, как отмечалось, дефектен) концентрировались на юге, что, видимо, связано с Рязанским княжеством¹¹. Историк, как отмечалось, считал ее рязанской княгиней, дочерью Даниила Александровича. А. В. Кузьмин отметил, что в синодальном списке рязанских княгинь упоминаются четыре Анны¹². Это важное указание дает некую нить, за которую можно попытаться потянуть. Однако Кучкин не высказал предположений о предполагаемом супруге княгини, ни о возможном времени заключения брака. Попробуем высказать свою версию этого возможного родства, оттолкнувшись от обратного, то есть начать с обстоятельств гипотетического брака.

По нашему мнению, политические интересы правителей Московского княжества в конце XIII – начале XIV в. не выходили за пределы Северной Руси. Это определяло и браки первых московских князей, которые в особенной степени касались Владимиро-Суздальской, Смоленской, Рязанской земель и Верховских княжеств. В этом контексте необходимо рассматривать и историю непростых и малоизвестных рязанско-московских отношений в первой четверти XIV в. Летописи сообщают о двух бесспорных конфликтах 1301 и 1320 гг. и неясной по характеру поездке Юрия Даниловича в Рязань в 1307 г.¹³ Все эти известия, особенно два последних, очень кратки. Самое велеречивое первое известие, дополненное поздним Никоновским сводом, сообщившим некоторые подробности московского одоления и пленения рязанского князя Константина Романовича¹⁴.

Из этих трех сообщений особое внимание в контексте темы, на наш взгляд, заслуживает известие 1320 г. В Новгородской Первой летописи младшего извода сказано: «Ходи князь Юрьи ратью с братомъ Иваномъ на Рязань на князя Ивана Ростиславьского, и докончаша миръ»¹⁵. Но в той же летописи старшего извода то же событие записано немного иначе: «Ходи князь Юрьи ратью на Рязань на князя Ивана Рязаньского, и докончаша миръ»¹⁶. Не трудно представить, что в обоих случаях речь идет об одном рязанском князе Иване Ярославиче, племяннике убитого в московском плену Константина.

Мир 1320 г. венчал не просто очередной военный поход, а подвел некую черту под многолетним конфликтом, причиной которого были территориальные споры, в первую очередь, как представляется, вопрос о Коломне¹⁷. Юрий Данилович тогда уже выступал с позиций главы всей Владимирской Руси. Как видно, в отношениях с Рязанью и Тверью московский князь поспешил воспользоваться своим новым статусом великого

князя владимирского. Весьма вероятно, что завершение давнего конфликта был подкреплено браком между членами двух княжеских семей. В такой практике XIV в. не было ничего необычного. Более того, имеется немало тому примеров¹⁸. И в самих московско-рязанских отношениях есть иной мирный договор 1386 г. между Дмитрием Донским и Олегом Рязанским, позднее скрепленный браком их детей¹⁹. Так как в 1320 г. сторонами мирного докончания выступили московский князь Юрий Данилович и рязанский князь Иван Ярославич, то, вероятно, что именно их ближайшая родня тогда или несколько позже вступила в этот гипотетический родственный союз, соответствующий высокому статусу сторон. Напомним, что в том же году Юрий Данилович выдал свою дочь за клинско-тверского князя Константина Михайловича²⁰.

О рязанских князьях известно очень мало, как и вообще о политической истории Рязанской земли конца XIII – первой половины XIV в. Вопросы генеалогии и порядка замещения рязанского стола в первой половине XIV в. проблемны и известны только в общих чертах, а вопрос о точном происхождении упомянутого Олега Ивановича Рязанского, несмотря на собственную жалованную грамоту Ольгову монастырю и очевидные усилия генеалогов, остается не до конца проясненным, как и генеалогия рязанских и пронских князей середины XIV в.²¹ Пронские князья Иван и его брат Михаил Ярославичи, видимо, выступили противниками дяди рязанского князя Константина Романовича еще в 1299 г. Об их усобице имеется скудный, но весьма часто цитируемый летописный обрывок²². Очень вероятно, что рязанский поход Даниила Московского осенью 1300/1301 г. стал вмешательством во внутрирязанский конфликт на стороне пронских князей²³.

Возможно, московский князь имел какие-то родственные причины для участия в войне. После пленения Константина не вполне ясно, кто занимал рязанский стол, но в 1320 г. это определенно был Иван Ярославич²⁴. Судя по предыдущей 20-летней политической деятельности, к этому году это был уже зрелый мужчина. Мы не знаем, был ли он женат или вдов. У него известен из источников только один сын – Иван Коротопол²⁵.

Что касается Юрия Московского, то после смерти двух жен: не известной по имени и дате смерти ростовской княжне и сестре хана Узбека Агафье-Кончаке, скоропостижно умершей в 1317 г. в Твери, Юрий был вдовец и не имел сыновей. К 1320 г. ему едва ли было больше 40 лет²⁶. Такое положение было неестественно и ущемляло его статус по династическим, владельческим, традиционным и религиозным представлениям. Логично и естественно, что он, добившись великого княжения владимирского, на вершине успеха не попытался-таки жениться и оставить сына. Заключение третьего брака, хотя и требовало церковного разрешения, но не было непреодолимым

препятствием, о чем говорит весьма активная и неканоническая брачная жизнь его племянника Семена Гордого, женатого трижды²⁷. Но была ли княгиня Анна вдовой Юрия, обладательницей значительной земельной собственности, перешедшей затем к Гордому?

Увы, ни летописи, ни родословные нигде не обмолвились о том, что Юрий мог быть женат снова. Ни в Москве, ни во Владимире, ни в Новгороде не видно, чтобы Юрий состоял в браке. На его погребении в 1326 г. присутствует только брат Иван и церковные иерархи²⁸. Впрочем, летописцы в подобных случаях женщин пропускали. Можно предположить умышленное замалчивание источниками существования третьей жены Юрия Даниловича или каких-то иных причин, но тогда придется пуститься в объяснения, зачем это было сделано. При всей логичности такой версии, нет ни одного ее подтверждения.

Из других дядей Семена Гордого к 1320 г. были живы нижегородский князь Борис и новгородский наместник брата Афанасий. Но Борис Данилович умер бездетным 30 мая 1320 г.²⁹ Поэтому его кандидатура в гипотетические мужа Анны – под еще большим сомнением. Что касается Афанасия, то этот младший Данилович впервые упоминается в 1314 г. и выступает верным союзником старшего брата Юрия³⁰. Вероятно, он родился в конце правления своего отца³¹. В. Н. Татищев именует его можайским князем³². Он умер в Новгороде в 1322 г., а его останки в церкви Спаса на Нередице уже в наши дни стали находкой археологов³³. Как отмечалось, ему приписывают супругу по имени Анна. Однако нет прямых указаний, что упоминаемая в новгородских летописях якобы в 20-е гг. XIV в. княгиня с таким именем – его вдова и одновременно вдова можайского князя Святослава Глебовича³⁴. Вообще трудно найти примеры повторных браков княгинь в этот период. Обычно после смерти супругов их вдовы ставили крест на семейной жизни. Не могла быть Анна вдовой двух указанных князей и чисто физически, так как, скорее всего, годилась Афанасию в матери³⁵. Едва ли верно считать всех князей, например, Михайлов, как и всех княгинь Анн, упоминаемых в первой половине XIV в., одним лицом. У его старшего брата Юрия, бывшего с 1322 по 1325 г. новгородским князем, было не меньше шансов оставить вдову Анну, связанную с местной элитой.

Но наиболее логично следовать буквальному указанию степени родства в договорной и в духовной грамотах Гордого. В таком случае княгиня – родная тетка, а не жена дяди. Обычно в княжеских грамотах женщины записаны по мужу или отцу, без определения статуса и боковой степени родства³⁶. Похоже, Анна – сестра московских Даниловичей, как и считал Кучкин. Проблема в том, что летописи и родословные не оставили нам упоминания о дочерях первого московского князя. При этом из летописей известны 5 сыно-

вей Даниила Александровича и еще два (Семен и Андрей) только из родословных³⁷. Любопытно, что имя Семена Даниловича чаще встречается в родословных, чем его брата Андрея³⁸. Он же упоминается в синодике Успенского Московского собора, что необычайно повышает историчность этого князя, видимо, рано умершего³⁹.

При этом ни один из источников не сообщает о дочерях Даниила. Андроцентричность русских средневековых источников часто оставляет в тени княгинь и княжон. Однако очень вероятно, что у первого московского князя были дочери, и дочери замужние. Историки пытались найти их, называя зятьями Даниила пронского князя Ярослава Романовича (Баумгартен)⁴⁰ и даже литовского князя Наримунта Гедиминовича (Пузына)⁴¹. Однако, по нашему мнению, нет никаких оснований предполагать брак с Гедиминовичами в этот ранний период. Мы абсолютно не видим литовско-московских связей в конце XIII – начале XIV в., кроме отражения набега литовцев на владения тверского епископа в 1285 г.⁴² Дело в том, что практика брачных союзов владимиро-суздальских князей с литовцами тогда еще не сложилась, и кроме дочери великого князя Дмитрия Александровича Переяславского, выдавшего дочь за «орусевшего» псковского князя Довмонта и Дмитрия Михайловича Тверского, у нас нет в этот период других примеров⁴³. Более того, не следует забывать, что на дочери Гедимины в 1333 г. был женат внук Даниила Семен Гордый⁴⁴. Вероятным представляется, что в родстве с правящей московской династией находились ржевский князь Федор, которого Н. М. Карамзин прямо называет родственником Юрия Даниловича и стародубский князь Ярослав (пропущенный родословными)⁴⁵. В источниках нельзя не увидеть их тесной связи с Москвой. Кто-то из них мог быть зятем Даниила или шурином (племянником жены).

Вопрос о рязанско-московских родственных связях в начале XIV в. очень возможен. Однако это точно не жена Ярослава Романовича Феодора, которая, как предполагаемая дочь Даниила, по возрасту никак не могла быть матерью Ярославичей, воевавших с дядей Константином уже в 1299 г., когда их мнимому деду Даниилу Московскому было от роду 37 лет⁴⁶. Ярослав Романович, умерший в 1294 г., принадлежал к старшему поколению. В таком случае, скорее, Даниил мог быть женат на его дочери, но это только в теории. А. А. Горский предложил в зятя Даниилу пронского князя Александра Михайловича⁴⁷. Возможно, что это и так, но есть большое возражение. Дело в том, что у Александра Михайловича были сыновья⁴⁸. В таком случае княгине Анне не было никакого смысла завещать свои владения племяннику вместо своих собственных наследников. Только бездетные княгини отдавали свои владения близким родственникам, в том числе владения, расположенные в княжествах умерших мужей⁴⁹.

Думается, что генеалогическая связь Москвы и Рязани была несколько иной. Напомним, что с 1300 по 1320 г. было временем напряженных московско-рязанских отношений, где были не только войны, но и убийство Юрием Даниловичем пленного рязанского князя Константина Романовича⁵⁰. Тогда на дочери Даниила, рожденной незадолго до его смерти, мог быть женат Иван Ярославич, который, как отмечалось, и выступил стороной договора 1320 г. Он был убит в 1327 г. татарами то ли в Орде, то ли на Руси во время Федорчуковой рати⁵¹.

Но по возрасту Иван Ярославич едва подходил на роль жениха. К тому же Баумгартен называл его жену Василисой⁵². Не мог быть зятем Даниила и его брат Михаил Ярославич, жену которого звали Евдокией (Авдотьей)⁵³. Скорее, речь идет о сыне Ивана Ярославича Иване Коротополе, убитом после усобицы с родственниками при вмешательстве татар в 1343 г.⁵⁴ В конфликте Москвы с Новгородом 1333 г. безымянные рязанские князья (несомненно, Коротопол как старший) поддерживали Ивана Калиту. Невиданная промосковская политика Рязани удивила А. В. Экземплярского, назвавшего такие отношения зависимыми и вытекающими из договора 1320 г.⁵⁵ Еще ранее «подручное» положение рязанских князей по мирному соглашению между Юрием Даниловичем и Иваном Ярославичем отметил Д. И. Иловайский⁵⁶. О «неких вассальных отношениях» Рязани в эти годы говорит в новом диссертационном исследовании С. А. Петров⁵⁷. В контексте похода 1339/1340 г. татарской рати на Смоленск упоминается и Иван Коротопол⁵⁸. Трудно сказать, следовали ли такие отношения сторон именно из договора 1320 г. Похоже, в 20-е гг. XIV в. был заключен еще один договор между Москвой и Рязанью. Любопытно, что в последующих «докончаниях» между сторонами нет отсылок к миру 1320 г., а только ко времени Ивана Ярославича и Ивана Калиты, хотя их одновременное правление относится только к 1325–1327 гг. Более того, во всех договорах XIV–XV вв. речь идет именно о «владимирском порубежье», хотя Калита стал великим князем владимирским уже после смерти Ивана Ярославича⁵⁹.

Учитывая конфликты внутри семьи рязанских князей, после убийства мужа Коротопола, бездетная (если мы согласимся с тем, что Олег Рязанский не забыл отчество своего родного отца) вдова Ивана Коротопола перед уходом в монастырь или смертью в 40-е гг. XIV в. отказала свои владения сильному племяннику, великому московскому князю, который смог их отстоять от хищных пронских Александровичей, принявших участие в убийстве ее мужа и занявших Рязань. Возможно, поездка к хану Гордого с братьями как раз и касалась, в том числе и новых приращений территории Московского княжества, как считает А. А. Горский⁶⁰. Отсутствие упоминаний о родстве с Коротополом московских князей могло быть связано с одиозной фигурой этого князя-братоу-

бийцы, как и приписка к нему Олега. Сложные рязанско-ордынские отношения в первой половине XIV в. явно диссонировали с московско-ордынскими, и не видно, что предполагаемое нами родство смогло их улучшить.

Таким образом, гипотеза о московско-рязанских династических связях первой половины XIV в. представляется наиболее логичной, если следовать тому немногочисленному комплексу источников, которыми мы располагаем. Иные построения являются умозрительными, не подкрепленными никакими свидетельствами. По нашему мнению, брак между Москвой и Рязанью мог быть заключен около 1320 г. в подкрепление мирного соглашения, завершившего длительный конфликт между сторонами. Княгиня Анна, «тетка» Гордого – вероятно, действительно поздняя дочь Даниила Московского, вышедшая, скорее, за рязанского князя Ивана Коротопола, так как никто из местных князей этого времени едва ли еще мог быть зятем Даниила Александровича. Такое предположение при анализе скудного комплекса источников кажется наиболее верным из всех возможных вариантов при данной локализации ее владений. В противном случае, придется вообще отказаться от данной генеалогической конструкции.

Несмотря на слабость сведений в наших источниках, вопрос о генеалогических связях первых московских князей требует дальнейшего исследования.

Примечания

- 1 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ). М.; Л., 1950. С. 13.
- 2 См.: *Хмыров М. Д.* Алфавитно-справочный перечень удельных русских и членов царского дома Романовых. Первая половина. А – И. СПб., 1871. С. 37.
- 3 См.: *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. М., 1929. С. 56.
- 4 См.: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты : источниковедческие проблемы процесса объединения русских земель XIV в. : дис... д-ра ист. наук : спец. 07.00.09. «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». М., 2001. С. 241–247, 257.
- 5 См.: *Кучкин В. А.* Княгиня Анна – тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 9.
- 6 Аргументом в пользу такой датировки является место в документе, где все трое Ивановичей переживают за своих жен и детей (см.: ДДГ. С. 12). Время рождения Дмитрия Донского – октябрь 1350 г. Кроме того, нельзя не увидеть временной близости между договором Ивановичей и духовной Гордого. Кучкин отнес договор к 1348 г. (см.: *Кучкин В. А.* Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 19–21).
- 7 См.: ДДГ. С. 13.
- 8 Там же. С. 12.
- 9 Иначе не было смысла постоянно вносить этот пункт в документы.
- 10 «Благословение» Переяславлем Даниила Александровича вызвало конфликт московских князей с великими князьями владимирскими. См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 24. М., 2000. С. 106, 107; ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 85–86. Передача удела Семеном Константиновичем Михаилу Александровичу привела к войне в семье тверских князей. См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. М., 1965. Стб. 79, 82, 84, 87.
- 11 См.: *Кучкин В. А.* Княгиня Анна. С. 8, 9; К. А. Аверьянов обращает внимание, что Гордошевичи фигурируют в духовной Дмитрия Донского (1389 г.) в составе можайских волостей. См.: *Аверьянов К. А.* Купли Ивана Калиты. С. 246. Однако там они, как и Веря, Рудь, Гремична, Заберега, названы «отъездными» (ДДГ. С. 34).
- 12 См.: *Кузьмин А. В.* Князья Можайска и судьба их владений в XIII–XIV вв. : из истории Смоленской земли // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). С. 116.
- 13 См.: ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 196; ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 86; ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 88, 89. Вторая дата, как и само летописное известие о возвращении Юрия из Рязани («Въ лето 6815 князь Юрьи выеха на Москву съ Рязани») (орфография упрощена), не вполне ясна. Ничего не говорится о том, как, когда и почему он туда «въехал», то есть о причинах его пребывания в соседнем княжестве, но военный поход представляется наиболее логичным. В это же время сообщается о том, что Юрий убил пленного рязанского князя Константина Романовича и о приходе Таировой рати (см.: ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 86–87). Трудно не увидеть связи этих событий.
- 14 См.: ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 173.
- 15 ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 338. Вероятно, это не описка летописца, а указание на место правления. В летописном списке «А се имена градомъ всемъ Русскимъ, дальнимъ и ближнимъ» в Рязанской земле упоминается город Ростиславль (ПСРЛ. Т. 7. С. 241). Об археологии и истории Ростиславля см.: *Коваль В. Ю.* Ростиславль Рязанский – малый город Древней Руси // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. М., 2004. С. 88–89. Возможность того, что Ростиславль в первой половине XIV в. претендовал на первое место в Рязанской земле, допускал А. Г. Кузьмин. См.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины 16 века. М., 1965. С. 198.
- 16 См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 96.
- 17 Как известно, впервые Коломна упоминается в числе московских владений только в духовной Ивана Калиты (см.: ДДГ. С. 9). Судьба Коломны в нач. XIV в. продолжает волновать исследователей. См.: *Аверьянов К. А.* Присоединение Коломны к Московскому княжеству // Коломна и Коломенская земля : история и культура. Коломна, 2009. С. 37–43; *Горский А. А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190; *Мазуров А. Б.* Эволюция

- Коломны в XIII–XIV веках : от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003. С. 83–91 ; *Цепков А. И.* Время присоединения Коломны к Москве // Славянские хроники. СПб., 1996. С. 179–182.
- 18 См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 119–120.
- 19 Там же. Т. 25. М. ; Л., 1949. С. 212–213.
- 20 См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. М., 1965. Стб. 41.
- 21 В научной литературе существует три версии происхождения великого князя рязанского Олега Ивановича. Большинство источников, включая «Бархатную книгу» (код доступа <http://www.genealogia.ru/projects/barhat/6.htm>) числит его сыном Ивана Ивановича Коротопола. Воскресенская летопись под 6851 г. называет Олега сыном Коротопола и напоминает, что сын был советник «безбожному Мамаю», а под 6888 добавляет, что он еще и Тохтамыш «подведе». См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 243. При этом сам Олег в жалованной грамоте называется своим отцом Ивана Александровича. См.: *Автократова М. И., Буганов В. И.* Сокровища документов прошлого. М., 1986. С. 125. В приписке Олега к потомству Коротопола А. Е. Пресняков увидел сознательное искажение генеалогии с целью дискредитации этого рязанского князя. См.: *Пресняков А. Е.* Образование великорусского государства. М., 1998. С. 406. Также очевидно, что Иван Иванович и Иван Александрович – разные лица и находились в одном поколении (см.: ДДГ. С. 85). Чтобы объяснить несообразности, вытекающие из московско-рязанских договорных грамот и близкого родства Олега и его зятя Владимира Пронского, придумана умозрительная схема : Олег – сын Ивана Александровича, но внук Ярослава Романовича. См.: *Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 313. Дело в том, что генеалогия местной династии и ее представители известны слабо. Само упоминание нескольких рязанских князей в Новгородской Первой Летописи младшего извода под 1333 г. и во Львовской летописи под 1342 г. («и Резанские князи, и Пронские») говорят об этом. См.: ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 345, примеч. 4 ; ПСРЛ. Т. 20, ч. 1. СПб., 1910. С. 181.
- 22 См.: ПСРЛ. Т. 1. М., 2001. Стб. 485.
- 23 См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. : в 2 т. Т. 2. СПб., 1891. С. 577.
- 24 См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 338. Возможно, после пленения Константина в Рязани правил Михаил Ярославич «рязанский». См.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси (далее – АСЭИ) : в 3 т. Т. 3. М., 1964. С. 339.
- 25 См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 243. Что касается полуполюгендарного киевского князя Станислава, изгнанного Гедимином и женатого на дочери Ивана Рязанского Ольге, а затем унаследовавшего его княжество (Там же. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 373–374), то, Л. В. Войтович на основании имеющихся источников уверен, что «всі сумніви щодо існування Станіслава безпідставні» («все сомнения в существовании Станислава безосновательны»). См.: *Войтович Л. В.* Княжа доба на Русі : портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 415. Вероятно, в его рязанских связях также есть какое-то историческое зерно.
- 26 Как известно, даты рождения сыновей Даниила Александровича не отражены в источниках, однако трудно не согласиться с В. А. Кучкиным, который отнес его рождение на основании женитьбы в 1297 г. приблизительно к около 1280 г. См.: *Кучкин В. А.* Московские Рюриковичи (демография и генеалогия). URL: <http://www.runivers.ru/vestnik/issues/8965/478786>. Скорее, 1281–1282 гг.
- 27 См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 119.
- 28 См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. М., 2000. Стб. 399. Летописцы XIV в. вообще не фиксируют присутствие на погребении женщин. Так, при описании похорон Ивана Калиты летописец, перечисляя «плачущих» князей, бояр, москвичей, духовенство и «всей земли Русской», ничего не пишет о его вдове и дочерях. См.: ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52–53. Также не говорится о присутствии вдовы и дочерей на погребении Дмитрия Донского. Там же. Стб. 156.
- 29 См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 89. Его нижегородское княжение устанавливается на основании копии памятного листа на его гробнице. См.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 210–211. Погребен Борис был во Владимире. См.: ПСРЛ. Т. 25. С. 166.
- 30 См.: ПСРЛ. Т. 3. Стб. 372.
- 31 Родословные ставят Афанасия на последнее место среди сыновей Даниила. См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 237 ; ПСРЛ. Т. 15. С. 15.
- 32 См.: *Татищев В. Н.* История Российская : в 7 т. Т. 5. М. ; Л., 1965. С. 80.
- 33 См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 396 ; *Седов Вл. В.* Раскопки в церкви Спаса на Нередице // Археологические открытия 2001 года. М., 2002. URL: <http://rusarch.ru/sedov9.htm>.
- 34 См.: ПСРЛ. Т. III, вып. II. СПб., 1879. С. 27, примеч. ; Там же. Т. 4. СПб., 1848. С. 50.
- 35 Кто бы ни был этот Святослав : Глебович или Ярославич (что маловероятно), по времени смерти их отцов : смоленского князя Глеба Ростиславича, умер 1277 г., или великого князя Ярослава Ярославича Тверского, умер 1271 г., он явно принадлежал к старшему поколению князей, в то же время Афанасий Данилович мог родиться не ранее 90-х гг. XIII в.
- 36 См.: ДДГ. С. 18, 19, 35, 72, 176, 198, 269, 349, 441, 455, 469.
- 37 См.: ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Стб. 19.
- 38 Там же. Т. 15. М., 1965. Стб. 15.
- 39 См.: Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе : собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом вольного Российского собрания при имп. Московском университете, издание 2-е, вновь исправленное, умноженное и в порядок хронологический по возможности приведенное (далее – ДРВ). Ч. 6. СПб., 1788. С. 440.
- 40 См.: *Baumgarten de N.* Des Branches Regnantes de Rurikides du XIII-e au XVI-e siècle // Orientalia Christiana. Roma, 1934. Т. 35-1. P. 74–75.
- 41 См.: *Puzyna J.* Narymunt Gedyminowicz. Miesiecznik heraldyczny. Rok IX. Warszawa, 1930. № . 3. S. 35–36.

- ⁴² См.: ПСРЛ. Т. 18. С. 81.
- ⁴³ Там же. Т. 24. М., 2000. С. 100.
- ⁴⁴ Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 171.
- ⁴⁵ См.: Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. Т. IV. М., 1992. С. 104. Так как Ярослав Стародубский не известен по родословным, то предполагалось, что это княжеское имя одного из стародубских князей – Федора Ивановича. Однако в синодике Ярослав назван отдельно. См.: ДРВ. Ч. 6. С. 449. О существовании большего числа потомков Ивана Всеволодовича, о чем мы знаем, может говорить и тот факт, что в трех поколениях местной династии упоминаются в родословных только по одному представителю.
- ⁴⁶ Даниил родился в конце 1261 г. См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 162.
- ⁴⁷ См.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2003. С. 70–72.
- ⁴⁸ См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 243.
- ⁴⁹ Бездетная после смерти сына Ивана, погибшего на Куликовом поле, вдова белозерская княгиня Федосья передала крупные владения племяннику Дмитрию Донскому и его жене, но он так и не назвал княгиню теткой (1389 г.). См.: ДДГ. С. 35. Отец Дмитрия, в свою очередь, не хотел в своей духовной называть Федосью сестрой (1358 г.). Там же. С. 16. Возможно, по причине того, что она была рождена во втором браке Калиты с Ульяной. А вот родных братьев отца московские князья не стесняются называть дядями, даже одиозного в их глазах галицко-звенигородского князя Юрия Дмитриевича. Там же. С. 110, 113, 169, 179.
- ⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. 24. С. 107.
- ⁵¹ Часть летописей (например, Воскресенская (см.: ПСРЛ. Т. 7. С. 201), Львовская (Там же. Т. 20, ч. 1. СПб., 1910. С. 178), Типографская (Там же. Т. 24. С. 116), Московский летописный свод конца XV века (Там же. Т. 25. С. 168) утверждают, что Ивана Ярославича убили в Орде. Новгородская Первая обоих изводов (Там же. Т. 3. С. 341), Софийская Первая летопись старшего извода (Там же. Т. 6, вып. 1. Стб. 401), Ермолинская (Там же. Т. 23. М., 2004. С. 102) Никоновская (Там же. Т. 10. С. 194) связывает его смерть с нашествием татар на Русь в 1327 г. Рогожский летописец (Там же. Т. 15, вып. 1. Стб. 44) и Тверская летопись (Там же. Т. 15. Стб. 416), отделив известие о смерти Ивана Ярославича от татарского нашествия, тем не менее, соединили его с «заступлением» Москвы от ордынцев. Симеоновская летопись под отдельным заголовком просто сообщает о его убийстве (Там же. Т. 18. С. 90). Поздняя и компилятивная Никоновская летопись отдельно также сообщает о гибели в том же году некоего князя Василия Рязанского («Того же лета во Орде убиень бысть князь Василей Рязанский повелениемъ царя Азбьяка»), не известного другим летописям (орфография упрощена) (Там же. Т. 10. С. 194). Историки скептически относятся к его упоминанию и дружно не включают Василия в генеалогические таблицы. Или это ошибка сводчика, повторившего известие о гибели в Орде Василия Константиновича в 1308 г. той же летописи («Того же лета убиень бысть во Орде князь Василей Константинович Рязанский») (Там же. Т. 10. С. 176), что кажется весьма вероятным, учитывая сходство обоих сообщений. Нельзя совсем исключить, что это уникальное известие об еще одном представителе местной династии, уже традиционно ставшем жертвой татар. Он мог быть сыном или братом Ивана Ярославича. Его существование, встречающееся еще в рязанских рукописях, близких Никоновской летописи, возможно, почерпнутое из местных синодиков, допускал А. Г. Кузьмин. См.: Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. С. 199.
- ⁵² См.: Baumgarten de N. Op. cit. P. 74–75.
- ⁵³ См.: АСЭИ. Т. 3. М., 1964. С. 341.
- ⁵⁴ См.: ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 243 ; Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 174–175.
- ⁵⁵ См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья. Т. 2. С. 580.
- ⁵⁶ См.: Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. С. 139.
- ⁵⁷ См.: Петров С. А. Рязанская земля во второй половине XIII – начале XV в : отношения с Ордой и Москвой : дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.02 «Отечественная история». Белгород, 2011. С. 16.
- ⁵⁸ См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51–52.
- ⁵⁹ См.: ДДГ. С. 29, 53, 84–85, 143.
- ⁶⁰ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 71.

Образец для цитирования:

Абуков С. Н. К вопросу о происхождении тетки Семена Гордого княгини Анны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-5-11.

Cite this article as:

Abukov S. N. On the Origin of Semyon the Proud's Aunt Princess Anne. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-5-11.

УДК 94(47).045+94(470.331)|1606–1610|

ТОРОПЕЦ И ЕГО ЖИТЕЛИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1606–1610)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории города Торопца в один из самых драматических периодов истории России начала XVII в. Особое внимание уделено судьбе жителей этого города. Многие служилые люди Торопца сначала присягнули «Тушинскому вору» Лжедмитрию II, а затем перешли на сторону Василия Шуйского и сражались против самозванца в отрядах воеводы М. В. Скопина-Шуйского. Служилые люди Торопца успешно отразили все попытки тушинского военачальника Александра Лисовского и велижского старосты Александра Гонсевского захватить город. На короткое время, присягнув московскому царю Владиславу, жители Торопца вскоре перешли на сторону освободительного движения против поляков.

Ключевые слова: П. Иродионов, А. Ф. Жировой-Засекин, А. Лисовский, Сигизмунд III, разрядные записи, Бельский летописец, воевода, четвертные приказы, кормленные и расходные книги.

Toropets and its Residents in the Early Years of the Time of Troubles (1606–1610)

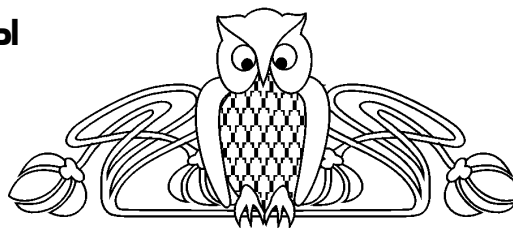
Ya. N. Rabinovich

The article deals with the unknown pages of the history of Toropets during one of the most dramatic periods of Russian history at the beginning of the XVII century. Particular attention is paid to the fate of the citizens. Many service men of Toropets first swore allegiance to the imposter of Tushino Lzhedmitry II, and then sided with Vasily Shuyskiy and fought against the imposter in the detachments of the voivode M. V. Skopin-Shuyskiy. Service men of Toropets successfully repelled all attempts to capture the city made by the Tushino commander Alexander Lisovskiy and the Velizh starosta Alexander Gonseskiy. For a short time having sworn allegiance to the Moscow tsar Vladislav, the residents of Toropets soon came down to the side of the liberation movement against the Poles.

Key words: P. Irodionov, A. F. Zhirovov-Zasekin, A. Lisovskiy, Sigizmund III, class records, Belsky chronicler, voivode, rules governing feudal tenants, feeding and expense books.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-12-21

О событиях, происходивших в Смутное время в древнем русском городе Торопце (ныне районный центр Тверской области), о воеводах и служилых людях этого города известно к настоящему времени очень мало. Хронология этих событий изучена явно недостаточно и остается тайной для многих исследователей, не говоря о местных «любителях старины». Краеведы имеют весьма смутное представление о том, какую роль сыграл город Торопец и его жители в Смутное время, каким нападениям подвергался этот город,

какую власть поддерживали его жители. Обычно вскользь упоминают, что жители присягнули на короткое время «Тушинскому вору», а потом отстали от самозванца, также приводят общие фразы о том, что город разоряли «поляки, литовцы, черкасы и русские воры», при этом редко указывают конкретные даты, когда происходили эти разорения.

Наиболее ценная информация о событиях в районе Торопца содержится в трудах П. Иродионова и И. Побойнина.

Священник Петр Иродионов в 1778 г. первый привел сведения об осаде Торопца неким польским военачальником в то время, когда царь Василий Шуйский уже свергнут с престола и пострижен, Москва захвачена поляками, а король Владислав избран русским царем. Автор не приводит точных дат, но называет этого польского военачальника «Гетман и канцлер Литовский Лев (Александр)». Маршрут этого польского отряда численностью в 12 тысяч воинов (цифра явно завышена. – Я. Р.), по словам автора, проходил от Нижнего Новгорода до Торопца. Далее говорится о подробностях этой осады Торопца, об отступлении «Гетмана» от Торопца к Великим Лукам и конечном его поражении под Опочкой, после чего он вернулся в Польшу едва лишь с сотней воинов. В этом летописном рассказе видны отголоски реальных событий мая – июня 1610 г., когда Торопец подвергся атакам тушинских воевод Лисовского и Просовецкого. П. Иродионов далее сообщает, что в 1617 г. Торопецкий уезд подвергся еще одному нападению запорожских казаков¹.

М. И. Семевский впервые привел большой отрывок из этого сказания об осаде Торопца поляками. По словам автора, Торопец «отстоял себя против Льва Сапегы, одного из храбрейших литовских витязей». Копию с подлинника данного сказания снял для М. И. Семевского священник И. Знаменский. Семевский отмечал, что роль божественных сил в отражении вражеского приступа сильно преувеличена: «Летописец под влиянием религиозного умиления, относя все к чудодейственному заступничеству Богородицы и Николая Чудотворца, слишком увлекся»².

Преподаватель географии и истории 2-го Московского кадетского корпуса Иван Иванович Побойнин, используя как опубликованные акты материалы, так и архивные документы, выделил

ряд интересных моментов, связанных с действиями Александра Гонсевского под Торопцом, а также с последующими нападениями поляков на город после избрания Михаила Романова. Он же дал подробную характеристику данного сказания и самого рукописного сборника XVIII в., в котором оно помещено, предположив, что речь идет о нападении А. Лисовского.

События Смуты в районе Торопца в сжатом виде были представлены в трудах В. Д. Щукина и А. Н. Вершинского³.

П. Лапченко, ссылаясь на труд И. Побойнина, обращает внимание только на один сюжет из истории Торопца, связанный с событиями 1609 г. Он отмечал, что в царствование Василия Шуйского Торопец «склонили к присяге» Лжедмитрию II: *«Уезд в то время был разграбляем и опустошаем то польскими, то литовскими людьми и русскими изменниками»*. Далее П. Лапченко пишет о разгроме русскими и шведами под командованием Чулкова и Горна 5 мая 1609 г. у деревни Каменка «шеститысячного польского войска», о бегстве «интервентов» к Торопцу и изгнании их 6 мая из города, после чего торопчане принесли присягу царю В. И. Шуйскому. Далее приводится информация, что в июле (год не указан) интервенты, которыми командовал Гонсевский, осадили Торопец, но взять город не смогли. Летом и осенью (год не указан) польские войска неоднократно совершали набеги на уезд. Гонсевскому помогали сторонники Лжедмитрия II, но торопчане разбили их. Судя по контексту (упоминанию сторонников Лжедмитрия II), все эти события, указанные в книге П. Лапченко, имели место в том же 1609 г.⁴

В. В. Косточкин, исследуя другие сюжеты (архитектурные памятники Торопца), вскользь упомянул, что *«в 1613 году Торопец выдержал осаду литовцев»*⁵. Автор не приводит никаких имен, но из многих источников известно, что речь идет о Торопецком осадном сидении, обороне Торопца воеводой В. И. Турениным в феврале – июле 1613 г. от польских отрядов Гонсевского.

Современный исследователь биографии А. Лисовского А. В. Зорин в своей монографии об этом «герое Смутного времени» (так указано в названии книги) подробно остановился на осаде Торопца в 1610 г. тушинскими военачальниками Лисовским и Просовецким. К сожалению, автор неправомерно объединил события 1610 и 1613 гг., считая, что в 1610 г. воеводой Торопца был князь В. И. Туренин, который позже уже при Михаиле Романове через три с половиной года после этих событий получил царскую награду именно за оборону Торопца от Лисовского⁶. В действительности В. И. Туренин был награжден в декабре 1613 г. за Торопецкое осадное сиденье, которое происходило в первой половине того же года, за оборону Торопца от польских войск Гонсевского, а во время осады города Лисовским в 1610 г. здесь были другие воеводы.

Исследователи часто приводят имена польских воевод (Лисовского, Гонсевского), чего нельзя сказать о русских военачальниках, воеводах города, тем более о простых защитниках Торопца.

В известном справочнике А. П. Барсукова первый воевода в Торопце в начале XVII в. указан только с 7 июня 1609 г. – это князь Федор Шаховской (без отчества). Здесь же записан помощник воеводы – Тимофей Тарбеев⁷.

Трудно сказать, кто из князей Шаховских, носящих имя Федор, был этим воеводой. В торопецкой верстальной десятне 114-го (1605/1606) – 115-го (1606/1607) гг., опубликованной А. В. Маловым, указан окладчик Федор Шаховской (без отчества), а также – Федор Данилович Шаховской, отец будущего воеводы Царево-Санчурска, Рыльска, Саратова и Томска Ивана Федоровича Большого Шаховского⁸.

Данные сведения о воеводе Торопца Федоре Шаховском приводятся А. П. Барсуковым по состоянию на начало июня 1609 г. Источником для А. П. Барсукова послужило письмо этих воевод Торопца (Шаховского и Тарбеева) смоленскому воеводе боярину М. Б. Шеину. В письме указывалось, что все жители Торопца в конце мая 1609 г. «отстали» от Лжедмитрия II и снова присягнули царю Василию Шуйскому. Подробное содержание данного письма вследствие особой важности информации воевода Смоленска М. Б. Шеин передал в своем донесении царю Василию Шуйскому от 7 июня. Вот почему у А. П. Барсукова указана дата 7 июня – дата первого упоминания этих начальных людей в Торопце⁹.

Причину такого поведения жителей Торопца в конце мая – начале июня 1609 г. следует искать в событиях, развернувшихся в Новгородской земле. В это время начинается поход из Новгорода к Москве князя М. В. Скопина-Шуйского, происходит освобождение Старой Руссы и последующий разгром тушинцев под Каменкой недалеко от Торопца. Данные события хорошо известны в литературе (достаточно привести труды Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова, а также шведского королевского историографа Юхана Видекинда). Автор этих строк в своей монографии о малых городах Новгородской земли также уделил внимание данным событиям¹⁰. Местные краеведы в последние годы даже проводят реконструкцию этого сражения под Каменкой.

После 1609 г. в списке Барсукова следует перерыв на пять лет, и лишь в 1614 г. снова упоминаются воеводы Торопца. События последнего года царствования Василия Шуйского, трагических лет междоусобия и первого года царствования Михаила Романова долгое время оставались белым пятном в истории Торопца.

Первый воевода нового правительства Михаила Романова в Торопце указан у Барсукова только в 1614 г. Это князь Алексей Юрьевич Сицкий¹¹, которого сменил в 1615 г. Андрей Васильевич Хилков¹².

В 1616 г. воеводой в Торопце был князь Михаил Петрович Борятинский, в 1617 г. – Василий Матвеевич Бутурлин, которого в самом начале 7126 г. (в сентябре 1617 г.) сменил Василий Васильевич Вольтинский. Этот же воевода В. В. Вольтинский оставался в Торопце весь следующий 1618 г. и первый мирный год после окончания Смуты (1619 г.). В справочнике А. П. Барсукова указаны все эти воеводы и приведены годы их воеводства¹³.

Попытаемся дополнить список воевод Барсукова за начальный период Смутного времени новыми именами, которые удалось обнаружить в источниках.

К сожалению, пока не найдены воеводы Торопца в начале XVII в., которые находились в этом городе в последние годы царствования Бориса Годунова и при Лжедмитрии I. В 1602–1603 гг. в Торопецком уезде происходило межевание русско-польской границы («развод рубежей с Литовской землей»). В Торопце межевыми судьями были назначены *«Меньшой Вольтинский да Данило Исленьев да дьяки Пешек Жуков да Нелюб Нальянов»*. В Бельском летописце отмечалось, что *«литовские люди, наруша мирное поставление, рубежей разводит не дали. А положили рубежи мимо договора своим произволом, зашедчи многие места московских городов»*. Далее говорится об ответных мерах правительства Бориса Годунова: *«Того же году поставлены были заставы в Бельском и Торопецком уездах от литовского рубежу»*¹⁴. Отметим, что ближайшим пограничным соседом Торопца был литовский город Велиж, старостой которого являлся печально известный многим русским людям Александр Корвин Гонсевский.

Первый известный воевода Торопца начального периода Смутного времени – князь Александр Федорович Жировой-Засекин (1606–1609). Сведения о его назначении в Торопец и пребывании в данном городе сохранились в разрядных записях, опубликованных С. А. Белокуровым, а также Боярском списке 1606/1607 г.

В 1605 г. при Лжедмитрии I князь Засекин еще находился в Москве, здесь он встречал царя Симеона Бекбулатовича. К тому времени он уже был окольничим¹⁵. В разрядной записи, следующей сразу же после событий мая 1606 г. (убийства Лжедмитрия I и избрании царем Василия Шуйского), указано, что «того ж году» послал царь Василий воевод по городам: «... в Торопец князь Олександра Жировой Засекин»¹⁶.

Фраза «того же году» говорит о том, что в Торопец Засекин был отправлен новым царем Василием Шуйским летом 1606 г. (еще до 1 сентября).

Автор статьи о Засекине в Русском биографическом словаре В. Корсакова пишет, что после встречи Лжедмитрием Симеона Бекбулатовича в 1605 г., *«в том же году князь Засекин был воеводой в Торопце»*. У автора-составителя Славянской энциклопедии В. В. Богуславского –

другая хронология событий, хотя мотив отправки в Торопец определен правильно: Он пишет, что весной 1607 г. (?), стремясь создать послушную Думу, царь Василий Шуйский удалил из Москвы многих лиц, выдвинувшихся при Лжедмитрии I. А. Ф. Жировой-Засекин был отправлен воеводой в Торопец¹⁷. При этом не дается объяснения, почему царю Василию понадобилось ждать почти год, чтобы создать «послушную» ему боярскую думу и с этой целью отправить политических противников в отдаленные от Москвы города. Логичнее предположить, что эти назначения воевод начались сразу же после избрания Василия Шуйского царем, т. е. уже в начале июня 1606 г., а не весной следующего года.

В Боярском списке 7115 (1606/1607) г. говорится, что князь Засекин уже находился в Торопце в это время: *«Окольничие: ...князь Олександр Федорович Жирового-Засекин. В Торопце»*. Следовательно, он был назначен в этот город задолго до весны 1607 г.¹⁸ В это время многие торопецкие помещики сражались на стороне Василия Шуйского против Ивана Болотникова и «царевича Петра» на Пчельне, под Калугой и Тулой.

Находящийся в оппозиции Василию Шуйскому воевода Торопца Засекин как сторонник Лжедмитрия I при первой возможности перешел на сторону второго самозванца. Это произошло летом 1608 г. и связано с действиями Федора Михайловича Плещеева, наместника Великих Лук. Известно письмо Ф. М. Плещеева от 15 июля 1608 г. Усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, в котором он пишет, что 12 июля *«били челом Великому государю Царю и Великому Князю Дмитрею Ивановичю, всеа Руси Самодержцу, три городы, Луки Великие, Невль, Заволочье»*¹⁹. В это время Торопец, так же как и соседние Великие Луки, присягнул «Тушинскому вору». С известием об этом воевода Торопца князь Засекин в середине июля 1608 г. отправил в Тушино гонца Петра Путятину.

Лжедмитрий II в конце июля 1608 г. отправлял грамоты в присягнувшие ему города (указаны Торопец, Луки, Невель и Заволочье). В то время в Тушино в стан самозванца уже прибыли гонцы из Лук и Торопца от воевод Плещеева и Засекина. Этих гонцов посадского лучанина Казаринко Максимова и торопчанина Петрушку Путятину при возвращении из Тушино домой перехватили «с воровскими грамотами» люди Василия Шуйского недалеко от Погорелого Городища. Эти грамоты были доставлены в крепость Белая и переданы воеводе этой крепости Борису (Богдану) Собакину²⁰. В то время Белая еще признавала власть Василия Шуйского, хотя вскоре бельские служилые люди присягнули Лжедмитрию II.

Современный исследователь И. О. Тюменцев пишет, что Торопец присягнул самозванцу в первых числах августа 1608 г.²¹, однако в действительности это произошло месяцем раньше, ведь уже в конце июля торопчанин Петрушка Путятин

прибыл в Тушино из Торопца с изъявлением покорности жителей. Следует учесть еще неделю на дорогу ему из Торопца до Тушино.

В грамотах, отправленных Лжедмитрием II в присягнувшие ему города в конце июля 1608 г., самозванец приказывал своим людям в Торопце, Луках, Невеле и Заволочье перехватить литовских послов и не пропустить их в Литву. Среди этих «послов и панов» были Александр Гонсевский и Николай Олесницкий, а также Марина Мнишек со своими родственниками и слугами, отпущенные Василием Шуйским в июле 1608 г. после заключения договора с королем Сигизмундом. В итоге, Марину Мнишек тушинцы перехватили и привезли в Тушино к самозванцу, а послы Гонсевский и Олесницкий сумели кружным путем 30 августа добраться до Велижа. Маршрут польских послов проходил недалеко от присягнувшего тушинцам Торопца. *«Гасевскому и Домаровскому мимо Торопца по за Двине реке»*, – так указывает этот маршрут хорошо осведомленный автор Бельского летописца²².

После возвращения домой велижский староста Александр Гонсевский начинает свои походы к соседнему Торопцу, стремясь расширить свои владения. Эти походы сопровождалась разорением окрестностей города и уезда. Первое нападение на одно селение, находящееся недалеко от Торопецкой крепости, было предпринято Гонсевским в августе 1608 г. по пути из Москвы в Велиж. Об этом подробно сообщает сопровождавший Гонсевского ксендз Ян Велевицкий. Гонсевский узнал, что *«воевода Торопецкий оставил Шуйского и перешел на сторону Лжедмитрия»*. Посланец Гонсевского, отправленный им из Москвы со многими тайными грамотами (возможно, с дневниками и другими секретными документами, которые нельзя было ему везти с собой), был перехвачен местными сторонниками самозванца, которые сообщили об этом воеводе Торопца (мы знаем, что этим воеводой был князь Засекин). Сопровождавшие этого гонца люди разбежались и сумели сообщить Гонсевскому об этом. Понимая, какая опасность может угрожать ему и другим людям в случае, если эти тайные грамоты попадут в чужие руки, Гонсевский после совещания с сопровождавшими его людьми Шуйского принимает решение о нападении на это село. Для операции был выделен отряд из 20 польских всадников и 60 русских людей, которые в тот же день напали на село, а на следующий день сюда прибыл сам Гонсевский со своей охраной из русских и польских людей²³. Напомним, что эти события происходили в окрестностях Торопца в августе 1608 г., когда между царем Василием Шуйским и польским королем Сигизмундом III еще существовали мирные отношения. Сражаясь с врагами Шуйского в Торопецком уезде, присягнувшем самозванцу, Гонсевский преследует при этом свои собственные интересы.

Незадолго до перехода Торопца на сторону Шуйского (май 1609 г.) воевода Засекин уехал в

Псков, который продолжал поддерживать Лжедмитрия II. Самозванец своим указом назначил Засекина псковским наместником. В мае – июне 1609 г. мы видим его в Пскове, откуда он в качестве псковского наместника посылает грамоту в Юрьев (Дерпт) местному польскому воеводе *«Юрьевскому державцу пану Бормовскому»*. В Псковской первой летописи также отмечено, что во время похода новгородцев к Пскову в мае 1609 г., когда город едва не был захвачен сторонниками Василия Шуйского, при расследовании этих событий *«у пыток стояли воевода Александра Жировой Засекин, да Иван Луговской и старосты псковские»*²⁴.

Воеводами Торопца, сменившими Засекина, были сторонники Василия Шуйского, упомянутые Барсуковым, Ф. Шаховской и Т. Тарбеев.

Обстоятельства присяги Торопца Василию Шуйскому подробно осветил Юхан Видекинд. В Бельском летописце говорится только о разгроме тушинского полковника Кернозицкого в Холмском уезде на Каменке и о бегстве его в Ржев. Видекинд пишет, что первый успех шведского оружия (победа Эверта Горна под Каменкой) подействовал на местных жителей. Первым присягнул Шуйскому *«хорошо укрепленный небольшой замок»* Торопец, *«куда стеклось очень много бояр из соседних мест»* (имеются в виду городские дети боярские, местные помещики). 25 избранных торопчан *«первыми направились навстречу Горну, выразили в многословных речах покорность Шуйскому и усердно просили, чтобы заняв замок, он защитил их и поддержал»*. Эти торопецкие помещики сообщили, что недавно Кернозицкий с небольшим отрядом в 300 воинов *«в большинстве оборванцами самого плачевного вида»* *«промчался в бегстве через их город, как вестник собственного поражения»*. Из Торопца были направлены в погоню конные воины, чтобы разбить его. От кого же просили у Горна защиты и поддержки торопчане? По-видимому, не только от тушинцев, но и от Гонсевского, нападения которого на Торопецкий уезд участились после его возвращения в Велиж.

И. И. Побойнин отмечал, что *«на следующий день после бегства Кернозицкого Горн и Чулков заняли Торопец. Торопецкие дворяне, дети боярские и посадские всякие люди в соборном храме, перед Корсунской иконой Богородицы, дали обещание служить и прямить В. И. Шуйскому и стояти за истинную христьянскую веру.... Для удержания в повиновении вновь покорившихся городов Чулков с небольшим отрядом остался в Торопце»*²⁵.

Князь М. В. Скопин-Шуйский писал о начале своего похода вологжанам, а те, в свою очередь, передавали эти новости в соседние города: *«А города, господа, Торжок, Старица, Осташково, да дворяне и дети боярские Ржевичи, и Зубчани, и Тверичи, Кшняне, да после того города ж Холм, Торопец, Ржева Пустая, Невль, Луки Великие, посады и дворяне и дети боярские, Государю до»*

били челом». Насчет Великих Лук и Невеля, как и Заволочья, Скопин-Шуйский выдавал желаемое за действительное. Часть посадских людей и некоторые служилые люди из этих городов бежали на территорию, контролируемую правительственными войсками, хотя сами эти города оставались верны самозванцу²⁶.

Комментатор труда Видекинда А. Л. Хорошкевич пишет, что уже «18 мая Горн сообщил о переходе Торопца в руки Деллагарди». 23 мая в лагерь Деллагарди прибыл сам Горн с торопецкими представителями, во главе с сыном торопецкого воеводы (имя не называется), «вместе с тремя боярами, одним стрелецким головой (ротмистром) и одним из горожан». Они просили «о прощении их заблуждений и о помощи находящемуся в трудном положении замку». Далее Видекинд приводит интересные сведения о важном стратегическом значении Торопца: «Якоб (Деллагарди. – Я. Р.) ... видя, что город этот представляет собой как бы ключ, чтобы запереть или открыть доставку провианта окружающим местностям, решил послать туда Христиерна Сомме с несколькими сотнями». Однако бывшие при шведском войске представители Скопина-Шуйского отговорили шведов, ссылаясь на то, что дороги между войском и замком (Торопцом) «размыты большим наводнением» и не следует дробить силы накануне похода на Москву²⁷.

Представителем торопчан в лагере шведов мог быть сын нового воеводы князя Федора Шаховского, если понимать слова Видекинда буквально. Не исключено, что автор мог иметь в виду помощника воеводы (второго воеводу Торопца).

Бельский летописец сообщает, что после победы воевод Корнилы Чоглокова и шведов Эверта Горна под Торжком и прибытия в этот город главных сил союзного войска во главе с самим Скопиным-Шуйским и Я. Деллагарди в Торжок прибыли также «на помощь торопчане дворяне и дети боярские». Таким образом, торопецкие служилые люди участвовали в дальнейшем походе Скопина Шуйского к Москве. Далее в Бельском летописце говорится, что «того же лета пришел под Белую из Торопецкого уезду из Вережени пан Александр Гасевской со многими с польскими и с литовскими людьми и с рускими с воры, с казаки»²⁸.

Фраза «того же лета» говорит о том, что данные события имели место еще в 117 (1608/1609) г., т. е. до 1 сентября 1609 г.

Разберем действия Гонсевского под Торопцом накануне его похода к Белой. О походе Гонсевского к Торопцу в июне – июле 1609 г. мы узнаем из донесения заставщика Ивана Жидовинова воеводе Смоленска Михаилу Шеину. Разведчики доложили Жидовинову, что «пан де Олександра Гасевской, с Витепскими и Суржскими людьми и с прибыльными, что пришли к нему на помощь, пошел под Торопец, а людей с ним всяких пошло человек с тысячу; а с Лук по Олександра

воровские люди приезжали и поднесли его под Торопец, а воровские люди пошли с ним же, и наряд с Велижи Олександром поимал с собою». Из данного донесения следует, что вместе с Гонсевским в этом походе участвовали также сторонники Лжедмитрия из Великих Лук. Кроме того, наличие артиллерии в войске свидетельствует, что это был не рядовой набег, а поход с целью осады и взятия штурмом крепости Торопец²⁹. Подробностей этой осады нет. В источниках говорится о больших жертвах, о сожжении церквей и дворов, находящихся вне посадских стен. В частности, были побиты ямские охотники «от литовских людей во 117 году, как приходил под Торопец пан Войтех Гонсевский»³⁰.

Вскоре король Сигизмунд приказал Гонсевскому вернуться из этого торопецкого похода и заняться осадой крепости Белой. В донесениях разведчиков боярину Шеину часто упоминается брат Гонсевского Шиман (Симон), которого велижский староста оставил вместо себя в Торопецком уезде. После неудачной попытки захвата Торопца отряд Гонсевского расположился между Торопцом и Велижем и все лето 1609 г. разорял Торопецкий уезд.

Основную ударную силу этого отряда составлял полк донских казаков, «служивший целое лето под начальством г. Гонсевского». Один из донских казаков в начале осени 1609 г. бежал от Гонсевского в Тушино. Там он получил от самозванца грамоту с указанием начать новый поход к Торопцу, при этом все должны были подчиняться этому казаку, представителю самозванца, в предстоящем походе. 8 ноября 1609 г. король под Смоленском получил донесение от Гонсевского, осаждавшего Белую, в котором говорилось о подробностях этой новой осады Торопца. В этом отряде находилось несколько сотен донских казаков. Их «передели» (имеется в виду снабжение оружием, припасами, продовольствием, одеждой для длительного зимнего похода) и направили к Торопцу. Однако данный поход закончился полным провалом для его участников. Гонсевский сообщает, что «торопчане ударили на них, разбили, рассеяли, и того казака посадили на кол»³¹. Данные события имели место в октябре 1609 г.

Отряд А. Гонсевского, получив подкрепления («полковники пан Хвастовец с товарищи»), перебазировался из Торопецкого уезда в район крепости Белой, которую захватил после длительной осады. Капитуляция Белой произошла 13 апреля 1610 г., о чем уже 16 апреля стало известно королю под Смоленском³².

Мы видим, что осенью 1609 г. А. Гонсевский ведет открытую борьбу против Василия Шуйского. Ранее он тайно поддерживал сторонников самозванца, отправлял своего брата Симона вместе с тушинцами, которых возглавляли сыновья Кирилла Хрипунова, в Шучейскую и Порецкую волости Смоленского уезда войною, «и землю Шучейские и Порецкие волости к Литовскому

рубезу отводили»³³. Теперь начинается открытая польская интервенция, польский король начал свой поход к Смоленску. Гонсевский, базируясь в районе Белой, действует в соответствии с планами польского короля, обеспечивая безопасность польской армии с севера и препятствуя прибытию подкреплений к Шеину, прикрывая левый фланг польской армии. Гонсевский захватывает крепость Белую в апреле 1610 г., сумев отбиться в начале июня 1610 г. от русско-шведских войск Эверта Горна и князя Борятинского (о новом походе в Россию Э. Горна будет сказано далее)³⁴.

Говоря о Торопце в это время, следует указать, что теперь начинаются боевые действия между сторонниками Лжедмитрия II и польским королем. Если поляки-тушинцы и поляки короля Сигизмунда могли договориться друг с другом (хотя и здесь наблюдались кровавые стычки), то русские тушинцы открыто воюют с поляками Сигизмунда. При этом обе стороны также сражаются против сторонников Василия Шуйского.

Однако в это же время наблюдается и другой процесс. Некоторые русские тушинцы становятся сторонниками избрания на московский престол польского королевича Владислава и присягают королю Сигизмунду. Среди них князья Шаховские, чьи поместья находились в Торопецком уезде. Они приехали к королю под Смоленск 18 февраля 1610 г. Уже через две недели, 2 марта 1610 г., князь Леон Шаховской получил от короля Сигизмунда поместья в Торопецком уезде, принадлежавшие ранее Смирному Болотникову, Михаилу Алексею, Афанасию и Максиму Окладьевым. В тот же день князь Семен Шаховской (в будущем знаменитый писатель) получил от короля пожалование в Торопецком уезде – поместье Ивана Киреева, а князь Микита Шаховской – поместья Петра и Матрены Козловых.

30 марта 1610 г. были пожалованы от короля земли в Торопецком уезде кравчому Льву Афанасьевичу Плещееву (эти поместья принадлежали ранее Вериге и Захару Зеленым). Тогда же получили поместья в соседних Бельском и Холмском уездах князь Иван большой Леонтьевич Шаховской и Дементий Шаховской³⁵.

Другие русские тушинцы в это время по-прежнему остаются верными Лжедмитрию II. Тушинский воевода Великих Лук Федор Плещеев зимой 1609/1610 г. начинает новое наступление, и в итоге тушинцы снова захватывают Старую Руссу. Трудно сказать, какой «политической ориентации» придерживались в это время жители Торопца, когда соседние города на севере (Старая Руса), на западе (Великие Луки) и на востоке (Осташков и Ржев) оказались под контролем тушинцев, а на юге Белая осаждена поляками Гонсевского.

Все изменилось в начале апреля 1610 г., когда в Новгород на помощь Василию Шуйскому прибыл второй вспомогательный корпус наемников во главе с Эвертом Горном и Пьером Делавилем. Англичанин Генри Бреретон, француз Пьер Дела-

виль, а также сам Эверт Горн в донесениях Якобу Делгарди сообщают подробности этого похода. Ценная информация о вторичном освобождении Старой Руссы от тушинцев и дальнейших боях под Селижаровом (село в верховьях Волги), Осташковом, Ржевом, Зубцовом и др. содержится в сочинении Юхана Видекинда. 24 апреля 1610 г. Горн находился уже в Зубцове, потом его отряды в мае сражаются под Иосифово-Волоколамским монастырем, а далее он безуспешно пытается в начале июня 1610 г. освободить Белую от Гонсевского, где терпит серьезную неудачу. Можно считать, что весной 1610 г. Торопец находился под контролем сторонников Василия Шуйского.

Воеводы Великих Лук, которые продолжали поддерживать самозванца, 7 мая 1610 г. писали в Усвят тушинскому гетману Яну Сапеге, что 4 и 6 мая 1610 г. вышли «на государево цареву и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Руси имя многие выходцы из Торопца»³⁶. Эти беглецы якобы передавали, что в случае похода Сапеге к Торопцу многие жители этого города присягнут самозванцу. В действительности оставшихся в Торопце сторонников Лжедмитрия II было немного. Это показали дальнейшие события, связанные с обороной города от тушинского военачальника Александра Лисовского. Бегство некоторых торопчан в Великие Луки связано с новым походом Эверта Горна весной 1610 г.

Первые победы шведов над тушинцами весной 1610 г. подняли дух защитников Торопца. Участились нападения торопчан на соседний Луцкий уезд. В июле 1610 г. воеводы Великих Лук писали, что Луцкий уезд, поддерживающий самозванца, сильно разорен, все станы и волости этого уезда пусты «от Новгородских и Торопецких людей, вывоеваны и высечены»³⁷. Видим, что торопчане сражаются против тушинцев в союзе с новгородцами.

27 мая 1610 г. в стан короля под Смоленском пришло донесение из Белой от А. Гонсевского о том, что он отправил несколько сотен запорожских казаков к Торопцу, «дабы добыть языка» и выяснить обстановку в этом городе³⁸. По-видимому, Гонсевскому стало известно о движении войска шведов Эверта Горна, а также о походе атамана Лисовского к Торопцу.

В мае – июне 1610 г. над Торопцом нависла новая угроза со стороны тушинских военачальников А. Лисовского и А. Просовецкого. 2 (12) мая Лисовский разгромил Калязин монастырь. Затем его маршрут проходил через Кашин и Тверь к Торопцу. В конце мая 1610 г. Лисовский осадил Торопец. Бельский летописец вслед за описанием разорения Калязина Лисовским и Просовецким сообщает подробности этой осады Торопца, которая происходила в конце мая – июне 1610 г.

Глава в Бельском летописце называется «О торопецком приступе». Приведем текст полностью: «То же весны ис Калязина монастыря пришедши под Торопец и к Торопцу приступали

и божиею милостию и заступлением пречистые богородицы Корсунские под Торопцом приступу польских и литовских людей и черкас, русских воров и изменников, казаков побили и языки у них на выласке поимали, и от острогу их от приступу отбили. И испод Торопца скоро оне отошли на Луки Великие»³⁹. Именно эти события отражены в сказании, отрывок которого привели П. Иродионов, М. И. Семевский, В. Д. Щукин и И. Побойнин.

В это же время (июнь 1610 г.) проходили бои наемников Эверта Горна с Гонсевским под Белой, а также состоялся разгром русско-шведского войска Дмитрия Шуйского и Делгарди при Клушино.

Трудно сказать, кто командовал гарнизоном Торопца во время обороны города от Лисовского. Известно, что воевод Ф. Шаховского и Т. Тарбеева сменили в Торопце летом 1610 г. Александр Игнатьевич Чоглоков и Иван Федорович Кафтырев. Эти воеводы, по-видимому, были назначены Семибоярщиной в июле – августе 1610 г. после свержения Василия Шуйского. В так называемой «Росписи по городам бояр и воевод и приказных людей», составленной дьяками Семибоярщины, записано: «В Торопце воевода Александр Игнатьев сын Чоглоков да Иван Федоров сын Кафтырев»⁴⁰.

Некоторые источники позволяют утверждать, что прежний воевода Торопца бельский помещик Тимофей Петрович Тарбеев все время продолжал оставаться в городе «в воеводах» (скорее всего помощником воеводы). Сохранилась его челобитная о пожаловании, написанная в конце 1613 г., накануне его отправки к новому месту службы воеводой в Волок. Т. П. Тарбеев писал: «*Был он на государеве службе в Торопце 4 годы в осаде от литовских и от немецких людей и голов, и всякую осадную нужду терпел, а поместья в то время за ним не было ни одной четверти, владели литовские люди, а денежно жалованья не имывал 7 лет с болховского походу, а беляном дворяном и детем боярским всем государеву жалованье дано в Ярославле при боярех... а давал боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской да Кузьма Минин, а ему было в Ярославль ехать к жалованью не мочно, потому что был в Торопце в воеводах, и литовские и немецкие люди и русские вору прихаживали под город и к острогу безпрестани; и государь б его пожаловал, велел бы ему дати свое государеву жалованье*». 9 января 1614 г. по данной челобитной было принято положительное решение⁴¹.

Другие источники подтверждают факт пребывания в Торопце также воеводы Александра Чоглокова. Про воеводу Торопца Александра Чоглокова упоминает в своей челобитной, написанной через много лет, один из местных служилых людей, торопчанин Константин Семенович Мормылов. Он писал в челобитной, что сражался при царе Василии под Тулой и Калугой (это подтверждает версию, что торопецкие помещики участвовали в борьбе против Болотникова), а также

сражался против Тушинского вора с боярином М. В. Скопиным-Шуйским. Далее он указывал, что в 118 г. (т. е. в период с сентября 1609 г. по август 1610 г.) «твой (?) государев воевода Александр Чоглоков» отправил К. С. Мормылова из Торопца «в подъезд», где он попал в плен к литовским людям, после чего находился в плену свыше 10 лет⁴².

В данной небольшой статье почти полностью отсутствуют имена служилых людей, которые отличились в это время, обороняя Торопец от сторонников самозванца и польских воевод. Это могли быть как торопецкие помещики, так и служилые люди из других уездов (холмичи, беляне, лучане, новгородцы разных пятин и др.). Помочь в выяснении имен этих людей могут некоторые фразы в документах того или более позднего времени о пожалованиях (о придачах к земельным и денежным окладам, о том, что данное лицо пущено в четверть, т. е. стало получать жалование в одной из московских четвертей и др.). Приведем в качестве примера сведения о пожаловании торопецкого помещика Петра Ивановича Чихачева:

«Торопецкой помещик Петр Иванов сын Чихачев.

122 году апреля в 12 день, по памяти за приписью дьяка Марка Поздеева написано: в Торопецком списку, каков прислан из Торопца, оклад ему написан 7 рублев; да ему ж придано за службу, за Торопецкое осадное сиденье, 4 рубля;

да 123 году апреля в 25 день, по памяти за Марковою ж приписью написано: придачи за Литовскую, за Велижскую 122 году, да за Торопецкую службу 123 году к старому его окладу и к придаче – 2 рубли;

да июня в 15 день, по памяти за Марковою ж приписью, придано ему за службу 117 году 2 рубли ж;

да 124 году февраля в 14 день, по памяти за приписью дьяка Михайла Данилова, придано за Торопецкую службу 121 да 123 году к 15 рублем 2 рубли;

да 126 году июля ж в 20 день по памяти за Михайловою ж приписью придано за Торопецкую ж службу 126 году рубль»⁴³.

В данном отрывке приведена ценная информация о малоизвестных (или абсолютно неизвестных) событиях под Торопцом уже после избрания Михаила Романова. К примеру, фраза «Литовская Велижская служба» свидетельствует о том, что служилые люди из Торопца предпринимали осенью 1613 г. ответные походы к Велижу против Гонсевского.

Касаюсь изучаемого периода, нас будет интересовать фраза о том, что П. И. Чихачев получил придачу к окладу в размере 2 рубля за некую «службу 117 году», т. е. происходившую в период с сентября 1608 по август 1609 г.

Кроме фразы о наградах «за торопецкую службу 117 или 118 году» (а 118 г. кончается 30 августа 1610 г.), исследователя должна при-

вlech в документах фраза о том, что награждение было совершено в 118 г., следовательно, в период царствования Василия Шуйского. Иногда в документах уточняется, что этот человек был награжден «за торопецкую службу, что он служил при царе Василье».

В боях за освобождение Торопца от тушинцев, за оборону крепости от Гонсевского, Лисовского и других врагов отличились некоторые новгородские помещики Шелонской пятины. Среди них «Иван Микифоров сын Косицкий», которому было придано «во 118-м году за торопецкую службу 50 чети, денег из чети 8 рублей». Еще три помещика Шелонской пятины весной 1609 г. участвовали в обороне Порхова от тушинцев, в первом походе новгородцев против мятежного Пскова и в дальнейших событиях под Торопцом. Это Гаврила и Иван Назарьевы Шаблыкины и Микита Федоров сын Щелепин. Все они получили одинаковую придачу к поместному и денежному окладу именно «во 118 году за порховское осадное сиденье и за псковскую посылку и за торопецкую службу 50 чети, денег из Чети 4 рубли»⁴⁴.

При Василии Шуйском существовала Кормленая книга Галицкой четверти 118 (1609/1610) г. Еще в первые годы царствования Михаила Романова дьяки пользовались этой книгой, за исключением последних страниц, которые пропали. На этих страницах были указаны четвертчики с самыми минимальными окладами (5, 6, 7 рублей). Дьяки пишут: «а в книге 118-го году те статьи по 6 рублей в разоренье пропали». Один из таких торопецких служилых людей, который отличился при обороне Торопца именно во времена царствования Василия Шуйского, был Аггей Семенов сын Воропаев (Воропанов, Ворыпаев). Через несколько лет он напомнил о своей прежней службе, и дьяки приняли решение вновь включить его в список четвертчиков. 28 февраля 1615 г. «по памяти за приписью думново диака Сыдавного Васильева за торопецкую службу, что он служил при царе Василье велено ему давати из чети вновь по 5 рублей». Его родственник (брат?) Ефим Семенов сын Воропанов в тот же день 28 февраля 1615 г. также был снова включен в список четвертчиков с аналогичным окладом. Формулировка при этом была схожей, за исключением того, что торопецкая служба указана во множественном числе: «...за торопецкие службы, что он служил при царе Василье»⁴⁵.

Осенью 1610 г. начинается новая страница в истории Торопца, жители которого вслед за Москвой сначала присягнули польскому королевичу Владиславу, а затем перешли на сторону освободительного движения против польских интервентов.

Подводя итог данному небольшому очерку, несмотря на ограниченное количество источников, можно сделать вывод, что Торопец, в отличие от соседних Великих Лук, больше тяготел к Новгороду (Великие Луки – к Пскову, который постоянно поддерживал самозванца). Присяга

жителей Торопца Лжедмитрию II в 1608 г. связана с силовым давлением со стороны великолуцкого наместника Федора Плещеева, а также с присутствием в городе воеводы А. Ф. Жирового-Засекина, сторонника самозванца. События в Новгороде, который был основной опорой Василия Шуйского (за исключением кратковременной смуты осенью 1608 г.), а также присутствие в Торопце новгородских служилых людей привели к тому, что Торопец стал поддерживать царя Василия. Влияние Новгорода оказалось сильнее, чем соседних Великих Лук. К тому же следует учесть неурегулированность спорных пограничных вопросов в районе Торопца и соседнего литовского Велижа. Тушинцы в глазах жителей Торопца ассоциировались с врагами-поляками. Торопецкие служилые люди выступили против тушинских воевод Лисовского и Просовецкого, которые потом нашли приют летом 1610 г. в соседних Великих Луках и Пскове. Летом 1610 г. большая часть жителей Торопца продолжала поддерживать Василия Шуйского вплоть до его свержения. В дальнейшем в Торопец будут бежать противники польского королевича Владислава и сторонники освободительного движения, которые в межгосударственное время (1610–1612) будут воевать с Великими Луками и Невелем – оплотом польского владычества на северо-западе. После избрания Михаила Романова Торопец станет верной опорой новому царю, и жители города будут мужественно сражаться против поляков.

Примечания

- 1 См : *Иродионов П.* Историческая, географическая и политическая известия до города Торопца и его округа касающиеся. СПб., 1778. С. 19–20.
- 2 *Семевский М. И.* Торопец уездный город Псковской губернии. 1016–1864 гг. СПб., 1864 (переиздание: Тверь, 1999. С. 15).
- 3 См : *Побойнин И.* Торопецкая старина. Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века. М., 1902 ; *Щукин В. Д.* Историко-статистический очерк города Торопца Псковской губернии священника В. Щукина. Псков, 1888 ; *Он же.* Корсунско-Богородицкий собор в городе Торопце Псковской епархии. Тверь, 2006 (1-е изд. СПб., 1894) ; *Вершинский А. Н.* Города Калининской области : исторические очерки. Калинин, 1939.
- 4 См : Торопец / сост. Б. Лапченко. М., 1974.
- 5 См : *Косточкин В. В.* Архитектурные памятники Торопца // Памятники культуры. Исследования и реставрация. М., 1959. Вып. 1.
- 6 См : *Зорин А. В.* Александр Юзеф Лисовский : герой Смутного времени [Электронный ресурс] // История военного дела : исследования и источники. 2012. Т. III. С. 1–203 (особенно с. 82). URL: <http://www.milhist.info/2012/10/26/zorin> (дата обращения: 12.06.2016).
- 7 См : *Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства

- XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 246.
- ⁸ См.: Малов А. В. Торопецкая верстальная десятина 114-го (1605/1606 – 115-го (1606/1607) гг. // Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. С. 7–75 (особенно с. 15).
- ⁹ См.: Отписка в Новгородский Разряд Смоленских воевод Шеина и князя Горчакова, о покорности Государю Торопчан... 1609, июня 7 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ): в 5 т. СПб., 1841. Т. 2 (1598–1613), № 232. С. 273–274.
- ¹⁰ См.: Рабинович Я. Н. Малые города Новгородской земли в Смутное время / под ред. Г. М. Коваленко. Вел. Новгород, 2013. С. 73–77.
- ¹¹ См.: Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР): в 4 т. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 151.
- ¹² См.: Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР): в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 76; ДР. Т. 1. Стб. 190.
- ¹³ См.: Барсуков А. П. Указ. соч. С. 246.
- ¹⁴ Бельский летописец // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ): в 43 т. М., 1978. Т. 34. С. 240–241.
- ¹⁵ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете (далее – ЧОИДР. 1907. Кн. 2 (221). С. 40; Кн. 3 (222). С. 178, 183, 205, 218 (цитата – С. 205).
- ¹⁶ Белокуров С. А. Указ. соч. Кн. 2 (221). С. 41.
- ¹⁷ См.: Корсакова В. Засекин (Жировой-Шастунов), кн. Александр Федорович // Русский биографический словарь. Жабокритский–Зяловский. Пг., 1916. С. 261; Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т. 1 А–М / авт. сост. В. В. Богуславский. М., 2004. С. 450.
- ¹⁸ Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608): сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003 (далее – Народное движение...). № 39. С. 132.
- ¹⁹ Лист Великолуцкого наместника и воеводы Федора Плещеева Усвятскому подстаросте Юрию Каховскому, о запрещении порубежным жителям производить грабежи в Великолуцком, Невельском и Заволочцком уездах. 1608, июля 15 // АИ. Т. 2, № 88. С. 120.
- ²⁰ Отписка Бельского воеводы Богдана Собакина о поимке на Погорелом Городище мужиков с грамотами от Самозванца о задержании на дороге литовских послов. 1608, августа 3 // АИ. Т. 2, № 90. С. 121. В тексте грамоты воевода Белой назван Борис Собакин.
- ²¹ См.: Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. М., 2008. С. 245.
- ²² ПСРЛ. Т. 34. С. 248.
- ²³ Отрывки из рукописи ксендза Яна Велевицкого, касающиеся самозванцев и вообще сношений России с Польшей между 1603 и 1635 г. // Жолкевский С. Записки гетмана Жолкевского о московской войне / изд. П. А. Муханова. СПб., 1871. Прил. № 44. Стб. 205–206.
- ²⁴ Лист Псковского наместника князя Засекина и псковичей Дерптскому державцу Бормовскому, о присылке вспомогательного войска, по найму, для нападения на Новгородцев, отложившихся от Самозванца. 1609, июнь // АИ. Т. 2, № 238. С. 279; Новгородские и Псковские летописи: Псковская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 326.
- ²⁵ Побойнин И. И. Указ. соч. С. 148.
- ²⁶ Отписка Вологжан к Вычегодцам о немедленной присылке ратных людей и военных снарядов ждя освобождения Ярославля от Литовцев и мятежников. 1609, в мае // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ): в 3 т. СПб., 1836. Т. 2, № 121. С. 225.
- ²⁷ См.: Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 61–63, 574.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 251.
- ²⁹ Отписка заставщика Жидовинова Смоленским воеводам о Литовских вестях. 1609, в июле // АИ. Т. 2, № 246. С. 292–293.
- ³⁰ Цит. по: Побойнин И. И. Указ. соч. С. 148.
- ³¹ Поход его королевского величества в Москву 1609 года // Русская историческая библиотека (далее – РИБ): в 39 т. Т. 1 (Памятники, относящиеся к Смутному времени). СПб., 1872. Стб. 476.
- ³² См.: РИБ. Т. 1. Стб. 569.
- ³³ Отписка царю смоленских воевод Шеина и князя Горчакова о набегах Госевского и Хрипуновых в Смоленский уезд и отторжении ими Порецкой и Щучейской волостей к границе Литовской. 1609, июня 7 // АИ. Т. 2, № 231. С. 273.
- ³⁴ О неудачной попытке Э. Горна захватить Белую см.: Видекинд Ю. Указ. соч. С. 116–119.
- ³⁵ См.: Жалованные и другие грамоты польского короля Сигизмунда московским сановникам, дворянам, детям боярским и другим лицам на отчины и поместья, чины, денежные и хлебные оклады, дворы и пр., по случаю избрания сына его, королевича Владислава на Московский Царский престол. 1610–1612 // Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР): в 5 т. СПб., 1851. Т. 4, № 183–IX–XIII, XVII, XXI. С. 321–322, 325; РИБ. Т. 1. С. 540, 542.
- ³⁶ Письма разных лиц к гетману Яну Сапеге: боярина и воеводы Федора Плещеева и наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова... о намерении Торопчан принести повинную Лжедмитрию. 1610, мая 7 // Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 12–LXXII. С. 81.
- ³⁷ Отписки великолоуцких самозванцевых наместников и воевод князя Василия Шаховского и Петра Горяинова усвятскому подстаросте Юрию Каховскому о невозможности выдать гетману Сапеге требуемые им деньги. 1610 год, 7 и 15 июля // АИ. Т. 2, № 285. С. 344, 346.
- ³⁸ См.: РИБ. Т. 1. Стб. 591; Побойнин И. И. Указ. соч. С. 149.

- ³⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 254.
- ⁴⁰ Роспись по городам бояр и воевод и приказных людей : Акты Польского государства // Акты времени междуцарствования (1610 – 17.7.1613) / под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябина. М., 1915. № 29. С. 201.
- ⁴¹ Память из Разряда во Владимирскую четь о даче жалования Тимофею Петровичу Тарбееву. 9 января 1614 г. Столбцы Галицкой и Владимирской Четвертей 120–126 гг. : Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2, № 26. С. С. 257–258.
- ⁴² Челобитная торопецкого дворянина К. С. Мормылова... 1628, май // Народное движение... № 173. С. 315.
- ⁴³ Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 годов / публ. А. Н. Зерцалов // РИБ. Т. 15. СПб., 1894. С. 29–30.
- ⁴⁴ Сыскная десятина о поместных и денежных окладах дворян и детей боярских. Шелонская пятина Новгородского уезда. 2 мая 1619 г. // Народное движение... № 137. С. 280–282.
- ⁴⁵ Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. : Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / предисл. Л. М. Сухотина // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. 175.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Торопец и его жители в первые годы Смутного времени (1606–1610) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 12–21. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-12-21.

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Toropets and its Residents in the Early Years of the Time of Troubles (1606–1610). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 12–21 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-12-21.

УДК 78.01

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В XVII–XVIII ВЕКАХ

И. В. Полозова

Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова
E-mail: i.v.polozova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению российско-германских культурных контактов в XVII–XVIII вв. в области музыкального искусства. На основании широкого ряда документальных источников анализируются культурные контакты России и Германии в области композиторского творчества, исполнительской деятельности, концертной жизни России, нотоиздательской деятельности. В центре внимания оказываются процессы взаимодействия / диалога российской и германской культур, показывается, что данный процесс имеет двунаправленное действие, при этом роль немецкой музыкальной традиции оказывается исключительно важной.
Ключевые слова: Россия, Германия, XVII–XVIII вв., композиторское творчество, исполнительская деятельность, культурные контакты.

Russia and Germany: on the Issue of the Interaction of Cultures in the Process of the Establishment and Development of Russian Music in the 17–18th Centuries

I. V. Polozova

The present article is focused on the issue of Russian-German cultural – and namely, musical – contacts in the 17–18th centuries. On the basis of a wide range of documents we analyze cultural contacts between Russia and Germany in the field of composition, performing art, Russia's concert tradition and note-publishing activity. The study deals with the processes of interaction and dialogue between the Russian and the German cultures; it reveals the fact that these processes – the processes in which the role of German musical tradition has proved to be highly important – were bidirectional.

Key words: Russia, Germany, 17–18th centuries, composition, performing activity, cultural contacts.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-22-27

XVII–XVIII вв. в истории отечественной культуры имеют исключительное значение в контексте становления и развития русского профессионального искусства, в том числе и музыкального. Активное изменение всех сфер жизни с середины XVII в. (политической, экономической, идеологической и социокультурной) инспирировало поистине революционный процесс обновления традиций отечественного музыкального искусства. Развивавшееся на протяжении семи столетий (X–XVII вв.) в рамках канонического искусства Средневековья, музыкальное искусство начиная с этого времени трансформируется под воздействием происходящих в России социокультурных перемен. Не вдаваясь в область, связанную с проблемой трансформации музыкальной культуры в рас-

сматриваемый период¹, остановим свое внимание на таком важном аспекте, как роль культурных контактов России с другими европейскими странами, в частности с Германией. Для нас важно будет выявить основные векторы этих контактов и их вклад в процесс становления и развития отечественного профессионального музыкального искусства Нового времени, так как межкультурные контакты создают условия для межнациональной музыкальной коммуникации и способствуют обоюдному взаимообогащению².

Тесные культурные российско-германские связи имеют давнюю и плодотворную историю. Вплоть до середины XVII в. русская средневековая культура, нацеленная на охранительный механизм и закрытая от внешних влияний, не способствовала пробуждению интереса к другим культурным традициям. Однако и в это время, начиная с XVI столетия, формируются первые серьезные культурные контакты между русским населением и иностранцами, приглашенными на работу в Москву и в другие города Руси. Данный процесс значительно интенсифицировался в середине следующего столетия, когда существенным образом меняются мировоззренческие и соответственно эстетические установки русского общества.

Знакомство с иностранной культурой, религиозными представлениями и бытовым укладом в русском обществе началось прежде всего с немецкой ее ветвью. Как известно, первая серьезная волна миграции немцев в Россию относится ко времени правления Василия III, активный прирост немецкого населения происходит при Иване IV и далее. Несмотря на попытки изолировать русское общество от иноземных влияний, эти контакты неуклонно развивались. Уже в XVI в. на территории Москвы создается Немецкая слобода, заселенная, правда, не только немцами, но и другими иностранцами. Именно Немецкая слобода становится первым «окном в Европу», источником новых знаний и представлений о жизни. Здесь москвичи могли услышать звучание органа и протестантское пение в двух кирхах, построенных в конце XVI – начале XVII в. Позже, в XVIII в., в слободе проводились первые приватные концерты светской музыки, давались первые ассамблеи, звучала академическая музыка европейских композиторов и т. п. Частым посетителем Немецкой слободы был Петр I, который не только присутствовал на концертах капеллы герцога К. Ф. Голштейн-Готторпского, но и «велел капелле один раз в неделю играть при дворе»³. Капелла, руководимая братьями из Германии Иоганном и Андреасом Гюбнерами, со-

стояла из 12 музыкантов, а в 1727 г. братья Гюбнеры перешли на придворную службу, «образовав костяк будущей придворной капеллы»⁴.

Немцы, посетившие Россию или проживавшие в стране, оставили в своих воспоминаниях ценные свидетельства о русской культуре и быте того времени. Первые известные нам мемуары представителя германской культуры, в которых говорится о его восприятии России, принадлежат Иоганну Георгу Корбу. Будучи членом австрийского посольства в Москве в 1698–1699 гг., он ведет «Дневник путешествия в Московию», в котором оставляет довольно много ценных и нередко весьма нелестных замечаний о русских обычаях, быте, военном деле, культуре, религиозных воззрениях и др. Из его дневника становится понятным, что музыка в русском обществе в конце XVII в. охватывала разные сферы: культовую (как православную, так и протестантскую, о которой неоднократно упоминает Корб), военную, придворно-этикетную для проведения официальных церемоний, танцевальную и развлекательную, а ее исполнителями были как иностранные музыканты (прежде всего, немцы), так и русские. Путешественник описывает звучание музыки на пленэре, которое, видимо, уже укоренилось в придворном быту конца XVII века. Так, в день празднования памяти свв. апостолов Петра и Павла в Измайлово во время гуляний «господина австрийского посла... сопровождали музыканты, чтобы соединить приятный шелест ветра, тихо скользящего по верхушкам дерев, со своими еще более сладостными мелодиями. Царицы, Царевич и незамужние Принцессы жили тогда в этом замке... Случайно они были на прогулке тогда, когда прелестнейшие звуки симфонии состязавшихся трубачей и флейтистов донеслись до их слуха и заставили их на короткое время остановиться, хотя они собирались уже вернуться домой в замок. Тщеславие музыкантов усилилось: они видели, что их слушают и одобряют, и стали с гораздо более тщательным соревнованием соперничать друг с другом, кто из них может более другого увлечь приятным воздействием Пресветлейшее внимание, привлеченное прелестью их искусства. Те, простояв четверть часа, одобрили искусство всех»⁵.

Большое внимание Корб уделяет военной музыке, которая, как становится ясно из дневников, сопровождала не только воинские ритуалы, но и активно участвовала в придворной жизни. О музыкальной атмосфере и музыкальных предпочтениях наших соотечественников путешественник пишет следующее: «Обычные у москвитов мелодии своими неприятными для ушей звуками гораздо более способны возбудить к тому, что сердца повергаются в уныние, чем возбуждаются для отваги воинской доблести. Они наигрывают скорее погребальную песнь, чем воспламеняют благородным рвением воинский пыл. Инструментами для этой музыки по большей части служат трубы и литавры»⁶. В середине – второй половине XVIII в. отношение иностранцев к русской музыкальной культуре существенно меняется, что, вероятно, не в последнюю очередь

вызвано процессом европеизации жизни русского общества, а соответственно и искусства.

Следует отметить, что представители германской культуры внесли существенный вклад как в развитие государственной системы России, так и во все области ее науки и культуры. Музыканты из Германии появились в России также довольно рано. Известно, что любимым развлечением Петра I была игра саксонских музыкантов-бокфедеров – «габоисты с волком и козлом» – так называли музыкантов, играющих на волынках. Их внешний вид был довольно живописен, а инструменты имели звериный облик, например, волынка, «сделанная в виде козла с большими золотыми рогами»⁷. В 1730-х гг. императрица Анна Иоанновна установила контакты с музыкантами Дрездена, пригласив труппу Ристори с выступлениями в Москву, а затем в Санкт-Петербург. Спектакли этой труппы шли в России, преимущественно на придворной сцене, с большим успехом. Среди исполнителей из Дрездена были приглашены пять певцов и мим, а также оркестранты – исполнители на струнных инструментах, два флейтиста и два трубача. Я. Штелин приводит достаточно много имен немецких музыкантов, получивших признание в России. Среди них певицы Элеонора и Итерштедт, выступавшие при дворе Петра Федоровича; флейтист Фогель; скрипач и инструментальный мастер Иоганн Вильде из Баварии; арфист Лоренц из Силезии, выступавший при дворе в 1742 г.; виртуоз-фаготист Цана; искусный мастер колокольных звонов Иоганн Иосиф Ферстер и др.⁸ Иные имена гастролирующих немецких исполнителей в XVIII–XIX вв. называет Д. Ломтев, относительно интересующего нас времени отметим кларнетиста Й. Бера, контрабасиста И. Кемпфера, виолончелистов Гека и И. Г. Фациуса, флейтистов Х. Гартмана и братьев Турнеров⁹.

В конце XVIII в. в России представители Германии активно способствуют развитию русского книгопечатания, в том числе и нотного. Так, в 1781 г. книгопродавцом Ф. Мейером было выпущено «Собрание наилучших российских песен», отражающее характерные стилевые тенденции в развитии камерно-вокальных жанров второй половины XVIII в. В последнее десятилетие этого столетия крупным нотоиздателем был Иоганн Даниэль Гернстенберг. В 1794 г. им выпускается «Санкт-Петербургский магазин для клавикордов или пианофорте, посвященный любителям сего инструмента», в 1795 – «Магазин для распространения общепользных знаний и изобретений, с присовокуплением модного журнала... и музыкальных нот» и «Музыкальный журнал Итальянского Санкт-Петербургского театра», в 1795 и 1796 гг. – «Карманные книги для любителей музыки», а также совместно с Ф. А. Дитмаром «Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и протчих песен для фортепиано» (1797–1798). Опубликованный в трех выпусках, он включает в себя 140 песен, широко распространенных в музыке быта того времени. В это же время разворачивает свою предприниматель-

скую деятельность и другой немецкий нотоиздатель Бернгард Брейткопф, внук основателя известной Лейпцигской фирмы. В 1785 г. он открывает в Петербурге свою нотопечатню, в которой издает много нот, в том числе и клавиры балетов, шедших на сцене Императорского театра¹⁰.

Большое значение русско-германских музыкальных контактов проявляется в сфере театрального искусства. Как хорошо известно, история отечественного театра начинается со времени правления царя Алексея Михайловича, при дворе которого несколько лет осуществляются театральные постановки с музыкой, а в 1672 г. в селе Преображенском учреждается первый в русской истории театр¹¹. Немецкие актеры выступали и в домашних спектаклях. Например, в доме одного из просвещенных бояр Артамона Сергеевича Матвеева немецкие исполнители, наряду с его дворовыми людьми, принимали участие в спектаклях, в том числе и музыкальных. Во второй половине XVII в. в Москве функционирует уже несколько театров: в Заиконоспасской школе у С. Полоцкого; в Посольском доме, в котором состоялся спектакль в 1664 г.; в Измайлове; в «комедийной хоромине» на Аптекарском дворе; у тестя царя – И. Д. Милославского; у А. С. Матвеева; в с. Коломенском¹².

Первыми исполнителями спектаклей были немецкие и русские актеры, а спектакли шли попеременно на немецком и на русском языках. Немцами же были и первые руководители придворного театра. Отдельно отметим деятельность на этом посту Гюбнера, который руководил придворным театром в Москве в 1675 г. По данным Всеволодского-Генгросса, Гюбнер «Впервые в русском придворном театре ставил балетные спектакли. По-видимому, это были комедии-балеты, столь характерные для придворных театров XVII в. на Западе. За отсутствием в Москве профессионального балетмейстера постановка балетов была поручена инженеру, специалисту по фортификации, Николаю Лиму, который выступал и в качестве главного танцовщика. Балетных спектаклей было поставлено несколько, но до нас дошли более или менее подробные сведения только об «Орфее»¹³. По предположению Н. Ф. Финдейзена (кстати, также ученого германского происхождения), автором музыки к этому балету мог быть немецкий композитор Г. Шютц¹⁴.

Вместе с тем театр в переходном XVII в. развивался во многом стихийно, спорадически представляя публике разножанровые спектакли. Полноценную жизнь музыкальный театр в России приобретает только в XVIII столетии, когда Петр I в своем указе 1721 г. предписал: «Можно же еще дважды в год или больше делать некие акции, диспуты, комедии, риторские экзерциции. И то бо зело полезно к наставлению и к резолюции... веселую перемену делают таковые акции»¹⁵. Сам Петр, подолгу проживая в разных странах, в том числе и Германии, неоднократно присутствовал на оперных спектаклях¹⁶, хотя и не питал большой любви к этому жанру.

Естественно, что начальный этап знакомства русской публики с оперой был связан с деятельностью иностранных музыкантов и здесь, особенно на первых порах, следует выделить представителей немецкой музыкальной культуры. Так, еще в начале правления Петра I, в Измайлове ставились пьесы в духе школьного театра. Первыми исполнителями этих постановок были немецкие актеры и музыканты, причем, исполнялись эти спектакли на немецком языке¹⁷. С 1702 по 1707 г. в Москве функционирует светский городской театр Иоганна Кунста, труппа которого также в основе своей состояла из немецких исполнителей. Известно, что для представлений в «Комедийной храмине» на Красной площади в Москву были приглашены 12 музыкантов из Гамбурга¹⁸. Спектакли в этом театре шли попеременно на немецком и на русском языках, а с 1705 г. – только на русском¹⁹. Кроме того, по настоянию Петра I немецкие актеры должны были обучать актерскому мастерству русских юношей, что способствовало зарождению плеяды отечественных исполнителей.

В 1729 г. императрица Анна Иоанновна активизирует деятельность по приглашению оперных трупп в Россию и вызывает немецкий камерный оркестр, а позже и знаменитого оперного композитора из Гамбурга Рейнхарда Кайзера (1673–1739) со своей дочерью. Правда, пребывание в пределах России немецкого музыканта окажется недолговременным и вскоре он уезжает в Италию²⁰.

Во второй половине XVIII в. начинается новый этап в развитии российско-германских контактов в области музыкального театра. Предположительно в 1776 г. в Петербурге устраивается частная оперно-драматическая антреприза «петербургского немецкой нации купца и заводчика» Карла Книппера²¹. Первоначально основу репертуара театра составляли популярные современные немецкие и австрийские зингшпили И. А. Хиллера, Э. В. Вольфа, А. Швейцера, Й. А. Бенды и др., а также комические оперы А. Гретри и Н. Пиччинни, что вызывало у отечественной публики живой и стабильный интерес. Первыми исполнителями также были иностранцы. Знакомство с жанром зингшпиля существенно обогатило театральную жизнь Петербурга и оказало определенное влияние на становление и развитие русской комической оперы XVIII в. Так, одним из примеров усвоения немецкого культурного опыта стала опера В. А. Пашкевича «Тунисский паша» на либретто М. А. Матинского, пародировавшего одноименный зингшпиль А. Ф. Холли²².

Во второй половине XVIII в. в Россию приезжают на службу немецкие композиторы. Наиболее ранними примерами немецкого композиторского творчества в России, вероятно, следует считать клавирные опусы Петра Бирона (1724–1800) и Иоганна Готфрида Вильгельма Пальшау (1741–1815). Первый из них активно разрабатывал жанр обработок народных песен и создавал циклы вариаций на них (например, вариации на тему песни «Чем тебя я огорчила», «То теряю, что люблю»). В. Пальшау проживал в России с 1770-х гг. и был здесь известен

как концертирующий пианист, композитор и педагог. Он также способствовал становлению отечественной камерно-инструментальной музыки, создавая клавирные вариационные циклы на темы популярных русских народных песен. Пожалуй, Пальшау одним из первых в русской музыке раскрыл богатый технический и выразительный потенциал клавира, активно используя в своих сочинениях различные полифонические приемы развития и фактурные способы преобразования материала²³.

Значимый вклад внесли немецкие композиторы и в процесс становления и развития отечественной оперы XVIII в. На фоне небывалой активности итальянских композиторов, которые, безусловно, доминировали в отечественной оперной практике столетия, персоналии немецких композиторов несколько теряются. Однако и здесь мы должны отметить двух музыкантов, создавших очень популярные и знакомые для XVIII в. оперные сочинения. Так, создателем одной из первых в России опер на русском языке был Герман Фридрих Раупах (1728–1778), который в 1758 г. написал оперу «Альцеста» на русский текст А. П. Сумарокова. В музыкальном выражении это сочинение, будучи ориентированным на каноны оперы-*seria* и предназначенным для придворного исполнения, естественно, никак не было связано с отечественными музыкальными традициями, хотя Ю. В. Келдыш проводит параллели между отдельными песенными эпизодами оперы и сентиментальной «российской песней»²⁴. «Альцеста» Раупаха была популярна вплоть до конца XVIII в., а ее автор после премьеры оперы получил место придворного композитора. При российском дворе Раупах прослужил до 1777 г., после чего стал преподавать в музыкальных классах Академии художеств. Из всего творческого наследия композитора сохранилось лишь две оперы: вышеупомянутая «Альцеста» и «Добрые солдаты» на текст М. М. Хераскова, созданная в последний год жизни композитора. Опера «Добрые солдаты», будучи весьма популярной, пленяла современников своим лиризмом и пластичностью вокального изложения. Композитор, живя в России, пытается внедрить национальный певческий материал в свои оперные описи. Так, в хоровых сценах «Добрых солдат» звучат фрагменты в стилевом отношении весьма близкие российскому канту XVIII в., а в арии Бурмина «Там славный готовится пир» А. С. Рабинович усматривает цитирование фрагмента «Камаринской»²⁵. О близости и органичности для русской музыкальной культуры оперного стиля Раупаха свидетельствует многочисленная фиксация отдельных оперных фрагментов в качестве самостоятельных песен в различных песенниках XVIII–XIX вв.

Другой немецкий композитор, работавший в области отечественной оперы – Матиас Стабингер (1750–1815) – с 1780-х гг. проживал в Москве. Он получил большую популярность по всей стране, а его оперы «Баба-Яга» и «Счастливая Тоня» имели стабильный успех у публики. Кроме оперных сочинений известны произведения композитора и в других жанрах: оратория «Освобождение Вету-

луйя», симфония с рондо «Приятное удивление», сцена с речитативами, ариями и хорами «Орфей, проходящий через ад, для сыскания Эвридики», инструментальный цикл из 18 номеров «Взятие Измаила», симфония «Китайские увеселения»²⁶. В сочинениях Стабингера, так же как и Раупаха, прослеживается стремление к синтезу классицистских традиций оперного письма с русской национальной основой, что реализуется благодаря вкраплению отдельных народных интонаций в общий классицистский стиль звучания.

Таким образом, во второй половине XVIII в. контакты между музыкантами Германии и России были довольно множественны и стабильны. Во многом прибывшие в Россию композиторы, исполнители и антрепренеры преследовали личные цели – получить известность, возможность делиться своим творческим опытом, наконец, улучшить и стабилизировать материальное положение. Отметим, что в России XVII–XVIII вв. иностранцам, приехавшим на службу, создавались привилегированные условия, существенным образом отличавшиеся от условий, предлагаемых русским музыкантам. Так, еще Петр I устанавливает ряд льгот для иностранцев с целью привлечения их на службу в Россию. В результате оплата деятельности иностранных и отечественных композиторов и исполнителей в рассматриваемый период различалась резко.

Российско-германские связи можно проследить не только на уровне личных контактов, отражающих довольно активную практику посещения немецкими музыкантами столичных городов России, но и отслеживая репертуар немецких композиторов, чья музыка включалась в концертную жизнь страны. Такого рода сведений мы встречаем достаточно много в разных источниках. Систематизируя разрозненные факты, можно отметить несколько «сцен», где постоянно звучала музыка немецких композиторов. Одним из первых просветительских очагов в области немецкой музыкальной культуры стали лютеранские кирхи, где систематически звучали произведения немецких музыкантов. Так, в 1730–40-х гг. в школьных концертах при кирхе Св. Петра и Павла в Санкт-Петербурге, в частности, звучали «Te Deum» К. Г. Грауна и Пассионы Г. Ф. Телемана²⁷. Во второй половине XVIII в. в этом же храме во время Великого поста проводились еженедельные концерты по образцу немецких духовных концертов с исполнением музыки немецких композиторов.

Другим источником ознакомления с немецкой музыкой были придворные концерты и концерты в домах влиятельных аристократов. Так, в последние годы правления Петра I устанавливается традиция регулярного проведения концертов капеллы герцога Голштейн-Готторпского, на которых исполняли произведения, в том числе и немецких композиторов Г. Ф. Телемана, Р. Кайзера, И. А. Шульца, И. Фукса и др.²⁸ Во время правления Елизаветы Петровны интерес к концертной жизни значительно усилился, был издан регламент, предписывающий, в какие дни недели при дворе должны были даваться театральные

спектакли, а в какие – проводятся концерты. Музыкальные номера звучали и во время неофициальных приемов, на так называемых куртагах. Репертуар, звучащий на этих музыкальных собраниях, был довольно разнообразным и включал в себя, в том числе и музыку немецких композиторов. В этот период большой интерес вызывали сочинения современных композиторов – Г. Ф. Телемана, Р. Кайзера, И. Фукса, однако упоминания о музыке И. С. Баха либо его сыновей нам встретить не удалось. В 1762 г. должность придворного концертмейстера занял Иосиф Штарцер (Старцер, 1726–1787) – композитор и скрипач из Вены, автор симфонической и камерно-инструментальной музыки, а также музыки к балетным постановкам. Находясь на придворной службе, он способствовал ознакомлению отечественной публики с сочинениями австро-немецкого композиторской школы. Как пишет Я. Штелин: «При дворе теперь можно было слушать не только исключительно итальянские произведения, но также симфонии и концерты ни в чем не уступавших итальянцам знаменитых немецких композиторов как то – Гольдбауэра, Вагензейля, Бенда, Глюка, Грауна и др.»²⁹.

В последние десятилетия XVIII столетия интерес к немецкой музыке не угасает, напротив, ее репертуар расширяется за счет современных сочинений. Особенно актуальным для концертного репертуара оказывается творчество Й. Гайдна. По данным, приводимым Ю. В. Келдышем, «известный московский музыкант Франц Керцелли исполнил в Москве ораторию Гайдна “7 слов Спасителя на кресте” в 1789 г., всего через 2 года после ее первого исполнения в Вене и раньше, чем она прозвучала в Лондоне и Париже. Заметим, что почти через такой же короткий срок появилось на концертных эстрадах Москвы и Петербурга “Сотворение мира”»³⁰.

Помимо укоренившейся практики проведения придворных концертов в XVIII в. было широко распространено домашнее музицирование, где также звучала музыка немецких композиторов. По видимому, репертуар этих домашних концертов мало чем отличался от придворных, на что указывают, в частности, материалы, приводимые М. А. Сапоновым: «Исполнение симфоний и концертов Гайдна в домашних условиях было для России того времени явлением нормальным. Лучшие крепостные оркестры, – а современники сравнивали их к тому же с оркестром Эстергази, – были у А. Г. Теплова и у В. А. Всеволожского в Москве. То же и в великолепном домашнем оркестре Бибикова, о котором пишет в 1789 г. П. А. Болотов в дневнике: “Бибииков ... звал в субботу к себе в концерт. ... Сначала играли различные симфонии и концерты с солами различных инструментов девки, а особливо мальчик поющий чрезвычайно со всем оркестром при аккомпанировании некоторых итальянцев. ... После того играли различные штуки, как-то Гейденовы (Гайдновы) концерты и пр.”»³¹.

Концертная жизнь в XVIII в. охватывала и сеть воспитательных учреждений, которые, в отличие от

придворных и домашних концертов, нередко носили публичный характер, а потому имели большой общественный резонанс. На этих концертах также звучала музыка немецких композиторов: сонаты соло, трио, концерты Телемана, Кайзера, Хассе, Шульца, Фукса и др. знаменитых в то время в Германии композиторов³². На разных сценических площадках в конце XVIII столетия выступал скрипач-виртуоз и композитор Антон Фердинандт Тиц (1742–1810). В своем исполнительском творчестве он одним из первых знакомит отечественную публику с квартетами Й. Гайдна и В. Моцарта, а также сам сочиняет первые русские квартеты, основанные, в том числе, на народно-песенном материале, скрипичные сонаты и концерты и др.³³.

Итак, в своей статье мы рассмотрели только один вектор российско-германских культурных связей: влияние немецкой музыкальной культуры на становление и развитие отечественной профессиональной музыки. Сразу отметим, что отразить все стороны этого влияния, безусловно, в рамках данной работы вряд ли возможно: слишком много факторов (стилевых, общекультурных, личностных и т. п.) работало на эти связи. Вместе с тем, говоря о влиянии германской культуры на российскую, мы опираемся на методологический тезис, сформулированный Ю. М. Лотманом: ученый предпочитает говорить не столько о влиянии одной культуры на другую, сколько на их продуктивный диалог, взаимодействие. Диалог культур, по Лотману, характеризуется следующими признаками: попеременной активностью передающего и принимающего; выработкой общего языка общения, когда чуждой язык усваивается, адаптируется в соответствии с языковыми нормами «принимающего», а далее поток влияния перенаправляется, и принимающий становится передающим. «Причем, переходя из состояния принимающего в позицию передающего, культура, как правило, выбрасывает значительно большее число текстов, чем то, что она впитала в прошедшем и резко расширяет пространство своего воздействия ... Это, в частности, доказывает, что вторжение внешних текстов играет роль дестабилизатора и катализатора, приводит в движение силы местной культуры, а не подменяет их»³⁴. Следуя этой установке, мы обнаруживаем и другой поток взаимодействий: когда русская культура начинает входить в европейский, а в нашем случае германский, культурный обиход. Известных примеров такого рода влияний и взаимодействий не столь много, однако, они позволяют говорить об эффективности культурного обмена между Россией и Германией в рассматриваемый период.

Не вдаваясь в подробности влияния русской культуры на германскую, что, безусловно, требует отдельного исследования, мы приведем только некоторые релевантные примеры. Так, Д. С. Бортиянским по заказу прусского короля Фридриха Вильгельма III для проведения службы в евангелической церкви была создана «Немецкая обедня» (точное время создания Обедни неизвестно, но по

стилевым характеристикам это сочинение скорее датируется ранним периодом творчества композитора – временем пребывания Бортнянского в Италии). По сведениям А. В. Лебедевой-Емелиной, песнопения из этого литургического цикла и в XX в. печатаются в богослужебных книгах и исполняются в протестантских храмах³⁵. В XVIII в. одним из наиболее популярных лютистов, бандуристов и певцов был Тимофей Белоградский. Начав свою творческую карьеру при русском дворе, он в связи со смертью Анны Иоанновны переезжает в Дрезден, где продолжает исполнительскую деятельность³⁶. Кроме того, широко известный факт, что европейские композиторы начиная с XVIII в. достаточно активно обращаются в своем творчестве к русскому фольклору. Безусловно, наиболее активно к приему цитирования народных песен обращались иностранные композиторы, служившие при российском императорском дворе. Вместе с тем российский этнографический материал находит свое неоднократное применение и в инструментальном творчестве композиторов венской классической школы, например, Й. Гайдна или Л. Бетховена и т. п. Значительный творческий потенциал русских музыкантов, российский фольклор способны были обогатить европейскую культуру.

Таким образом, российско-германские культурные связи в XVII–XVIII вв. оказываются весьма тесными и многоплановыми. Они, безусловно, способствовали как становлению и развитию отечественной профессиональной музыки культуры, так и обогащению европейской культуры.

Примечания

- 1 См.: Полозова И. В. Трансформация ключевых концептов в русской церковно-певческой практике второй половины XVII – начала XIX веков // Проблемы музыкальной науки. 2014. № 4 (17). С. 82–86; Она же. Богослужебное пение в России XVIII – начала XX столетия // Проблемы музыкальной науки. 2015. № 1 (18). С. 69–74.
- 2 См.: Полозов С. П. Музыкальная культура как память // Музыкальная академия. 2008, № 2. С. 121–124.
- 3 Музыкальный Петербург : энцикл. словарь : в 11 кн. Кн. 2. К–П. СПб., 2000. С. 92.
- 4 Ломтев Д. Немецкие музыканты в России. М., 1999. С. 34.
- 5 Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 158.
- 6 Там же. С. 212.
- 7 Музыкальный Петербург. Кн. 1. А–И. С. 139.
- 8 См.: Штелин Я. Музыка и балет в России XVIII века. Л., 1935. С. 94, 103, 105, 118, 124, 182.
- 9 См.: Ломтев Д. Немецкие музыканты в России. С. 35.
- 10 Там же. С. 50.
- 11 См.: Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 311.
- 12 См.: Всеволодский-Генгресс В. Н. История русского драматического театра : в 7 т. Т. 1. От истоков до конца XVIII века. М., 1977. С. 65.
- 13 Там же. С. 71.
- 14 См.: Финдейзен Н. Ф. Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века : в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1928. С. 317.
- 15 Гозенпуд А. Музыкальный театр в России от истоков до Глинки. Л., 1959. С. 13.
- 16 Там же. С. 14.
- 17 См.: Всеволодский-Генгресс В. Н. Указ. соч. С. 79.
- 18 См.: Ломтев Д. Немецкий музыкальный театр в России. М., 2003. С. 13.
- 19 См.: Всеволодский-Генгресс В. Н. Указ. соч. С. 91–92.
- 20 Штелин Я. Указ. соч. С. 79–80.
- 21 Музыкальный Петербург. Кн. 2. С. 59.
- 22 Там же. С. 60.
- 23 См.: Ломтев Д. Немецкие музыканты в России. С. 36.
- 24 История русской музыки : в 10 т. Т. II. XVIII век. Ч. 1. М., 1984. С. 107.
- 25 См.: Рабинович А. С. Русская опера до Глинки. М., 1948. С. 60.
- 26 Там же. С. 28.
- 27 Музыкальный Петербург. Кн. 2. С. 95.
- 28 Там же. С. 78.
- 29 Там же. С. 126.
- 30 Келдыш Ю. В. Русская музыка XVIII века. М., 1965. С. 129.
- 31 Сапонов М. А. Русские дневники и мемуары Р. Вагнера, Л. Шпора, Р. Шумана. М., 2004. С. 123.
- 32 См.: Штелин Я. Указ. соч. С. 78.
- 33 См.: Музыкальный Петербург. Кн. 3. Р–Я. С. 154–155.
- 34 Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византизм и Русь. М., 1989. С. 229.
- 35 См.: Лебедева-Емелина А. В. «Немецкая обедня» Бортнянского (загадки и парадоксы произведения) // Мировая музыкальная культура в фондах Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Рукописные памятники. Вып. 10. СПб., 2006. С. 79.
- 36 См.: Штелин Я. Указ. соч. С. 85.

Образец для цитирования:

Полозова И. В. Россия и Германия: к вопросу о взаимодействии культур в процессе становления и развития отечественного музыкального искусства в XVII–XVIII веках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 22–27. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-22-27.

Cite this article as:

Polozova I. V. Russia and Germany: on the Issue of the Interaction of Cultures in the Process of the Establishment and Development of Russian Music in the 17–18th Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 22–27 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-22-27.

УДК 94(47).06/.07+929[Салтыков+Лагарп]

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ САЛТЫКОВ И ФРЕДЕРИК СЕЗАР ДЕ ЛАГАРП

А. Д. Аукштыкальните

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: aukshtykalnite@yandex.ru

Статья посвящена сложным взаимоотношениям Н. И. Салтыкова, главного воспитателя старших внуков Екатерины II, и любимого учителя будущего императора Александра I Ф. С. Лагарпа. Автор анализирует различные источники (письма Ф. С. Лагарпа, записки, дневники его современников), привлекает биографические работы историков, занимавшихся екатерининским, павловским и александровским временем. Проследив историю появления при дворе Ф. С. Лагарпа, его педагогические взгляды и взаимоотношения с учительским корпусом и непосредственным начальником – графом Н. И. Салтыковым, приходит к выводу, что талантливый педагог остался не оцененным по достоинству из-за многих интриг главного воспитателя Александра и Константина.

Ключевые слова: Россия второй половины XVIII века, Н. И. Салтыков, Ф. С. Лагарп, Александр Первый, Екатерина Вторая, Константин Павлович, образование и воспитание наследников российского престола.

Nikolay Ivanovich Saltykov and Frederick Ceasar de La Harpe

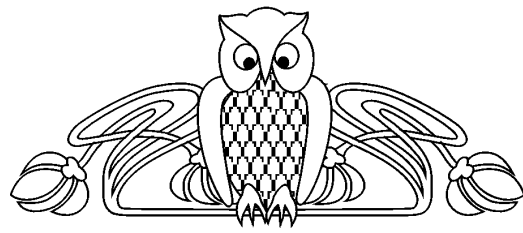
А. Д. Аукштыкальните

The article is devoted to the complicated relationship between N. I. Saltykov, the main mentor of the elder grandsons of Catherine II, and F. C. Laharp, the favorite teacher of the future emperor Alexander I. The author analyses different historical sources (letters, memoirs and correspondence of Laharp and his contemporaries), biographical works of different historians who dwelled upon the epoch of Catherine II, Paul I and Alexander I reign. Having traced the story of Laharp's emergence at court, his pedagogical views and relations with mentors' staff and his immediate superior, the author comes to the conclusion that the talented teacher was not appreciated because of various machinations and intrigues of Alexander and Constantine's main mentor.

Key words: Russia of the II part of the 18th century, N. I. Saltykov, F. C. Laharpe, Alexander I, Catherine II, Constantine Pavlovich, heir to the Russian throne's education.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-28-34

Вопросы воспитания и образования всегда занимали важное место в исторических, социологических и педагогических исследованиях. В истории России одним из наиболее показательных примеров педагогических экспериментов, связанных с ними успехов и неудач, является история воспитания и образования великих князей Александра и Константина, любимых внуков Екатерины II. Историки достаточно широко осветили этот вопрос, уделив немало внимания критике

педагогических идей императрицы. В отечественной и западной историографии утвердился клишированный образ юного мечтателя Александра, который вырос на романтических идеях европейского Просвещения, столь далеких от российской действительности конца XVIII века.

Главным воспитателем Александра и Константина императрица назначила Н. И. Салтыкова, успешного царедворца, отличавшегося особой гибкостью и дипломатичностью. Начав восхождение по карьерной лестнице рядовым в лейб-гвардии Семеновском полку еще при Елизавете Петровне, спокойно пережив короткое правление Петра III, он был обласкан в екатерининскую эпоху, избежал немилостей в павловской России и занимал высокие посты при Александре I. Редкий дворянин второй половины XVIII в. мог похвастаться подобной политической живучестью в вихре дворцовых переворотов и столь разных правлений. И Екатерина II, и Павел I, и Александр I высоко ценили Николая Ивановича, о чем можно судить по тем наградам, которых он был удостоен за время своей придворной службы.

Екатерина в 1766 г. пожаловала ему орден св. Анны, в 1768 – чин генерал-поручика, а в 1769 – орден Святого Александра Невского. 24 ноября 1783 г. Николаю Ивановичу был пожалован орден Андрея Первозванного, 31 августа 1787 г. – Святого равноапостольного князя Владимира I-й степени, 23 июня 1788 г. императрица назначила Салтыкова присутствовать в Военной коллегии, а в 1790 г. возвела его в потомственное графское достоинство. 5 октября 1791 г. назначила вице-президентом Военной коллегии. Перед бракосочетанием Александра Павловича, 22 сентября 1793 г., императрица пожаловала графу пожизненный пансион в 25000 рублей в год сверх жалования и 100000 рублей единовременно вместе с несколькими деревнями, а 2 июля 1794 г. назначила его присутствовать в Сенате в свободное от других порученных ему дел¹. 6 ноября 1796 г. Павел I через два дня после восшествия на престол, пожаловал графа в генерал-фельдмаршалы и назначил президентом Военной коллегии. Александр в день своей коронации пожаловал Николаю Ивановичу свой портрет, усыпанный алмазами. Наконец, наивысший знак доверия Александр продемонстрировал в годы Отече-

ственной войны 1812 г., когда, отбывая в армию, поручил своему бывшему воспитателю руководство государственными делами. За достойное исполнение этих обязанностей Александр удостоил Салтыкова милостивым рескриптом и 30 августа 1814 г. возвел Николая Ивановича в княжеское достоинство. Пожалуй, наибольшим свидетельством императорского расположения служит тот факт, что Салтыкову дважды доверили воспитание царских детей: Николай Иванович с 1773 г. состоял воспитателем при Павле Петровиче, а через 10 лет возглавил штат наставников и педагогов великих князей Александра и Константина.

Однако если члены императорской семьи испытывали к Николаю Ивановичу явное расположение, то прочие современники, а затем и историки имели на его счет иное мнение. Мемуаристы Ш. Массон, И. М. Долгоруков, А. М. Грибовский, В. Н. Головина, Г. А. В. фон Гельбиг, а затем различные исследователи александровской эпохи сошлись во мнении, что он был человеком небольшого ума и «самым никчемным воспитателем» во всей Европе. В подобном случае Салтыков никогда бы не продержался на российском политическом олимпе несколько десятилетий. Поскользнуться на скользком придворном паркете было очень просто, но наш герой 68 лет ходил по нему медленно, опираясь на «костылек», «прихрамывая», но не падая. Этой же науке учил он и своих наставников. Как известно, старший из братьев добился в этой науке больших успехов. Близкий друг и товарищ молодого Александра Адам Чарторижский подчеркивал прозорливость Салтыкова. По его мнению, Салтыков удачно лавировал между двух дворов, большого и малого, пытаясь смягчить острые углы, скрыв половину сказанного: «Хитрый посредник всегда знал всю правду и остерегался, чтобы не проговориться, с его замашками и характером, очень мало подходил к тому, чтобы руководить воспитанием молодого наследника»².

Возможно, маска недалекого, услужливого, даже в чем-то лицемерного придворного стала хорошей ширмой, скрывающей и ум, и стремление удержаться у власти. До нас не дошло ни одной страницы дневника Салтыкова, поэтому заглянуть за привычную маску Николая Ивановича в полной мере не удастся. Можно выдвинуть предположение о том, что Николай Иванович был для царских наследников больше, чем просто придворный воспитатель. Умея сгладить углы внутрисемейных конфликтов, он окружил мальчиков необходимой им заботой, за что последние были ему искренне благодарны. Так, император Александр лично проводил в последний путь своего старого воспитателя, пройдя за гробом пешком до самого кладбища.

Как главный воспитатель великих князей, Николай Иванович руководил учительским корпусом, в который в 1784 г. был введен Фредерик Сезар Лагарп, генерал-лейтенант, происходивший

из дворян швейцарского кантона Во. Предки Лагарпа носили имя Делагарз. Фамилию De la Harpe принял его отец, а мать, София Доротея, происходила из дворянской фамилии Коломбье. Сам Лагарп писал свою фамилию La Harpe, а русские называли его Петром Ивановичем Лагарпом³.

Он получил достойное образование – первоначальные знания постигал в училище в родном городе Ролле, в 1768 г. поступил в гольденштейнскую семинарию знаменитого философа и педагога Незермана, позднее учился в Женеве у де Соссюра и де Бертена, в Тюбингене изучал право, древнюю литературу и математику, которую особенно любил. В семинарии он впервые познакомился с трудами энциклопедистов, впитал либеральные идеи, навсегда сохранив верность своим студенческим убеждениям. Лагарп увлеченно занимался наукой, любил читать, его привлекали книги по древней истории, педагогические сочинения Дж. Локка, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо. В 1774 г., получив степень доктора права, официально закончив образование, Лагарп стал работать адвокатом при высшей апелляционной комиссии в Берне, однако со временем к адвокатуре Лагарп охладел. Неизвестно, как бы сложилась жизнь Лагарпа, если бы судьба не преподнесла ему неожиданный сюрприз в виде приглашения барона М. Гримма сопроводить младшего брата фаворита русской императрицы А. Д. Ланского Якова в его путешествии по Европе. Удачное знакомство стало тем счастливым случаем, который привел Лагарпа в Россию.

Большинство историков и современников Александра справедливо полагали, что Лагарп оказал значительное влияние на формирование образа мыслей великого князя, стал ему близким другом и наставником. Умный, яркий, горящий передовыми идеями, Лагарп пленил сердце своего ученика.

Но как складывались отношения между учителем и главным воспитателем? Историки и современники не уделили данному вопросу особого внимания, а между тем история взаимоотношений Салтыкова и Лагарпа полна интриг. Бумаги Лагарпа, включающие в себя воспоминания и письма к Александру и Константину Павловичам, Н. И. Салтыкову и другим корреспондентам, детально воссоздают картину детства великих князей, рисуя в подробностях придворную жизнь екатерининского царствования. Изучив их, можно добавить несколько ярких штрихов как к портрету самого швейцарца, так и к портрету его всеильного шефа.

Так, обратимся к бумагам Лагарпа и попробуем составить представление о взаимоотношениях Салтыкова и Лагарпа.

Появление Лагарпа в Петербурге – дело случая. Как уже отмечалось, швейцарец сумел составить хорошую компанию путешествующему по Европе младшему Ланскому, с легкостью отвлек повесу от некой особы, женитьба на которой

не входила в планы его семьи, чем, собственно, и вызвал интерес императрицы. «Ум и здравый смысл Лагарпа до того очаровали присутствующих и отсутствующих, он так хорошо провел дело, что оно приняло именно тот оборот, которого мы желали... Поэтому я желаю, чтобы Лагарп сопровождал своего спутника до Петербурга, где без сомнений получит приличное вознаграждение»⁴, – писала императрица 25 февраля (4 марта) 1782 г. Гримму. Так свободомыслящий республиканец шагнул на дорогу, которая привела его в страну с абсолютной монархией, крепостным правом, не подозревая, сколь важную роль сыграют последующие события в его общественно-политической жизни.

Знаменитое письмо Екатерины к барону Гримму, в котором императрица пишет о том, что Лагарп очаровал «всех присутствующих и отсутствующих», датируется 4 марта 1782 г. 11 марта 1782 г. своим письмом Лагарпа приглашает в Россию старший брат Якова Ланского Александр Дмитриевич: «Спешу засвидетельствовать Вам мою благодарность и уважение к поступкам вашим... Счастлив знать, что вы подле брата моего находитесь. И прошу Вас вместе с ним в Россию приехать»⁵. Как замечал сам Фредерик Сезар, позднее он получил приглашение приехать в Россию и от барона Гримма в двух письмах (от 16 апреля 1782 г. и 30 января 1783 г.): «Итальянское ваше путешествие завершите в Венеции, откуда через Триест направитесь в Вену, а оттуда через Подолию и Киев – в Петербург. Говорю “ваше” оттого, что Ее Императорскому Величеству угодно, чтобы трио прибыло неразлучным»⁶. «Как ни туманны были эти приглашения, решил я их принять, быть может, слегка легкомысленно»⁷, – такую оценку дал своему поступку сам Фредерик Сезар.

Швейцарец прибыл в Петербург в начале 1783 г. и был радушно принят фаворитом Екатерины Ланским, который до своей преждевременной смерти был его покровителем и другом.

Вскоре, как вспоминает Лагарп, он был представлен императрице и «был отличен ею, но прождав несколько недель и видя, что надежды не сбываются, намеревался уже в Англию направиться и сообщил об этом генералу Ланскому»⁸. Если бы не случившаяся оттепель, отложившая его отъезд, то не произошла бы аудиенция у графа А. Р. Воронцова, который, пригласив на встречу, подробно расспросил Лагарпа о его планах: «Я рассказал откровенно о предложениях, которые склонили меня к поездке в Петербург и о решимости моей отправиться к сыновьям лорда Тайрона, поскольку в России, по всему судя, употребить меня нет возможности»⁹. Через несколько дней после этой беседы граф Воронцов и генерал Ланской объявили Лагарпу о том, что императрица желает «определить в заведение, какое создают для обучения внуков ее, однако не указали мои обязанности. Посулили мне 1500 ру-

блей жалованья, квартиру и стол». Согласился Лагарп без колебаний, отправив лорду отказное письмо с извинениями. И после этого разговора подготовка штата учителей на время затихла, как пишет сам Лагарп, до конца 1783 г. Швейцарец остался без денег, содержания, лишь с туманными обещаниями, с которыми жил в полном неведении около года.

Можно себе представить, какие трудности испытывал человек без обещанного жалования, учитывая дороговизну столичной жизни. Стоит отметить, что и все последующие годы при русском дворе он будет жаловаться Н. И. Салтыкову на недостаток средств. Так, в письме к начальнику от 27 мая 1791 г. он вспоминает о всех своих финансовых тяготах с самого приезда в Россию: «Учреждение придворного штата Их Императорских Высочеств было отложено на год, и поскольку в это время не имел я возможности жить на всем готовом, не сумел бы на 1500 рублей жалованья, за этот первый год полученного, даже самым необходимым себя обеспечить, когда бы не нашлось у меня других источников. Вынужден был из собственных средств прибавить почти столько же, чтобы не наделать долгов, но хотя таким образом почти все, чем в этой стране располагал, потратил»¹⁰. В следующем году у швейцарца деньги кончились совсем, и он был вынужден писать прошение о повышении жалованья, напомнив Салтыкову, что ему обещали «квартиру и стол». Однако Салтыков выплатил всего 500 рублей вознаграждения, которые в глазах Лагарпа выглядели как милостыня, которую гордый швейцарец принять не мог. Он снова написал Салтыкову письмо, видимо, дошедшее до Екатерины, которая приказала платить на 1200 рублей в год больше. Но и эта прибавка не исправила положения, так как ни «стола», ни «квартиры» ему не предложили. Доведенный до отчаяния, в 1789 г. Лагарп пишет Салтыкову о своем желании уйти в отставку, на что начальник в свойственной ему лукавой манере дал швейцарцу надежду на помощь, убедив в кулуарном разговоре, что его «не оставят в беде». Изрядно прождав, Лагарп вновь столкнулся с разочарованием – вместе с несбыточными «щедрыми обещаниями» не осуществилась еще одна надежда любого иностранца при дворе – упрочить свое положение, подняться в Табели о рангах.

Оскорбленный учитель гневно писал Салтыкову 6 февраля 1791 г., что ситуация, в которой он оказался, порочит его имя, ибо все, что вместе с ним занимались воспитанием и обучением царственных внуков, получили повышение, а он, много раз хвалимый лично императрицей, подававший ей столько рапортов и меморий, так и остался в прежнем чине: «Летом 1790 г. объявил я графу Салтыкову о своих намерениях жениться и спросил, могу ли я рассчитывать жить своим домом в том случае, если женюсь. Граф не только отвечал утвердительно, но и ободрил меня,

прибавив, что, без сомнения, Императрица сим поступком останется довольна. Когда я сей Государыне написал и графу письмо вручил, он мне прежние заверения повторил, а когда сообщил о согласии Ее Величества, прибавил, что надеется для меня добыть что-то более существенное. Я поблагодарил и стал ждать. Два месяца спустя меня чином обошли»¹¹.

На самом деле, досадовал швейцарец не напрасно, ведь в переписке между Екатериной и Салтыковым мы встречаем благосклонную оценку Лагарпа императрицей: «Николай Иванович. Присланное роспись учение великих князей, сочиненная господином Ла Гарпом, я показать велела Фицгерберту и он, так как и я, находит, что лутче выдумать нельзя, и о успехах не сомневаюсь. Скажите Ла Гарпу мое удовольствие»¹². Так почему же его обошли чином?

Сам Лагарп комментирует свое положение так: «Когда настало время наградить особо причастных к воспитанию Великих Князей, граф Салтыков только о собственных интересах пекся. В такой стране, как Россия, где только начальник на виду пребывает, безразличие его к подчиненным для сих последних всегда пагубно. Посему все, кто к воспитанию Великих князей были причастны, но не имели особливых покровителей, были наградами обойдены, постигла сия участь и меня»¹³.

А ведь Лагарп писал скрупулезные отчеты, докладывая своему начальнику об успехах великих князей в учении. Лагарпа можно упрекнуть в амбициозности, зазнайстве, авантюризме, в конце концов, но лишь не в том, что он был плохой учитель. Он искренне любил то, что делал. Доказательство тому – подробные записки о том, как, чему и для чего он учил великих князей.

В записке Н. И. Салтыкову от 10 июля 1785 г. Лагарп подробно излагает приемы, которые он использует в классной комнате: «Всякий день диктовки даю... С этой целью познакомил их не только с французскими буквами, но и научил их быстро слышать, различать разные звуки. Затем постарался их научить способу этими буквами обозначать звуки. Наконец, когда научились они звуки узнавать и записывать, показал им, как слоги образуются, а из этих слогов целые слова. Лишь только слова научились записывать, продиктовал я им слог за слогом несколько фраз. Сначала продиктовал я им три-четыре строки, потом нечувствительно стал число строк увеличивать, пользуясь удобным случаем и успехами Их Высочеств»¹⁴. Судя по дате записки, уже через год с начала вступления Лагарпа в должность мальчики начали писать короткие заметки по географии и истории под диктовку своего учителя. Как признавался Салтыкову Лагарп, он не сильно следил за чистописанием, положившись в этом вопросе на учителя чистописания: «Если в том, что Их Высочествами под мою диктовку писано, буквы порой небрежны... могут тому

иметь причины и частные»¹⁵. К таким «частностям» учитель относил медлительность и леность своих учеников.

Когда мальчики привыкли к французскому языку, да и Лагарп повысил свой уровень русского, его уроки по другим предметам стали проходить с большей пользой. В письме к императрице от 15 ноября 1791 г. учитель писал: «Намерения Вашего Императорского Величества насчет их Высочеств были мне ведомы. Знал я, что желает Государыня их видеть людьми образованными, привыкшими свой рассудок использовать в правильных целях, приученными к труду, одним словом, достойными своего призвания»¹⁶. Для достижения поставленных педагогических ориентиров учитель постоянно заставлял своих учеников мыслить самостоятельно, применяя в рассуждениях здравый смысл.

В записке Салтыкову от 20 сентября 1786 г. Лагарп докладывал, что «Великий Князь Александр читал Робинзона, Колумба, Кортеза, Пизарра... несколько басней Лафонтена... различные места Корнелия Непота, Плутарха и римской истории Фергуссона»¹⁷. Александр, по мнению учителя, пишет «довольно скоро», ошибки проистекают из того, что «пишут не так, как произносят». Константин пишет тоже быстро, но «затрудняется запомнить целую фразу»¹⁸. Мальчики изучили географию России, перешли к европейским державам, познали решение задач на 4 основных арифметических действия, шагнули к изучению геометрии, многое прошли из древней истории. Лагарп видит различия между братьями в скорости овладения навыками чтения и письма, уровне освоения учебного материала, но не находит преград для продолжения их совместного обучения. Уроки шли каждый день, и, по мнению Лагарпа, младшему из братьев необходимо дать 2–3 дополнительных урока в неделю, чтобы он смог догнать старшего брата.

В записке Салтыкову от 17 сентября 1789 г. учитель жаловался на лень, упрямство своих учеников. Что примечательно, столкнувшись с реальностью, далекой от стройной теории, Лагарп вступил в полемику с Екатериной и Руссо: «Некоторые из современных нам знаменитых писателей полагают, что не следует насиловать детскую природу, что надо подчиняться наклонностям детей и облегчать им труды по возможности. Я откажусь от убеждений моих относительно этого предмета, если мне укажут людей, действительно великих, которые достигли величия, шутя и не зная никогда принуждения, не признавая закона необходимости и никаких обязанностей»¹⁹. По всей видимости, непослушание Константина послужило причиной этих слов. Как пишет далее Лагарп, 15 сентября 1789 г. мальчик в своих шалостях и упрямстве зашел слишком далеко – 2 часа он испытывал терпение учителя, не желая приступать к занятиям, а не добившись результата (Лагарп сохранял

хладнокровное спокойствие) «в ярости укусил» учителю руку²⁰.

В отчетах Салтыкову за декабрь 1790 г.²¹ Лагарп пишет о том, чему ему удалось научить своих учеников за пять лет. Пройденное относится к изучению французского языка, географии, истории и математики. В изучении французского дети добились правильного произношения, их часто заставляли читать вслух, а разнообразные предметы их чтения расширяли словарный запас и кругозор. Александр читает бегло, особенно, когда содержание его интересует. Лагарп даже пишет, что в такие минуты «можно слушать его с удовольствием».

В последующих подобных отчетах Лагарп доложит об изучении философии, углублении знаний по истории, географии, статистике, экономике.

Так почему же все-таки его обошли и чином, и наградами?

Лагарп подозревал своего начальника в том, что тот, используя его мемории, написанные на французском языке для Екатерины, при помощи доверенных лиц переводил их на русский язык и подавал Екатерине от своего лица: «Фельдмаршал Салтыков имел всевозможные способы навязывать свою волю тем, кто, подобно мне, имели военное звание. Сей большой начальник приказывал своим секретарям мемории мои и донесения переводить на русский, а затем за них награды получал, о бедном же чужестранце, чьим усердием и трудами пользовался, даже не вспоминал»²².

К сожалению, швейцарец не ошибался насчет своего начальника. Сопоставив несколько писем, мы легко можем уличить Салтыкова в подлоге. Так, в переписке 1787 г. между Екатериной и Салтыковым есть несколько упоминаний о Лагарпе и его подробной инструкции от 1784 г., которой Екатерина была вполне довольна (письма от 12 февраля и 12 марта 1787 г. к Салтыкову), вместе с этим, практически в каждом письме императрица благодарит Салтыкова за подробные отчеты о здоровье и достижениях своих внуков в науках, в познании которых «во всем сохраняются правила мои»²³. Как эти отчеты составлял воспитатель, что брал за основу, мы можем лишь догадываться. Но в более поздней переписке имя Лагарпа исчезает. Так, в письме императрицы от 23 января 1791 г. есть упоминание о тетради с отчетами главного воспитателя об учении мальчиков, которую Салтыков послал Екатерине. Императрица довольна результатами и хвалит старания главного воспитателя Салтыкова: «С помощью Божии, надеюсь, что оне под руководством вашим делаются людьми полезными для империи вперед»²⁴. А 6 февраля того же года Лагарп написал Салтыкову письмо, в котором разочарованно искал объяснений, почему ни чина, ни обещанных денег он так и не получил. «Либо особу мою, либо должность, мною занимаемую, ценят не очень высоко»²⁵, – писал он начальнику.

В комментариях Лагарпа к этому своему посланию мы находим подробности ответа Салтыкова: «Пока граф за мой счет милости добывал, я вместо наград, им обещанных, получил афронт. Не постыдился он даже мне благодарность передать от имени Императрицы и Великого Князя и Великой Княгини, дабы оставить меня в убеждении, будто бы он мое сочинение с моею подписью представил. О подлость! О низость!»²⁶ Лагарп подал на имя Екатерины несколько подробных меморий: две в 1784 году (одна от 10 июня, вторая – в конце года) и еще пять в последующие годы (20 сентября 1786 г., 31 марта и 17 сентября 1789 г., большую меморию от конца декабря 1790 г. и от 22 декабря 1791 г.)²⁷. Как раз о последней и писала Екатерина, благодарив Салтыкова за усердную службу.

Двуличие Салтыкова, его лукавство проступают сквозь строки ответного письма от того же 6 февраля 1791 г.: «Скажу вам как истинный и несомненный друг ваш, что ничего вы не потеряете ни теперь, ни в будущем. Не пожалеете, что здесь оказались. Будьте покойны и верьте, что я вам друг истинный»²⁸. И в этом же письме открывается причина, по которой Салтыков просил своих секретарей переводить письма: «Знаете вы, любезный господин де Лагарп, как мне трудно по-французски писать». Салтыков, по всей видимости, плохо знал французский и императрица могла бы заподозрить неладное, если бы Николай Иванович решился подавать ей мемории не на русском языке.

И остались бы прошения Лагарпа в ящике стола Салтыкова, если бы не неожиданная болезнь Фредерика Сезара. Заболев и не имея достаточно средств на лечение, швейцарец вновь пишет Салтыкову, и, как сам признается, «решительный тон письма» и «намек на мемории» «убедили графа, что кормить меня прекрасными обещаниями больше невозможно»²⁹. Салтыков испугался огласки, понимая, что Лагарп может набраться смелости и обратиться к императрице напрямую, и выделил учителю 2000 рублей, сказав при этом, что прибавка эта к жалованию пожизненна. Однако, скорее всего, императрица даже не догадывалась о «прибавке». Лагарп предположил, что те 2000 рублей были выписаны из «кабинетных денег Великих Князей, которыми граф распоряжался полновластно». О финансовой самостоятельности графа в распоряжении казенными деньгами мы встречаем упоминание в переписке между Салтыковым и Екатериной, поэтому можно предположить, что Лагарп справедлив в своих доводах. Так, Екатерина пожаловала 100 тысяч рублей Салтыкову из «чрезвычайных расходов ведомства» Николая Ивановича, о чем писала ему 22 сентября 1793 г., предписав ему взять их в течение настоящего и будущего 1794 г.³⁰

Лагарп прекрасно понимал, что его отставка не выгодна в первую очередь Салтыкову, который в таком случае упустил из рук прекрасный

источник красноречивых текстов, которые так любила читать императрица. Так, он писал: «Без меня большую часть влияния старый граф потерять мог»³¹. В эпистолярном наследии мы находим много подтверждений хитрости, уклончивости главного воспитателя Салтыкова. Самовластно распоряжаясь деньгами кабинета Великих Князей, он легко мог держать Лагарпа в ложном понимании того, насколько императрица осведомлена об успехах учителя на педагогическом поприще, попросту выдавая определенные суммы денег якобы в качестве императорской благодарности. Как бы то ни было, в конечном итоге Лагарп за почти 12 лет службы кроме ордена св. Владимира получил чин полковника, который был ему присвоен 31 января 1795 г., а 9 марта его отправили в отставку от военной службы. Финансовые же дела у Лагарпа шли еще хуже, знакомые открыли ему кредит, он влез в долги, желая купить за 11 000 небольшой дом на родине. Пенсии в 2000 рублей и 925 рублей полковничьего жалования за воспитание Константина было явно недостаточно, чтобы покрыть расходы. Лагарп обратился к Екатерине, и через некоторое время ему выплатили единовременно в погашение пенсии 10 000 рублей. Лагарп был унижен, оскорблен и подавлен, это была не та сумма, на которую он рассчитывал от «слышшего бесконечно щедрым»³² русского двора. Ему даже пришлось продать Салтыкову накопленную в России библиотеку, чтобы выроченные за книги деньги потратить на дорогу домой. Но на этом финансовые затруднения не закончились. Со смертью Екатерины Павел, по словам Лагарпа, «обобрал» учителя, отобрав заслуженную пенсию. Лишь только после воцарения Александра пенсию в 2000 рублей ему все-таки вернули.

Досадными выглядели и милости, которыми императрица осыпала Салтыкова, пожаловав 21 мая 1788 г. ему орден Св. равноапостольного князя Владимира большого креста первой степени³³, в 1793 г. – 100 тысяч рублей, «деревни, сверх получаемого вами жалования и столовых денег, во всю жизнь вашу пенсии по двадцати пяти тысяч на год», 1796 г. – дом в Петербурге, столовый серебряный сервиз, «единовременно на заведение домашнее 60 тысяч рублей, из суммы, на чрезвычайные расходы в ведомство ваше отпускаемое»³⁴. Других воспитателей великих князей также не обидели. Протасову пожаловали орден Св. Александра Невского и «в вечное потомственное владение деревню, определяя ему, сверх полного по чину жалования, ежегодной по смерти пенсии по три тысячи рублей»³⁵. Тайному советнику барону фон дер Остен Сакену также пожаловали в 1796 г. орден Св. Александра Невского, деревню, поверх жалования пенсию в 3 тысячи рублей и 10 тысяч рублей единовременно из денег кабинета. В тот же год наградили и всех остальных, причастных

к образованию царственных внуков: Ламсдорф, Кошелев, Муравьев, Будберг, Христовский получили повышения и пожизненную пенсию в 2000 рублей, единовременную выплату в 6000³⁶.

Как видим, в отношении нижестоящих Салтыков был типичным придворным-руководителем, который нередко пользовался трудами своих подчиненных, боялся их возвышения, успехи замалчивал или выдавал за свои, был лукав, осторожен, умел приспособливаться, ладить с другими людьми, был угодлив, уклончив. Конечно, это не красит Николая Ивановича, но и не выделяет из круга ему подобных. Да и Лагарп, безусловно, – сложная и противоречивая фигура. В чем-то немного авантюрист, мечтатель, интеллигент, он приехал в Россию за славой, деньгами и положением, имея на это больше прав, чем многие иностранцы-мошенники, которые на протяжении всего XVIII в. съезжались со всех уголков Европы и были обласканы при российском дворе. Человек-энциклопедия, он начал свою карьеру в роли избавителя молодого повесы от юной музы, а получил право влиять на умы будущего императора и его младшего брата. Образованнейший человек своего времени, он покинул Россию никем по заслугам не отмеченным, но, сам того не подозревая, увез гораздо большую награду – уважение и искреннюю дружбу своего ученика, будущего императора России.

Примечания

- 1 См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. С. 202–203.
- 2 *Чарторижский А.* Воспоминания и письма. М., 2010. С. 103.
- 3 См.: *Русский биографический словарь.* СПб., 1896. Т. 10. С. 27.
- 4 Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1787. Т. 23. С. 229.
- 5 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ю. Андреева. М., 2015. С. 167.
- 6 Там же. С. 167.
- 7 Там же. С. 172.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Там же. С. 203.
- 11 Там же. С. 199.
- 12 Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову / подг. рус. текста и коммент. С. А. Мезина и Я. Н. Рабиновича; под ред. Н. И. Девятайкиной. Милан, 2005. С. 174.
- 13 Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 211.
- 14 Там же. С. 177–178.
- 15 Там же. С. 178.
- 16 Там же. С. 218–219.

- ¹⁷ [Лагарп Ф. С.] Записки о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей // Русская старина. СПб., 1870. С. 154.
- ¹⁸ Там же. С. 156.
- ¹⁹ Там же. С. 195.
- ²⁰ Там же. С. 197.
- ²¹ Там же. С. 205.
- ²² Там же. С. 297.
- ²³ Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову. С. 175.
- ²⁴ Там же. С. 193.
- ²⁵ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 198.
- ²⁶ Там же. С. 198.
- ²⁷ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 272.
- ²⁸ Там же. С. 200.
- ²⁹ Там же. С. 199.
- ³⁰ Письма Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову (1763–1796) // Русский архив. СПб., 1864. Вып. 9. С. 984.
- ³¹ Император Александр I и Фредерик-Сезар Лагарп. С. 245.
- ³² Там же. С. 276.
- ³³ Письма императрицы Екатерины Второй к Н. И. Салтыкову (1763–1796). С. 976.
- ³⁴ Там же. С. 984.
- ³⁵ Там же. С. 986.
- ³⁶ Там же.

Образец для цитирования:

Аукштыкальните А. Д. Николай Иванович Салтыков и Фредерик Сезар де Лагарп // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 28–34. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-28-34.

Cite this article as:

Aukshtykalnite A. D. Nikolay Ivanovich Saltykov and Frederick Ceasar de La Harpe. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 28–34 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-28-34.

УДК 94(47).084

«AVE, REVOLUTIO»: СУДЬБА МАКСИМА БЕРДЯГИНА – ЭСЕРА, ПОЭТА, САМОУБИЙЦЫ

А. А. Голосеева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
E-mail: goloseyeva@gmail.com

Настоящая статья посвящена одному трагическому событию из истории российского революционного движения начала XX в.: самоубийству в Бутырской тюрьме члена партии социалистов-революционеров террориста М. В. Бибилова. О герое данного события нет упоминаний в исторической литературе. Между тем в свое время оно сильно взволновало российскую общественность. На основании обнаруженных в архиве материалов, периодики тех лет и мемуарных источников впервые воспроизводится канва трагических событий, разыгравшихся в Бутырской тюрьме 100 лет назад. В статье также публикуются ранее не издававшиеся стихи Бибилова, писавшего под псевдонимом Эмбь, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации.

Ключевые слова: Фрумкина и Бердягин, Максим Бердягин, Эмбь, Фрума Фрумкина, эсеры, партия социалистов-революционеров, терроризм, Бутырская тюрьма.

«Ave, Revolutio»: the Fate of Maxim Berdyagin – SRs, Poet, Suicider

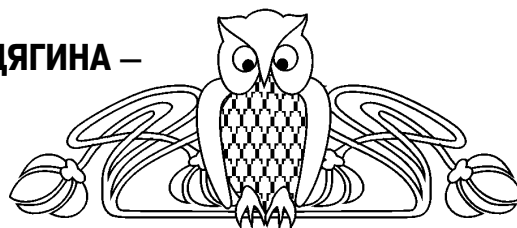
A. A. Goloseyeva

The present article deals with a tragic event in the history of the Russian revolutionary movement of the early twentieth century: the suicide of the Socialist Revolutionary Party member, the terrorist M. V. Bibikov in Butyrskaya prison. There is no mention about the participant of the event in historical literature. Meanwhile, during a certain period of time it greatly disturbed the Russian public. Based on the discovered archival materials, periodicals and memoirs of those years, the outline of the tragic events that flared in Butyrskaya prison 100 years ago is reestablished for the first time. The article also presents previously unpublished poems of M. V. Bibikov (who wrote under the pseudonym «Emb») stored in the State Archive of the Russian Federation.

Key words: Frumkina and Berdyagin, Maxim Berdyagin, Emb, Fruma Frumkina, SRs, Socialist-Revolutionaries, terrorism, Butyrskaya prison.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-35-41

Работая в Государственном архиве Российской Федерации и разбирая документы, связанные с жизнью и деятельностью Виктора Михайловича Чернова, мы обнаружили в одном деле несколько стихотворений и поэм, частично подписанных псевдонимом Эмбь с указанием точной даты написания¹. Почерк знакомый – В. Чернова. Но такого псевдонима у него, судя по сведениям А. П. Новикова и О. В. Коноваловой, не было². В попытках выяснить, кому принадлежит этот псевдоним, мы обратились к «Словарю» Масанова и там обнаружили, что такой был у Максима Бердягина, эсера, поэта, приговорённого к смертной казни в 1907 году³.

Его псевдоним указан и в именном указателе журнала «Каторга и ссылка» за 1921–1925 годы⁴.

Если со стихами, подписанными псевдонимом «Эмбь», мы более или менее разобрались, то остальные тексты – поэмы о событиях, происходивших в Италии и Чехии, – требуют ещё дополнительного изучения: в них очень много исправлений и комментариев, сделанных рукой Виктора Михайловича Чернова. Кроме того, ни словарный фонд, ни содержание, ни орфография и особенно пунктуация не соответствуют стихам Бердягина, что позволяет сделать вывод: автор их явно не Эмбь. Возможно, эти стихотворения и поэмы принадлежат самому В. Чернову.

О Максиме Бердягине есть довольно много упоминаний у современников вместе с Фрумой Мордуховной Фрумкиной, также эсеркой, членом боевой организации, совершившей ряд покушений на разных должностных лиц. В 1902 г. в Минске она готовила покушение на жандармского полковника Соленко, в 1903 г. в Киеве – на начальника жандармского управления Новицкого⁵, в 1907 г. – на московского градоначальника А. А. Рейнбота, за что была в очередной раз арестована и помещена в Бутырскую тюрьму⁶.

На современников сильно подействовала последняя акция, которая была спланирована ими совместно по переписке уже в тюрьме: Фрумкина, сумев добыть браунинг, стреляла в помощника начальника Бутырской тюрьмы по женской части Багрецова и ранила его в руку. В свою очередь, Максим Бердягин напал на помощника начальника Бутырской тюрьмы по каторжному отделению, коллежского регистратора Северина, и нанес ему два ранения в шею кинжалом, смазанным цианистым калием⁷. И Фрумкина, и Бердягин объясняли свои действия тем, что это был протест против нечеловеческих условий содержания политзаключённых в российских тюрьмах.

Так как оба покушения были совершены вскоре после введения Столыпиным более суровых наказаний за терроризм, то обоих эсеров предали военно-полевому суду, приговорившему их к смертной казни, хотя жертвы не получили смертельных ранений. Ф. Фрумкина стала второй женщиной после Софьи Перовской, казненной в России через повешение по политическому обвинению.

Чтобы не попасть в руки палача, Бердягин покончил жизнь самоубийством, причем очень

сложным и мучительным способом. Слухи о его поступке дошли до многих находившихся в ссылках и на каторге политзаключённых. Один из них, А. Скульский, вспоминал: «Уже будучи в Сибири, мы узнали, что тов. Бердягин ранил ножом в горло помощника, за что был предан военно-окружному суду, но до разбора дела сам себя зарезал»⁸. До Сибири обстоятельства дела дошли не совсем точные.

В своих воспоминаниях Вера Николаевна Фигнер сообщала, что в начале 1908 г. она жила в семье В. М. Чернова в г. Выборге, на территории тогдашнего Великого княжества Финляндского. Через некоторое время после казни Ф. Фрумкиной и смерти М. Бердягина известная деятельница народнического движения А. П. Корба «...прислала в “Организационное бюро” папку с документами по её делу, с её письмами и статьями. Тут же были документы по делу приговорённого к смертной казни Бердягина, его письма и стихотворения... Документы по этому трагическому делу член “Организационного бюро” Г. К. Ульянов привёз в Выборг на квартиру Чернова»⁹.

И А. П. Корба, и Г. К. Ульянов считали, что эти документы заслуживали опубликования. Виктор Михайлович передал папку с документами Фигнер: она должна была определить их ценность и, если сочтёт нужным, подготовить к публикации и написать предисловие. Она принялась за чтение. «Содержание того, что я читала, совершенно увлекло меня – в них всё было трагично и красиво. Это были действительно замечательные человеческие документы. Я расположила их в порядке, необходимом для печати; из стихотворений Бердягина взяла только четыре [«Серые люди, угрюмые стены», 11 марта 1907 г., «Пускай закован в цепи я», 19 марта 1907 г., «В наше время легко умирать!», 12 июня 1907 г. и «Братья, братья, неужели...», без даты. – А. Г.], потому что остальные были очень плохи: Бердягин совершенно был лишён поэтического дарования»¹⁰. В разделе будущей книги, посвящённом Ф. Фрумкиной, Вера Фигнер также поместила стихотворение М. Бердягина «На смерть Ф. Фрумкиной», написанное 28 июня 1907 г. и состоявшее из 16 строк. Вот его начало: «Ещё одна жертва великой борьбы / За долю и счастье народа!...»¹¹ Следует отметить, что в числе стихотворений, переписанных рукой Чернова, тех, что опубликовала В. Фигнер, не было.

Надо сказать, что критика Веры Николаевны стихов Бердягина была в общем справедлива. Эстетическая ценность этих произведений не высока: рифмы чересчур просты и содержание не лишено банальности. Конечно, Бердягин не обладал большим поэтическим дарованием, однако вряд ли он претендовал на это. Его стихи – скорее, своего рода революционная публицистика. В них отражены ясная гражданская и политическая позиции того революционного круга, к которому он принадлежал. Это политический манифест, выра-

женный в стихотворной форме и приобретающий из-за этого более сильный эмоциональный эффект. Не зря эти стихи заинтересовали В. Чернова, и он переписал их: как известно, Виктор Михайлович прекрасно разбирался в поэзии и сам был талантливым переводчиком.

Итак, В. Фигнер была подготовлена небольшая книга «Памяти Фрумкиной и Бердягина. 11 июля – 13 июля 1907 г.». Она написала к ней предисловие и издала за свой счёт в количестве 1 тысячи экземпляров. Брошюра не осталась незамеченной. В. Фигнер вспоминала, что брошюра вскоре стала библиографической редкостью, и ей пришлось собственный экземпляр пожертвовать в библиотеку Музея революции¹².

Большая часть брошюры была посвящена Фруме Фрумкиной. И это не случайно. Прежде всего, она была более видным участником революционного движения. Кроме того, на процессе Фрумкина произнесла две страстные речи, которые произвели большое впечатление на публику и получили широкое распространение. Первая ее речь была посвящена бесчеловечным правилам содержания заключённых, целью которых было унижить и сломить их волю. Со скамьи подсудимых она обличала зверства тюремных администраций, приводила конкретные примеры из тюремного опыта своих товарищей, которые подвергались избиениям и бросались в карцер за малейшую провинность или попытку отстоять свои права, лишались времени на элементарную гигиену и т. п. Упомянула она и приказы с благодарностью часовым за убийство политзаключённых, регулярные, хотя и не всегда успешные, попытки натравить уголовников на политических¹³. В последнем письме Фрумкиной были такие строки: «Безграничные муки политических каторжан в Московской пересыльной тюрьме и непрерывные глумления над ними вызвали наши покушения: моё и Бердягина»¹⁴.

Во второй речи на суде она затрагивала и более общие вопросы, объяснила мотивы своего участия в террористической деятельности и поведала о программе эсеровской партии¹⁵. В. Фигнер также опубликовала статьи и письма, которые писала Фрумкина в тюрьме. В письмах к товарищам поражают её спокойствие, мужество и выдержка. Последние ее мысли были только о партии: «Мое предсмертное желание, чтобы П. С.-Р. снова вызывала гордость и преклонение всех людей и привлекала по-прежнему в свои ряды всех чистых и светлых борцов, все лучшие силы, чтобы самодержавие снова почувствовало в ней грозного и могучего врага, чтобы народ снова почувствовал в ней свою руководительницу, печальницу и заступницу»¹⁶.

Совсем по-другому вёл себя на процессе Бердягин. Он отказывался отвечать на вопросы председателя суда, потребовал, чтобы его самого удалили из зала заседания, не стал произносить последнего слова. Вместе с ним

удалились и его адвокаты. Бердягин заявлял, что не считает данный суд для себя законным, поэтому не хочет присутствовать на его заседаниях. Даже приговор был объявлен в его отсутствие в зале суда. Поэтому суд проходил чисто формально, и всё было решено в течение часа. В это время Бердягин в другом помещении оживлённо беседовал со своими адвокатами, обсуждая какие-то вопросы.

В качестве иллюстрации мы приводим стенограмму данного судебного заседания: «Судебное заседание Московского Военно-окружного суда было открыто 12 июля в 2 ч. 15 м. дня. Председательствовал военный судья ген.-майор Фишер...

Председатель: Обвиняемый, объявите суду Ваше имя.

Бердягин: На что вам мое имя – вам нужны шеи, а не имена.

Председатель: Я спрашиваю Вас, кто Вы такой?

Бердягин: Я социалист-революционер, но заявляю, что вообще каждый честный и порядочный человек независимо от своих политических убеждений, независимо от того или другого отношения к террору на моем месте поступил бы также.

Председатель (прерывая Бердягина): Настоящее дело слушается при закрытых дверях, удалите публику. (По удалении публики, обращаясь к Бердягину). По обязанности председателя я должен задать Вам ряд вопросов... Желаете ли Вы отвечать на них?

Бердягин: Из моего дальнейшего заявления вы увидите, желаю ли я отвечать – я требую моего удаления из залы заседания, так как не желаю не только защищаться, но даже и своим присутствием как бы санкционировать ваш так называемый суд, являющийся в действительности лишь органом мести и кровавой расправы самодержавного правительства со своими врагами – борцами за народное счастье.

По распоряжению Председателя вводят помощника тюрьмы Северина, который удостоверяет личность Бердягина.

Бердягин (сидя, перебивает Северина). Я требую, чтобы меня немедленно удалили из залы заседания, с холопами и палачами не желаю я разговаривать.

Поднимается шум.

Председатель (кричит конвойным). Удалите его из залы заседания.

Конвой, не поняв распоряжения, смотрит...

Бердягин (кричит): Холопы, я требую моего удаления!

Председатель (бледный, тоже кричит): «Конвойные! Уведите его, или мне десять раз повторять?...» Бердягина поспешно уводят. Защитники требуют слова и, заявив протест против незаконного закрытия дверей, объявляют, что и они не находят возможным оставаться долее в зале заседания ввиду вполне определенного отношения Бердягина к суду и судьям.

После удаления защиты, процесс протекает очень быстро: в полчаса заканчиваются все формальности: чтение обвинительного акта, привод свидетелей к присяге, самый допрос, речь обвинителя, и уже в 3 ч. 15 м. суд удаляется на совещание, а в 3 ч. 45 м. выносится приговор...»¹⁷

После оглашения приговора Бердягин был переведён в подвальную, тёмную и сырую камеру Таганской тюрьмы под охрану сразу трёх тюремщиков. Там он написал 5 июля 1907 г. письмо «К обществу (вместо речи на суде)»¹⁸, в котором многое объяснил. Он подробно описал жизнь каторжников в Бутырской тюрьме, рассказал о тех издевательствах, которые они ежедневно терпели от тюремной администрации. М. Бердягин вспомнил о многочисленных попытках заключённых отстаивать свои права и их безрезультативности, игнорировании жалоб. После покушения Фрумкиной он предупредил Северина, что и с ним может случиться то же, если он не изменит своего отношения к заключённым. Но тот не внял предупреждению. Бердягин пришёл к выводу, что нельзя оставлять безнаказанными палачей, им надо мстить. За 5 дней до казни Фрумкиной он и пытался осуществить месть, напав на Северина¹⁹.

Как только 11 июля 1907 г. был приведён в исполнение приговор в отношении Фрумкиной, стало ясно, что наступил черёд Бердягина. 12 июля состоялся процесс над ним. Сразу же после вынесения смертного приговора Максим окончательно решил, что он не позволит палачу коснуться его, что он сам лишит себя жизни. Это оказалось сделать не так просто. В ночь на 13 июля 1907 г. он предпринял первую попытку самоубийства, но она окончилась неудачно: принял слишком большую дозу морфия, началась рвота. Почти сразу он предпринял вторую попытку: пытался проткнуть иголкой мозжечок, нанёс себе ряд глубоких уколов, но не попал. Тогда Бердягин сделал третью попытку: он заранее обломал черенок у чайной ложки, обточил его об кандаль и начал наносить удары в грудь, стремясь добраться до сердца. Но черенок гнулся и пробить рёбра не удалось. Наступил рассвет, и Максим прекратил свои попытки. Никто не услышал от него ни единого звука²⁰.

Прошёл ещё один день. Дождавшись позднего вечера, Бердягин разыскал длинный гвоздь, лег на него на кровати, накрывшись одеялом и пронзив кожу и ребра, добрался до сердца. Полученное ранение, по мнению врачей, должно было привести к смерти через 30–40 минут, но Максим нашёл в себе силы вынуть гвоздь, спрятать его, а затем дважды черенком ложки перерезал сонную артерию. Началась агония, и только тогда надзиратели заметили что-то, ворвались в камеру, но было уже поздно²¹. Это было страшным потрясением для всей тюрьмы. Таким способом Максим Бердягин доказал свою неподсудность царскому суду.

Как оказалось, Максим Бердягин не было его настоящими именем и фамилией. Принятый

судом документ носил такое название «Обвинительный акт по делу о неизвестном, именуемом себя мещанином Максимом Владимировичем Бердягиным»²². Настоящим было только отчество. Дальнейшие расследования позволили установить, что на самом деле это был Михаил Владимирович Бибииков (1878–1907)²³, купеческий сын из небольшого уездного городка, который несколько лет помогал братьям в торговом деле, а затем в начале 1900-х гг. уехал в Москву, чтобы сдать экзамены за гимназию и поступить в Московский университет, но сразу в 1903 г. окупился в революционное движение.

Уже в июле 1903 г. последовал его первый арест за попытку создать подпольную типографию. Отсутствие улик не помешало приговорить Бердягина к административной ссылке в Архангельскую губернию на 5 лет. Но по дороге он бежал на юг России, в 1904 г. вновь был арестован в Одессе и приговорён к ссылке в Колу. Вскоре он бежал из Колы, через Норвегию, Швецию и Финляндию вернулся в Москву, начал активно действовать как пропагандист Крестьянского союза, а затем вступил в ряды ПСР, занявшись боевой деятельностью. Вновь тюрьма, приговор к каторжным работам и долгое пребывание в пересыльном отделении Бутырской тюрьмы. Всё это нашло отражение в его поэтическом творчестве. Это был, как писала в своём очерке В. Фигнер, человек железной воли и очень сильный физически²⁴. Следует отметить, что ни следствие, ни суд не установили подлинную личность подсудимого, и во всех документах он значился как Максим Бердягин. В. Фигнер считала, что Бибииков не хотел, чтобы о его судьбе знали родители, которых он очень любил²⁵.

С исторической дистанции многое видится иначе, чем современникам событий. В случае с эсерами – Фрумкиной и Бердягиным – эта истина особенно наглядна. Сегодня мы с некоторым недоумением читаем про смерть Максима Бердягина, а в 1907 г. русское общество было потрясено и взволновано.

Брошюра произвела огромное впечатление на российскую общественность, её упоминали газеты и журналы того времени. Её читал Лев Толстой. По воспоминаниям доктора Д. Маковицкого, нашедшим отражение в его «Яснополянских записках», 11 мая 1908 г. у них состоялся разговор об общине. Толстой говорил, что община, несомненно, имеет недостатки, но «она – оправдание перед людьми»²⁶. А вечером «Л. Н. пересматривал книгу, изданную в память повешенной Фрумкиной и Бердягина (убил себя в тюрьме). Прочел вслух о цели социалистов-революционеров: освободить 130 миллионов русских от абсолютистского ига и потом работать на осуществление свободной жизни. Л. Н.: Ребячество – И отложил книгу»²⁷. Таким образом, Лев Николаевич имел эту брошюру и, как видно, даже не раз перечитывал, хотя и не верил в возможность практической реализации планов партии эсеров.

На трагическую гибель двух неудачливых террористов живо откликнулись и тогдашние «лидеры общественного мнения»: Мережковский, Философов, Розанов.

Д. С. Мережковский посвятил большую статью «Бес или Бог?»²⁸ размышлениям, охватившим его после прочтения «Памяти Фрумкиной и Бердягина». «Цена этой книги – две человеческих жизни, – писал Дмитрий Сергеевич, – стоит прочесть и задуматься; может быть, и о революционной “бесовщине” кое-что узнаем»²⁹. И далее, описывая то, что сделал с собой Бердягин, Мережковский рассуждал: «Что это такое? Как это осудить или оправдать? Кровь стынет в жилах, язык немеет от ужаса. Мы даже не можем представить себе, что он испытывал, когда снимал с себя кандалы, “чтобы умереть свободным”. Во всяком случае, “бесовское” или “божеское”, но это нездешнее, не человеческое, не эмпирическое, даже не метафизическое, а религиозное»³⁰. Заканчивая свои раздумья над книгой «Памяти Фрумкиной и Бердягина», Дмитрий Сергеевич приводил строки из предсмертного письма Максима Бердягина: «Настанет время, когда любовь и разум проникнут в жизнь человека, и мир представит единую братскую семью... Этот рай омывается не Тигром и Ефратом, а истиной и справедливостью... Я счастлив, умирая... Ave, Revolutio, morituri te salutant!» И далее Мережковский писал: «И в неумелых стихах его слышится детскость молитвы: – В наше время легко умирать... / Уж идёт золотая весна... / И готов хоть две жизни отдать / За святой идеал впереди. Этот “святой идеал”, эта “золотая весна” этот “рай, омываемый истиной и справедливостью”, – размышлял автор рассматриваемой статьи, – “не тысячелетнее ли царство”, не “новое ли небо и новая земля” Апокалипсиса?»³¹.

Фактически многие представители тогдашнего российского общества воспринимали эти события как акт религиозно-мистической драмы. По меткому выражению теоретика мистического анархизма Георгия Чулкова, происходило «сораспятие миру». Религиозно-экстатическая правда интеллигенции, обожествлявших борцов с царским режимом, противостояла темной, сектантской мистике «распутиновщины» и казенному черносотенству. То, что в наши дни мы оцениваем сугубо как террористический акт, в начале XX в. прогрессивная публика славилась как акт революционного очищения. В контексте столь сильных эмоциональных переживаний казнь Фрумкиной и самоубийство Бердягина считались сакральной жертвой, принесенной русским обществом на алтарь чаемой и взыскиваемой революции.

Ужасы катастрофы 1917 г. были еще впереди, и мыслящие граждане смотрели в будущее с надеждой и верой в торжество социальных идеалов, защитниками которых считались тогдашние бунтари, прежде всего, социалисты-революционеры.

Единомышленник Мережковского Д. В. Философов также вспоминал о книге «Памяти Фрумкиной и Бердягина» в связи с прочтением опубликованного в 5-м альманахе «Шиповника» «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева³². «В брошюре, – писал Дмитрий Владимирович, кроме маленького предисловия, нет никакой “литературы”. Только факты, документы. Про Андреева Лев Толстой сказал: “Он меня пугает, а мне не страшно”. Брошюра, посвященная Фрумкиной и Бердягину, – не пугает. В ней нет выдуманных ужасов. Но она больше, чем пугает»³³. А далее Философов, разбирая рассказ Андреева, отмечал, что он такой же достоверный, как брошюра, и написать так мог только Леонид Николаевич³⁴.

Совсем иначе воспринимал трагедию в Бутырской тюрьме В. В. Розанов, оппонент «революционных христиан». Приводя те же строчки из предсмертного письма Бердягина и из его стихов, что и Мережковский, он писал: «Так, мешая стихи и прозу, сказал свой идеал социал-революционер. Это было в 1907 г., в июле месяце. Видно пламя, но где имя, образ? К кому идеал отнесен и кого [курсив Розанова. – А. Г.], в сущности, он связывает? Вместо того, чтобы петь о рае, “омываемом справедливостью и разумом”, лучше бы он показал хоть кошку, которую накормил, собаку, которую погладил рукой. Тогда бы я видел, что за человек, и, может быть, пожал бы ему руку»³⁵. Описывая далее самоубийство Бердягина, Розанов делал вывод: «Спрашивается, сколько надо иметь злобы в душе, чтобы совершить все эти манипуляции для доставления себе единственного торжества – принять смерть не от рук официального суда?.. такой беспримерной злобы, о таком напряжении злобы не читается ни в одной всемирной хронике»³⁶. Как следует из заключительных строк статьи, Розанов написал её в полемике с Мережковским. И если Дмитрий Сергеевич сомневался, что это «бесовское» или «божеское»? то Василий Васильевич утверждал, что это «бесовское», хлебнувшее от черных вод Стикса.

Итак, на фоне множества драматических событий XX в. старая эта драма давно потеряла эмоциональную остроту и забыта потомками. Такова историческая реальность: одним уготована долгая память и слава, другие же, как героини нашей статьи, затерялись на пожелтевших от времени страницах периодики прошлых лет.

Однако, в судьбе Максима Бердягина (Эмба) отразились многие черты жизненного пути российских революционеров начала XX века. Только конец, выбранный им, был сугубо индивидуален и сделал его трагической фигурой.

Впрочем, дело Фрумкиной и Бердягина представляет для нас не только исторический интерес. Страстная вера в справедливость и в недопустимость унижения человеческого достоинства – эти темы вечны и актуальны для любой эпохи. В этом смысле дела давно минувших дней русского революционного движения сохраняют для нас свежесть и актуальность.

Как писала в одном из своих последних писем Ф. Фрумкина: «Главное же: всякое глумление над человеческим достоинством должно вызвать отпор помимо каких бы то ни было рассуждений...»³⁷

В заключение приведём несколько стихотворений Бердягина, которые мы обнаружили в ГА РФ и которые не были опубликованы. Надо отметить, что, кроме брошюры, изданной В. Фигнер, одно стихотворение Максима Бердягина из неё «Братья, братья, неужели...» было опубликовано в 1921 г. в журнале «Каторга и ссылка»³⁸.

Нам представляется, что наивные стихи Михаила Владимировича Бибикина позволяют судить о том, как изменялось мировоззрение человека, попавшего в революционную среду, какие чувства он переживал, находясь в рядах революционной партии, пребывая в тюрьме и ссылке³⁹.

Вторая воля (отрывок)

1.
 Государь! Тяжело на Руси мужику
 Взмокли потом родимые нивы!
 Поприслушайся к песне – вложил всю тоску
 Он в родные души переливы.
 Он пригнулся к земле под ярмом податей
 От тяжёлой работы хиреет
 Терпеливо стоит под ударом плетей
 И во тьме суевья коснеет
 И забава его и дика, и грязна –
 Драка с пьянством – одно развлечение...
 Повели, государь, просветить мужика
 И увидишь Земли возрождение!
 Повели просветить тёмный русский народ
 И страна сбросит бремя страданья
 Жадной грудью в себя эту силу вздохнет
 И окрепнет под светом познания!

2.
 Эку чушь напорол – просветить мужика!
 Он, мол, тёмн и грязен и дик!
 Уж кому бы другому, а мне не рука –
 Мне такой-то и нужен мужик!
 Просвети-ка его и увидит он то,
 Что он кормит меня и дворян
 И попов и купцов ни за что, ни про что
 И что власть моя – церкви обман...

Это стихотворение написано 4 августа 1902 г., то есть еще до того, как Максим Бердягин вступил в ряды революционного движения. Ясно видно, что он уже тогда был полон демократических взглядов, мечтал о массовом антицарском движении с вовлечением в него крестьян.

Менее чем через год он уже в революционном движении и был в первый раз арестован, оказался в тюрьме, описав свои впечатления о ней в следующем стихотворении (9 июня 1903 г.):

В тюрьме

В синем небе над душной тюрьмою...
 Не хотел бы я быть вольной тучей
 Иль беспечной, весёлою птицей –

*Им закон в небе ветер летучий
Гонит он их шутя вереницей
Куда хочет: над пышиной светлицей,
Над лачугой, над душной темницей, –
Куда хочет, свободный, могучий...
Я б хотел быть тем ветром свободным,
Не затем чтоб гонять птиц и тучи,
Не затем чтоб ломать лес дремучий,
А чтоб в мире крестьянском, голодном
Семена сеять правды живучей,
Правды чистой, святой, благородной...
Я б все слезы, пролитые горем,
Ницетой, униженьем, бедою,
Беспросветной народной нуждою –
Всё собрал бы бушующим морем
И всех тех, кто причиной их был
С наслаждением в нём утопил!..*

Бердягин вступил в ряды партии эсеров, он среди единомышленников, что придаёт ему силы и бодрость духа, уверенность в грядущей победе (4 июля 1904 г.):

*Мы идём. Наша рать невеликая
С каждым часом растёт и растёт
Всё мрачней против нас злоба дикая
Свой конец прозревая встаёт...
Нас ссылают, пытаются и мучают,
Нам грозит и петля и расстрел,
Наше тело всё сплошь рана жгучая,
Но, как прежде, дух крепок и смел!
Зачались мы от горя народного,
Породила нас голь-нищета,
Повивала нас скорбь неисходная
И качала в беде темнота.
Нас омыла в слезах неизбежная
Лиходейка – злосчастье-нужда,
Пела песни чудесные, дивные
Нам святая к неправде вражда;
Совесть на ноги всех нас поставила
Обострила и зреньё и слух,
Сердце биться живее заставила,
Окрылила надеждою дух;
Гибель братьев, житьё их голодное,
Их страданья нам душу зажгли
Царство равенства, братства, свободное
Указал властно разум вдали;
Нас сплотила в ряды вера жаркая,
Опыт битвы оружие нам дал,
Оросила нас кровь братьев яркая,
Путь вперёд озарил идеал.
Мы идём... Бури ветром колышется
Наше знамя, его держит честь,
И далёко повсюду услышится
Громкий клич наш воинственный: «мечь!».*

Недолго был Бердягин на свободе, он снова арестован, судим и приговорён к ссылке. Об этом стихотворение «Проклятие ссылке. (За три дня до побега из Колы)», датированное 17 июня 1905 г.:

*... Единственный путь прегражден
Насильем слепым произвола...
Да крепко я здесь пригвождён...
О, будь же ты проклята, Кола!
А там на отчизне кипит
Решительный бой и упорный,
Там каждый шаг кровью добыт
В борьбе с произволом позорным,
Там каждый борец на счету,
Там каждое ценно усилие,
Там гибнут на славном посту...
Ах если бы крылья да крылья!..
Но близится день золотой
Порву я несносные путы
И снова к работе святой
Помчусь не теряя минуты,
И снова душа оживёт
В борьбе против гнёта престола...
Хоть сгинем, товарищ, вперёд!
Будь трижды ты проклята, Кола!*

Бердягин совершил побег с Колы. Через Норвегию, Швецию и Финляндию он вернулся в Россию, оказался снова в Москве, в гуще революционных событий 1905 г. Вот его реакция на царский Манифест о созыве Булыгинской думы (написано 24 августа 1905 г.):

После 6-го августа (отрывок)

*... Что ж от Думы нам ждать,
коль не в силах она
Облегчить нашу горькую долю!
Беспощадной борьбой лишь добудет страна
Свое право, и землю и волю!
Надо нам учредить, чтоб готовыми быть
По деревьям крестьянские братства,
Чтоб собравшихся с силой свободу добыть. –
Наша мощь в них, всё наше богатство!
Когда дружно по всем, по селам-деревням
В час один встанем крепкою силой –
Этот час для царя, для пиявок-дворян
Будет тёмною вечной могилой,
А для нас лишь тогда загорится Заря
Мы свободе откроем объятия
И воскреснет Земля без дворян и царя
И вздохнём вольной грудью мы, братья.*

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-01-00264).

Примечания

- 1 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 164.
- 2 См.: В. М. Чернов : человек и политик. Материалы к биографии / под ред. А. И. Авруса ; авт. биогр. очерка, библиогр. указ. и коммент. А. П. Новиков. Саратов, 2004. С. 316 ; Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 376.
- 3 См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских

- писателей, учёных и общественных деятелей : в 4 т. М., 1958. Т. 3. С. 265.
- ⁴ Именной и системный указатель за 1921–1925 гг. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1928. С. 32.
- ⁵ См.: Фигнер В. После Шлиссельбурга // Избранные произведения : в 3 т. Том третий. М., 1933. С. 209.
- ⁶ См.: Падение царского режима : в 7 т. Т. 6. (Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства) – Допрос А. А. Рейнбота (Резвого), 17 июля 1917 г. / автор (ред.) П. Е. Щёголев (1877–1931). М. ; Л., 1926. С. 124.
- ⁷ См.: Фигнер В. Указ. соч. С. 210.
- ⁸ Скульский А. В Бутырках // Каторга и ссылка : К истории революционного движения в России : сб. / под ред. Л. Бермана, Б. Лагунова, С. Ушеровича. Киев, 1924. С. 90.
- ⁹ Фигнер В. Указ. соч. С. 209–210.
- ¹⁰ Там же. С. 210.
- ¹¹ См.: Памяти Фрумкиной и Бердягина. 11–18 июля 1907 г. [Б.м.] С. 95.
- ¹² См.: Фигнер В. Указ. соч. С. 211.
- ¹³ См.: Памяти Фрумкиной и Бердягина... С. 18–29.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Там же. С. 39–51.
- ¹⁶ Там же. С. 81.
- ¹⁷ Там же. С. 110–111.
- ¹⁸ Там же. С. 112–120.
- ¹⁹ Там же. С. 113–118.
- ²⁰ Там же. С. 102.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 106.
- ²³ Литературное наследство : в 104 т. Т. 90. У Толстого. 1904–1910 : «Яснополяские записки» Д. П. Маковицкого : в 5 кн. Кн. 5. Указатели к кн. 1–4. М., 1981. С. 27.
- ²⁴ См.: Памяти Фрумкиной и Бердягина. С. 99–100.
- ²⁵ Там же. С. 104.
- ²⁶ Литературное наследство. Т. 90, кн. 3 : 1908–1909. М., 1979. С. 87.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См.: Мережковский Д. С. Бес или бог? // Мережковский Д. С. В тихом омуте. СПб., 1908.
- ²⁹ Там же. С. 224.
- ³⁰ Там же. С. 230.
- ³¹ Там же. С. 236.
- ³² См.: Философов Д. В. Рассказ о семи повешенных // Московский еженедельник. 1908. Июнь, № 23. С. 54–57.
- ³³ Там же. С. 54.
- ³⁴ Там же. С. 52–54.
- ³⁵ См.: Розанов В. В. Сантиментализм и притворство как двигатели революции. Впервые опубликовано : Новое время. 1909. 17 июля, № 11977. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_santimentalizm_i_pritvorstvo.html (дата обращения: 31.10.2016).
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Памяти Фрумкиной и Бердягина... С. 75.
- ³⁸ См.: Бердягин М. «Братья, братья, неужели»... // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1921. № 1. С. 62–63.
- ³⁹ Стихотворения Максима Бердягина (Эмбъ) приводятся по: ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–3. Текст приведен в соответствие с современной орфографией, а пунктуация оставлена авторская.

Образец для цитирования:

Голосеева А. А. «Ave, revolutio»: судьба Максима Бердягина – эсера, поэта, самоубийцы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 35–41. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-35-41.

Cite this article as:

Goloseyeva A. A. «Ave, Revolutio»: the Fate of Maxim Berdyagin – SRs, Poet, Suicider. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 35–41 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-35-41.

УДК 94(47).084.3

ОБРАЗОВАНИЕ ГОРСКОЙ АССР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СИТУАЦИЮ В ИНГУШЕТИИ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Т. Х. Матиев

Ингушский государственный университет, Магас
E-mail: tmt_77@list.ru

Статья посвящена анализу предпосылок, основных движущих сил, итогов и последствий создания Горской Автономной Советской Социалистической Республики в 1921 г. В статье указано, что данное государственное образование было первым опытом советского варианта горского интегризма. Данная идея была популярна как у прокоммунистических, так и антибольшевистских националистических сил. Тем самым, созданием Горской АССР Москва стремилась перехватить пропагандистские козыри у своих все еще влиятельных оппонентов в кругах горской интеллигенции. В статье указано на то, что первые шаги Советской власти в решении национального, аграрного и других острых вопросов жизни народов Северного Кавказа действительно способствовали привлечению симпатий горских народов. В первую очередь это относилось к ингушам, которые были самым малоземельным народом Терской области и в силу этого были особо чувствительны к проблемам земельного распределения, а также проблеме выравнивания в правах народов региона. Несмотря на распад Горской АССР в 1924 г., она сыграла важную роль как первый опыт коллективной государственной жизни горских народов в составе Советского государства.

Ключевые слова: советская власть, Горская Республика, земельный вопрос, национальная политика, съезд, Ингушетия, Кавбюро ЦК ВКП (б)

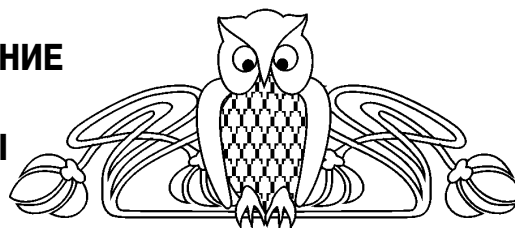
The Creation of the Mountain ASSR and its Impact on the Situation in Ingushetia after the Civil War

T. H. Matiev

The article analyzes the prerequisites, main driving forces, results and consequences of the creation of the Mountain Autonomous Soviet Socialist Republic in 1921. The article states that this entity was the first experience of the Soviet version of mountain integrity. This idea was popular with both pro and anti-Bolshevik nationalist forces. Thus, by the creation of the Mountain ASSR Moscow sought to seize the propaganda coup from its still influential opponents in Mountain intellectual circles. The article points out that the first steps of the Soviet power dealing with the national agrarian and other acute issues of life in North Caucasus really helped to attract mountain peoples' proclivity. First of all, it referred to the Ingush, who were the land-poorest people of the Terek region and because of this were particularly sensitive to the problems of land distribution, as well as to the problem of balancing the rights of the natives. Despite the collapse of the Mountain ASSR in 1924, it played an important role as the first experience of collective public life of the mountain peoples within the Soviet state.

Keywords: Soviet power, Mountain Republic, land question, national policy, Congress, Ingushetia, Caucasian Bureau of the Central Committee of the CPSU (b).

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-42-45

В 2016 г. исполнилось 95 лет с момента создания Горской АССР – первого и единственного опыта советской модели горского интегризма. Просуществовавшее относительно недолго (всего около трёх лет) государственное образование распалось под грузом национальных и экономических проблем при негласном потворстве этому процессу нового постленинского советского руководства, но за этот короткий срок был заложен важнейший фундамент национальной государственности народов Северного Кавказа. Для Ингушетии как региона, лишённого в царское время собственной административно-территориальной единицы и не имевшего опыта собственного национально-административного существования в рамках даже унитарного государства, эти события имели особое значение.

В конце 1920 – начале 1921 г. большевистская верхушка предприняла ряд принципиально важных шагов, имеющих большое значение для истории Ингушетии первой четверти минувшего века и венчающих, по сути, ее развитие в этот исторический отрезок.

Первым шагом, как уже отмечалось, стал съезд народов Востока в Баку в сентябре 1920 г. Один из его участников-ингушей А.-Г. Гойгов вместе с группой других делегатов имел встречу с Лениным в Москве. Вероятно, эта встреча также повлияла каким-то образом на решение, принятое на проходившем 14 октября 1920 г. при участии 27 делегатов бакинского съезда заседании Политбюро ЦК РКП (б). Текст решения этого заседания, рассматривавшего вопрос «О задачах РКП (б) в местностях, населённых восточными народами», уже неоднократно приводился целиком в исторической литературе. Поэтому коснемся лишь наиболее принципиальных его моментов.

Таковыми, на наш взгляд, являются пункты 2 и 3 постановления Политбюро. Пункт 2 гласит: «По вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у горцев великорусами, за счет кулацкой части казачьего населения»¹. Таким образом, политика, уже проводившаяся в регионе эмиссарами центра, получила дополнительное одобрение и легитимность решением высшего государственно-политического органа. Это должно было заверить горцев в том, что поворот в аграрной и национальной политике Москвы окончателен.

Пункт 3 звучит в политическом смысле еще более весомо: «Признать необходимым проведение в жизнь автономии в соответствующих

конкретным условиям формам для тех восточных национальностей, которые не имеют еще автономных учреждений»².

Для развития народов Северного Кавказа (в первую очередь, ингушей) эти пункты как раз и имели главнейшее значение, хотя прагматичной большевистской верхушкой были использованы, возможно, лишь как средство смягчения ожидаемой реакции на последствия реализации пункта 4 того же постановления: «Вести борьбу против буржуазных и лжекоммунистических групп местного населения наряду с поддержкой действительно коммунистических групп и элементов»³. Проще говоря, режим пошел на размен (и как скоро выяснилось, временный) уступок в аграрном и национально-государственном устройстве Терской области, на обеспечение спокойных тылов в ходе намечающегося «освободительного» похода в Закавказье и неизбежной в дальнейшем «прополки» политического пространства и на самом Северном Кавказе.

Решение Политбюро ЦК РКП (б) было в советских условиях по сути директивой, поэтому рассмотрение 27 октября 1920 г. Кавбюро ЦК РКП (б) с участием наркома по делам национальностей И. Сталина вопроса об автономии народов Северного Кавказа и принятие решения «считать своевременным образование Терской и Дагестанской республик»⁴ было уже не более чем формальностью, равно как и краевое совещание коммунистических организаций Дона и Кавказа 29 октября 1920 г. с участием Орджоникидзе, также завершившееся одобрением решения Политбюро⁵.

Для окончательного юридического оформления этих решений требовался еще ряд процедур, первой из которых стал съезд народов Терка. Примечательно, что хотя в Терской области с начала 1920 г. существовали Советы (в отличие от Дагестана, где продолжали действовать ревкомы), для рассмотрения вопроса об автономии был созван съезд народов Терка, а не съезд Советов. И хотя советская историография утверждает, что убедительно объяснить созыв именно съезда народов можно лишь стремлением Кавбюро ЦК РКП (б) и Наркомата по делам национальностей «как можно полнее выявить отношение широких кругов населения Терка и Дагестана к вопросам их автономного существования»⁶, нам все же это объяснение не представляется убедительным. Очевидно, что в условиях, когда результаты выборов в местные Советы не удовлетворили большевиков (а в Ингушетии процент партийных членов новизбранных сельсоветов не превышал 19%)⁷, им было гораздо легче манипулировать ходом работы съезда народов Терка, а не более легитимного, но в перспективе менее лояльного съезда Советов.

Чрезвычайный съезд народов Терка состоялся 17 ноября 1920 г. во Владикавказе и на нем присутствовало 500 делегатов, представлявших

все основные национальности области⁸. На съезде выступили с речами С. Киров и Г. Орджоникидзе⁹. Присутствовал на съезде и еще один видный деятель большевистской партии – наркомнац Иосиф Сталин, который от имени ЦК РКП (б) и Советского правительства декларировал Горскую АССР. Примечательно, что в советской историографии говорится о том, что Съезд заслушал «декларацию наркомнаца товарища Сталина о даровании (! – Т. М.) трудовым массам Терка Автономной Советской Горской Республики»¹⁰, т. е. свобода вновь воспринимается как нечто дарованное, сниспосланное не Богом, природой etc, а императором, вождем, партией, наркомнацем и т. д.

Так или иначе, но в 1920 г. этого еще никто не знал, и создание Горской республики с надеждой и одобрением встретили даже не слишком симпатизировавшие советской власти круги. Так, в преддверии провозглашения ГАССР в октябре 1920 г. «Вольный горец», называвший происходящее «...еще одной политической пародией» писал все же: «Пусть Советская Горская республика – политический фарс, но самый факт признания такой республики – это вода на нашу мельницу /.../. Мы ближе к нашей цели – независимой демократической республике Союза Горских народов»¹¹.

Уже через два месяца 21 января 1921 г. выходит декрет ВЦИК об образовании на территории бывшей Терской области Горской республики. Пункт 8 постановления гласит: «Автономная Горская Социалистическая Советская Республика делится на 6 административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский; 2) Ингушский; 3) Осетинский; 4) Кабардинский; 5) Балкарский; 6) Карачаевский»¹². Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделялись в самостоятельные административные единицы, подчинявшиеся непосредственно ЦИК и СНК ГАССР¹³.

Процесс образования Горской советской республики завершился 16–22 апреля 1921 г. Учредительным съездом Советов республики во Владикавказе, который от имени ВЦИК и ЦК РКП (б) приветствовал С. Киров. От Ингушетии в руководящие органы республики вошли И. Зязиков – в ЦИК на правах зампреда, и в СНК – как наркомвнудел. 27 января 1922 г. он был избран председателем Горского ЦИКа¹⁴.

Таким образом, в течение полугода большевики блестяще осуществили замысел претворения в жизнь чужой идеи (принадлежащей, как отмечалось, их кавказским оппонентам из числа умеренных), реализовав ее так, что ключевые роли в новообразованной республике играли все те же РКП (б) и Советы. В тот момент всевластие большевиков было еще не столь очевидным, и их лучшим ораторам и пропагандистам пришлось приложить усилия для уверенного контроля над ходом съезда. В частности, Киров, «твердо заявив о победе на военных фронтах и прочности Советской власти», вместе с тем, указал на

«новый грозный фронт – фронт экономической разрухи»¹⁵, что при желании можно было истолковать в качестве призыва к сохранению бдительности, и смещения акцента с военных на более гуманные «экономические» формы борьбы за построение социализма. В экономическом развитии Ингушетии такие шаги были сделаны уже в 1920–1921 гг. Даже оппозиция в Тифлисе вынуждена была признать, что «...ингуши получили 40000 десятин казачьей земли и утолили свой земельный голод»¹⁶. А после того, как Учредительный съезд ГАССР 22 апреля 1921 г. высказался за скорейшее выселение казачьих станиц за пределы ГАССР и ликвидацию чересполосицы из-за «вопиющей нужды безземельных горцев», Ингушетия расширилась с 184 438,90 дес. земельной площади до 292 193 дес., что дало возможность большинству жителей нагорной части переселиться на плоскость. Если в 1920 г. нагорную часть Ингушетии населяло 9187 чел. (или 7 % от общего числа жителей последней), то в 1924 г. – всего 1513 (2,1 %), а к 1926 г. в горах числилось 1210 чел. (с временно проживающими 1386 чел. обоего пола)¹⁷.

По другим данным, численность населения горной зоны в 1920 г. составляла 1666 душ обоего пола, но все равно плотность населения составила всего 1,7 чел. на кв. км, что «ниже плотности населения многих пустынь»¹⁸.

Из числа отошедших к Ингушетии земель 91918,47 дес. принадлежали прежде Сунженскому отделу, 15901,76 дес. – Владикавказскому и Нальчикскому округам, общая площадь Ингушетии выросла на 58,4 %. Однако душевая обеспеченность всей землей по области увеличилась на 0,78 дес., а обеспеченность одной только удобной землей – всего на 0,07 дес. и, таким образом, фактическая обеспеченность удобными землями несколько не повысилась, и кризис малоземелья в Ингушетии далеко еще не изжит. Тяжелым испытанием стала и засуха в Ингушетии летом 1921 г., следствием чего явились скудные урожаи зерна в Кескеме, Назрани и др. местах¹⁹.

Заметно улучшилось положение с образованием. В Чечне и Ингушетии к концу 1920 г. было открыто 108 национальных школ, в которых обучалось 3895 учащихся²⁰. В 1924/25 учебном году в Ингушетии функционировало 16 школ с 1100 учащимися, 24 ликпункта, 3 избы-читальни, 1 клуб, 1 школа кройки и шитья и 3 техникума: педагогический, сельскохозяйственный и индустриальный²¹. 1 мая 1923 г. в Ингушетии был введен латино-ингушский алфавит²². Таким образом, Ингушетия первой на Северном Кавказе приняла латинскую графику²³.

Начали выходить газеты «Ингушская беднота» (с 1920 г.)²⁴ и «Serdalo». Все же процент грамотных к 1924 г. оставался ничтожным – всего 3 %²⁵. Кроме того, к примеру, нагорная часть Ингушетии даже в середине 1920-х гг. была «... еще лишена элементарной организации здра-

воохранения»²⁶, хотя на плоскости ситуация уже была не столь плачевной.

Ингушам сразу же пришлось столкнуться и со всеми издержками большевистской системы: от преследований политически неблагонадежных (еще летом 1920 г. были арестованы бывший начальник Ингушской госстражи Магомет Котиев и полковник К. Гойгов²⁷) до продналога, который измотанные войной, разрухой и засухой села в срок и в полном объеме платить не могли. В Назрановском округе, разделенном на 3 района (Пседахский, Назрановский и Галашкинский²⁸), по сведениям большевистской печати сбор налога «с самого начала шел с недостаточным успехом»²⁹.

Умело большевики обошлись и с национальным вопросом. Хотя в 1924 г. отмечалось казачье-ингушское столкновение близ Яндырки³⁰, но в целом даже недоброжелатели Советов вынуждены были констатировать заметное оздоровление межнационального климата в регионе после завершения Гражданской войны. «Теперь осетины бывают у ингушей, ингуши у осетин. Такого единения давно не помнят, – пишет «Вольный горец» в 1920 г. – Даже казаки с ингушами примирились»³¹. Шаги большевиков навстречу чаяниям горских народов (в плане аграрном) – нейтралистские (в плане «ничейного» статуса Владикавказа и Грозного) – были в тот момент достаточно дальновидными. Они выходят за рамки попыток обойти решение проблемы и приближаются уже к самому способу ее решения. Причем эффективность этих мер (например, с ничейным статусом станиц) отчасти признавалась и в эпоху раннего сталинизма – даже после расчленения Горской республики в 1924 г. тот же Владикавказ (Орджоникидзе) еще 10 лет оставался единой столицей двух вновь образованных автономных областей – Ингушской и Северо-Осетинской. Очевидно, решения, принятые в этом плане в 1921 г., довольно полно соответствовали интересам и ожиданиям самих горских народов, если Сталин решил начать произвольную перекройку административно-территориального устройства, означавшего «ревизию» этих решений только в тот момент, когда прочность его позиций и в центре, и в регионе уже не вызывала сомнений.

И хотя Горская АССР и Ингушский округ как ее часть просуществовали всего 3 года, тогда как Ингушская АО – 10 лет (1924–1934), но эти 3 года Горской республики были пиком созидательного порыва и в плане истории региона, и истории всей страны в первой трети XX века.

Если говорить о регионе и конкретно об Ингушетии, эти годы стали временем относительного торжества справедливости после предыдущих десятилетий колониального гнета и 4 лет Гражданской войны. Но они стали таковыми еще и потому, что в истории страны этот период отмечен пусть и вынужденными и во многом непоследовательными попытками поворота на цивилизованный путь развития, вошедшими в оте-

чественную историю как недолгий «ленинский» отрезок недолгого же нэпа. Следующие 10 лет после демонтажа Горской АССР станут временем интенсивной подготовки Сталиным тотального демонтажа всех немногих полудемократических завоеваний последних лет правления Ленина и построения классической тоталитарной модели в СССР. Следовательно, и для ингушской автономии период, последовавший за распадом Горской АССР, целиком связанный с нахождением у власти Сталина, был скорее началом конца, чем концом начала тех многообещающих перемен, которые ознаменовали начало 1920-х гг.

Примечания

- 1 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР / под ред. Н. А. Смирнова : в 2 т. Т. 2. Грозный, 1972. С. 81.
- 2 История Ингушетии. Ростов н/Д, 2013. С. 439.
- 3 Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. С. 81.
- 4 Гражданская война на Северном Кавказе : материалы регион. науч. сессии 23–24 дек. 1980 г. / под ред. М. А. Казанбиева. Махачкала, 1982. С. 167.
- 5 Там же. С. 168.
- 6 См.: Макарова Г. П. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923. М., 1987. С. 59.
- 7 См.: Мартиросиан Г. К. История Ингушии. Орджоникидзе, 1933. С. 289.
- 8 См.: История Ингушетии. С. 439.
- 9 Там же.
- 10 От вековой отсталости – к социализму, осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.) / науч. ред. С. Н. Джугурьянц. Грозный, 1977. С. 37.
- 11 Вольный горец. 1920. 18 окт.
- 12 История Ингушетии. С. 439.
- 13 См.: Ингушская государственность. Нормативно-правовые акты новейшей истории. М. ; Назрань, 1997. С. 14.
- 14 См.: История Ингушетии. С. 440.
- 15 Орахелашвили И. Д. Прекрасный человек. О Сергее Кирове. Воспоминания, очерки, статьи современников / сост. М. И. Владимиров. М., 1985. С. 106.
- 16 Вольный горец. 1920. 5 июля.
- 17 См.: Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 93.
- 18 Христианович В. П. Горная Ингушетия. Ростов н/Д, 1928. С. 61.
- 19 См.: История Ингушетии. С. 440.
- 20 См.: Бугай Н. Ф. Ревкомы в национальных округах Северного Кавказа (1919–1920). Нальчик, 1977. С. 117.
- 21 См.: Зоев С. О. Экономика и культура Ингушской автономной области (1924–1934). Грозный, 1991. С. 51.
- 22 См.: Мальсагов З. Общечеченская письменность // Горский вестник. 1924. № 2. С. 36.
- 23 См.: Зоев С. О. Указ. соч. С. 56.
- 24 См.: Бугай Н. Ф. Указ. соч. С. 126.
- 25 См.: Мальсагов З. Указ. соч. С. 73.
- 26 Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 129.
- 27 Вольный горец. 1920. 13 сент.
- 28 См.: Мартиросиан Г. К. Указ. соч. С. 289.
- 29 Горская правда. 1922. 7 марта.
- 30 См.: Яндиев А. Жизнь, отданная народу. Саратов, 1996. С. 8.
- 31 Вольный горец. 1920. 19 июля.

Образец для цитирования:

Матиев Т. Х. Образование Горской АССР и его влияние на ситуацию в Ингушетии после окончания Гражданской войны // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 42–45. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-42-45.

Cite this article as:

Matiev T. H. The Creation of the Mountain ASSR and its Impact on the Situation in Ingushetia after the Civil War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 42–45 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-42-45.

УДК [94:323.1] (470,44)

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ФАКТОРЫ УСПЕХА, УНИКАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА, ПРИЧИНЫ КРАХА

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье исследуются основные аспекты советской национальной политики, направленной на установление и укрепление межэтнического доверия между народами бывшей Российской империи. Анализируется альтернативный проект элит титульных этносов национальных республик, стремящихся к перераспределению ресурсов в свою пользу и ограничению прав национальных меньшинств на самоопределение и самореализацию. Делается вывод о решающей роли политического этнонационализма в реализации своего проекта развала Союза ССР.

Ключевые слова: национальная политика, межэтническое доверие, политический этнонационализм, титульный этнос, национальные элиты, власть.

Soviet National Policy: the Success Factors, Unique Historical Experience, Reasons of Failure

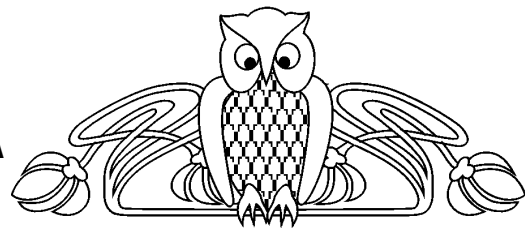
A. P. Myakshev

The main aspects of national soviet politics, aimed at the establishment and consolidation of the interethnic trust between the peoples of the former Russian Empire, are analyzed in the article. It investigates the alternative project of the title ethnoses elites of national republics, which were targeted at the redistribution of the resources in their favor and the limitation of the rights concerning self-determination and self-realization of national minorities. The conclusion about the main role of political ethnonationalism in the realization of its USSR collapse project is made.

Key words: national policy, interethnic trust, political ethnonationalism, title ethnos, national elites, authority.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51

Лидеры большевизма, рискнувшие возглавить распадающуюся по «национальным квартирам» бывшую Российскую империю, весьма противоречиво и крайне неоднозначно представляли как тактику строительства многонационального государства, так и стратегию будущего населявших его наций. Гражданская война быстро отрезвила тех, кто полагал, что «классы первичны, а нации вторичны» и что «нациев никаких не нужно, а нужно объединение пролетариев». Поход за «мировой революцией» в Германию «через Польшу» продемонстрировал приоритет консолидации на национальной, а не на классовой почве, и заставил Ленина сомневаться в марксистской догме о «безнациональном и безклассовом» обществе в будущем. Собственно, грандиозные потрясения великой российской революции

заставили большевиков незамедлительно «рутинизировать» свои представления о легкости преодоления межнациональных противоречий в угоду классовой солидарности и распада по так называемым «этническим» границам в противовес государственному единству.

Более чем реальная угроза отстранения большевиков от власти после победы в Гражданской войне, проявившаяся зимой–весной 1921 г. в форме массового нежелания крестьян и рабочих сотрудничать с новой властью, заставила их отказаться от политики «абсолютизации насилия, подавления и принуждения» и в экстренно-чрезвычайном режиме перейти к поиску и достижению широкого социального доверия к «диктатуре пролетариата». В сфере социально-экономических отношений удачно найденной моделью доверия оказалась «новая экономическая политика», в области межнациональных связей – образование «открытой» советской федерации национальных республик по периметру границ «закрытой» Российской Федерации. Нэп явил собой попытку «социального мира», СССР – проект расширения и углубления этого «социального мира» путем наделения «некогда неравноправных» народов возможностью укрепить свою национальную идентичность государственными узами. Декларативные и явно популистские идеи Гражданской войны (от лозунга «За социализм, за шариат!» в Средней Азии до провозглашения независимости Украины) сменились реальной и продуманной политикой национальных предпочтений, имевших четкую и ясную цель – завоевать и утвердить доверие к выдающемуся «социальному эксперименту».

Никакой иной политики в сфере взаимодействия этносов Советское государство за весь последующий период своего развития не знало и не проводило. Безусловно, вывод о характере национальной политики в годы Великой Отечественной войны, сделанный известным исследователем межнациональных отношений в СССР А. И. Вдовиным, следует распространить на всю советскую историю: «советская национальная политика... определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов»¹. Популизм и прагматизм явились средствами достижения двух

целей – установить доверие этносов к власти как программа-минимум и достичь межэтнического доверия как программа-максимум.

В силу данного соображения вряд ли целесообразно выделять какие-то особенные, качественно «новые» этапы в процессе реализации советской национальной политики. К примеру, период 1953–1964 гг. один из видных его исследователей А. В. Пыжиков склонен рассматривать временем «нового “рождения” национального вопроса в постсталинском СССР». Объективно, считает он, в СССР, «особенно там, где сохранились пережитки традиционных обществ, национализм и национальные движения выступали еще и в качестве антимодернистской реакции на модернизацию в целом». Национализм усиливался и субъективными факторами: «от создания национальной государственности до варварских депортаций и гонений целых народов и так называемой мягкой русификации, служившей интересам Советского государства, а не русского этноса»².

На наш взгляд, советское руководство еще в 1920-е гг. четко осознало теоретическую ограниченность и практическую опасность марксистской антинациональной ортодоксии. Распад времен Гражданской войны и необходимость восстановления полиэтнического государства заставили И. В. Сталина и его окружение дрейфовать в сторону национал-большевизма. К тому же ленинская версия интернационализма, предполагавшая помощь «бывших наций-угнетателей» «отсталым» этническим меньшинствам бывшей империи в достижении уровня развития европейской части страны, правовое равенство граждан страны «поверх» этнических границ, наделение значительной части «бывших угнетаемых народов» политической самостоятельностью в форме государственного самоопределения, не только не противоречила складывающейся «новой национальной политике», а наоборот – позволяла сталинскому руководству начать выстраивать вертикальные и горизонтальные связи между этносами бывшей Российской империи и приступить к интеграции советского общества.

Таким образом, с самого своего рождения советская политика нациестроительства «на принципах доверия и солидаризма» была вынужденным компромиссом пришедших к власти и стремящихся удержать ее любой ценой большевиков с насущными объективными интересами многонационального государства. Компромисс «породил» политику коренизации, проводимую в интересах титульных этносов не только во вновь созданных государственно-национальных образованиях, но и за их пределами.

Политика «коренизации» заключалась в вовлечении национальных кадров в руководящий аппарат, определении статуса национальных языков, создании письменности для тех народов, которые ее не имели, строительстве национальных школ, создании собственных литературы,

искусства и т. д. «Коренизация» положила начало образованию новых местных элит с присущей им национальной спецификой. За короткое время доля представителей титульных этносов в «своих» республиканских аппаратах резко возросла, к примеру, в Белоруссии за 1925–1930 гг. – с 42,6 до 59,4%. В Закавказье «националы» заняли ведущие позиции: Азербайджане – 36,79, Армении – 93,53, Грузии – 74,6%³. Трудности «украинизации» в промышленных районах Украины «компенсировались» установлением в ультимативном порядке «предельных сроков украинизации» и выдвижением требования «украинизации всех учреждений районов вне Украины, где проживали украинцы», что вызывало осуждение со стороны и самих украинцев⁴. «Коренизация» коснулась Калмыкии и Ойратской области, где своя письменность только еще вводилась. Комитет содействия народностям северных окраин подвиг «планомерному устройению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении».

«Коренизация» создала широкую социальную базу советской власти в национальных регионах, поскольку проводилась параллельно с ликвидацией негативных последствий колониальной политики царизма в земельном вопросе. «Националов» устраивала и практика «позитивной дискриминации» которая, безусловно, «ударилась» по русским, сразу же почувствовавшим себя ущемленными в создаваемых национальных республиках. «Коренизация» в целом способствовала созданию новой иерархии этничностей. Несмотря на разгром национал-коммунистов в конце 1920-х гг., «коренизация» обеспечила успех в большинстве национальных регионов, сопряженный со значительными трагическими потерями, жертвами и ущербом. Модернизация национальных сообществ и региональных экономик проходила через оседание кочевого хозяйства, коллективизацию и развитие индустриального сектора экономики.

Советская национальная политика к концу 1930-х гг. успешно решила национальный вопрос, каким он представлялся в среде как австрийской, так и русской социал-демократии на рубеже XIX–XX вв., поскольку обеспечила подлинное равноправие советских народов, сняв их социально-политическое и культурное отчуждение, заложив фундамент межэтнического доверия в СССР. Уверенность сталинского руководства в «решенности» национального вопроса в ряде случаев приводила к попыткам реализации установок на форсирование процесса межнационального сближения. Представляется, что наиболее показательной в данном отношении явилось решение Политбюро ЦК ВКП(б) 1937 г. о ликвидации национальных районов. И это несмотря на то, что к 1 декабря 1933 г. в Российской Федерации насчитывалось 117 национальных районов и более 3 тыс. сельских советов с численно преобладающим населением из национальных меньшинств.

Создание национальных административных единиц в определенной мере способствовало национальному самоопределению многочисленных народов, компактно проживающих на инонациональной территории. Возможно, данным фактором объясняется и разгром этнических элит в конце 1930-х гг. Впрочем, ни ликвидация национальных районов, ни «подавление» национальной бюрократии не означали ревизии основных положений сталинско-ленинской доктрины интернационализма в СССР либо корректировки национальной политики в целом.

Следует признать, что социалистический эксперимент по достижению межэтнического доверия в силу своей уникальности и новизны сопровождался периодическими, но с точки зрения теории фрагментарными и кратковременными сдвигами и провалами, в ходе которых нарушались либо вовсе игнорировались два базовых условия сохранения советской формы межэтнической толерантности и доверия: сохранение статуса и территориальных границ национальной республики и укрепление государствообразующей роли своей этнической нации. Признание за титульными этносами подобных «гарантий» национальной идентичности служило, в свою очередь, основой их гражданской лояльности, выражавшейся уже к концу 1930-х гг. в благоприятном отношении национальных элит к широкому распространению русского языка и культуры. Поддержание властью такого консенсуса-баланса в экстремальных либо чрезвычайных условиях становилось практически невозможным. Представляется, что к подобным эксцессам следует отнести акты депортаций народов в СССР.

С этой точки зрения позиция В. Н. Земскова, полагавшего, что депортация народов «служила целью как ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе, так и ликвидации в перспективе этих народов в основном за счет их ассимиляции в более крупных этнических массах и частично за счет завуалированного геноцида и ослабления их биологического потенциала»⁵, представляется явным преувеличением. Не сомневались в «злонамеренности советского способа решения национального вопроса» такие видные ученые, как Дж. Хоскинг, усматривавший «главную цель всех этих депортаций» в стремлении власти «в конечном итоге и полностью уничтожить те народы, которые оказались неспособны быстро ассимилироваться с Российской или, точнее сказать, Советской империей»⁶, и А. М. Некрич, полагавший, что депортации народов – неперемный признак «имперской политики», главным «принципом» которой является обеспечение единства народа и «собственной мощи» исключительно «только силой»⁷.

Более доказательна и аргументирована позиция Н. Ф. Бугая, склонного считать депортацию народов в СССР «средством» «по урегулированию возникавших конфликтных ситуаций в отноше-

ях между народами, а скорее, в отношениях между властью и народами, а также как возможность ослабления криминогенной обстановки, обусловленной войной, трудностями экономического положения и другими социальными явлениями»⁸.

Факты свидетельствуют о том, что отождествлять «депортацию» с «геноцидом» неисторично: численность депортированных народов в конце 1940 – начале 1950-х гг. начинает расти, рождаемость превышает смертность и становится не меньше, а в ряде случаев даже больше, чем у народов, живущих в местах ссылки, но не подвергнувшихся насильственному переселению. Например, рождаемость чеченцев увеличивается с 1948 г., в 1953 г. родилось 16,6 тыс. человек, в то время как умерло 6 тыс. чеченцев⁹. Приблизительно такая же картина наблюдалась и у других народов, находившихся в ссылке. Существенным фактором, не позволяющим приравнивать депортацию к геноциду, может являться тот факт, что метод переселения «целыми семьями» обеспечивал возможность сохранить генофонд нации, а совместные испытания и переживания в местах ссылки внутренне консолидировали этнос и неизмеримо скрепляли национальную идентичность. Известный социолог С. Г. Кара-Мурза, дед которого «был из Крыма», вспоминает, что крымские татары с облегчением восприняли известие о решении выселить их из Крыма (но не судить за соотрудничество с немцами, «это по законам военного времени была бы верная смерть») ¹⁰.

Вряд ли кто сомневается в том, что оправдать с точки зрения человеческой морали и нравственности действия власти, осуществлявшей массовые насильственные перемещения целых народов, сопровождавшиеся исключениями их из числа наиболее привилегированных государствообразующих этносов, за «проявленную» ими «мнимую или действительную» нелояльность к стране и «содружеству народов», невозможно. Однако логика управленческих решений ГКО, соглашавшегося либо противившегося депортации того или иного этноса (Ю. А. Жданов в своих воспоминаниях приводит интересные сведения о заседании ГКО, на котором «не состоялось» решение о выселении кабардинцев¹¹), понятна и объяснима: этнос (или его часть), «не проявивший солидарность» с другими этносами и властью, должен быть наказан за «утрату доверия».

Представляется, что роль депортаций народов и их влияние на изменение векторов советской национальной политики недооценена. Насильственные переселения способствовали осознанию своих специфических интересов национальными элитами титульных этносов. Со времени реабилитации ряда депортированных народов и воссоздания утраченной ими государственности во второй половине 1950-х гг. начинается необратимый процесс становления могущества политической формы этничности в национальных республиках, неразрывно связан-

ной с уже созданным и стремительно развивающимся и укрепляющимся историко-культурным нарративом-потенциалом. Речь может идти в данном случае об альтернативной модели межэтнического взаимодействия. Если советский проект предусматривал поиск межэтнического доверия на основе принципов солидарности и укрепления национальной идентичности этносов, прагматичного распределения национальных преференций, то в национальных республиках местные элиты ощутили возможность реализации «этнократических» целей и задач: перераспределение ресурсов, власти, территорий в интересах титульного этноса и ограничение прав национальных меньшинств на самоопределение и самореализацию.

Наличие двух благоприятных факторов, субъективного (в лице сначала Л. П. Берия, а затем Н. С. Хрущева национальные кланы получили явное покровительство) и объективного (оба варианта исходили из сложившейся исторической ситуации растворения «российских» интересов в «общесоветских» и превращения государствообразующего русского этноса и русского языка в «цементирующий» фундамент новой исторической общности – советский народ), привело в 1950-е гг. к первому, упорно не замечаемому постсоветской историографией, «национальному взрыву».

Передача ряда союзных предприятий в подчинение республиканских министерств, упразднение отраслевых министерств, замена всей системы управления экономикой примерно сотней региональных совнархозов заметно способствовали усилению этнических кланов, управлявших экономикой, тем более что границы ряда совнархозов совпадали с границами союзных республик. Усиление притязаний республиканских элит в конце 1950-х гг., выразившихся в требованиях больших прав региональным лидерам в национальных республиках, больших инвестиций в собственную республику, протестах против притока русских в республику и против тенденции к языковой ассимиляции, явилось, по всей видимости, реакцией крепнущих национальных элит на явные проявления процесса ослабления центральной власти¹².

Национальные элиты, пользуясь покровительством советского лидера, приступили к перекройке «этнических» границ. Пример передачи Крыма не единичен. В феврале 1956 г. из Казахской в Узбекскую ССР передали Бостандыкский район и часть земель Голодной степи, затем из Узбекской в Таджикскую ССР – земли южной части Дальверзинской степи¹³. Этнократии открыто обсуждали проекты включения Нагорного Карабаха в состав Армянской ССР¹⁴, преобразования Карачаево-Черкесской автономной области в АССР, а Татарской АССР – в союзную республику (в ряде случаев при образовании Татарской ССР в нее предлагали включить Башкирию), объединения Север-Осетинской АССР с Юго-Осетинской

автономной областью, упразднения Аджарской АССР¹⁵.

Центр был еще достаточно силен, чтобы остановить наступление «зарвавшихся» национальных кланов и лидеров: в 1958–1961 гг. высшие партийные руководители Азербайджана, Киргизии, Латвии, Молдавии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана были сняты с занимаемых постов в связи с националистическими проявлениями¹⁶. После этого процесс коренизации, выразившийся в протекционистской системе подбора кадров и обеспечения льготного доступа представителей титульных этносов к высшему образованию, приобрел характер и форму этнической мобилизации республиканских элит. «Жизнь наглядно показала, – утверждал в своих мемуарах М. С. Соломенцев, – что все руководители республик в той или иной мере – националисты»¹⁷. В 1970-е гг. наступил период расцвета политического этнонационализма в республиках.

В период «развитого социализма» стала очевидна невозможность примирения и «мирного существования» двух стратегий решения национального вопроса. Переход элит титульных этносов к реализации программы политического этнонационализма в национальных республиках ставил в повестку дня вопрос о самом существовании единого полиэтнического государства. В 1972 г. ряд членов Академии наук Узбекской ССР, обратившихся с письмом в Верховный Совет СССР с «сигналом... в отношении национализма, процветающего в республике» и сообщением о том, что все органы власти в республике «заполнили родственники секретаря ЦК тов. Рашидова», для которых «абсолютно чуждо чувство интернационализма», особо подчеркивали, что они не удивятся, «если возникнет вопрос о самоопределении Узбекистана в самостоятельное государство»¹⁸. Согласиться с подобным вариантом развития межнациональных отношений в СССР советское руководство не могло.

В рамках концепции «советского народа как новой исторической общности» были скорректированы приоритеты национальной политики. На встрече с лидерами крымско-татарского движения 21 июля 1967 г. Ю. В. Андропов в сжатом виде сформулировал национальную стратегию следующим образом: «Для вас главный вопрос – крымский. Но есть еще более главный вопрос – это советский вопрос, а не татарский. Вы ведь не только татары, но и советские люди. Надо заботиться об интересах не только своей нации, но и всего советского народа»¹⁹. Политический этнонационализм закрепил свое возросшее могущество конституционным путем. Несмотря на то что Конституция 1977 г. соглашалась с распространением «суверенитета СССР» «на всю его территорию»²⁰, одновременно союзная республика признавалась суверенным государством, за ней закреплялось право свободного выхода из СССР. Союзная и автономная республики

имели право учреждать свою Конституцию, учитывая их «особенности», в соответствии с главным законом страны территория республик не могла быть изменена без их согласия²¹. По сути, уже по Конституции 1977 г. «советский народ» юридически оказывался «разрезанным» на различные «суверенные» части.

Усилившиеся к этому времени национальные бюрократии легко блокировали любые попытки союзного руководства формировать групповые практики доверия и солидарности в полиэтничном и мультикультурном Советском Союзе. Конфликт союзного руководства и элит титульных этносов национальных республик наиболее отчетливо проявился в ходе предпринимаемых Кремлем мер по завершению процесса реабилитации ряда ранее депортированных этносов и восстановления их упрямой государственности.

Советскому руководству удалось добиться реабилитации крымских татар. 5 сентября 1967 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «огольные обвинения» с них были сняты. Вернуться в Крым крымским татарам было не суждено. По мнению бывшего начальника 5-го управления КГБ СССР Ф. Д. Бобкова, негативную роль в судьбе крымско-татарского народа сыграло украинское руководство. Бобков писал, что если бы не было столь щедрого подарка Хрущёва Украине, татары «уже давно спокойно жили бы в Крыму». Под большим нажимом, сообщал Бобков, украинское руководство согласилось принимать в год двести – триста татарских семей, однако «вскоре начались звонки из Краснодарского края: через Керченский пролив на пароме татар вновь насильно вывозят из Крыма». Это делалось, утверждал Ф. Д. Бобков, по «решению руководства Украины»²². Власти Узбекистана препятствовали выезду крымских татар («в Узбекистане «деликатно» запрещают покупку домовладений у татар») ²³.

Советское руководство неоднократно (Постановления Президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1968 г. и 9 января 1974 г. ²⁴) признавало право турок-месхетинцев на местожительство в любом районе СССР, однако грузинские власти категорически отказывались выполнять эти решения. Правда, небольшому числу месхов пообещали возможность трудоустройства на строительстве Ингури ГЭС и в районе строительства ирригационной системы в Колхидской низменности, но и эти обещания не были выполнены²⁵. В июне 1969 г. большие группы турок были выселены из Гальского района Абхазской АССР, где они по договорам работали в совхозах²⁶.

Ф. Д. Бобков утверждал, что грузинские руководители В. Мжаванадзе и Э. Шеварднадзе препятствовали возвращению месхетинцев, аргументируя это решение тем, что «земли месхетинцев уже заняты другими, во-вторых, рядом граница, месхи же занимаются контрабандой и поэтому пограничники возражают против их возвращения»²⁷.

Та же судьба постигла и 13 семей курдов из Джамбульской области, которые приехали в Самтредийский район Грузинской ССР, «но были оттуда выдворены в сопровождении милиции». На станции Самтредиа курдам даже «не разрешили выйти из вагонов, и они попутным товарным поездом выдворены с территории Грузии»²⁸.

В 1976 г. высшее руководство страны признало, что к вопросу о создании немецкой автономии «можно было бы отнестись положительно»²⁹. К июню 1979 г. были решены все практические вопросы по образованию в Казахстане Немецкой автономной области с центром Ерментау. Не осмеливаясь возражать открыто воле союзного руководства (15 июня 1979 г. ЦК КП Казахстана «вошел с конкретными предложениями в ЦК КПСС о составе и границах Немецкой автономной области, о структуре и штатах ее партийных органов»³⁰), казахская политэлита спровоцировала студенческие волнения в Целинограде и продемонстрировала Москве решимость отстаивать этнократические идеи в «лаборатории дружбы народов». Не захотела делиться с немцами властью над «своей» территорией и саратовская политэлита, которой из Москвы было предложено «проработать» вариант с образованием Немецкой автономной области сразу же после неудачи в Казахстане³¹. Обуздать этноэлиты титульных этносов национальных республик в 1970-е гг. не удалось. Политическому руководству страны пришлось смириться с существованием «нормативного этнонационализма» в союзных республиках. Уверовав в возможность успешного противостояния с Москвой, политический этнонационализм приступил к реализации своего проекта развала Союза ССР с одновременным захватом ресурсов, собственности, власти на «своих этнических» территориях и созданием этнократических режимов.

Примечания

- 1 *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 гг. // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История.* 2002. № 3. С. 6–7.
- 2 *Пыжиков А. В.* Хрущевская «оттепель». М., 2002. С. 177–178.
- 3 Наиболее подробно история «коренизации» изложена в фундаментальной монографии Терри Мартина. См.: *Мартин Т.* «Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.
- 4 Интересные сведения о нежелании саратовских украинцев обучаться украинскому языку в школах Саратовской губернии приводит А. А. Шалыгин в кандидатской диссертации «Национальная политика Советского государства в 1917–1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии» (Саратов, 2010).
- 5 *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 284.
- 6 *Хоскинг Дж.* Россия и русские : в 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 245–246.

- ⁷ Некрич А. Наказанные народы // Родина. 1990. № 6. С. 33.
- ⁸ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 15.
- ⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119.
- ¹⁰ См.: Кара-Мурза С. Г. «Совок» вспоминает. М., 2002. С. 58–59.
- ¹¹ См.: Жданов Ю. А. Взгляд в прошлое : воспоминания очевидца. Ростов н/Д, 2004. С. 345.
- ¹² См.: Каптелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 284.
- ¹³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-7523. Оп. 78. Д. 699. Л. 8.
- ¹⁴ Там же. Л. 2.
- ¹⁵ Там же. Л. 20.
- ¹⁶ См.: Каптелер А. Указ. соч. С. 284.
- ¹⁷ Соломенцев М. С. Верю в Россию. М., 2003. С. 167.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 106. Д. 101. Л. 64.
- ¹⁹ Там же. Оп. 109. Д. 93. Л. 77.
- ²⁰ Конституция (Основной Закон) СССР. М., 1978. С. 57.
- ²¹ Там же. С. 57, 60, 63.
- ²² См.: Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 300–303.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 117. Д. 637. Л. 2–3.
- ²⁴ Там же. Оп. 121. Д. 49. Л. 27.
- ²⁵ Там же. Л. 28, 29 ; Оп. 109. Д. 93. Л. 103.
- ²⁶ Там же. Оп. 109. Д. 93. Л. 103.
- ²⁷ См.: Бобков Ф. Д. Указ. соч. С. 310. См. также: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 121. Д. 49. Л. 28, 29.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 109. Д. 93. Л. 103.
- ²⁹ См.: История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). М., 1999. С. 190–192.
- ³⁰ Там же. С. 196.
- ³¹ См. подробнее: Мякшев А. П. Крах попыток восстановления немецкой автономии на Волге в последнее десятилетие советской истории // На крутых поворотах истории : актуальные проблемы методологии отечественной истории : сб. науч. тр. М., 2011. С. 129–146.

Образец для цитирования:

Мякшев А. П. Советская национальная политика: факторы успеха, уникальность исторического опыта, причины краха // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 46–51. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51.

Cite this article as:

Myakshov A. P. Soviet National Policy: the Success Factors, Unique Historical Experience, Reasons of Failure. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 46–51 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-46-51.

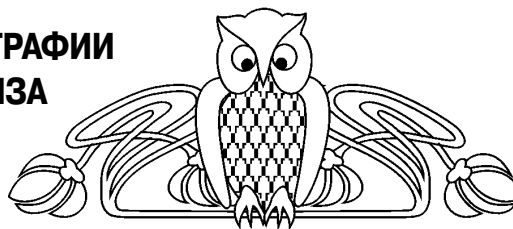

УДК 94 (=112.2) (47) |19|

О КРАЙНИХ НАПРАВЛЕНИЯХ В ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ: ПОПЫТКА АНАЛИЗА

А. А. Герман

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: a.a.german@mail.ru

Автор исследует два крайних и противоположных направления в историографии российских немцев. Оба они связаны с оценкой репрессий сталинского режима в отношении немецкого населения СССР. Одно из них оценивает репрессии против советских немцев как целенаправленную политику геноцида, другое пытается оправдать репрессии, объяснить их чрезвычайной ситуацией и высшими интересами государства. Автор доказывает несостоятельность обоих направлений историографии, отмечает их общие черты: категоричность и однозначность в оценках, пренебрежение существующими историографическими достижениями и традициями, выдвижение утверждений, не подкрепленных серьезными научными доказательствами. Одновременно вскрывается научная недобросовестность отдельных авторов.

Ключевые слова: историография, советские немцы, репрессии, депортация, геноцид, фальсификация.

On the Extreme Trends in the Historiography of the Russian Germans: an Attempt of Analysis

A. A. German

The author examines the two extreme and opposite directions in the historiography of the Russian Germans. Both are related to the evaluation of repression against the German population of the USSR during the Stalinist regime. One regards the repression against the Soviet Germans as a deliberate policy of genocide, the other tries to justify repression, to explain it by emergency and the supreme interests of the state. The author refutes both directions of historiography, notes their similarities: categorical and unambiguous in the estimates, neglect of the existing historiographic achievements and traditions, promotion of the allegations without any support of serious academic evidence. At the same time the academic dishonesty of individual authors is revealed.

Key words: historiography, Soviet Germans, repression, deportation, genocide, falsification.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-52-58

Историография российских немцев советского периода по-прежнему остается достаточно востребованной, о чем свидетельствует количество издаваемых работ по этой проблематике, как научных, так и публицистических¹. В целом можно уверенно говорить о здоровых тенденциях ее развития. Несмотря на некоторые, порой существенные, различия во взглядах авторов на те или иные события, факты, явления, их работы, а также проводящиеся между ними очные и заочные дискуссии всегда корректны, отношение к коллегам уважительное.

Вместе с тем уже в XXI в. сформировались два крайних, противоположных направления, объединяют которые категоричность и однозначность в оценках, пренебрежение существующими историографическими достижениями и традициями, выдвижение утверждений, не подкрепленных серьезными научными доказательствами. В центре обоих направлений стоит вопрос о репрессиях в отношении российских немцев.

Основные идеи работ представителей первого крайнего направления можно выразить формулой: «в отношении немецкого населения в СССР осуществлялся геноцид». Уже свыше десятка лет в целом ряде публицистических и даже научных работ по истории российских немцев присутствует мысль об *особой ненависти*, имевшейся у И. В. Сталина и его окружения к советским немцам, о *политике геноцида*, которая якобы проводилась по отношению к немецкому населению СССР перед войной (в 1930-е гг.), в военные 1941–1945 гг. и в первые послевоенные годы вплоть до смерти Сталина. Говоря о научных изданиях, можно назвать в этом плане двухтомную монографию В. Бруля, изданную в Германии².

Как представляется, основная «беда» сторонников «геноцида» заключается в том, что они до сих пор абсолютизируют историю российских немцев, исследуют ее в отрыве от общего исторического контекста, не пытаясь проводить сравнительный анализ положения немцев с положением других народов СССР, в том числе и русского. Между тем именно такое сравнение позволяет нарисовать действительно объективную ситуацию и ясно понять: было ли к немцам особо негативное отношение или нет, проводился ли в отношении них геноцид или это была общая антигуманная политика тоталитарного режима.

Говоря о «геноциде в отношении советских немцев», сторонники этой идеи ссылаются, главным образом, на три важных периода в истории советских немцев, когда их судьба действительно подвергалась суровым испытаниям:

- период «большого террора» 1937–1938 гг.;
- период Великой Отечественной войны, конкретней – с сентября 1941 г. (депортация) до весны 1946 г. (ликвидация «Трудармии»);
- послевоенный период 1946–1953 гг. (период юридически оформленного «немецкого» спецпоселения).

Рассмотрим эти три периода с точки зрения обоснованности и объективности постановки вопроса о геноциде в отношении советских немцев

1. «Большой террор» 1937–1938 гг. Сравнительные данные по «большому террору 1937–1938 гг. весьма красноречивы. По рассекреченным архивами ФСБ данным, за эти два года в СССР судебными и внесудебными органами было осуждено 1 млн 587 тыс. человек, из них 681,7 тыс. человек приговорены к расстрелу³. Если учесть, что население СССР в те годы составляло 190,7 млн человек⁴, то путем несложных операций можно подсчитать, что по стране было осуждено 0,84 % населения, расстреляно – 0,36 %.

Сравним эти данные с данными по немецкому населению СССР. По переписи 1939 г. в СССР проживало 1 млн 430 тыс. немцев⁵. В 1937–1938 гг. по разным обвинениям было осуждено от 69 до 73 тыс. немцев, из них расстреляно примерно 40 тыс. человек⁶. Подсчет дает следующий результат: в 1937–1938 гг. было осуждено 4,8–5,1 %, расстреляно – около 3 % немецкого населения страны. Как видим, немцев арестовывалось и осуждалось примерно в 6 раз больше, расстреливалось – почти в 10 раз больше, чем в среднем по стране.

Эти числа впечатляют и заставляют задуматься, а не правы ли сторонники идеи «геноцида»? Однако все познается в сравнении. По отмеченным выше показателям немцы стоят лишь на третьем месте, среди всех народов, подвергшихся в те годы репрессиям по национальному признаку. Их опережают поляки (осуждено 7,4 %, расстреляно свыше 5 %, только по «польской операции» было расстреляно 111 тыс. чел.). На втором месте – латыши (осуждено 5,5 %, расстреляно свыше 3 %). Немного уступают немцам литовцы, эстонцы, финны, венгры. Показатели этих народов СССР тоже намного превышают средние по СССР показатели арестов, осуждений и расстрелов⁷.

Еще один знаменательный показатель – процент расстрелянных от числа осужденных по национальным операциям НКВД. Он составляет:

- в среднем по всем национальным операциям – 73,66%;
- в греческой, финской, эстонской, латышской операциях – свыше 80;
- в польской операции – 79,44;
- в немецкой – 76,17⁸.

По этому показателю немцы вообще едва ли не на последнем месте среди «национальностей, родственных населению враждебных государств».

В качестве типичного региона (не являвшегося местом компактного проживания для немцев и других отмеченных выше народов) возьмем Москву и Московскую область. Здесь в 1937–1938 гг. в ходе проведения национальных операций было арестовано:

- по польской линии – 4873;
- по латышской – 2992;
- по немецкой – 2368⁹.

Известно, что в этом количестве арестованных присутствовали не только представители соответствующих национальностей, однако они все же составляли большинство, примерно в две трети. Поэтому по приведенным данным можно говорить о том, что, по крайней мере, поляки и латыши для советского руководства в тот период времени представлялись большей опасностью, чем немцы. Вывод подтверждается также количеством арестованных в этом же регионе людей за соответствующий шпионаж. Всего за шпионаж в 1937–1938 гг. было арестовано 14 899 человек, в том числе за шпионаж:

- польский – 5094;
- латвийский – 3359;
- германский – 2792;
- японский – 1604¹⁰.

Таким образом, в годы «большого террора» советских немцев действительно арестовывали и расстреливали в процентном отношении заметно больше, чем людей в среднем по стране. Несомненно, десятки тысяч расстрелянных – это преступление режима, которое нельзя оправдать и простить. Но уничтожение 3% немецкого населения – это все же трудно назвать геноцидом. Кроме того, немцы в этом плане были не одиноки. В репрессивной политике властей явно просматривается тенденция: завышенные нормы репрессий применялись к этническим меньшинствам, исторические корни которых вели за рубеж, в соседние государства, где народы, являвшиеся в СССР меньшинством, были коренным населением (Польша, Германия, Латвия и др.). Со многими из этих государств у СССР были испорчены отношения, поэтому они, по мнению советского руководства, могли представлять потенциальную военную угрозу для нашей страны. Германия в ряду этих государств стояла на третьем месте. Это вполне объяснимо, так как у Германии, в отличие от Польши и Латвии, не было общих границ с СССР.

2. Великая Отечественная война. Следующий довод сторонников «геноцида» по отношению к советским немцам со стороны советского руководства сводится к утверждению о массовом уничтожении немцев в «Трудовой армии» и местах депортации.

Накануне войны в европейской части СССР проживали 1 млн 157 тыс. немцев. В остальных районах СССР – чуть более 230 тыс. человек¹¹. К началу 1942 г. из европейской части СССР было депортировано 856,2 тыс. человек¹². Вместе с проживавшими в азиатской части СССР местными немцами общая численность немцев, проживавших к началу 1942 г. на неоккупированных территориях, составила примерно 1 млн 86 тыс. человек¹³.

В рабочие колонны («Трудовую армию») за все годы войны было мобилизовано приблизительно 316 тыс. человек. Они были взяты из уже отмечавшихся 1 млн 86 тыс. человек, проживавших над подконтрольной советскому руководству

территории СССР. В это число не вошли немцы-репатрианты, мобилизованные в «Трудармию» уже после окончания войны.

Число 316 тыс. человек включает в себя около 70 тыс. женщин и примерно 246 тыс. мужчин. Что касается мужчин, то это примерно 80–90 % от всего трудоспособного немецкого мужского населения в возрасте от 15 до 55 лет, женщины – свыше трети взрослого женского немецкого населения в возрасте от 16 до 45 лет. Как видим, степень мобилизации достаточно высокая, для мужского населения – практически поголовная¹⁴.

Очень трудно точно определить число немцев, умерших в «Трудармии». Статистика велась из рук вон плохо. По нашим расчетам, сделанным в конце 1990-х гг., это число составляло около 60 тыс. человек¹⁵. По отношению ко всему немецкому населению доля погибших в «Трудовой армии» тогда составляла приблизительно 5,5%.

Теперь обратимся к масштабам всего СССР. Работники Центрального архива Министерства обороны России сделали полный подсчет чисто военных безвозвратных потерь СССР в годы Великой Отечественной войны (погибших и умерших от ран и увечий). Они составили 11 285,1 тыс. человек¹⁶. Если взять численность населения СССР накануне войны в 1940 г. 194,1 млн человек¹⁷, то безвозвратные военные потери СССР в войне составили 5,8% всего населения страны. Как видим, процент потерь немцев в «Трудовой армии» чуть ниже процента военных потерь.

Показатель наших безвозвратных потерь в войне можно сопроводить некоторыми примерами, которые при соответствующем толковании вполне могут быть расценены как проявления геноцида советского командования по отношению к собственным военным служащим.

Так, американский генерал Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах излагает рассказанный ему маршалом Г. К. Жуковым способ разминирования, принятый в Красной армии. Он, в частности, пишет: «Очень поучительным для меня было его описание русского метода атаки через минные поля. Немецкие минные поля, прикрытые оборонительным огнем, были тактическими препятствиями, которые приводили к большим потерям и задержкам. Прорыв через них всегда становился трудоемким делом, несмотря на то, что наши специалисты придумали массу всевозможных устройств для безопасного уничтожения мин.

Маршал Жуков совершенно обыденно рассказал мне о своей практике, которая была приблизительно такой: «Существуют два вида мин: противопехотные и противотанковые. Когда мы подходим к минному полю, наша пехота атакует, как будто его там нет. Потери от противопехотных мин мы считаем примерно равными тем, которые причинили бы нам пулеметы и артиллерия, если бы немцы решили защищать этот участок большими силами войск, а не минными полями. Атакующая пехота не подрывает противотанковые

мины, поэтому после прорыва через минное поле она создает плацдарм, после чего подходят саперы и прокладывают пути для техники»¹⁸.

Еще один пример. Американское военное командование даже в 1945 г., когда фашистская Германия начала агонизировать, всё равно избегало фронтальных атак на противника, считая их «тяжелым и дорогостоящим делом», сопряженным с большими потерями личного состава. В Красной армии фронтальные атаки применялись до последних дней войны. В частности, в ходе Берлинской операции во фронтальных атаках за Зееловские высоты погибло свыше 30 тыс. советских воинов¹⁹. Эти солдаты не дожили до Победы всего несколько недель.

Чем объяснить такие парадоксальные, на взгляд нормального человека, факты? Как расценить заранее планировавшуюся гибель советских солдат? Может быть это тоже геноцид? Несомненно, природа всех рассматриваемых явлений одна и та же. Она – в сущности сталинского тоталитарного режима.

За период с 1940 по 1948 г. население СССР сократилось на 19,4 млн человек²⁰. Это число достаточно сильно разнится с приводимой в последнее время величиной наших общих потерь в Великой Отечественной войне – 26,4 млн человек. Однако мы не можем брать эту величину для расчетов, так как не удалось обнаружить или подсчитать численность советских немцев в 1945 г. Снижение численности населения по стране за 1940–1948 гг. составило примерно 10%.

Численность советских немцев в 1948 г. составляла 1,12 млн человек, сократившись за военные годы на 310 тыс. человек²¹. Однако из этого числа необходимо вычесть не менее 160 тыс. немцев – бывших советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, подвергнутых «административному переселению» в Германию и сумевших избежать репатриации²². Тогда «внутренние» потери немецкого населения за 1941–1948 гг. составляют примерно 150 тыс. человек. В это число входит и 19,5 тыс. немцев, проживавших в Казахстане и оказавшихся жертвами страшной эпидемии сыпного тифа в марте – мае 1944 г. Кроме немцев, эта эпидемия унесла жизни десятков тысяч казахов, русских, представителей других народов, проживавших тогда в Казахстане. По этому поводу Совнарком СССР 5 апреля 1944 г. издал даже специальное постановление № 7503 «О борьбе с эпидемией тифа в Казахской ССР»²³. В целом снижение численности немцев за 1940–1948 гг. составило примерно 10,5%. Как видим, процент снижения численности немецкого населения за указанные годы больше процента снижения численности всего населения СССР, но не намного и с учетом статистических погрешностей вполне соизмерим с ним.

3. Послевоенные годы. После ликвидации «Трудовой армии» и завершения миграционных процессов, связанных с воссоединением немецких

семей, наблюдается интересная картина определенного демографического бума. Если в 1945 г. в СССР родилось 1 914 немцев, то в 1946 г. – 4 236, в 1947 г. – 7 314, в 1948 г. – 12 309, в 1949 г. – 29 126, в 1950 г. – 32 494²⁴. Несомненно, это были тяжелые годы, но такой бурный рост рождаемости явно противоречит утверждениям о проведении политики геноцида в отношении немцев и в первые послевоенные годы.

Объективности ради следует отметить, что смертность в эти годы также оставалась высокой и тенденция к ее снижению была неустойчивой. В 1945 г. умерло 6 930 человек, в 1946 – 8 915, в 1947 г. – 12 573, в 1948 г. – 17 679, в 1949 г. – 9 984, в 1950 г. – 10 340²⁵. Всплеск показателей смертности 1947–1948 гг. связан с последствиями послевоенного массового голода в стране. Он коснулся всего населения. Тем не менее начиная с 1949 г. рождаемость у немцев начинает быстро опережать смертность.

В 1950 г. на тысячу жителей:

- родилось в целом по СССР – 26,7;
- родилось у советских немцев – 28,9;
- умерло в целом по стране – 9,7;
- умерло у немцев – 9,2;

– естественный прирост в целом по стране – 17 человек;
– естественный прирост у немцев – 19 человек²⁶.

За 1948–1952 гг. численность немцев увеличилась на 105 тыс. человек, то есть почти на 11%, и на 1 января 1953 г. составила приблизительно 1 млн 227 тыс. человек²⁷. Так что говорить о каком-то геноциде в отношении немцев после войны также не приходится. Их основные демографические показатели выглядят даже благополучнее, чем в среднем по стране.

К приведенным выше цифровым данным можно было бы добавить массу фактов, явно опровергающих тезис о геноциде. Так, например, только в Свердловской области в 1951–1955 гг. на руководящих должностях в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства числилось свыше 300 немцев (руководители и заместители руководителей цехов, смен, предприятий, леспромхозов, совхозов, начальники депо, начальники движения и начальники веток на железнодорожном транспорте и др.)²⁸. Этим людям подчинялись не только немцы, но и представители других национальностей.

Многие немцы за активный и производительный труд награждались правительственными наградами. Например, в 1954 г. за образцовую и долготлетнюю работу в угольной промышленности орденом Ленина был награжден немец – шахтер из Воркуты М. И. Литавер²⁹, и это далеко не единственный пример.

Приведенные статистические данные и конкретные факты, как представляется, не дают основания считать, что у сталинского режима была

«особая ненависть» к советским немцам, что этот режим проводил специальную политику геноцида в отношении немецкого населения страны.

Вместе с тем, говоря о репрессиях против немцев и их дискриминации в 1930–1950-х гг. нельзя согласиться и с противоположными крайностями, нашедшими свое выражение в некоторых выводах, изложенных в ряде работ последнего времени.

Пристального внимания заслуживает солидная по объему монография профессионального историка с большим стажем Л. П. Белковец³⁰.

В целом автор провел подробное, тщательное и всестороннее рассмотрение правовых аспектов таких действий государственной власти, как принудительное переселение немецкого населения из европейской части СССР вглубь его территории, хозяйственное и социально-бытовое обустройство переселенцев, их труд, в том числе и по специальным мобилизациям в рабочих колоннах, положение в условиях режима спецпоселения.

Вполне обоснован вывод о том, что действия властей в отношении немецкого населения в годы войны не преследовали цели специального уничтожения по национальному признаку (геноцида). Л. П. Белковец отмечает, что действия властей привели к ликвидации национально-государственного образования советских немцев – АССР немцев Поволжья, переселению значительных масс немцев на восток, расселению их на огромной территории Сибири и Казахстана, а затем и других регионов, к принудительному трудовому использованию основного взрослого населения в тяжелейших условиях фактически на положении заключенных (особенно в системе лагерей НКВД). Все это нанесло серьезный ущерб немецкому этносу, привело к ломке его традиционного уклада жизни, изменению ментальности немцев, способствовало быстрому развитию ассимиляционных процессов, разрушению национальной самоидентификации.

Можно согласиться с Л. П. Белковец в том, что если в годы войны действия тоталитарной власти в отношении немецкого населения могут найти определенное оправдание, то сохранение режима спецпоселения на десять послевоенных лет «никакими благими намерениями нельзя оправдать»³¹.

Вместе с тем, как представляется, в определенное противоречие с этим утверждением вступают кажущиеся категоричными и недостаточно обоснованными именно «с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина» (слова Л. П. Белковец. – А. Г.) выводы о том, что принудительное переселение ряда народов в годы войны и последующие действия власти в отношении них «не представляли собой репрессивного механизма» и что «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940–1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление...»³² Следует подчеркнуть еще раз, что с этими вы-

водами особенно трудно согласиться, когда речь идет о послевоенном десятилетии.

Автор настоящей статьи не является юристом и не может достаточно компетентно аргументировать свое мнение в этих вопросах в правовом плане. Однако есть же прецедент осуждения как преступной идеологии и политической практики нацизма, его конкретных преступлений против народов, в том числе и собственного. Есть прецедент осуждения за конкретные преступления ряда представителей партийных и государственных органов бывших ГДР, Югославии и других стран после смены там политических режимов. В этом смысле представляется, что и у сталинского режима, запятнавшего себя за десятилетия своего существования, кровью многих тысяч невинных жертв, есть немало преступлений (в том числе и по отношению к немецкому населению), подпадающих под соответствующие правовые акты. А ведь именно из совокупности таких конкретных преступных действий складывается реальная, а не декларируемая политика власти. Иначе, с точки зрения элементарного здравого смысла, рисуется весьма странная картина: реабилитированы многие тысячи невинно осужденных, в том числе и уничтоженных, однако виновных в их незаконных осуждениях и гибели, даже по правовым нормам сталинского времени, – нет. Мы не говорим уже о миллионах исковерканных человеческих судеб.

Представляется, что, делая отмеченные выше выводы, Л. П. Белковец явно отходит от провозглашенного в одной из своих монографий принципа, заключающегося в том, что в своей исследовательской практике она всегда руководствуется «не только стремлением к поиску исторической истины, но и пониманием того, что знание этой истины способствует “преодолению” давящего над всеми нами трагического прошлого»³³.

Если Л. П. Белковец, отрицая репрессивный характер депортации, «Трудовой армии», оправдывает их военной необходимостью, а режим спецпоселения для немцев даже считает в какой-то мере ошибкой властей, то работа профессионального историка Д. В. Гаврилова выдержана в лучших традициях историографии и пропаганды сталинского времени³⁴.

Не утруждая себя поиском доказательств, он пытается провести идею, что депортации в военные годы имели место не только в СССР, но и у наших союзников по антигитлеровской коалиции, что это обычная практика всех стран антигитлеровской коалиции, что принципы и характер депортации во всех странах, включая СССР, были одинаковыми. Такие утверждения явно не соответствуют действительности³⁵.

Следующий его тезис: если у правительств Великобритании и США не было доказательств нелояльности депортируемых, то у советского правительства таких доказательств было «предостаточно». Д. В. Гаврилов приводит длинный список «фактов измены» советских немцев летом

1941 г., делая ссылку на ряд сборников документов и известных авторских исследований, включая и монографию автора настоящей статьи, в которых (!) приведенные им факты отсутствуют³⁶. Частично Д. В. Гаврилов пересказывает и обвинения, содержащиеся в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», не ссылаясь при этом на документ³⁷.

Необходимо отметить, что автор либо не знает (что непростительно доктору исторических наук, освещающему тему истории советских немцев), либо намеренно умалчивает тот факт, что 29 августа 1964 г. был издан еще один Указ Президиума Верховного совета СССР «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного совета СССР от 28 августа 1941 г. “О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья”», в котором была дана реальная государственная оценка выдвинутому против советских немцев обвинениям. «Жизнь показала, – отмечается в Указе 1964 г., – что эти огульные обвинения были неосновательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией...»³⁸. Таким образом, в статье Д. В. Гаврилова присутствуют откровенная фальсификация фактов, ложь и подлог.

Вместе с Л. П. Белковец Д. В. Гаврилов считает, что сегодня с позиции концепции прав человека нельзя «оправдать массовые депортации народов», но в годы войны это действие было вполне оправданным. В таком случае, как полагает историк В. М. Кириллов, можно оправдать, например, геноцид фашистов по отношению к евреям, поскольку президент Всемирного еврейского конгресса Х. Вейцман объявил в свое время войну германскому фашизму и евреям стали врагами Германии³⁹.

В своей статье Д. В. Гаврилов грубо нарушает принцип историзма. В его работе отсутствует должный глубокий исторический контекст (он ограничен только периодом войны), в то время как практика борьбы с собственным народом (а следовательно, и репрессивная политика против российских немцев) была присуща Советскому государству с момента его основания и особенно остро проявлялась в период с 1917 до середины 1950-х гг., а процесс реабилитации немецкого национального меньшинства состоялся только в 1990-х гг.

В заключение нельзя не отметить книги Р. О. Пономаренко, вышедшей в издательстве «Яуза» в 2014 г.⁴⁰ У нее интригующе-сенсационное название: «“Советские немцы” и другие фольклорные в войсках СС», причем на обложке в первую очередь бросаются в глаза выделенные крупным шрифтом слова «Советские немцы» и «в

войсках СС». Промежуточная строчка «и другие фольксдойче» явно теряется за ними. Остается лишь гадать, что это: рекламный трюк или здесь преследуется какая-то иная цель. Это впечатлительное существенно усиливается после прочтения оглавления, а потом и самого текста книги. Из 256 страниц книги «советским немцам», о которых так вызывающе кричит обложка, посвящено менее 18 страниц (!)⁴¹. Все остальные страницы книги повествуют об этнических немцах других стран Европы (Румынии, Венгрии, Югославии, Словакии, и т. д.), их службе в войсках СС.

На страницах раздела «Советский Союз» автор в самом общем плане, штрихами, пишет о привлечении оккупационной властью к сотрудничеству немцев Украины, которых не успели депортировать в Сибирь и Казахстан, и потому они оказались на захваченных нацистами территориях. В 1943 г. их принудительно переселили в Германию, мужчин призвали на военную службу в германские войска, в том числе и в войска СС. В разделе показана вербовка бывших немцев Украины в несколько полков СС. Текст носит описательный характер и включает в себя ряд коротких заметок об отдельных военнослужащих, их служебной карьере и судьбе.

Отсутствуют статистический материал, сравнения, которые могли бы дать какое-то более или менее целостное представление о службе советских немцев в войсках СС. В конце раздела Р. О. Пономаренко совершенно бездоказательно опровергает своих предшественников по перу, утверждающих, что в СС служило около 100 советских немцев и произвольно определяет их численность в 10–20 тыс. человек⁴². Такой разброс данных и отсутствие их обоснования вызывают серьезные сомнения в их достоверности, то же можно сказать и о профессионализме Р. О. Пономаренко.

Но даже если и поверить автору по максимуму, то 20 тыс. якобы служивших в СС советских немцев составляют всего 6,5 % от всех советских немцев, оказавшихся на оккупированных территориях⁴³, и уж совсем ничтожную долю от всех советских немцев периода войны. Об этом, однако, автор не пишет.

Завершая исследование, можно сделать вывод, что постановка вопроса о «геноциде» в отношении российских немцев, якобы осуществлявшемся советским руководством, с научной точки зрения представляется необоснованной и некорректной. Точно так же достаточно сомнительными выглядит и поиск юридических и иных зацепок для формулирования вывода об отсутствии состава преступления в действиях сталинской тоталитарной власти в 1941–1955 гг. по отношению к советским немцам, для оправдания ее действий условиями войны.

Тем более неприемлемыми являются попытки отдельных авторов фальсифицировать события, обманывать читателей ложными аргументами

и ссылками, искусственно смещать акценты, подгонять числа и факты под свои субъективные представления.

Оба крайних направления историографии российских немцев представляются ненаучными и типиковыми.

Примечания

- 1 Общее представление о современной историографии российских немцев можно получить, обратившись в электронную библиотеку информационного портала российских немцев. См.: URL:// <http://www.bibliothek.rusdeutsch.ru/>. Все книги и статьи – в открытом доступе. Их можно бесплатно скачивать.
- 2 См.: *Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Band 1,2. Nürnberg, München, Großburgwedel, 2003.*
- 3 Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных архива ФСБ РФ. См.: Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 52.
- 4 См.: Население СССР : справочник. М., 1983. С. 8.
- 5 См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин» : сб. документов (1940-е годы) / сост. Н. Ф. Бугай. М., 1998. С. 16.
- 6 *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ : Репрессии против российских немцев. М., 1999. С. 66, 70, 71.
- 7 Подсчет сделан автором на основе архивных данных.
- 8 См.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL:// <http://www.memo.ru> (дата обращения: 26.06.2011) ; *Охотин Н., Рогинский А.* Указ. соч. С. 69.
- 9 Военно-исторический архив. 2003. № 6. С. 60.
- 10 Там же.
- 11 Подсчет сделан автором на основе опубликованных данных о численности немецкого населения. См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» С. 16–18.
- 12 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 83. Л. 41.
- 13 Подсчет сделан автором на основе приведенных выше опубликованных и архивных данных.
- 14 См.: *Герман А. А., Курочкин А. Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 1998. С. 67.
- 15 Там же. С. 114–116.
- 16 См.: Гриф секретности снят : потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : стат. исследование. М., 1993. С. 158.
- 17 См.: Население СССР. С. 8.
- 18 *Eisenhower, D. D.* Crusade in Europe : A personal Account of World War II. L., 1948. P. 467–468.
- 19 См.: Советская военная энциклопедия. 2-е изд. Т. 1. М., 1990. С. 386.
- 20 См.: Население СССР. С. 8.
- 21 Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: *Земсков В. Н.* Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.

- ²² См.: *Герман А. А.* Репатриация советских граждан немецкой национальности : характер проведения и результаты // *Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие 1941–1945 гг.* М., 2001. С. 258, 264.
- ²³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 137.
- ²⁴ См.: *Бугай Н. Ф.* Немцы в структуре производительных сил СССР : трудовые армии, рабочие колонны, батальоны (40-е годы) // *Немецкий российский этнос : вехи истории.* М., 1994. С. 89 ; *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 162–163.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Данные по населению СССР сост. по: *Население СССР : Справочник.* С. 55. Данные по немецкому населению рассчитаны автором.
- ²⁷ Подсчет сделан автором на основе данных В. Н. Земскова. См.: *Земсков В. Н.* Указ. соч. С. 151–165.
- ²⁸ Подсчет сделан автором: ГАРФ. Ф. 9479.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 151.
- ³⁰ См.: *Белковец Л. П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпереселении 1941–1945 гг. : Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.
- ³¹ Там же. С. 299.
- ³² Там же. С. 298, 301.
- ³³ См.: *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни Сибири. М., 1995. С. 6.
- ³⁴ См.: *Гаврилов Д. В.* Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // *Военно-исторический журн.* 2012. № 1. С. 3–9.
- ³⁵ Подробнее об этом см., например: *Кириллов В. М.* Депортация российских немцев в годы Второй мировой войны : научные дискуссии и фальсификация проблемы // *Российские немцы : 50 лет послевоенному общественному движению : От первых делегаций в правительство через «Возрождение» к современной системе самоорганизации (1964–2014 гг.) : материалы 5-й междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 11–16 февр. 2015 г.). М., 2015. С. 372–376.
- ³⁶ Сноска Д. В. Гаврилова № 14 : Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 г.). М., 1995. С. 241, 242 ; *Бугай Н. Ф.* И. Сталин – Л. Берия : «Их надо депортировать...» : документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 75 ; *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге, 1918–1941 : в 2 ч. Ч. 2. Саратов, 1994. С. 283, 294, 295 ; *Наказанный народ.* М., 1999. С. 100 ; *Поляня П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 105. См.: *Гаврилов Д. В.* Указ. соч. С. 7.
- ³⁷ См.: *Гаврилов Д. В.* Указ. соч. С. 7–8.
- ³⁸ История российских немцев в документах. М., 1993. С. 178–179.
- ³⁹ См.: *Кириллов В. М.* Указ. соч. С. 374–375.
- ⁴⁰ См.: *Пономаренко Р. О.* «Советские немцы» и другие фольксдойче в войсках СС. М., 2014. 256 с. (Победа любой ценой. Горькая правда о Великой Отечественной войне).
- ⁴¹ Там же. С. 159–177.
- ⁴² Там же. С. 175, 176.
- ⁴³ На оккупированной территории СССР в 1941 г. оказалось 303,8 тыс. советских немцев, подавляющее большинство которых (280,7 тыс.) проживало на Украине, остальные – на Северном Кавказе, в районе Таганрога, в Белоруссии, в западных областях РСФСР. См.: *Герман А. А.* Репатриация граждан СССР немецкой национальности и отправка их на спецпоселение (1944–1946 гг.) // *Военно-исторические исследования в Поволжье : сб. науч. тр. Вып. 4.* Саратов, 2000. С. 261.

Образец для цитирования:

Герман А. А. О крайних направлениях в историографии российских немцев: попытка анализа // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2017. Т. 17, вып. 1. С. 52–58. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-52-58.

Cite this article as:

German A. A. On the Extreme Trends in the Historiography of the Russian Germans: an Attempt of Analysis. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 52–58 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-52-58.

УДК 94(470.62+477.75)|1944/1953|

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ ИЗ РОССИИ И УКРАИНЫ НА ПОСТДЕПОРТАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В 1944–1953 ГОДЫ

В. А. Конониренко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vspwshka_89@mail.ru

В статье исследуется процесс планового переселения колхозных хозяйств из России и Украины в Крымскую область в 1944–1953 гг. Анализу подвергнуты противоречивый процесс заселения постдепортационных территорий, причины массового обратного выезда переселенцев. Делается вывод о решающей роли российских колхозников в эволюции национальной структуры Крыма.

Ключевые слова: депортация народов, автономия, переселение, хозяйства колхозников, хозяйственное освоение, колхоз.

The Removal of Collective Farmers from Russia and Ukraine to the Postdeportation Territory of Crimea in 1944–1953

V. A. Kononirenko

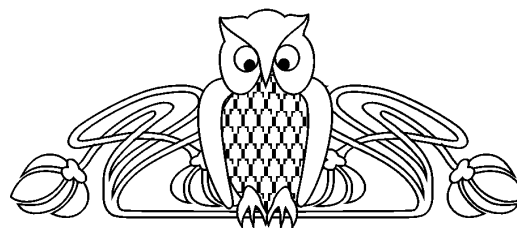
The process of the collective farms planned transfer from the Russian and the Ukrainian SSR to the Crimea region in 1944–1953 is examined in the article. The contradictory process of the settlement on postdeportation territories, the reasons of the mass return of the transferred population are analyzed. There is a conclusion about the decisive role of Russian collective farmers in the evolution of the national structure of Crimea.

Key words: deportation, autonomy, transfer, farms, economic development, collective farm.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-59-63

До Великой Отечественной войны в Крыму проживало около 1 млн 130 тыс. человек. После освобождения полуострова в мае 1944 г. его население сократилось почти в три раза и составляло 379 тыс. человек. Существенную роль в сокращении населения, помимо гибели в результате военных действий, мобилизации в армию, эвакуации, сыграла депортация: из Крыма к июню 1944 г. было насильственно переселено 183 155 крымских татар, 15 040 греков, 12 242 болгарина, 11 119 немцев, 9 621 армян¹.

Промышленность и сельское хозяйство Крыма оказались в крайне сложном положении, Севастополь и Керчь были разрушены полностью, множество населенных пунктов находились в запустении. Советское руководство восстановлению народного хозяйства и возмещение людского потенциала Крымской области связывало с крупномасштабным переселением на полуостров колхозников из России и Украины. Опыт переселения больших масс

населения на постдепортационные территории у Советского государства имелся: в сложнейшие 1941 и 1942 гг. 12 822 семьи были направлены в опустевшие после депортации немцев «новые» районы Саратовской области. Переселение в Крымскую область² осуществлялось в рамках масштабной переселенческой кампании 1944 г., которая охватывала помимо Крыма Грозненскую (7 591 семья) и Сталинградскую (1 519) области, Дагестанскую (16 741) и Северо-Осетинскую (7 331) автономные республики³.

Механизм переселения был определен Постановлением ГКО от 12 августа 1944 г. «О переселении колхозников в районы Крыма». «В целях быстреего освоения плодородных земель, садов и виноградников Крыма» ГКО «признал необходимым» переселить в Крым из областей РСФСР и Украинской ССР «добросовестных и трудолюбивых колхозников» («знакомых с садоводством, виноградарством и табаководством, способных в кратчайший срок освоить плодородные земли Крыма»). Общее количество переселенцев определялось в 51 тысячу человек (17 000 хозяйств). Самое большое количество хозяйств (3 000) предполагалось переселить из Краснодарского края в Алуштинский (2 500) и Судакский (500) районы, из Ставропольского края, Воронежской и Тамбовской областей предписывалось переселить по 2 000 хозяйств, по тысяче – из Ростовской, Курской, Орловской, Ростовской, Брянской областей. Из Украинской ССР в Куйбышевский район Крыма должны были переселить 3 000 хозяйств. ГКО требовал наряду с колхозниками переселить председателей колхозов и сельсоветов, учителей, врачей, агрономов, зоотехников, комбайнеров, трактористов. Для колхозников были установлены многочисленные льготы: выдавалось единовременное денежное пособие в размере 2500 рублей на семью, списывались все недоимки, в 1944–1945 гг. переселенцы освобождались от налогов и госпоставок⁴.

Переселенцы наделялись домами с имеющимися надворными постройками и приусадебными участками, им выдавался «ручной сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода», ранее принадлежавшие спецпереселенцам, «в личном распоряжении прибывших колхозников-переселенцев» оставался урожай с приусадебных участков. Все постройки переходили в личную собственность переселенцев «по истечении 5 лет непрерывной

работы в колхозе». Предполагалась даже «выдача особо нуждающимся колхозникам-переселенцам и их детям» 30 тысяч предметов белья, одежды и обуви «из числа подарков, поступающих из-за границы»⁵.

В 1944–1946 гг. в Крымскую область вселено 18 040 семей переселенцев (в 1944–1945 гг. – 17 040 семей, в 1946 г. – 1000). Большинство этих переселенцев (15 859 семей) были размещены по «8-ми основным переселенческим горным районам»: Алуштинский, Белогорский, Бахчисарайский, Балаклавский, Куйбышевский, Старо-Крымский, Судакский, Ялтинский. В 20 степных районах была вселена 2 181 семья. В 6 районов (Красно-Перекопский, Ленинский, Первомайский, Раздольненский, Сакский и Черноморский) вселение переселенцев не производилось⁶.

Из переселенцев были организованы переселенческие колхозы. В 1945–1948 гг. таких колхозов в Крыму насчитывалось 198, а количество дворов в них оценивалось числом в 8152⁷. На 1 июля 1950 г. таких колхозов в Крыму имелось 226: 198 в 8 основных горных переселенческих районах и 28 колхозов в степных районах. Часть переселенцев была «доприселена» в уже существовавшие колхозы⁸.

Однако главная задача «организационно-хозяйственного укрепления переселенческих колхозов и закрепление всех колхозников-переселенцев»⁹ оказалась невыполненной. Несмотря на то что «в переселенческих районах росли площади под зерновыми культурами», «главная отрасль хозяйства переселенческих колхозов – сады, виноградники и табаки, в своем развитии отстали». Проще говоря, «сады и виноградники» оказались «сильно изреженными» и «требовали реконструкции»¹⁰. Переселенческие колхозы, созданные в 1944–1946 гг., оставались «экономически слабыми». Неурожай 1949 г. в Крыму увеличил задолженность колхозов: «по кредитам сельскохозяйственному банку – 100 млн рублей и Госбанку – 25 млн. рублей, по поставкам государству – 291 тысяча тонн зерна, 4400 тонн подсолнуха, 5 тысяч тонн молока и т. д.»¹¹.

Ситуация с переселением к концу 1940-х гг. сложилась критическая. К октябрю 1950 г. из Крыма «выбыло за пределы области 10 391 семья, или 57,8%, том числе: в 1949 г. – 556 семей и за 9 месяцев 1950 г. – 242 семьи»¹². По некоторым данным, за этот же период с полуострова уехали 10 722 переселенческих хозяйства, причем в 1945 г. – 1 615 хозяйств, 1946 г. – 4 203, 1947 г. – 3 156, 1948 г. – 950¹³. Люди покидали благодатный Крым, прежде всего из-за хозяйственной неустроенности.

Переселенцы, прибывающие в Крым, надеялись получить нормальное жилье. После того как это не случалось, наступало разочарование и появлялось желание уехать обратно. Большин-

ство жалоб и обращений переселенцев к органам власти касались жилья: «переселенца Кузнецова И. Т. вселили в дом, полы земляные, сарай под обвалом, подвал без двери», «переселенец Ливенко А. И. вселен в дом, где крыша дома не отремонтирована, комната и печь не побелены, в квартире сыро», «переселенец Червонков вселен в ветхий дом, потолок грозит обвалом, полы земляные, сарай разломан», «переселенцу Шацкому А. И. дом не предоставили, проживает с семьей из 8 человек на квартире у рабочего совхоза Блохиной»¹⁴. Многие переселенцы были «вселены в дома, не имеющие хозяйственных построек» и поэтому были «вынуждены держать коров у соседей, а телят, поросят и кур в домах»: «переселенец Юдин Н. С. держит корову у соседа, переселенец Котляров корову держит в коридоре, переселенцы Проценко Д. С. и Руденков Я. С. держат скот в коридоре, переселенка Долгова А. И. корову держит в сенях, кур и теленка в комнате»¹⁵.

Отчеты о вселении переселенцев 1944–1946 гг. «пестрят» однообразными фразами: «В большинстве своем дома строений татарского типа. Крыши плоские земляные. Полы земляные. Ремонт произведен плохо»¹⁶. Некоторые колхозники были вообще поселены в землянках. Так, в 1945–1950 гг. из землянок в жилые дома были переселены 50 семей переселенцев 1944 г. в количестве 174 человек¹⁷. Строительство новых домов «обходилась переселенцу в 16 и более тысяч рублей». Кредит казался переселенцам «неподъемным», поэтому они «неохотно получали новые дорогостоящие дома»: «высокая стоимость домов является серьезной причиной задержки переоформления кредитов с колхозов на колхозников-переселенцев, не переоформлено кредита на 14 млн руб.»¹⁸.

На местах вселения переселенцы зачастую сталкивались с теми же пороками советской системы хозяйствования, что существовали и в местах выезда: бюрократическая волокита, бездушное отношение чиновников, пьянство, воровство, «разбазаривание» земель и т. д. Примеров архивные документы дают множество. Так, «переселенка Сирота (село Приветное) обратилась с жалобой на задержку выдачи 540 кг картофеля, взамен сданного по квитанции в Краснодарском крае, жалоба рассматривалась в течение 139 дней»¹⁹. Переселенцам колхоза им. Коминтерна, которые пожаловались на «систематическое пьянство председателя Сербина» («Долго ли они будут мучиться в колхозе с этим председателем, иначе мы вынуждены будем уходить из колхоза»), из райисполкома сообщили, что «Сербин признал свои недостатки»²⁰. Нетрудоспособная переселенка К. М. Позднякова из колхоза «Борец за социализм», потерявшая в период Великой Отечественной войны мужа и трех сыновей, на просьбу отремонтировать дом получила из райисполкома «бюрократическую отписку»: «гражданке Позд-

няковой будет оказана помощь в ремонте дома после окончания ремонта животноводческих построек»²¹.

Массовым было и расхищение колхозных земель. Проверкой Совета по делам колхозов при правительстве СССР по Крымской области в 1950 г. было установлено: «в Кировском районе в 1949 г. было 13 случаев захвата колхозных земель, а в текущем году – 46 случаев; в Нижнегорском районе в 1949 г. было 95 случаев, а в текущем году – 165 случаев; в Приморском районе в 1949 г. было 50 случаев, а в текущем году – 172»²². В 1950 г. представители Совета по делам колхозов проверили 117 колхозов в 15 районах Крыма и установили, что в этих колхозах: «расхищено и разбазарено: денежных средств 1437 тыс. руб., зерна и муки 142 тонны, скота 70 голов, мясомолочных продуктов 10 тонн и фруктов 60 тонн». Самое масштабное воровство было зафиксировано в Ялтинском районе, «где только по 5 колхозам растрачено и растранижено 382, 6 тыс. руб. и израсходовано не по назначению 351,2 тыс. руб.», и в Куйбышевском районе, где «по 10 колхозам» «показатели» были скромнее: «114,9 тыс. рублей, зерна 113 тонн и фруктов 27 тонн»²³.

При анализе причин «обратничества» необходимо учесть объективные климатические факторы, прежде всего трудности с питьевой водой. К примеру, в колхозе им. Молотова Ленинского района «вода для питья доставляется на лошадях из колодца, который находится на расстоянии 4–5 километров от колхоза»²⁴. Сухой климат, отсутствие дождей создавали сложности в обеспечении скота кормами. В крайне засушливом 1949 г. «перспектива отсутствия кормов для скота на зимний период» «повлекла за собой сброс скота» переселенцами²⁵. Объясняя причины обратничества, чиновники из Крымского облисполкома предположили, что переселенцам, вселенным в горные районы, «не понравилась местность, говорят “горы давят” и не понравилась подготовка колхоза к приему глав семей, а также необеспеченность в горных колхозах продуктами питания, в особенности картофелем и овощами»²⁶.

Массовый выезд переселенцев первой волны из Крыма привел к концу 1940-х гг. к осознанию необходимости нового переселения колхозников из России и Украины на полуостров. Постановлением 5 декабря 1949 г. и распоряжением 8 апреля 1950 г. Совет Министров возобновил плановое переселение в Крым. Из Владимирской, Горьковской, Московской, Пензенской областей, Ставропольского и Краснодарского краев было переселено 1 507 хозяйств, еще 106 хозяйств прибыло из Чувашской АССР, 987 – из Украины²⁷.

Нет сомнений, что переселялись мало-мощные, бедные хозяйства. Так, из 150 семей, переселенных весной 1950 г. в колхозы Старо-

Крымского района из Чувашской АССР и Владимирской области, «102 семьи оказались бескоровными»²⁸. Показательно, что переселенцы из Винницкой области, направленные в Ленинский район Крымской области, практически с собой ничего не привезли: «имущества переселенцы везут с собой очень в небольшом количестве, состоящего из старых сундуков, ящиков, хозяйственной посуды и мешков с картофелем и хозяйственными предметами, мебели при переселенцах почти нет»²⁹.

Проблемы на местах вселения остались прежними. Те же переселенцы из Винницкой области «в преобладающем большинстве были вселены в старые отремонтированные двух- и трехквартирные дома и, как правило, с земляными полами». Новое строительство в Ленинском районе почти не велось: «из 110 домов, предусмотренных по плану, закончено только 12 домов»³⁰. Крымский облисполком был вынужден признать: «На 15 ноября 1950 г. в целом по области построено всего 512 новых домов, или 26% к установленному заданию, а общий план переселенческого строительства выполнен всего на 61,9%», «большая часть новых домов не имеет надворных построек, в связи с чем переселенцы вынуждены держать скот и птицу в жилых помещениях или под открытым небом». 120 прибывших семей вообще не были обеспечены жильем³¹. На 1 октября 1950 г. из прибывших в этом году переселенцев за пределы Крымской области выбыло 308 семей, или 10%³².

В 1951 г. из Воронежской, Владимирской, Рязанской областей РСФСР в Крым было переселено 1 868 хозяйств, из Украины – 1 182. В 1952 г. список российских «доноров» был изменен, наряду с Воронежской и Рязанской в него были включены еще Курская, Московская, Ростовская области. Из этих регионов в Крым прибыло 1408 хозяйств, из Украины – 1279. И, наконец, в 1953 г. Воронежская, Курская и Рязанская области «дали» тогда еще российскому Крыму 919 хозяйств, а Украина накануне передала ей Крыма – 1 015 хозяйств³³.

Лидеры крымско-татарского национального движения в 1950-е гг. часто обращали внимание на ускоренное заселение Крыма русскими и украинцами, характеризовали Крым как «арену разгула великодержавного шовинизма и украинского национализма»³⁴. Всего из Украины в Крым за период с 1944 по 1953 г. было переселено 7586 хозяйств колхозников, в то время как из русских областей было переселено – 21 294 хозяйства, из Чувашской АССР – 106³⁵. Основной поток переселенцев-украинцев распределялся внутри Украинской ССР. Так, в 1949–1952 гг. в южные области республики было переселено 82 067 семей переселенцев.

Именно на Украине чаще всего наблюдались случаи принудительного переселения колхозников. Так, решения о переселении колхоз-

«Молодая гвардия» и «Новая жизнь» из Черновицкой в Запорожскую область были приняты на «незаконных собраниях колхозников». Дома колхозников, которые отказывались от переселения, «принудительно разбирались», колхозников «лишали права пользоваться приусадебными участками», не выдавали «натуральные и денежные авансы на выработанные трудовые». Правления и ревизионные комиссии колхозов были распущены, школа, клуб, магазины, медпункт были закрыты. Оставшиеся в районе члены этих колхозов «не допускались к работе»³⁶. Факты принудительного переселения были установлены при переселении колхозников из Станиславской в Николаевскую область, при переселении колхоза «Победа» из Черновицкой области в Запорожскую³⁷. Конечно, такие методы переселения приводили к массовому «обратничеству»: из 82 067 переселенных в 1949–1952 гг. из областей вселения выбыли 16 412 семей (20%). Из Измаильской области в 1949–1951 гг. выехало 67,2 % переселенцев, из Запорожской – 35,9%, из Херсонской – 34,1%³⁸.

По переписи населения 1939 г. в Крыму проживало 1 126 429 человек, из них русских – 558 481 (49,6%), крымских татар – 218 879 (19,4%), украинцев – 154 123 (13,7%), евреев – 65 452 (5,8 %). По некоторым оценкам в 1945 г. население Крыма достигло 610 000 человек. Кардинальным образом изменилась национальная структура полуострова. Перепись 1959 г. уже не включала крымских татар, численность евреев сократилась до 26 374 человек и составила 2,2%. Вторым этносом Крыма стали украинцы – 267 659 человек (22,3%). Численность русских возросла до 858 273 человек, а их доля в составе населения достигла 71,4%³⁹. Переселение колхозников из русских областей России сыграло решающую роль в столь радикальной трансформации национальной структуры населения Крыма. Однако этот фактор игнорировался при принятии решения об изменении национально-государственного статуса Крыма. Сразу после депортации крымских татар в высшем советском руководстве интенсивно обсуждался вопрос об учреждении в Крыму еврейской автономии. В феврале 1954 г. российский Крым неожиданно был передан в состав Украинской ССР.

Безусловно, следует согласиться с мнением А. И. Аджубея о том, что Н. С. Хрущев в ходе своего визита в Крым осенью 1953 г. остался крайне недоволен состоянием дел в сельском хозяйстве региона и положением переселенцев, которые сообщили руководителю государства, что их «обманули»⁴⁰. Однако вряд ли данное обстоятельство сыграло решающую роль в выработке решения Хрущева передать Крым Украине. И уж совсем субъективным и необоснованным выглядит мнение крымского исследователя Э. И. Сеитовой о том, что «ужас первого (провального) этапа организованного переселения на полуостров

людей из преимущественно различных регионов РСФСР», по мнению Н. С. Хрущева, можно было преодолеть «благодаря заселению региона работоспособными колхозниками из областей Украины»⁴¹. Вряд ли положение русских переселенцев столь «взволновало» советского лидера, что он решился «облегчить» им жизнь, а заодно и «возродить» Крым более «трудолюбивыми украинцами».

Представляется, что ни в «еврейском», ни в «украинском» проектах фактор заселения и хозяйственного освоения преимущественно русскими колхозниками во внимание не принимался, а причины и побудительные мотивы попыток реализации этих проектов, как гипотетического, так и «успешно осуществленного» следует искать, прежде всего, в борьбе за власть в высшей советской политэлите.

Примечания

- 1 См.: Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002. С. 93.
- 2 Официально Крымская АССР была преобразована в Крымскую область Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. (Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1958 гг. М., 1959. С. 54), а 25 июня 1946 г. Верховный Совет РСФСР законом «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область» данное преобразование утвердил (Заседания Верховного Совета РСФСР (седьмая сессия), 20–25 июня 1946 г. : Стеногр. отчет. М., 1946. С. 361).
- 3 Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. С. 31.
- 4 URL: www.moscow-crimea.ru (дата обращения: 01.04.2008).
- 5 Там же.
- 6 РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 479. Л. 20.
- 7 Там же. Д. 400. Л. 14.
- 8 Там же. Д. 479. Л. 15.
- 9 Там же. Л. 16.
- 10 Там же.
- 11 Там же. Л. 2, 3.
- 12 Там же. Л. 42.
- 13 Там же. Д. 400. Л. 12.
- 14 Там же. Д. 479. Л. 169.
- 15 Там же. Л. 170.
- 16 Там же. Л. 188.
- 17 Там же. Л. 152.
- 18 Там же. Л. 1.
- 19 Там же. Л. 137.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 8.
- 22 Там же. Л. 139.
- 23 Там же. Л. 139, 140.
- 24 Там же. Л. 188.

- ²⁵ РГАЭ. Л. 44.
²⁶ Там же. Д. 543. Л. 9.
²⁷ Там же. Д. 678. Л. 98.
²⁸ Там же. Д. 479. Л. 103.
²⁹ Там же. Л. 188.
³⁰ Там же.
³¹ Там же. Л. 9.
³² Там же. Д. 678. Л. 60.
³³ Там же. Л. 98, 99.
³⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-7523. Оп. 83. Д. 491. Л. 34.
³⁵ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 678. Л. 97, 98, 99.
³⁶ Там же. Д. 680. Л. 82.
³⁷ Там же. Л. 83, 84.
³⁸ Там же. Л. 98, 102.
³⁹ Рассчитано по : Население СССР за 70 лет. М., 1978.
⁴⁰ См.: *Аджубей А.* Как Хрущев Крым Украине отдал. Воспоминания на заданную тему // Новое время. 1992. № 6. С. 21.
⁴¹ *Сеитова Э. И.* Послевоенный Крым : административно-территориальное устройство и демография // Пространство и время. 2014. № 2. С. 181.

Образец для цитирования:

Конониренко В. А. Переселение колхозников из России и Украины на постдепортационные территории Крыма в 1944–1953 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 59–63. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-59-63.

Cite this article as:

Kononirenko V. A. The Removal of Collective Farmers from Russia and Ukraine to the Postdeportation Territory of Crimea in 1944–1953. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 59–63 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-59-63.

УДК 94(47).08

ОБРАЗ ПРОТИВНИКА В ПРИДНЕСТРОВСКОМ КОНФЛИКТЕ 1989–1992 ГГ.: ВЗГЛЯД ИЗ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

М. Я. Мединец

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
E-mail: mmedinec@mail.ru

В статье рассматривается структура и источники образа Республики Молдова (РМ) как врага, создаваемого исторической традицией непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Особое внимание уделяется изображению основных групп молдавского общества, несущих, по утверждениям ПМР, вину за межнациональный конфликт в Молдавии, а также бинарным оппозициям обществ РМ и ПМР, конструируемым приднестровской идеологией.

Ключевые слова: Молдавия, Приднестровье, образ врага, приднестровский конфликт, пропаганда, Национальная армия Молдавии.

Enemy Image in the 1989–1992 Trans-Dniester Conflict: a View from Transnistria

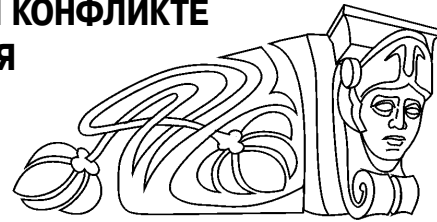
M. Ya. Medinets

The article describes the structure and sources of the enemy image of the Republic of Moldova, forged by the historical tradition of the unrecognized Transnistrian Moldovan Republic. Special attention is paid to the portrayal of major groups of the Moldovan society which are blamed by TMR for the interethnic conflict in the country, as well as to binary oppositions of Moldovan and Transnistrian societies constructed by the Transnistrian ideology.

Key words: Moldova, Transnistria, enemy image, Transnistrian conflict, propaganda, Moldovan National Army.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-64-66

Среди многочисленных последствий политического, а затем военного конфликта между Молдавской ССР (с 1991 г. – Республика Молдова (РМ)) и ее левобережными районами, оформившимися в непризнанную Приднестровскую Молдавскую Республику (ПМР), есть и такое, как создание «образа врага», то есть формирование представлений об элите, государственном аппарате (а также отчасти населении) противоположного берега Днестра как о противнике. Образ врага в современной российской исторической литературе понимается как «представления, возникающие у социального (массового или индивидуального) субъекта о другом субъекте, воспринимаемом как несущий угрозу его интересам, ценностям или самому социальному и физическому существованию, и формируемые на совокупной основе социально-исторического и индивидуального опыта, стереотипов и информационно-пропагандистского воздействия»¹. Важнейший компонент образа врага – противопоставление его отрицательных

качеств своим положительным, необходимое для утверждения своей моральной правоты в войне².

В данной статье поставлена цель исследовать содержание представлений о противнике в официальной литературе ПМР, выделить основные черты в «образе врага» и показать происхождение и функции именно такого набора этих черт. Также необходимо выявить главные оппозиции «своего» и «вражеского» обществ, конструируемые государственной идеологией ПМР. В качестве источников использованы в основном учебные пособия, которые последовательней, чем сочинения других жанров, формируют массовые представления, и опубликованные в Приднестровье научные издания по истории, авторы которых доставляли «респектабельную» историческую аргументацию участникам общественно-политических дискуссий.

Образ противника в приднестровской исторической литературе распадается на три основных социальных группы, выступавших в этой роли: 1) элита вражеского государства, на которую возлагается вина за войну; 2) интеллигенция Молдавии, представители которой стали идеологами межнационального конфликта; 3) непосредственный противник – силовые структуры Молдавии (армия, полиция, «волонтеры», диверсионно-террористические группы). В таком «тройном» образе врага отражена довольно четкая концепция социальных истоков конфликта, существующая и принятая в ПМР. Она заключается в том, что причиной войны стало стремление этнически молдавской части номенклатуры МССР сохранить власть при угрозе смены социально-экономического строя в конце 1980-х гг. А инструментом достижения этой цели послужило разжигание (в сотрудничестве с Народным фронтом Молдовы) этнического конфликта, позволившего перенаправить внимание населения от социальных проблем на межэтнические³ и вытеснить из власти и престижных профессий конкурентов – более компетентных русскоязычных профессионалов⁴. Даже проводится аналогия с еврейскими погромами начала XX в. в Бессарабии⁵.

Характерно, что в изложении приднестровских авторов население Молдавии в целом рассматривается не как противник (в отличие от описаний межэтнических конфликтов в Закавказье, где противостоящие стороны показа-

ны как монолитные силы), а скорее как жертва своего правительства: «Молдаване ненависти к русским и к приднестровцам не испытывали даже в самый накал войны... В июне 1992 года... приднестровцы перекрыли газ Молдове, были перебои с электричеством. В Кишиневе люди были вынуждены готовить пищу на кострах во дворах домов. Но даже тогда никто не винил в этих бедах приднестровцев и тем более русских, несчастья ассоциировались с президентом Снегуром, собственным правительством и националистами»⁶. В некоторой степени это можно считать наследием советской пропагандистской традиции отделять «народные массы» вражеской страны от ее правящей группировки («Мы воюем с панским родом, а не с польским трудовым народом!» и т. п.), а в некоторой – реальным проявлением непопулярности войны.

Молдавские инициаторы противостояния характеризуются как «блок, альянс, который состоял из правящей национальной бюрократии Молдовы и возвращенных ею же экстремистских деятелей Народного фронта, возглавляемого в основном фанатичными писателями-румынистами»⁷. В несколько более детальном изложении: «а) национал-бюрократическая номенклатура; б) городские и пригородные маргинальные слои (имеются убедительные сведения, что и уголовные элементы, выпущенные из тюрьм с приказом проявить себя на поприще «национального возрождения»); в) элитные круги национальной творческой интеллигенции, выполнявшие зачастую посредническо-организаторские функции между первыми двумя частями»⁸.

Важнейшая черта элиты Молдавии в приднестровском описании – ее провинциальность, деревенский характер (выходцы из бессарабских сел), в противовес современному, развитому, интернациональному, рабочему и инженерному по социальному составу Левобережью⁹. В качестве ярких свидетелей такой «провинциальности» и отсталости молдавской власти приводятся, например, обычай целовать руку президенту Мирче Снегуру на ступенях парламента РМ¹⁰ или результаты первых президентских выборов – 98% за Снегуром¹¹. Такие интерпретации имеют две цели: с одной стороны, противопоставить элиту ПМР как «профессионалов», посланных на службу в Приднестровье со всего Советского Союза, власти МССР как партийным интриганам, оказавшимся на своих местах исключительно благодаря «титальному» происхождению и социальным квотам (и следовательно, дополнительно ее легитимизировать)¹², с другой стороны – постоянным педантированием «связки» между Коммунистической партией Молдавии и местным национализмом¹³ смягчить негативный эффект клише «последний заповедник СССР», «сталинская республика» и т. д. в отношении самой ПМР.

Основные черты следующей категории врагов – молдавской интеллигенции, в первую

очередь писателей (Г. Виеру, Н. Дабижа, Л. Лари и т. д.) – сочетание агрессивного румынского (не молдавского, то есть противопоставленного большинству населения республики) национализма в настоящем¹⁴ и лицемерной лояльности СССР (стихи о Ленине и т. п.) в прошлом.

Наконец, обратимся к изображению субъекта наиболее жесткой части противостояния – вражеских вооруженных сил. Здесь ключевой их характеристикой в приднестровском изображении можно назвать деморализованность, проявляющуюся по-разному. Так, всегда подчеркивается массовое нежелание молдавских военнослужащих воевать («Из 2600 офицеров-молдаван, служивших к весне 1992 г. в частях Советской армии за пределами Молдавии, в Национальную армию вступили всего 155. Были мобилизованы также 88 офицеров запаса. В то же время армию Молдовы покинули и были переведены в запас 54 офицера»)¹⁵. Другие примеры этого же явления: «Саботаж боевых действий быстро приобрел открытый и организованный характер. Ежедневно в 12 часов дня на мосту через Днестр у села Гура-Быкулуй, сообщали газеты национал-радикалов, делегация бойцов Молдовы встречается с аналогичной приднестровской делегацией, договариваясь о взаимном ненападении на следующие сутки. На плацдармах офицеры молдавских подразделений устанавливали телефонную связь с командирами формирований Приднестровья, заключая на своих участках перемирие»¹⁶. Такие сюжеты представляют и приднестровскую сторону в выгодном свете, показывая ее готовность к договоренностям и даже определенное сочувствие к противнику – знак моральной правоты приднестровского движения.

Со ссылками на румынские националистические газеты профессиональные историки ПМР утверждают, что «идеологи» боевых действий (сторонники присоединения к Румынии) пользовались презрением в армии РМ, а солдаты даже совершали на них нападения, обвиняя в развязывании войны (характерно название одной из подобных статей – «Страх перед братом и любовь к захватчикам»)¹⁷.

Однако есть и сюжеты, представляющие неотъемлемую черту образа врага – его жестокость и беспощадность: «Пленных приднестровских ополченцев полицейские, карабинеры и “волонтеры” избивали прикладами и дубинками, вырезали на их телах звезды, топили в навозных жижах, сжигали живьем. В селе Гиска сотрудники МВД и “волонтеры” уже после прекращения огня забили насмерть несколько бойцов местного отряда самообороны, в том числе раненых»¹⁸. Своеобразным символом коварства врага служит диверсионная (в терминологии ПМР – террористическая) группа «Бужор» во главе с националистом И. Илашку, совершавшая «убийства и диверсии на территории Приднестровья», а в 2010 г. (после пребывания ее членов в заключении в ПМР) награжденная

высшей государственной наградой Молдавии¹⁹. Стереотипы жестокости, дикости и грубого национализма в образе врага смешаны в таком несколько карикатурном описании деклассированных элементов («ПТУшников») на службе Молдавии: «Ребята приехали из сел в Кишинев на учебу, жили в общежитиях. Тут на них свалились легкие деньги и обещания получить квартиры русских, которых те изгонят в Россию. Достаточно было поверить, что они потомки великих римлян и древних даков. ... Деньгами и вином их обеспечили, а потом послали “усмирять” гагаузов и приднестровцев»²⁰.

Таким образом, в приднестровской литературе можно выделить следующие характерные черты противника: экстремальный румынский национализм, используемый молдавской советской номенклатурой и интеллигенцией в корыстных интересах, грубость в поведении, жестокость, опора на маргинальные и малокультурные слои; общая «деревенская» стилистика поведения врага. Индустриальное, интеллектуальное и интернациональное Приднестровье противопоставляется архаичной, шовинистической и отсталой правобережной Молдове. Одновременно с этим – часто проявляющиеся нотки сочувствия простым людям (как гражданским, так и военным), возлагающим ответственность за войну на свое правительство, и уверенность в том, что разрыв двух берегов можно смягчить. Характерно, наконец, резкое отличие от описания войн того же времени на Кавказе (в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Абхазии) официальным и последовательным делением противной стороны на дружественную массу – жертву и корыстные элиты, развязавшие войну.

Примечания

¹ См., например: *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века : Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М. : РОССПЭН, 2006. С. 20.

² *Сенявская Е. С.* Указ. соч. С. 21–22.

³ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г.* Приднестровский конфликт : исторические, демографические, политологические аспекты. Тирасполь : РИО ПГУ, 1998. С. 20.

⁴ Там же. С. 83–84.

⁵ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Государственность Приднестровья : история и современность. Тирасполь : Полиграфист, 2007. С. 109.

⁶ Интернет-конференция представителей МИД ПМР для российского портала «Инофорум», 27 октября 2011 г. // Дипломатический вестн. Приднестровья. 2011. № 4 (6). С. 108.

⁷ *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Указ. соч. С. 104.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ См.: История Приднестровской Молдавской Республики : в 2 т. Т. 2, ч. II. Тирасполь : РИО ПГУ, 2001. С. 50–51.

¹⁰ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Указ. соч. С. 110.

¹¹ См.: *Кодряну Г.* Днестровский разлом. Приднестровский кризис и рождение ПМР : роль и место спецслужб. Тирасполь : ГИПП «Типар», 2002. С. 161.

¹² См.: История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 2, ч. II. С. 42.

¹³ Там же. С. 75.

¹⁴ См.: *Бабилунга Н. В., Бомешко Б. Г., Шорников П. М.* Указ. соч. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 161.

¹⁶ Там же. С. 162.

¹⁷ Там же. С. 161.

¹⁸ Там же. С. 170.

¹⁹ См.: Заявление Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики в связи с награждением террористов высшими государственными наградами Республики Молдова // Дипломатический вестн. Приднестровья. 2010. № 1 (1). С. 97–98.

²⁰ Интернет-конференция представителей МИД ПМР для российского портала «Инофорум»... С. 107.

Образец для цитирования:

Мединец М. Я. Образ противника в приднестровском конфликте 1989–1992 гг.: взгляд из Приднестровья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 64–66. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-64-66.

Cite this article as:

Medinets M. Ya. Enemy Image in the 1989–1992 Trans-Dniester conflict: a view from TMR. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 64–66 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-64-66.

УДК 94(47).084.8

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ «НА МЕСТАХ» В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР 1985–1991 ГОДОВ

А. В. Шех

Мурманский арктический государственный университет
E-mail: Sheh28@yandex.ru

В современной исторической науке разрабатываются подходы, позволяющие с различных позиций рассматривать реформы, которые проводились в период перестройки 1985–1991 гг. Перестройка, в частности, показала, что кардинальные и глубинные перемены в политической и общественной жизни страны осуществлялись в различных вариантах под влиянием региональных факторов. В статье приводится анализ политических реформ в Мурманской области РСФСР и Белорусской ССР, в результате которых появлялись новые и разные по идеологическим основаниям и направлениям деятельности общественные и политические объединения в виде различного рода демократических платформ и народных фронтов.

Ключевые слова: перестройка, партии, демократия, гласность, организации, социализм, неформалы, народный фронт.

The Development of Local Social and Political Activity during the Period of Perestroika in the USSR, 1985–1991

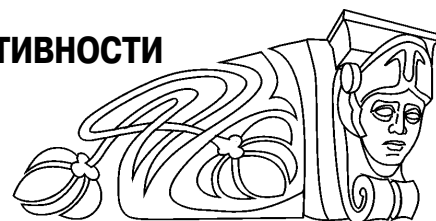
A. V. Sheh

In modern historical science, there develop approaches which allow to examine the reforms that were carried out during Perestroika (1985–1991) from different perspectives. In particular, Perestroika showed that radical and deep changes in political and public life of the country were realized in different variants under the influence of regional factors. The article gives analysis of political reforms in the Murmansk region of the RSFSR and the Belorussian SSR. They resulted in the emergence of new public and political associations, which existed in the form of various platforms of the democratic and people's fronts and differed in ideological bases and activities.

Key words: Perestroika, parties, democracy, publicity, organizations, socialism, nonconformists, people's front.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-67-72

К весне 1985 г. в СССР произошли изменения, которые сделали возможными и до известной степени неизбежными глубокие преобразования сложившихся в государстве социальных, экономических и политических отношений. В начале 1980-х гг. последовательно ушли из жизни А. Н. Косыгин, М. А. Сулов, Л. И. Брежнев, А. Я. Пельше, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко. Это была последняя плеяда руководителей, пришедших в политику в сталинские времена и занимавших в целом церемониальные и охранительные позиции в отношении той модели социализма и взглядов на характер мирового развития, которая сформировалась в нашей стране в 1930–1950-е годы. Им на смену приходили совсем

другие лидеры, видевшие развитие Советского Союза несколько иначе.

11 марта 1985 г., учитывая мнение группы региональных партийных руководителей, в состав которой входил первый секретарь Свердловского областного комитета партии Борис Николаевич Ельцин, Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Секретарь ЦК по вопросам сельского хозяйства Михаил Сергеевич Горбачев¹.

В своем первом выступлении в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачев в марте 1985 г. в общих чертах, но достаточно ясно для всех подтвердил жизнестойкость курса, который был начат Ю. В. Андроповым и К. У. Черненко. Генсек говорил об ускорении социально-экономического развития страны, о совершенствовании системы экономических отношений, системы управления хозяйством, о научно-техническом прогрессе, развитии демократии, и впервые было сказано о повышении роли Советов².

Уже 23 апреля 1985 г. состоялся Пленум Центрального Комитета партии, на котором впервые были озвучены основные моменты нового экономического курса. На этом пленуме М. С. Горбачев начал укрепление своей команды. Членами Политбюро, минуя ступень кандидата, были избраны Рыжков и Лигачев. Июньский пленум сделал членом Политбюро Э. А. Шеварнадзе, а секретарями ЦК – Б. Н. Ельцина и Л. В. Зайкова, из состава Политбюро был выведен Г. В. Романов. Октябрьский пленум отправил на пенсию Н. А. Тихонова, а февральский 1986 г. – В. В. Гришина.

С приходом нового генерального секретаря значительно возросло не только общее число постановлений Политического бюро ЦК КПСС по тем или иным вопросам государственного развития, но и сама продолжительность заседаний этого партийного органа. Иногда заседания длились 11 часов. На стадии подготовки и принятия каких-либо решений, по свидетельствам современников, Политбюро ЦК КПСС действовало как орган коллективного руководства, учитывавший альтернативные взгляды и суждения. Однако М. С. Горбачев, используя свой авторитет, нередко сам составлял повестку заседаний, заведомо не включая туда не желательные для себя вопросы. Он единолично определял, кому из членов Политбюро предоставлять слово, а кому нет. Как лидер партии Горбачев обладал неоспоримым правом обобщать итоги того или иного обсуждения, а также мог определять судьбу возможного решения какого-либо вопроса. При этом механизм возможного

выдвижения альтернативных взглядам Горбачева концепций относительно осуществления возможных преобразований практически отсутствовал³.

Вместе с тем некоторые последствия скрытого конфликта внутри партии все-таки оказывались на поверхности. Наиболее известным примером такого прорыва может служить известное выступление Б. Н. Ельцина, связанное с его резким и неожиданным заявлением 21 октября 1987 г. на Пленуме ЦК КПСС. Б. Н. Ельцин воспользовался новым пунктом одобренного Устава КПСС, первым нарушил многолетнюю традицию и открыл настоящую внутривнутрипартийную дискуссию. Но он не был тогда понят своими партийными товарищами, которые считали неправильными любые критические высказывания в адрес вышестоящих органов КПСС и их руководителей, вследствие чего с подачи М. С. Горбачева и Е. К. Лигачева выступление первого секретаря Московского городского комитета КПСС осудили.

Разногласия между различными группами в ЦК КПСС не были столь явны еще и потому, что происходили на фоне более серьезного противостояния М. С. Горбачева, Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачева и представителей партийной элиты. Еще весной 1985 г. генеральный секретарь выступил с предупреждением, обращенным ко всем партийным функционерам в центре и на местах: «Мы должны всем нашим кадрам дать шанс понять требования момента и начать работать по-новому»⁴.

Как следует из воспоминаний первого Президента СССР М. С. Горбачева, реформы предложенные руководством партии и правительства, прежде всего, тормозились так называемой геронтократией⁵.

С течением времени раздражение М. С. Горбачева политикой на местах усиливается, и гневные эмоции вскоре сменяются конкретными организационными мероприятиями. К началу 1988 г. кадровый корпус первых секретарей обкомов был обновлен на 61%, а райкомов и горкомов – на 70%. На практике получилось так, что жесткая кадровая политика руководства страны не только не привела к заметным позитивным изменениям, а, напротив, лишь способствовала дискредитации работы партийных органов⁶.

Массовые кадровые перестановки не могли не вызывать недовольства региональных элит. В период с 1986 по 1990 г. Горбачев сменил в ЦК республиканских компартий, обкомах и крайкомах КПСС 55% первых секретарей, то есть всего было снято с постов 192 человека. Вместе с тем 40% из них ушли на более высокие должности. Освобождены как не справившиеся с работой 9 человек; 25% были отправлены на пенсию⁷.

Вместе с тем 1985 год стал началом нового периода истории не только в жизни всего Советского государства, но и конкретных регионов, в частности Мурманской области. Еще со времен руководства страной Л. И. Брежневым в ЦК КПСС и Совете министров лежали документы,

касающиеся рассмотрения вопроса о присвоении звания Мурманску «Город-герой». Однако лишь с приходом к власти Горбачева было принято положительное решение. 6 мая 1985 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания “Город-герой” городам Мурманску и Смоленску»⁸.

Однако процесс подготовки вручения награды затянулся. Только 1 октября 1987 г. в ДК имени С. М. Кирова в Мурманске состоялось торжественное собрание, на котором М. С. Горбачев выступил перед собравшимися с докладом и прикрепил к знамени города орден Ленина и Золотую Звезду. В своем выступлении советский лидер подчеркнул важность роли гласности в улучшении социального самочувствия, а также отметил низкие темпы строительства жилья и объектов соцкультбыта, небольшое количество теплиц. На фоне своих предшественников, согласно воспоминаниям председателя Мурманского городского исполнительного комитета Совета народных депутатов В. И. Горячкина, Горбачев показался многим собравшимся умным, энергичным лидером партии⁹.

Итоги визита М. С. Горбачева, по крайней мере кадровые, для Мурманской области не были однозначными. Уже через несколько месяцев после визита, в октябре 1988 г., ЦК КПСС удовлетворил просьбу первого секретаря Мурманского обкома партии Владимира Николаевича Птицына об освобождении от должности. Сам В. Н. Птицын вспоминал об этом событии: «И вот – май 1989 года. Мой последний поезд с Севера на юг, в Ленинград. На перроне провожали члены бюро обкома, соратники по работе. От расставания чувствовал себя неловко, принужденно шутил, улыбался. Но уезжал с чувством выполненного долга, выполнив масштабную работу большой общественной значимости. Это и есть счастье. Однако подспудно сверкнула мысль: не стал ли я сознательным беглецом от трудностей перестроенных реформ? Объективные причины убеждали в обратном. Прежде всего, развивались возрастные болезни – сахарный диабет, стенокардия и это не позволяло эффективно работать в условиях непонятной перестройки. Мне не хотелось идти вслепую, по пути проб и ошибок. На этот раз уверенности в достижении успеха у меня не было, так как не было четкой программы и талантливых мужественных лидеров в масштабе страны»¹⁰.

Однако есть и другая версия причин отставки руководителя области. Она хорошо изложена в воспоминаниях первого секретаря Мурманского горкома В. И. Горячкина. «Выступил Птицын В. Н., объяснил, что он обратился с заявлением к М. С. Горбачеву по вопросу ухода на пенсию, так как к этому времени он пробыл в должности первого секретаря обкома 17 лет, и ЦК удовлетворил его просьбу. Отпустил. Сказано это было как-то беспомощно. Чувствовалось, что решение ЦК для Птицына было неожиданным. По крайней

мере, мне показалось, что претендент на столь высокий пост – сам пенсионер, по нашим меркам, и, вероятно, думает, что руководить областью – это с важным видом восседать и надувать щеки»¹¹.

Субъективные мнения двух непосредственных участников событий могут свидетельствовать, помимо прочего, о том, что консолидированное мнение о перестройке, проводимой М. С. Горбачевым, у мурманской партийной элиты отсутствовало. При этом сам факт появившегося сомнения (которое было практически невозможно при Н. С. Хрущеве и Л. И. Брежнев) по поводу решений руководства партии указывает на то, что пример выступления Б. Н. Ельцина в 1987 г. стал показательным для региональных партийных функционеров. Заслуживает внимания и тот факт, что при назначении в октябре 1988 г. и при освобождении в октябре 1989 г. от должности первого секретаря Мурманского областного комитета КПСС А. С. Балагурова с критической речью выступил все тот же В. И. Горячкин, который сказал: «Зачем все затеяно – непонятно. Сложнейшая область со своей спецификой: приграничное положение, Заполярье, насыщенность армией и флотом и т. д. и т. п. Сказал, что в составе бюро есть подготовленные люди, которые знают наши условия и большинству из них 50 лет. Причем двое – Серокуров и Проценко имели опыт работы в ЦК КПСС и если уж так необходима замена, в чем я абсолютно не уверен, то следует вытаскивать кого-то из состава бюро, а не привозить к нам пенсионера из Москвы»¹².

В октябре 1989 г. практически повторилось то же самое. «В большом зале заседаний обкома КПСС собран пленум. На повестке дня – вопрос о рассмотрении заявления первого секретаря обкома Балагурова об освобождении его от должности. Прямо чертовщина какая-то. Он мямлит что-то о климате, состоянии здоровья, возрасте и тому подобном. Когда выступление закончилось, то Серокуров, прямо глядя мне в глаза, спросил: “Кто желает выступить?”... Пошел к трибуне. Само собой из меня потекло: “Мы сегодня прощаемся с Первым, которого год назад предупреждали, что зря он берется за дело, которое не потянет... что кроме вреда, ничего он для области не принесет... все подтвердилось полностью... ему стоит вынести за безответственность строгое партийное взыскание, как минимум – выговор”»¹³.

Судить о выступлении первого секретаря Мурманского горкома можно только на основе его воспоминаний, поскольку протокольных записей ни первого, ни последнего заседания не существует, они не велись. У нас нет также оснований считать, что мемуарист лукавит. Даже если его память сохранила детали происходившего и высказанного не буквально (скорее всего), то эмоциональное восприятие ситуации и основной смысл выступлений, очевидно, верны и соответствуют позиции Горячкина на тот момент времени, о котором он вспоминает.

В этой связи стоит вспомнить, что до демократизации, начатой М. С. Горбачевым, подобные выступления, в которых бы ставились под сомнения решения руководства страны и партии, были просто недопустимы. Так, в конце октября 1976 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в присутствии двух секретарей ЦК И. В. Капитанова и Я. П. Рябова сообщил Б. Н. Ельцину о том, что прошло заседание Политбюро, на котором его рекомендовали на должность первого секретаря Свердловского обкома партии. Вот как об этом вспоминал сам Ельцин: «Поднялись, он вдруг говорит: “Только пока вы не член ЦК, поскольку уже прошел съезд, выборы закончились”. Я, естественно, и вопроса такого не мог задать, но он почему-то таким оправдательным голосом это говорил. Потом смотрит, а у меня нет депутатского значка Верховного Совета, и говорит: “Вы не депутат?”. Я говорю: “Депутат”. Он оглядывается на секретарей с удивлением: “Как депутат?” Я, вообще, совершенно серьезно говорю: “Областного Совета”. Это, надо сказать, вызвало большое оживление, поскольку депутат областного Совета на таком уровне за депутата не считался. Ну, в общем, на том и расстались. Давайте, говорит, с пленумом не тяните. И буквально через пару дней, 2 ноября 1976 г., прошел пленум Свердловского обкома партии, был на нем Е. З. Разумов, первый заместитель заведующего орготделом ЦК. Все прошло как полагается, Разумов сообщил, что в связи с избранием Я. П. Рябова секретарем ЦК КПСС первым секретарем Свердловского обкома партии рекомендуется Б. Н. Ельцин. Я в это время на маленьком листочке написал тезисы небольшого выступления, чувствуя, что это надо сделать. Голосование прошло, как всегда, единогласно»¹⁴.

Сейчас хорошо известно, каких масштабов в годы руководства Л. И. Брежнева достигли протекционизм, коррупция, разлагавшие всю систему власти. Мнение первого секретаря было законом, и вряд ли кто-нибудь, по оценкам Б. Н. Ельцина, мог посмечь не исполнить его просьбу или поручение. Этой властью пользовались нечистоплотные партийные работники и их окружение бесконтрольно. «Да, власть первого – практически безгранична. И ощущение властью опьяняет». «А вообще, конечно же, в те времена первый секретарь обкома партии – это бог, царь. Хозяин области... Мнение первого секретаря практически по любому вопросу было окончательным решением»¹⁵.

Так или иначе, реформы, проводимые руководством КПСС и лично М. С. Горбачевым, работали. С 1987 г. в стране начали возникать «неформальные» структуры, многочисленные по составу и разные по идейным и идеологическим установкам, которые объединяли людей против бюрократии, тоталитарной системы управления, на религиозной и экологических платформах, в противовес структурам КПСС, Советам и ВЛКСМ.

Развитие процессов демократизации и гласности сопровождалось ростом социальной актив-

ности населения и сказалось, в первую очередь, на зарождении к концу 1980-х гг. неформальных, не контролируемых властями самостоятельных движений и объединений. Вместе с объединениями культурного, просветительского, экологического и патриотического направлений появлялись организации, ставившие своими целями и задачами участие в общественной и политической жизни Советского Союза. Согласно данным социологических исследований, проводившихся в стране, процент неформалов, занимавшихся политической деятельностью вне партийных и государственных органов, составлял более 10 % от общего числа всех неформалов¹⁶.

В качестве основной цели своей деятельности члены неформальных политизированных объединений видели введение многопартийной системы и демократизации путем отмены статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли партии, вынесение силовых структур и армии за рамки политического процесса.

Региональные газеты Мурманской области сообщали об этих движениях как о чем-то необычном. В основном о данном аспекте общественной жизни писала единственная на тот момент ежедневная газета региона «Полярная Правда». Ежедневники «Рыбный Мурман» и «Комсомолец Заполярья» в силу тематической специфики были в стороне от названных процессов и событий.

Первая заметная в регионе политизированная неформальная группа «Добровольное общество содействия перестройке» (ДОСП) возникла 26 июня 1987 г. на базе Полярного геофизического института Кольского научного центра Академии наук СССР¹⁷. Первоначально в его рядах состояло всего 8 человек, через год уже 20. Целью ДОСП было заявлено содействие курсу перестройки, повышение уровня демократии, социальной справедливости и культуры. Уже в ноябре 1988 г. ДОСП выдвинуло предложение создания Объединенного демократического движения в Мурманской области. В тот момент общество тесно сотрудничало с Общественным экологическим комитетом, образованным в марте 1988 г. в городах Кировск и Апатиты, численность членов и сторонников которого достигала 50 человек, а также с клубом «Активная позиция», образованным в марте 1988 г. Апатитах. То, что инициативы исходили не из областного центра, не является случайностью. Во-первых, лидерство общественно-политическими движениями, как правило, принадлежит интеллигенции, а в Апатитах размещается региональный академический научный центр и большинство институтов. Во-вторых, подобные движения призваны влиять на власть, которая всегда ассоциирована с «центром», пусть даже областным, а потому они представляют, скорее, общественно активную и одновременно развитую «периферию» (или «культурные столицы»). В данном случае активность проявила научно-техническая интеллигенция.

В городе Мурманске первое самостоятельное объединение общественно-политический клуб «Гражданская инициатива» было создан в апреле 1988 г.¹⁸ Демократизация и развитие гражданского самосознания общества определяли цель деятельности данной организации. В ноябре – декабре 1988 г. «Добровольное общество содействия перестройке» было создано в городе Полярные Зори, клуб «Апрель» – в Кандалакше, организованы также «Клуб активных сторонников перестройки» и «Клуб творческой интеллигенции» в Мурманске на базе театра-студии на улице Радищева, клуб «Обновление» – в Кировске, общество «Мемориал» – в Апатитах.

Создание новых организаций было основной тенденцией политической и общественной жизни Мурманской области. В октябре 1988 г. была предпринята попытка создания Мурманского народного фронта, которая сорвалась по причинам отказа большинства организаций от революционно-демократических идей и крайнего неприятия КПСС со стороны создателей народного фронта.

По состоянию на 1 июля 1989 г. в Мурманской области было образовано и функционировало 22 неформальные организации и группы, в их составе числилось более 450 человек¹⁹. Согласно их уставам определялось, что они работают в рамках действующих законов и Конституции СССР, отрицают любые экстремистские действия, ставят своей целью содействие перестройке в стране. Об этом было заявлено и руководителями неформальных объединений на встрече, прошедшей в Доме политпросвещения обкома КПСС 17 мая 1989 г.

В сентябре 1990 г. на учредительной конференции сформировано областное отделение Демократической партии России (ДПР)²⁰. Об этом событии писала мурманская областная газета «Полярная Правда». В частности, в статье консультанта обкома КПСС Александра Алимova, которая называлась «Есть такая партия», сообщалось: «В зале городского Дома пионеров собралось 34 делегата, объединяющих около 150 членов партии. Малочисленность еще не аргумент о слабости. Сложнее ответить на вопрос, куда поведет эта партия. Судя по выступлениям некоторых делегатов, об идейном единстве говорить еще рано. Критические нотки звучали и по поводу антикоммунистической направленности программы, и ориентации партии на капиталистический путь развития»²¹. Публикация также информировала, что на мероприятия были приглашены представители обкома КПСС и председатель областного Совета Ю. А. Евдокимов, присутствием которого, как отмечается в статье, делегаты не воспользовались, чтобы обсудить проблемы области.

Специфической особенностью Мурманской области, по нашему мнению, являлась меньшая политизированность ее населения по сравнению с другими промышленными и интеллектуальными центрами России, политический процесс в регионе не был ярко выражен. Этим можно объяснить

и меньший спектр представленных зарегистрированных организаций, чем по России в целом.

Важно отметить, что политическая организация рассматриваемого периода – это не партия социальной группы, а объединение, созданное благодаря энергии, предприимчивости активистов. Следствием и подтверждением являются малочисленность организаций, частая смена их ориентиров, поиск своей социальной базы. Между партиями и организациями возникали конфликтные ситуации. Население оценивало партии чаще всего не по программам, практическим действиям, а по отношению к лидерам.

В целом в конце 1980-х гг. в Мурманской области наблюдался заметный рост политической активности. Здесь действовали неформальные движения, прежде всего, мурманская «Гражданская инициатива» и апатитское «Добровольное общество содействия перестройке» (возглавлявший его инженер А. Оболенский даже прошел в народные депутаты СССР и пытался выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента СССР). Последние руководители обкома: ушедший в 1990 г. на пенсию А. Балагуров и сменивший его С. Серокуров, – уже не были полновластными хозяевами области, они проиграли на выборах народных депутатов 1989 и 1990 гг. После роспуска КПСС последний «первый» С. Серокуров вернулся на торговый флот капитаном корабля.

Впоследствии, анализируя в своих мемуарах причины распада огромной и мощной державы и роль партии в этом деле, В. И. Горячкин сделал вывод, что, возможно, направлением в регионы таких «работников» (в кавычки это слово берет мемуарист), как Балагуров, горбачевским ЦК преследовалась определенная цель – подготовить развал страны благодаря их бездействию.

Социально-экономические реформы, предложенные генеральным секретарем в 1985–1987 гг., не имели под собой прочной научной и теоретической базы и оказались не в состоянии обеспечить качественного преобразования народного хозяйства. Экономические провалы на первом этапе перестройки привели к возникновению острого конфликта среди руководства ЦК КПСС, когда между членами партийной элиты в центре и в регионах росло взаимное недоверие.

Вместе с тем существовал и другой сценарий развития событий, в частности, связанный с административным статусом и сопутствующими ему особенностями региона. Например, в Белорусской Советской Социалистической Республике политическая и экономическая обстановка была несколько иная. Во время визита в феврале 1989 г. в Минск члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС В. А. Медведева не прозвучало резкой критики в адрес проводимого политического и экономического курса со стороны республиканской партийной элиты. Значительная часть вопросов на фоне событий в Прибалтийских республиках, затронутых во время встреч высокого партийного

чиновника, касалась общественно-политической обстановки²².

Так, первый секретарь Минского горкома Коммунистической партии Белоруссии В. Г. Гадко заявил, что основное беспокойство вызывают попытки поставить под сомнение руководящую роль партии и ее авторитет. Кроме того, подчеркивалось стремление возложить ответственность за все прошлые дела, которые были в истории страны, на сегодняшней состав партийного руководства и партии в целом. «Вырабатывается недоверие к предпринимаемым мерам, деструктивная позиция, особенно со стороны экстремистского радикального крыла ряда неформальных организаций и объединений. Надо сказать прямо, что под ширмой возрождения национальной культуры, национального самосознания в умы людей нередко внедряются мысли о расколе на национальной почве. Такое слово, как интернационализм, к которому особенно были склонны белорусы и который вырабатывался на протяжении многих десятилетий, в настоящее время становится чуть ли не ругательным словом. Нетерпимость к другому мнению, озлобленность людей, целенаправленная компрометация партийных органов – это факты, имеющие место. Если учесть, что экстремисты действуют с определенной степенью наглости, демагогии, изворотливо манипулируют бездоказательными аргументами, то опасность их влияния на сознание определенной части людей, особенно молодежи, недооценивать никак нельзя»²³.

В одном из выступлений, отвечая на вопросы партийного идеологического актива Коммунистической партии Белоруссии, В. А. Медведев заявил: «Я уже говорил в своем выступлении о нашем, партийном отношении и оценке ЦК КПСС процесса нарастания неформальной общественной деятельности, различного рода движений. По существу там и содержится ответ на этот вопрос. Надо работать с теми, кто искренне стремится к участию в общественных делах, и отсекают экстремистские проявления, выходящие за рамки нашего общественного строя, используя при этом Конституцию и применяя соответствующие меры. Если речь идет об отклонении от наших моральных норм, следует незамедлительно давать этому должную оценку, если нарушаются законы – применять меры по закону, если высказываются демагогические суждения – надо тут же перед лицом аудитории разоблачать демагогов и их низменные цели, не имеющие ничего общего с процессами демократизации и перестройки»²⁴.

Позиция представителя ЦК КПСС, скорее всего, была связана с тем, что до событий в Латвии, Литве и Эстонии неформальные движения осуществляли свою деятельность в рамках политики государства и не претендовали на роль оппозиции. Однако вызовом советской системе был сам факт их появления в советской общественной жизни. В их работе принимало участие значительное количество членов КПСС. Началом

неформального движения, оппозиционного советскому руководству, признано считать возникшее в среде партийной и государственной элиты, а затем и во всем советском обществе противодействие курсу проводимых реформ. Оппонирующие политические силы с самого начала выступили с критикой курса в отношении недостаточно решительной либерализации всей общественной жизни и задержек в устранении препятствий развитию частной собственности. При этом деятельность народных фронтов не могла быть спонтанной. Существовавшие нелегально конспиративные организации диссидентов, политических заключенных, только ждали момента легализации. Эти обстоятельства и сам факт того, что с распадом СССР и отступлением от социализма история советских «народных фронтов» не завершилась, говорят об их недооценке со стороны партийного и политического руководства.

Таким образом, как отмечал в своем последнем выступлении 25 декабря 1991 г. в качестве Президента СССР М. С. Горбачев, причиной проводимых его командой реформ в период 1985–1991 гг. было то, что общество задыхалось в тисках командно-бюрократической системы, которая была обречена обслуживать идеологию и нести страшное бремя гонки вооружений. Все попытки частичных реформ, проводимых до перестройки, терпели неудачу одна за другой²⁵. Команда реформаторов во главе с М. С. Горбачевым и Н. И. Рыжковым фактически провела мероприятия по ликвидации тоталитарной системы, лишившей страну возможности демократического развития. Была ликвидирована однопартийная система. Был совершен своеобразный прорыв на пути демократических преобразований. Реальными стали представительные органы власти, многопартийность, свободные выборы, свобода слова, свобода печати, религиозные свободы. Права человека были признаны высшими принципами. На фоне этих общезначимых глубинных преобразований достаточно отчетливо видна региональная специфика процессов перестройки.

Примечания

- 1 См.: *Ельцин Б. Н.* Исповедь на заданную тему. Рига, 1990. С. 104–105.
- 2 См.: *Рыжков Н. И.* Перестройка : история предательств. М., 1992. С. 81.
- 3 См.: *Фалин В. М.* Конфликты в Кремле. М., 2000. С. 79.
- 4 *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы : в 2 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 282.
- 5 См.: Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славным. М., 2001. С. 12.
- 6 См.: *Шахназаров Г. Х.* Цена свободы. Реформация Горбачёва глазами его помощника. М., 1993. С. 63.
- 7 См.: Известия ЦК КПСС. М., 1990. С. 122.
- 8 См.: Награда Родины вдохновляет // Полярная Правда. 1985. 8 мая.
- 9 См.: *Горячкин В. И.* Это наша с тобой судьба, это наша с тобой биография. Мурманск, 2007. С. 114.
- 10 Годы застойные... Годы достойные! Мурманск, 2000. С. 27–28.
- 11 *Горячкин В. И.* Указ. соч. С. 92.
- 12 Там же.
- 13 Там же. С. 94.
- 14 *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 47–48.
- 15 Там же. С. 53, 54.
- 16 См.: *Решетников М. О.* Неформальные объединения в СССР в годы перестройки // Власть. 2009. № 11. С. 26.
- 17 См.: Мурманская область : вопросы и ответы. Вып. 7 : «Неформалы» – кто вы? Мурманск, 1989. С. 12.
- 18 Там же. С. 10.
- 19 Там же.
- 20 См.: Политические партии и общественные движения Мурманской области. Мурманск, 1993. С. 39.
- 21 *Алимов А.* «Есть такая партия» // Полярная Правда. 1990. 3 окт.
- 22 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 160. Д. 1008 на 164 л.
- 23 Там же. Л. 78.
- 24 Там же. Л. 145.
- 25 См.: *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 6.

Образец для цитирования:

Шех А. В. Развитие общественно-политической активности «на местах» в период перестройки в СССР 1985–1991 годов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 67–72. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-67-72.

Cite this article as:

Sheh A. V. The Development of Local Social and Political Activity during the Period of Perestroika in the USSR, 1985–1991. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 67–72 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-67-72.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 903.024(3)

КОМПЛЕКС КЕРАМИЧЕСКИХ КЛЕЙМ ИЗ ЗАСЫПИ БАЛКИ ПОД ХЕРСОНЕССКИМ ТЕАТРОМ

М. В. Иващенко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: m.ivashchenko@list.ru

В статье анализируется клеймённый материал, обнаруженный А. А. Зедгенидзе в ходе исследования северо-западного участка херсонесского театра в 1970 и 1972 гг. Всего было выявлено 117 оттисков таких ведущих центров керамического производства, как Фасос, Гераклея и Синопа, чья хронология на сегодняшний день лучше всего разработана. В результате автор пришёл к выводу, что в засыпи имеется клеймённый материал от конца V в. до 332 г. до н.э. Это даёт возможность отнести дату засыпи под театром ещё к 330-м гг. до н.э.

Ключевые слова: херсонесский театр, амфорная тара, керамические клейма, хронология.

Complex of Ceramic Stamps from the Stock Line of the Beam under the Chersonese Theater

M. V. Ivashchenko

The article deals with the stamp material found by A. A. Zedgenidze during the study of northwestern sector of Chersonese's Theatre in 1970 and 1972. On the whole, 117 stamps of the leading centers of ceramic production like Thasos, Heraclea and Sinopa, whose chronology currently is best developed were revealed. As a result, the author came to the conclusion that the stock line had material dating from the end V century BC to 332 BC. This makes it possible to refer the date of filling under the Theater to the 330s BC.

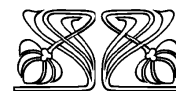
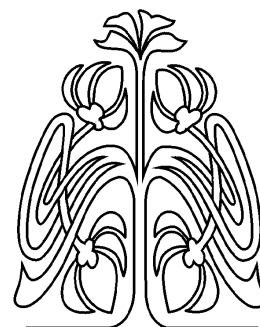
Key words: Chersonese theater, amphora tare, ceramic stamps, chronology.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-73-78

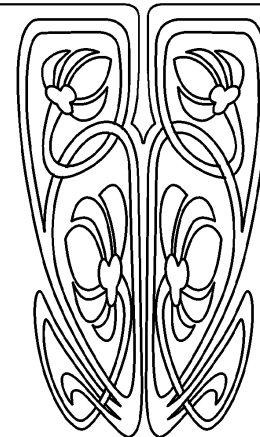
Херсонесский театр – единственный античный театр, обнаруженный в Северном Причерноморье.

Ещё в начале XX в. К. К. Косцюшко-Валюжинич раскопал на монастырской территории большой холм, под которым оказались хорошо сохранившиеся стены средневековой церкви, получившей название «Храм с ковчегом»¹, названный так потому, что под алтарём был обнаружен тайник, в котором находился ковчег с мощами. К. К. Косцюшко-Валюжинич пригласил настоятеля монастыря для вскрытия ковчега и передал ему мощи, но сам ковчег был отправлен в Археологическую комиссию и поступил в Эрмитаж. Это вызвало недовольство высшего духовенства Таврической губернии. На действия К. К. Косцюшко-Валюжинича в Священный синод была отправлена жалоба². Видимо, по этой причине он не стал доследовать памятник до материка, нарушив правила раскопок, которые он всегда выполнял неукоснительно.

Более чем через полвека после открытия храма к нему опять было привлечено внимание археологов. Дело в том, что в «Храме с ковчегом» в своё время находился мозаичный пол. Но сохранился он плохо. Между тем в запасниках музея имелась хорошо сохранившаяся мозаика, снятая К. К. Косцюшко-Валюжиничем с аналогичного по архитектуре загородного храма. Было решено поместить эту мозаику в «Храм с ковчегом», что должно было повысить экспозиционную значимость

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

этого памятника. Но прежде необходимо было доследовать храм. И эта работа в 1954 г. была поручена О. И. Домбровскому.

Исследователь начал расчищать помещения до материка и под средневековыми стенами обнаружил выложенный полукругом ряд хорошо отёсанных известняковых блоков и сразу определил, что перед ним находятся остатки первого ряда театральных скамей³. Так началось исследование херсонесского театра, которое продолжалось несколько десятилетий в связи с тем, что на этой территории, основательно застроенной в Средние века, прежде чем добраться до остатков театра пришлось исследовать и разбирать более поздние строения. О. И. Домбровский успел до своей смерти не только завершить работу, но и по его инициативе была проведена реконструкция театра, который стал одним из наиболее значимых античных памятников не только на херсонесском городище, но и во всём Северном Причерноморье.

Естественно, что в первую очередь встал вопрос о времени появления театра. Первоначально оно было определено в хронологических пределах конца III – начала II в. до н.э.⁴ Однако в начале 1970-х гг. в ходе исследования северо-западного участка театра был обнаружен слой, предшествующий постройке сооружения, и появились новые данные, позволяющие уточнить дату этого события. Были открыты кладки, возведённые непосредственно на материковой скале, которые доходили до амфилеммы театра. Между ними была сделана засыпь из земли и щебня, содержащая большое количество фрагментов керамики⁵.

А. А. Зедгенидзе составила описи обнаруженного материала⁶, в котором было зафиксировано более полутора сотен амфорных и черепичных клейм. Оттиски из раскопок 1970 и 1972 гг. были обработаны, включены в опись и опубликованы⁷. Всего было зафиксировано 157 клейм: 25 – фасосских; 24 – «круга Фасоса»; 5 – на амфорах группы «X»; 82 – гераклейских; 17 – синопских (11 на ручках амфор и 6 – на черепице)⁸ и 8 оттисков – неустановленных центров⁹. Однако проведённая работа и фиксация клейменого материала были несовершенны. Как в отчётах, так и в самой публикации отсутствуют данные об условиях находки каждого клейма. Так, А. А. Зедгенидзе посчитала, что имеющаяся засыпь была везде однородная и все штыки близки по характеру керамики, слои не были выделены, и весь материал был объединён в один массив. Кроме того, как показала сверка, имеется довольно много ошибочно восстановленных легенд в повреждённых оттисках, а также даны неверные локализации клейм некоторых центров производства. Так, А. А. Зедгенидзе под разными номерами описи (инв. № 33 и 35/36785) записала два фрагмента одного и того же гераклейского клейма. Ею также было выделено 5 клейм на горловинах амфор условной группы «X», выделенной Б. А. Василен-

ко¹⁰. Однако, как показала проверка этих оттисков, оснований помещать их в данную группу нет.

А. А. Зедгенидзе определила хронологические границы комплекса между 380–320 гг. до н. э.¹¹ В дальнейшем эта датировка была скорректирована В. И. Кацем¹². Он с учётом новых достижений керамической эпиграфики удревнил хронологическую границу комплекса на пять лет, определив её в пределах конца V в. до н. э.¹³ Дело в том, что это имеет принципиальное значение, так как верхняя датировка слоя была увязана В. И. Кацем с таким важным для истории античного Херсонеса событием, как время появления здесь практики клеймения керамической тары. Исследователь, вслед за А. А. Зедгенидзе¹⁴, обратил внимание на то, что в составе клейменого материала из засыпи отсутствуют херсонесские клейма, и вполне логично предположил, что практика клеймения амфор появилась вскоре после его постройки¹⁵. В настоящий момент предложенные даты могут быть скорректированы (табл. 1).

Таблица 1

Керамические клейма из засыпи балки под театром

Центры производства	Количество клейм
Фасос	20
«Круг Фасоса»	1
Менда	22
Аканф	1
Книд	3
Гераклея Понтийская	79/3
Синопа	9/6
Неустановленные	13
Итого:	148/9
Всего:	157

Примечание. В числителе даны амфорные клейма, а в знаменателе – черепичные.

Клейма Фасоса. В засыпи амфилеммы театра было обнаружено 20 фасосских оттисков. Девятнадцать из них удалось восстановить и распределить по пяти последовательным этапам клеймения с учётом хронологической системы В. И. Каца¹⁶. К первому (90 – середина 80-х гг. IV в. до н. э.) относятся 3 клейма магистратов: Διάρης, Λάβρος и Λεωνι(-). Оттиски второго этапа в данной выборке вообще отсутствуют. Третий этап клеймения (середина 70 – первая половина 60-х гг. IV в. до н. э.) представлен тремя оттисками магистратов Αλθημ(-)¹⁷, Βάτων и Φανок(-). Наиболее представительной выборкой (11 экз.) являются клейма четвёртого этапа (вторая половина 60-х – начало 50-х гг. IV в. до н. э.): два клейма с эмблемой «таблетка», пять – со «звездой». Шесть оттисков относятся к магистратуре Κλείτος. В своё время В. И. Кац предположил, что клейма Κλείτος являются самыми поздними в выборке. Это было

связано с тем, что данный чиновник по существующим на тот момент хронологическим схемам помещался всеми исследователями к «поздним» магистратам и датировался в пределах 20-х гг. IV в. до н. э. Между тем с учётом новых данных, подтверждённых несколькими надёжными комплексами, можно с уверенностью утверждать, что магистрат Клейтос относится ещё к 50-м гг. IV в. до н. э.¹⁸ Таким образом, под античным театром присутствуют фасосские клейма, хронология которых не выходит за первую половину IV в. до н. э.

Клеймо «круга Фасоса». В выборке также имеется единственный двустрочный оттиск на ручке амфоры, принадлежность которого к «кругу Фасоса» на настоящий момент не вызывает сомнения. В центре клейма имеется эмблема «палица», а с двух сторон бустрофедоном написано фабрикантское имя Εὐάνθη(ς). Целая амфора с подобным клеймом была описана и датирована С. Ю. Монаховым в пределах 70-х гг. IV в. до н. э.¹⁹

Клейма Менды. Оттиски этого центра представлены в засыпи 22 экземплярами, они весьма разнообразны: анэпиграфные, в виде отдельных букв, монограмм и энглифических колечек. На сегодняшний день хронологическая классификация мендейских клейм разработана слабо, поскольку, в отличие от большинства других производственных центров, практика маркирования керамической тары в этом центре носила спорадический характер. Семь анэпиграфных оттисков, одно с изображением головы юноши в круге и шесть клейм с листом плюща (пять рельефных и одно энглифическое), видимо, относятся ещё к концу V – первой четверти IV вв. до н. э.²⁰ Двенадцать экземпляров клейм представлены отдельными буквами греческого алфавита (Α, Β, Δ и Ν) и монограммами. Находки целых сосудов в некоторых археологических комплексах позволяют датировать данные оттиски в пределах 90 – 60-х гг. IV в. до н. э.²¹ Наконец, клейма в виде энглифических колечек (3 экз.) датируются в широких пределах V–IV вв. до н. э.²²

Клеймо Аканфа. В единственном аканфском «колесовидном» клейме поле разделено на три сектора²³. В два из них вписана отдельная буква, а в последний монограмма: Μ/Ε/{ΠΧ}²⁴. На сегодняшний день существует несколько вариантов хронологии «колесовидных» клейм. Так, С. Ю. Монахов и В. И. Кац датируют их в пределах 80–70 – 30-х гг. IV в. до н. э. Причём показательно, что для определения нижней хронологической границы аканфского клеймения ими был использован единственный оттиск из комплекса херсонесского «нимфеума», а для верхней – клейма из засыпи театра²⁵. Иной точки зрения придерживается И. Гарлан, он датирует «колесовидные» оттиски последней третью IV в. до н. э.²⁶ Однако, как показала проведенная нами сверка клейменого материала из херсонесского «нимфеума», подобные оттиски могут датироваться вплоть до 30-х гг. IV в. до н. э.²⁷

Клейма Книда. Всего зафиксировано три клейма этого центра. В центральном поле оттисков изображена эмблема «нос корабля», а по периметру с двух сторон стоит фабрикантское имя: в одном случае Δωριγένης (2 экз.), во втором – Πασικάρτης (1 экз.). Принадлежность данных клейм к продукции Книды на сегодняшний день не вызывает сомнения²⁸. Оттиски этой серии составляют, по мнению Н. В. Ефремова, подгруппу I-б и датируются последней третью IV в. до н. э.²⁹

Клейма Гераклеи. Самыми представительными в выборке являются оттиски Гераклеи Понтийской. Всего было зафиксировано 82 гераклеийских клейма, легенды в 16 экземплярах (в тринадцати амфорных и трёх черепичных) надёжно восстановить не удалось. Остальные 66 оттисков были распределены по пяти последовательным хронологическим группам (табл. 2).

Таблица 2

Гераклеийские клейма

Хронология	Количество
РФГ (конец V – 90-е гг. IV в.)	17
I МГ (90-е гг. IV в.)	12
II МГ (80–70-е гг. IV в.)	31
III МГ (60–50-е гг. IV в.)	5
IV МГ (конец 50-х гг. IV в.)	1
Не восстановленные	13/3
Итого:	79/3

К ранней фабрикантской группе (РФГ) относятся 17 оттисков (конец V – начало IV вв. до н. э.)³⁰, содержащих отдельные имена фабрикантов: Ἀρχέλαος – 5 экз., Διονύσιος I – 3 экз., Εὐωπίδας – 1 экз., Ἡρακλείδας I – 2 экз., Θεογένης – 1 экз., Καλλιὰς – 2 экз., Κρωμνίτης – 2 экз., Σιλανός-I – 1 экз.

К I магистратской хронологической группе (МХГ) принадлежит 12 клейм. При этом две трети из них принадлежат пяти магистратам подгруппы «А»: Ἀριστοκλῆς – 2 экз., Ια(-) – 2 экз., Λυ(-) – 2 экз., Ὀρθεσίλας – 1 экз. и Πα(-) – 1 экз. (первая половина 90-х гг. IV в.), а остальные 4 – двум магистратам подгруппы «Б»: Ἡρ(-) – 2 экз. и Νικ(-) – 2 экз. (вторая половина 90-х гг. IV в. до н. э.). Всего одним оттиском магистрата Π-Α ΜΧГ Κρωμνι(-) представлено следующее десятилетие (80-е гг. IV в. до н. э.).

Куда более представительной является II-Б хронологическая подгруппа (70-е гг. IV в. до н. э.). К этому десятилетию относится 30 клейм восьми магистратов: Αἰθήρ – 4 экз., Ἀλκέτας – 2 экз., Ἀρίστων – 5 экз., Εὐγεϊτών – 3 экз., Κερκίνος – 5 экз., Κύρος – 3 экз., Παυανίας – 3 экз. и Στύφων – 5 экз. К III ΜΧГ (60–50-е гг. IV в. до н. э.) принадлежат 5 клейм четырёх магистратов: Καρακύδης – 1 экз., Λύκων – 1 экз., Λυσίθεος – 2 экз. и Σάτυρος – 1 экз. Самый поздний оттиск магистрата IV-Α ΜΧГ – Βάκχος. Судя по всему,

данный чиновник относится к началу подгруппы и должен быть датирован не позднее конца 50-х гг. IV в. до н. э.

Клейма Синопы. Всего в комплексе зафиксировано 15 синопских клейм. Из них 9 экземпляров было выполнено на ручках амфор, а 6 на черепице. Среди этой выборки оказалось возможным восстановить и разделить на хронологические группы 12 экземпляров. Хотя в одном повреждённом клейме не удалось восстановить легенду, но его можно датировать довольно надёжно, так как в нём сохранилась эмблема – «орел на дельфине», которая характерна для оттисков I МХГ.

На сегодняшний день существует несколько классификационных схем синопского клеймения. Так, согласно «высокой» хронологии Н. Коновичи и И. Гарлана систематическое клеймение в Синопе начинается со второй половины 50-х гг. IV в. до н. э.³¹, а по мнению В. И. Каца – с начала 50-х гг. IV в. до н. э.³² Относительно недавно Н. Ф. Федосеев уточнил предложенную им ранее «низкую» хронологию синопских оттисков, отнеся начало систематического клеймения в этом полисе к 366/365 гг. до н. э., при этом сохранив прежний порядок астиномов³³.

Больше половины всех представленных в выборке и определённых синопских клейм (8 экз. амфорных и 3 черепичных) принадлежат магистратам двух первых хронологических групп. К первой относятся всего два клейма астиномов: Ἰστιαῖος 1 и Φίλων 1 (50–40-е гг. IV в. до н. э.)³⁴. К следующей II-A подгруппе (30-е гг. IV в. до н. э.) относится 4 клейма (6 на ручках амфор и 1 на черепице) принадлежащие четырём астиномам: Ἰσόκριτος – 1 экз., Μνήσις – 2 экз., Πρωταγόρας 1 – 1 экз. Самыми поздними в выборке являются пять клейм, из которых 3 принадлежат астиному II-B подгруппы (20-х гг. IV в. до н. э.) Ετιέλως 2. Кроме того, ещё два клейма (Πάταικος и Ποσειδώνιος 2) относятся уже к III-A хронологической подгруппе, т. е. к рубежу 20–10-х гг. IV в. до н. э.³⁵

Если использовать для датирования самых поздних синопских клейм хронологическую систему Н. Ф. Федосеева, то получается, что Ετιέλως 2 должен датироваться 337 г. до н. э., а Ποσειδώνιος 2 и Πάταικος – 333 и 331 гг. до н. э. соответственно³⁶. Второй вариант выглядит предпочтительней. Дело в том, что с «низкой» хронологией синопских клейм хорошо согласуется возведение в Херсонесе таких значимых архитектурных сооружений, как оборонительная стена и склеп 1012. Это наглядно демонстрирует тот факт, что именно в конце 40 – начале 30-х гг. IV в. до н. э. происходит расширение границ полиса и в нём начинаются массовые строительные работы³⁷. Между тем сомнительно, что место, которое при новой планировке Херсонеса было отведено под театр, могло пустовать более двадцати лет, вплоть до начала 10-х гг. IV в. до н. э.³⁸

Таким образом, проведённый анализ всех обнаруженных под амфилеммой клейм, в первую

очередь трёх наиболее крупных групп (фасосской, гераклейской и синопской), хронология которых на настоящий момент лучше всего разработана, позволяет относительно точно датировать данный слой и таким образом определить время сооружения херсонесского театра.

Присутствие в составе комплекса большого набора (17 экземпляров) гераклейских клейм ранней фабрикантской группы показывает, что слой начал формироваться ещё в конце V в. до н. э. за счёт сброса мусора на территорию, где позже возник театр, и которая в то время находилась за пределами городища. Накопление клеймёного материала, включающего помимо гераклейских также фасосские оттиски, здесь продолжается вплоть до 50-х гг. IV в. до н. э. В дальнейшем сброс мусора на данной территории прекращается. Это, по всей видимости, было связано с тем, что где-то ближе к середине века в данном месте начали проводиться захоронения³⁹. Однако несколько десятилетий спустя херсонесская община решила расширить территорию полиса и на месте балки построить театр, а для выравнивания площадки был использован грунт, содержащий клейма более позднего времени.

Может быть уточнена и верхняя граница слоя под театром. Как отмечалось выше, А. А. Зедгенидзе датирует её 320 г. до н. э.⁴⁰, а В. И. Кац – 325 г. до н. э.⁴¹ Однако в ходе исследования слоя в нём было зафиксировано пять поздних синопских оттисков.

Таким образом, не исключено, что дату сооружения театра, предложенную В. И. Кацем, следует понизить на несколько лет до рубежа 30 – 20-х гг. IV в. до н. э. Это имеет принципиальное значение, так как верхняя датировка слоя была увязана с таким важным для истории античного Херсонеса событием, как время появления здесь практики клеймения керамической тары. В связи с этим вывод об отсутствии в слое под амфилеммой театра херсонесских клейм сохраняет силу и до настоящего времени.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Греческие амфоры VI–II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма» (№ 15-31-10128).

Примечания

- 1 См.: Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 91–132.
- 2 См.: Соломоник Э. И. Греческие надписи из района античного театра в Херсонесе // ВДИ. 1967. № 1. С. 70.
- 3 См.: Домбровский О. И. Раскопки античного театра в Херсонесе // Археология. 1957. Т. X. С. 94–101.
- 4 См.: Домбровский О. И. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954–1958 гг.) // СХМ. 1960. № 1. С. 29.
- 5 См.: Зедгенидзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. № 145. С. 29.
- 6 См.: ГИАМЗ ХТ. Ф. 6. Д. 882. Оп. 36785 ; Д. 889. Оп. 36846.

- ⁷ См.: Зедгенидзе А. А. Указ. соч. С. 31–33.
- ⁸ К сожалению, в фондах Херсонесского музея обнаружено только пятнадцать оттисков этого центра (9 на ручках амфор и 6 на керамидах).
- ⁹ См.: Зедгенидзе А. А. Указ. соч. С. 31.
- ¹⁰ См.: Василенко Б. А. Клейма на амфорах типа Солоха II // СА. 1971. № 2. С. 245.
- ¹¹ См.: Зедгенидзе А. А. Указ. соч. С. 33.
- ¹² См.: Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). Саратов, 1994. С. 70, 71.
- ¹³ Там же. С. 71.
- ¹⁴ См.: Зедгенидзе А. А. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁵ См.: Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса... С. 70, 71.
- ¹⁶ См.: Garlan Y. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. P., 1999; Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. С. 414–416. Прил. II.
- ¹⁷ Выражаю искреннюю благодарность профессору И. Гарлану за помощь в восстановлении легенды повреждённого клейма.
- ¹⁸ См.: Debidour M. Kleitos, un magistrat thasien attesté sur les rives de la mer Noire // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 81–89; Tzochev Ch. Notes on the Thasian Stamps Chronology // Archaeologia Bulgarica. Sofia, 2009. Vol. XIII. P. 58, Fig. 2; Полин С. В. Амфоры и клейма из кургана № 32 у г. Орджоникидзе и некоторые вопросы амфорной хронологии // АМА. 2011. № 15. С. 252; Он же. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев, 2014. С. 322; Он же. О хронологии фасосского клеймения IV в. до н. э. // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 77: Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Государственный Эрмитаж. СПб., 2015. С. 343; Иващенко М. В. Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гонимых мастеров Херсонеса // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 39; Он же. Место магистрата Клейтос в системе клеймения керамической тары острова Фасос // Там же. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 42.
- ¹⁹ См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов, 1999. С. 269, 270; Он же. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов, С. 82, 286, табл. 56–4.
- ²⁰ См.: Lavall M. L. Transport amphora's and trademarks: imports to Athens and economic diversity in the fifth century B. C. The University of Michigan, 1995. P. 127, 128.
- ²¹ См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Комплексы... С. 211–213, табл. 87–I; 324–326, табл. 138–4.
- ²² См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 92; Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 172, 173.
- ²³ См.: Амнерпер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские // Греческие амфоры. Саратов, 1992. С. 19.
- ²⁴ См.: Bon A.-M. et Bon A. Les timbres amphoriques de Thasos. Études thasiennes IV. P., 1957. P. 494, № 2149; Garlan Y. Métrologie et épigraphie amphorique grecque. Le cas des timbres akanthiens «à la roue» // Dialogues d'histoire ancienne supplement. 2015. № 12. P. 192, fig. 4 (с).
- ²⁵ См.: Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология... С. 86; Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 201; Монахов С. Ю. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013. С. 297, 298; Он же. Ещё одна находка аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства // ДБ. 2013. № 17. С. 256; Он же. Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии // ПИФК. 2015. № 3 (49). С. 105–119.
- ²⁶ См.: Garlan Y. Amphores et timbres amphoriques grecs: entre erudition et ideologie // Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. P., 2000. T. 21. P. 48; Idem. L'interprétation des timbres amphoriques «a la roué» d'Akanthos // BCH. 2006. Vol. 130. P. 130; Гарлан И. Последние достижения греческой керамической эпиграфики // АМА. 2010. № 14. С. 382.
- ²⁷ См.: Иващенко М. В. Керамические клейма из херсонесского «нимфеума» // Stratum plus. 2014. № 6. С. 278; Он же. К вопросу о хронологии аканфских амфорных клейм // Antiquitas Inventae: сб. науч. ст. студентов и аспирантов. 2015. Вып. 10. С. 153–160.
- ²⁸ См.: Börker Ch. Die Herkunft der Schiffsbug-Stempel // BCH. 1986. Suppl. XIII. 473 ff; Амнерпер Ж.-И., Гарлан И. Греческие амфорные мастерские... С. 17.
- ²⁹ См.: Ефремов Н. В. Керамические клейма позднеклассического-раннеэллинистического Кнуда. «Протокнидские» клейма и клейма с «носом корабля» // ВЭ. 2013. № 7. С. 423.
- ³⁰ См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 429. Прил. V.
- ³¹ См.: Conovici N. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrees comprises) // Histria. 1998. Vol. 8. Bucharest; Paris. P. 50, 51; Garlan Y. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. P., 2004. P. 94.
- ³² См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 434. Прил. VII.
- ³³ См.: Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 32–35; Федосеев Н. Ф. Из истории Синопы. Керамический аспект // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь, 2014. С. 91, 93.
- ³⁴ См.: Группы клеймения даны по: Кац В. И. Греческие керамические клейма... 434–436. Прил. VII.
- ³⁵ См.: Кац В. И. Греческие керамические клейма... С. 424. Прил. V.
- ³⁶ См.: Федосеев Н. Ф. Из истории Синопы. Керамический аспект... С. 91, 93.

- ³⁷ См.: Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. (Suppl.). 2008. Вып. 5. С. 66, 67; Стоянов Р. В. Мемориальный погребальный комплекс V в. до н.э. возле южных городских ворот Херсонеса Таврического // Stratum plus. 2003-2004. № 3. С. 327; Иващенко М. В. Керамические клейма... С. 278.
- ³⁸ См.: Буйских А. В. Пространственное развитие... С. 177.
- ³⁹ См.: Зедгендзе А. А. Указ. соч. С. 28; Рогов Е. Я. Херсонес и варвары юго-западного Крыма // АМА. 2002. № 11. С. 148–149; Буйских А. В. Пространственное развитие... С. 72.
- ⁴⁰ См.: Зедгендзе А. А. Указ. соч. С. 33.
- ⁴¹ См.: Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса... С. 71.

Список сокращений

АМА – Античный мир и археология. Саратов.
БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВЭ – Вопросы эпиграфики. М.
ДБ – Древности Боспора. М.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
ГИАНЗ ХТ – Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
ОАК – Отчёты Археологической комиссии. СПб.
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск.
СА – Советская археология. М.
СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Симферополь.
ХС – Херсонесский сборник. Севастополь.
ВСН – Bulletin de la correspondance Hellénique. Paris.
IOSPE III – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. III.

Образец для цитирования:

Иващенко М. В. Комплекс керамических клейм из засыпи балки под херсонесским театром // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 73–78. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-73-78.

Cite this article as:

Ivashchenko M. V. Complex of Ceramic Stamps from the Stock Line of the Beam under the Chersonese Theater. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 73–78 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-73-78.

УДК 94(38).02:94(355)

СКУЛЬПТУРА ПЕРСА ИЗ ГЕРАКЛЕИ ПОНТИЙСКОЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГОРОДА

Т. Ю. Шашлова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

В данной статье анализируется архитектурная находка из Гераклеи Понтийской – голова от мраморной статуи. Особенности головного убора этой статуи позволяют предположить, что она принадлежала, скорее всего, знатному персу – царю или персидскому сатрапу. Поскольку вопрос о политических взаимоотношениях южнопонтийских городов с персами в нарративных источниках освещен недостаточно, эта находка является ценным дополнением к литературной традиции и показывает, что данный полис уже в ранний период своего существования находился под властью персов.

Ключевые слова: Гераклея Понтийская, Ахеменидская держава, персидский царь, тиара, диадема, архаическая скульптура.

The Sculpture of a Persian from Heraclea Pontica and Some Questions of the Political History of the City

T. Ju. Shashlova

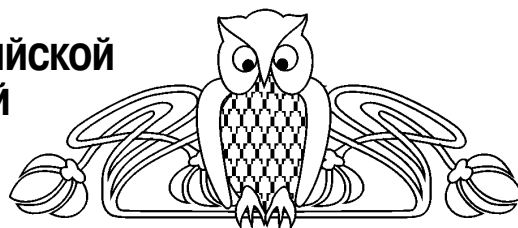
In this article an architectural find from Heraclea Pontica – a head of a marble statue – is analyzed. The peculiarities of this statue's headdress allow to assume that it belonged, most likely, to a noble Persian – a king or a satrap. As the question of political relations of the South Pontic cities with Persians is investigated insufficiently in narrative sources, this find is a valuable addition to literary tradition, and it shows that during the early period of its existence this polis had already been under the power of Persians.

Key words: Heraclea Pontica, Achaemenid Empire, Persian king, tiara, diadem, archaic sculpture.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-79-82

Политическая история ранней Гераклеи представляет собой довольно темный период в жизни полиса. В наших источниках сохранились только отрывочные сведения о внутренней борьбе между олигархической и демократической группировками (Arist. Pol. V, IV, 2), а также о тяжелых, доходивших до военных столкновений, отношениях гераклеотов с ближайшими соседями – племенем мариандинов (Strab. XII, 3, 4; Athen. VI, 263d, e; Pausan. V, 26, 7; Plat. Leg., VI, 776 cd.). Как следствие, только эти сюжеты преимущественно поднимались исследователями при изучении политической истории города.

Однако у Гераклеи практически с самого начала ее существования был другой, более могущественный сосед – Персидская держава Ахеменидов. Вопрос о взаимоотношениях гераклеотов с персами в столь ранний период никак не освещен в нарративной традиции. Мы можем о нем судить лишь по некоторым косвенным данным.

Гераклея Понтийская была основана ок. 550 г. до н. э. в Мариандинии, которая на тот момент входила в состав Лидийского царства (Herod. I, 6, 28). Источники не сохранили данных о том, существовали ли какие-то отношения между вновь прибывшими колонистами и лидийскими властями. Однако, думается, город был основан не без согласия последних.

Еще с VII в. до н. э. лидийские цари уделяли значительное внимание северо-западному региону своей страны. В этой области было основано много новых городов, преимущественно – греками. Выведение колоний в земли, принадлежащие лидийцам, должно было происходить с согласия последних¹. Страбон, например, прямо говорит, что греческий город Абидос был основан милетянами с разрешения царя Гига (XIII, 1, 22).

Правители Лидии проявляли интерес и к отдаленным от своих коренных земель территориям. Так, в Вифинии, совсем близко к Гераклее, существовал город Алиатта, получивший свое название по имени отца Креза Алиатта (Steph. Byz. s.v. Ἀλιῶττα). Мы можем предполагать, что и основание Гераклеи Понтийской также должно было быть официально санкционировано царем Крезом².

Однако уже довольно скоро, в 546 г. до н. э., Лидия была завоевана Персией, и все ее прежние владения теперь отошли под власть Персидского царства. Такая же судьба постигла и Мариандинию с расположенной там Гераклеей. Так в общих чертах выглядит вопрос о политической судьбе Гераклеи в связи с распространением персидской власти на западные области Малой Азии. Данная конструкция основана на анализе контекстной ситуации и соображениях общего характера, однако она представляется вполне вероятной.

Дополнительную ясность в изучаемый вопрос может внести археологическая находка из Гераклеи Понтийской. Речь идет о голове мраморной статуи, которая была найдена в окрестностях этого города. Впервые она была опубликована турецким археологом Э. Акургалом в 1986 г.³ С тех пор эта находка не привлекала особого внимания ученых, однако в 2005 г. она была вновь специально проанализирована немецкой исследовательницей Л. Зуммерер⁴.

К сожалению, в обоих исследованиях не указываются контекст и обстоятельства находки головы статуи⁵, что затрудняет ее интерпретацию. Мы не можем быть точно уверены, действительно ли она происходит из архаических слоев Гераклеи или была принесена туда из другого места в любое более позднее время.

Голова имеет высоту 27 см, ширину – 15,5 см (рисунок). Она выполнена из мрамора, на ней в различных местах имеются пятна красно-коричневого цвета – вероятно, результат контакта с железом. Борода и усы достаточно короткие (2–3 мм), концы усов острой формы. Головной убор имеет высокий округлый верх, который поднимается значительно выше линии затылка. Концы его свободно свисают вниз, и точная длина остается нам неизвестной. По всей видимости, он сделан из мягкого материала. Красно-коричневые пятна на нем имеют ровную форму и тянутся в виде полосы по направлению от лба к затылку. Возможно, здесь была изображена какая-то деталь головного убора. У головы статуи частично отбит нос и нижняя часть подбородка.

Манера исполнения лица выдает руку греческого мастера. По стилистическим особенностям она полностью соответствует греческому архаическому искусству. Черты мягкие, округлые. Э. Акургал определяет его как «идеализированный человеческий тип»⁶. Статуя была сделана на территории Малой Азии или на прилегающих островах во второй половине VI в. до н. э.⁷

Ключевым для интерпретации статуи является ее головной убор. Э. Акургал определил его как *τιάρα ὀρθή*, то есть вертикальная, прямая тиара⁸. Тиарой греки называли высокую конусовидную войлочную шапку (Herod. VII, 61; Strab. XV, 3, 15), которую мы сейчас знаем под тюркским словом «башлык»⁹. По меткому выражению Л. Зуммерер, предлагая такую интерпретацию, Э. Акургал, видимо, не до конца осознавал, что она может иметь далеко идущие выводы¹⁰. Он считал, что статуя принадлежала «влиятельному малоазиатскому лицу», представителю знатных кругов¹¹. Однако, согласно античным нарративным источникам, носить прямую, вертикальную тиару мог только великий царь. Этот головной убор изготавливался из мягких материалов (войлока), потому его кончик должен был слегка опускаться на голове. По всей видимости, тиара персидских царей имела несколько другую внутреннюю конструкцию, которая позволяла ей удерживаться в вертикальном положении¹².

Этот головной убор носит Кир Великий в описании Ксенофонта: «за ними из ворот выехал на колеснице Кир в прямой тиаре и пурпурном хитоне с белой полосой посередине» (Xen. Сугор. VIII, 3, 13). В другом своем произведении – «Анабасисе» – устами Тиссаферна Ксенофонт говорит, что «только одному царю приличествует носить прямую тиару» (Xen. Анаб. II, 5, 23). Спартанский царь Демарат, когда Ксеркс позволил ему просить подарок, попросил для себя разрешения «проехать через Сарды в прямой тиаре, как цари», чем вызвал страшный гнев персидского правителя (Plut. Them. 29). Во время Александра Македонского, после убийства Дария III, сатрап Бактрии Бесс, провозгласив себя новым царем Артаксерксом IV, «надел высокую тиару» (Arr. Anab. III, 25, 3) как символ верховной власти. Как видим, традиция устойчиво предполагает, что прямую тиару мог носить

только великий царь. Сведения об этом появляются в произведениях разного характера и разного времени. Степень информированности Ксенофонта о персидских делах не вызывает сомнений. Появление данной информации у историков Александра также должно свидетельствовать в пользу аутентичности этой персидской практики, поскольку произведение Арриана было основано на труде Птолемея – сподвижника Александра и участника похода.

Несмотря на то что прямая тиара довольно часто упоминается в античной нарративной традиции, до сих пор не удалось ее достоверно сопоставить с изображениями на ахеменидских рельефах. В Бехистуне, Персеполе и на цилиндрических печатях царь обычно изображался в короне (с зубцами или без) или в головном уборе в форме жесткого цилиндра¹³. Нигде в известных нам персидских рельефах великий царь не представлен в тиаре. В греческом искусстве, в том числе более позднего времени, неоднократно встречаются изображения персидских царей (мозаика Александра, кратер Дария из Неаполя), однако степень их соответствия подлинному костюму этих правителей вызывает сомнения. Вполне возможно, что греки изображали их, основываясь просто на знакомых им образцах персидской одежды, добавляя к ним некую роскошность¹⁴.

Поскольку сопоставить греческую традицию о прямой тиаре как головном уборе персидского царя с изображениями на ахеменидских рельефах не удалось, в историографии было высказано предположение, что термином *τιάρα ὀρθή* в устной и письменной традиции греков называлась персидская корона. Конкретные художники знали ее именно под таким названием, однако не имели представления о том, как она в действительности

выглядит. Поэтому они использовали в качестве образца известные им тиары персидских сатрапов, только изображали их верхнюю часть вертикально выпрямленной¹⁵.

Данная гипотеза подвергалась критике. Античные авторы единогласно говорят о том, что прямую тиару мог носить только персидский царь, а головной убор, такой же, как и у царя, на персидских рельефах носят и представители знати, а также стража и даже сфинксы¹⁶. К тому же трудно предположить, чтобы греки могли не отличить корону с зубцами или цилиндрический шлем от тиары (войлочной шапки). Аристофан насмешливо сравнивал прямую тиару персидского царя с петушиным гребнем (*Aves*, 487). По всей видимости, она была достаточно высокой, раз ее сравнили именно с этим брачным аксессуаром петуха. В любом случае этот пример показывает, что греки отличали тиару от короны, и когда говорили о «прямой тиаре», то имелись в виду именно этот тип головного убора, а не какой-то другой.

Тем не менее, нам кажется вполне вероятным, что греческие мастера, а тем более архаического времени, могли действительно не знать, как выглядит одеяние персидских царей. В это время с персами контактировали только греки Малой Азии. Они могли общаться с простыми жителями или, в крайнем случае, сатрапами. Данных о посещении греками персидского двора, аудиенции у царя, как это случалось в более позднее время, для конца архаики у нас нет. Поэтому греческие мастера могли иметь лишь очень приблизительные представления об одеянии персидских царей, которые они могли получить только из устных рассказов, ходивших на территории Малой Азии.

Как мы видим, прямых аналогий головному убору гераклейской статуи ни в персидских, ни в греческих изобразительных источниках нет¹⁷. В свою очередь, это не позволяет достоверно ни подтвердить, ни опровергнуть идентификацию Э. Акургалом этого убора именно как *tiara orbi*.

Другой важной деталью изучаемой скульптуры является полоса красно-коричневого цвета (скорее всего, ржавчины), идущая вокруг головного убора от лба к затылку. Э. Акургал считает, что эта полоса является результатом контакта с железом и не несет никакой смысловой нагрузки, то есть не обозначает никакой детали головного убора¹⁸. Однако следует обратить внимание, что полоса имеет достаточно ровную форму и тянется двумя прямыми параллельными (справа и слева) рядами по направлению к затылку. Характер следов заставляет предполагать, что предмет, оставивший эту полосу, прилегал к голове плотно, причем по окружности. Трудно представить, чтобы это являлось результатом контакта в земле с неким случайным предметом, столь идеально подходящим голове по размеру. Поэтому представляется более вероятным, что данная полоса может быть следом от некой детали головного убора. Л. Зуммерер считает, что это могла быть диадема – ленты белого и фиолетового цветов, которые носились

вместе с тиарой или короной¹⁹. На скульптуре эта диадема оформлялась в виде бронзовых накладок. Такие бронзовые накладки для бороды и головного убора реконструируются на известной позднеархаической голове из коллекции П. А. Сабурова, ныне хранящейся в Берлинском музее²⁰.

Из сообщений античных авторов мы знаем, что носить такие повязки-диадемы мог только царь, его родственники и другие знатные персы (*Xen. Cyrop.* VIII, 3, 13; *Curt.* III, 3, 19; *Polyaen* VII, 11, 2). Они также присутствуют на монетах ликийских сатрапов IV в. до н. э.²¹ Однако мы не знаем, имели ли сатрапы право носить диадему уже в VI в. до н. э., или такая практика оформилась в более позднее время. В любом случае наличие диадемы указывает на знатность лица и его принадлежность к правящим кругам. В эллинистическое время жесткие тиары, обвитые диадемой, определенно были регалией царей²².

Таким образом, мы видим, что головной убор гераклейской статуи, скорее всего, свидетельствует о том, что на ней изображено знатное лицо, представитель власти. Э. Акургал предложил три возможных варианта атрибуции его: местный династ, сатрап и великий царь²³. Сам он, несмотря на то что определяет головной убор как персидскую тиару, склоняется к тому, что на статуе изображен «анатолизированный грек». При этом ключевым аргументом для него является то, что на лице статуи отсутствует горбинка на переносице, которая по источникам более позднего времени была характерна для изображений персов²⁴. Заметим, что отсутствие горбинки на носу чистой воды предположение, так как нос у статуи сильно поврежден.

Нам кажется обоснованным мнение Л. Зуммерера о том, что данная статуя не могла принадлежать местному тирану, так как тирании в Гераклее в VI в. до н. э. не засвидетельствовано²⁵. Маловероятно, что это была статуя представителя местной знати, поскольку мариандины находились в подчиненном по отношению к гераклеотам положении²⁶.

Поскольку Гераклея Понтийская была значительно удалена от персидского центра, наиболее логичным было бы предположить, что статуя принадлежала сатрапу. Согласно Геродоту, Гераклея находилась на территории Геллеспонтийской Фригии (*Her.* III, 90), и можно было бы думать, что статуя была поставлена именно главе этой сатрапии.

Однако античные источники недвусмысленно свидетельствуют, что прямую тиару мог носить только персидский царь, но не сатрап. Конечно, идентификация головного убора гераклейской статуи именно с прямой тиарой не подтверждена с абсолютной точностью, поскольку отсутствуют соответствующие изобразительные источники. Мы даже рискнем предположить, что отсутствие тиары как головного убора персидского царя на рельефах может объясняться тем, что на них царь представлен в парадной одежде, а тиара могла быть частью более обыденного гардероба. Тем не менее, не приходится отрицать, что головной убор гера-

клеийской статуи действительно похож на шапки родственных персам скифо-сакских племен. К тому же на территории Малой Азии греческие города, как правило, не были частью сатрапий, а, имея значительную долю внутреннего самоуправления, подчинялись непосредственно царю.

Поэтому мы считаем возможным согласиться с Л. Зуммерер в том, что данная статуя могла принадлежать персидскому царю²⁷. Мы осознаем, что эта интерпретация, на первый взгляд, необычна, и что она не подтверждена с абсолютной точностью ввиду отсутствия изобразительных источников. Однако этот вариант кажется нам наиболее предпочтительным из всех остальных.

Из источников более позднего времени мы знаем, что Гераклея в эпоху классики придерживалась проперсидской ориентации (Just. XVI, 3, 9; Memn. Herac I.I, 5). Если идентификация данной статуи верна, то это позволяет предполагать, что полис занимал аналогичную позицию и в более раннее время.

Примечания

- ¹ О том, что лидийские цари могли с помощью греков осваивать вновь приобретенные территории см.: *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1. С. 34–35; *Суриков И. Е.* Черноморское эхо катастрофы в Сардах (Персидское завоевание державы Мермнадов и колонизационная политика Гераклеи Понтийской) // Античная цивилизация и варвары. М., 2006. С. 65.
- ² См.: *Суриков И. Е.* Указ. соч. С. 65. Автор выстраивает концепцию, согласно которой именно персидское завоевание (а не борьба между олигархической и демократической группировками) вызвало сильный политический раскол в гераклеиском обществе и стало причиной выведения этим полисом двух колоний – Херсонеса Таврического и Каллатиса. Данная гипотеза представляется в высшей степени гипотетической, к тому же на территории Херсонеса до сих пор не было найдено материалов, которые можно было бы датировать столь ранним временем. См., напр.: *Стоянов Р. В.* Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2. С. 127. Прим. 13.
- ³ См.: *Akurgal E.* Neue archaische Skulpturen aus Anatolien // Archaische und klassische griechische Plastik. Mainz, 1986. S. 9–13.
- ⁴ См.: *Summerer L.* Achämeniden am Schwarzen Meer: Bemerkungen zum spätarchaischen Marmorkopf aus Herakleia Pontike // Ancient Near Eastern Studies (ANES). 2005. Vol. 42. S. 231–252.

- ⁵ Авторы отмечают только, что она находится в Музее анатолийских цивилизаций в Анкаре.
- ⁶ *Akurgal E.* Op. cit. S. 12.
- ⁷ *Ibid.* S. 13; *Summerer L.* Op. cit. S. 241, 242, 245, 246.
- ⁸ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 10.
- ⁹ См.: *Calmeyer P.* Crown in the Median and Achaemenid periods // Encyclopedia Iranica. 2011. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/crown-i> (дата обращения: 07.10.2016). Головной убор персидских царей греки также называли словами «кибрасия» и «кидарис». По всей видимости, эти термины были равнозначны. Слова «тиара», «кидарис», «кибрасия» негреческого происхождения и, видимо, были заимствованы из древнеперсидского языка. Об этом см.: *Shahbazi Sh.* Clothing II. In the Median and Achaemenid periods // Encyclopedia Iranica. 2011. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/clothing-ii> (дата обращения: 07.10.2016).
- ¹⁰ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 233.
- ¹¹ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 11.
- ¹² См.: *Calmeyer P.* Op. cit.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ См.: *Borchhardt J.* Bildnisse achämenidischer Herrscher // Kunst, Kultur und Geschichte der Achämenidenzeit und ihr Fortleben. Ergänzungsband der archäologischen Mitteilungen aus Iran. 1983. Vol. 10. S. 207–223.
- ¹⁵ См.: *Goldmann B.* Darius III, the Alexander Mosaic, and the Tiara Ortho // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 53–55.
- ¹⁶ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 236; *Calmeyer P.* Op. cit.
- ¹⁷ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 234–239. Автор приводит подробный анализ изображений головных уборов персов на различных типах изобразительных источников.
- ¹⁸ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 10.
- ¹⁹ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 240.
- ²⁰ См.: *Schäfer Th.* Gepickt und Versteckt. Zur Bedeutung und Funktion auf gerauter Oberflächen in der spät archaischen und früh klassischen Plastik // Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts. 1996. Vol. 3. S. 25–74.
- ²¹ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 241.
- ²² *Ibid.*
- ²³ См.: *Akurgal E.* Op. cit. S. 11, 12.
- ²⁴ *Ibid.* S. 12.
- ²⁵ См.: *Summerer L.* Op. cit. S. 242.
- ²⁶ *Ibid.* S. 243.
- ²⁷ *Ibid.* S. 245.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории
ANES – Ancient Near Eastern Studies

Образец для цитирования:

Шашлова Т. Ю. Скульптура перса из Гераклеи Понтийской и некоторые вопросы политической истории города // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 79–82. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-79-82.

Cite this article as:

T. Ju. Shashlova The Sculpture of a Persian from Heraclea Pontica and Some Questions of the Political History of the City. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History: International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 79–82 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-79-82.

УДК 94(37).05

ПОСЛЕ МАРТОВСКИХ ИД: РЕСПУБЛИКАНЦЫ В 44–42 ГГ. ДО Н. Э.

С. Н. Ахиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: responsum@list.ru

В статье исследуется вопрос о направлениях пропаганды убийц Цезаря в период 44–42 гг. до н. э. Автор приходит к выводу, что лидеры республиканцев своей пропагандой старались завуалировать стремление вернуть господство в государстве, представив войну борьбой за восстановление свободы и народовластия. Однако подобная пропаганда расходилась с реальной политикой Брута и его сторонников.

Ключевые слова: политическая пропаганда, гражданская война, Римская республика, Юлий Цезарь, Брут, общественное мнение.

After the Ides of March: the Republicans in 44–42 B.C.

S. N. Akhiev

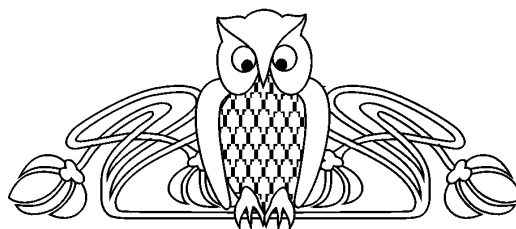
The article examines the question of Caesar's murderers' propaganda between 44–42 BC. The author concludes that by their propaganda the Republican leaders tried to disguise their desire to regain dominance in the state, presenting war as a struggle for the restoration of freedom and democracy. However, these ideas were at odds with the real policy of Brutus and his supporters.

Key words: political propaganda, Civil War, Roman Republic, Julius Caesar, Brutus, public opinion.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-83-87

С гибелью Гая Юлия Цезаря идейное размежевание римского общества в марте 44 г. до н.э. не только не исчезло, но, наоборот, углубилось и обозначилось более четко. Смерть диктатора, единолично правившего Римом, привела в действие пружину, давшую толчок новому этапу гражданской войны. Вожди заговора плохо представляли себе последствия убийства Цезаря. Выдвинув единственный лозунг – «восстановление Республики» – они имели в виду реставрацию правления сенатской аристократии. Иной программы у них, судя по всему, не было.

Подлинным идейным вдохновителем заговорщиков стал Цицерон, фактически возглавивший их штаб после убийства. Именно он выдвинул многочисленные лозунги политической пропаганды, которые отвечали интересам республиканцев в целом. Речами, трактатами, письмами – Цицерон всеми силами пытался воспрепятствовать нежелательному ходу событий. Вся мощь своего ораторского таланта он направил на теоретическое развенчивание «тиранического» правления, на обличение конкретных носителей тиранических тенденций.

Вступив в решающую схватку с Антонием в сентябре 44 г. до н. э., Цицерон выступил против цезарианской версии «восстановления республики» «отцом отечества» (Цезарем), противопоставив ей свою концепцию «убийства отечества»¹. «Филиппики» стали мощным пропагандистским оружием борьбы против Антония и его сторонников. Каждая речь Цицерона соответствовала мельчайшим поворотам и нюансам политической обстановки. Именно по «Филиппикам» легче всего проследить главные направления политической пропаганды республиканцев.

Уже в первой речи Цицерон назвал убийц Цезаря «освободителями отечества» (*patriae liberatores*)². Этот лозунг был одним из самых важных в политической пропаганде республиканцев. Особенно четко это проявилось в программе Брута и Кассия. За несколько месяцев до выхода первой Филиппики в речи перед народом, произнесенной сразу после убийства диктатора, свои действия они обосновали необходимостью восстановления свободы в государстве³. Очевидно, именно с этой точки зрения следует интерпретировать демонстрацию шапки вольноотпущенника в день убийства Цезаря, когда заговорщики, выбежав из курии, навесили ее на копье⁴. Мысль о восстановлении свободы в государстве являлась доминантой во всех речах и письмах Брута, Кассия и их сторонников на протяжении всех лет – с марта 44 г. до н. э. до битвы при Филиппах⁵.

Идея восстановления свободы четко прослеживается в монетной пропаганде республиканцев. Широко известен выпуск монет Брута с легендой «мартовские Иды» и изображением кинжала и шапки вольноотпущенника. Очевидно, что не менее прокламативной была другая его монета – серебряный денарий, на котором изображена Виктория, идущая по сломанному скипетру и раздирающая диадему⁶. Монеты Кассия прямо обращаются к теме свободы своими легендами LIBERTAS⁷. Современники оказались восприимчивыми к этому лозунгу, что подтверждает эффективность избранной убийцами идеологии. В сознании многих римских граждан и провинциалов Брут и Кассий благодаря своей пропаганде оказались прочно ассоциированы со свободой. По словам Аппиана, жители греческого Родоса обращались к Кассию как «свободолюбивому мужу» (Апп. В. С. IV. 67.284). Лозунги свободы и

спасения отечества в пропаганде республиканцев сливались в одно целое. Антоний выступает в их представлении неизменно как тиран, борющийся против своего государства⁸. Это положение пропаганды республиканцев должно было подчеркиваться постановлением сената об объявлении Антония, а позже – Лепида, с их сторонниками «врагами отечества»⁹. В письме Л. Мунацию Планку Цицерон взывает: «приди на помощь отечеству» (Cic. Ad fam. X. 10. 2). В послании к Антонию в августе 44 г. до н. э. Брут и Кассий писали, что Цезарь «царствовал» недолго, и Антоний напрасно упрекает их в смерти диктатора: «мы ценим свободу дороже, чем твою дружбу» (Cic. Ad fam. XI. 3. 2–4).

Таким образом, уже в 44 г. до н. э. убийцы Цезаря пытались идеологически обосновать необходимость восстановления свободы в государстве и выступали против всех, кто действовал методами Цезаря.

Впрочем, подобная оценка действий заговорщиков в научной литературе не единственная. Иной взгляд на события предложил Р. Сайм, который высказал мысль, что убийцы Цезаря вплоть до образования второго триумvirата отошли от политики, не теряя надежду на компромисс с цезарианцами¹⁰. В этой связи следует выделить сообщение Плутарха, что Брут с самого начала готовился к вооруженной борьбе¹¹. Известно, что именно в это время к ним примкнула молодежь, обучавшаяся в Афинах, в том числе Гораций¹². Да и в письмах Цицерона вскоре после убийства Цезаря прослеживается мысль о необходимости устранения Антония. «Мы избавлены от царя, а не от царской власти», – пишет Цицерон в мае 44 г. до н. э. (Cic. Ad fam. XII. 1.1). «Дерево срублено, но не вырвано с корнем...», – продолжает он эту мысль в другом письме (Cic. Ad Att. XV. 4.2).

К подготовке войны с Антонием убийцы Цезаря побуждали действия самого консула: его эдикт с оскорблениями и угрозами в адрес Брута и Кассия, закон об обмене провинциями и т. п.¹³ Цицерон говорит о возможности новой гражданской войны; об этом же писали Антонию Брут и Кассий¹⁴. Таким образом, современники сознавали опасность начала вооруженной борьбы и потому вряд ли можно утверждать, что Брут и Кассий отошли от политики. Более того, источники надежно зафиксировали, что к моменту образования второго триумvirата республиканцы располагали довольно большими силами¹⁵.

Другое дело, что двусмысленная политика Антония давала им надежду на мирное разрешение спорных вопросов и урегулирование дел в Риме. Действительно, действия Антония в период весны – лета 44 г. до н. э. носят явно противоречивый характер. С одной стороны, он близкий друг и полководец Цезаря, имевший огромное влияние на армию и пользовавшийся ее поддержкой. Летом Антоний проводит через комиции ряд законов, призванных продемонстри-

ровать верность цезарианцам: закон, повторно подтверждающий распоряжения диктатора – Lex Antonia de actis Caesaris confirmandis, аграрный закон – Lex Antonia Cornelia agraria, закон о введении отставных центурионов в состав постоянных судебных комиций и о возвращении всем гражданам, включая солдат, права апелляции¹⁶. По настоянию Антония проводится постановление сената о добавлении в честь Цезаря одного дня ко всем молебствиям, что, по мнению Цицерона, было святотатством, так как приравнивало покойного диктатора к богам (Cic. Phil. I. 5.12–6.13).

С другой стороны, Антоний был консулом, то есть лицом, действовавшим на совершенно законных основаниях согласно республиканской конституции. Его братья – Гай и Луций, помогавшие ему, также занимали законные должности претора и народного трибуна соответственно¹⁷. Уже в первые дни после мартовских ид 44 г. до н. э. Антоний помешал Лепиду расправиться с убийцами, а позднее принял самое активное участие в подавлении движения Лже-Мария¹⁸. Кроме того, в конце весны 44 г. до н. э. Антоний осуществил ряд мероприятий «республиканского» характера: провел закон об уничтожении диктатуры, предложил вызвать из Испании Секста Помпея и поставить его во главе флота, пытался наладить контакт с Цицероном и даже с Брутом и Кассием¹⁹.

Такая политика Антония позволяла Бруту и Кассию до последнего надеяться на мирное разрешение проблем, на возвращение в Рим. Убийцы очень сильно хотели, чтобы их действия получили поддержку и одобрение народа. Цицерон просит Аттика подробно сообщать ему о настроениях народа, о репликах актеров во время театральных представлений (Cic. Ad Att. XIV. 3.2. Ср.: Ad fam. XI. 1.1). В другом письме радостно говорит о рукоплесканиях, которыми народ встретил Луция Кассия, брата Гая (Cic. Ad Att. XIV. 2.1). Более того, Брут предпринимает реальные пропагандистские действия, направленные на изменение общественного мнения, негативно настроенного по отношению к нему. В начале июля Брут устраивает в Риме театральные представления.

Еще одно подтверждение миролюбивых заявлений убийцы Цезаря содержится у Веллея Патеркула, передавшего слова эдикта Брута и Кассия, что они будут жить в изгнании до тех пор, пока в государстве не наступит согласие²⁰. Лозунг «общественного согласия» был одним из главных в политической пропаганде Цезаря, и его использование республиканцами доказывает важность такого заявления для формирования имиджа политического деятеля в то время.

После образования второго триумvirата пропаганда республиканцев стала использовать еще один очень важный лозунг, обращенный к традиционным ценностям римского народа: «спасение римских граждан». Этот лозунг использовался в пропаганде многих политических деятелей периода гражданских войн, боровшихся за власть. И он

неизменно находил своих почитателей. Дубовый венок (*согопа сивиса*), полагавшийся за спасение граждан, с удовольствием носили Цезарь и Секст Помпей²¹. Появление проскрипционных списков, обрекавших на смерть многих римских граждан, позволило использовать лозунг «спасения граждан» и республиканцам. Это особенно заметно по речи Кассия перед армией (App. В.С. IV. 95–97.396–406). Еще ранее в уничтожении римских граждан обвинялся Антоний (Cic. Phil. XI. 2.6).

Надо отметить, что значение этого лозунга было оценено Антонием и Лепидом. Объявление их врагами отечества вместе со всеми сторонниками (в первую очередь это относилось к солдатам и офицерам их армий), немедленно использовалось пропагандой вождей цезарианцев²². Лепид оправдывался перед сенатом после присоединения к Антонию тем, что он «взялся за спасение римских граждан», следуя примеру своей армии, «оказавшейся верной своему обычаю сохранять жизнь гражданам»²³.

Безусловно, не следует преувеличивать эффективности этого лозунга политической пропаганды. Но факт частого использования лозунга «спасения римских граждан» в годы второй гражданской войны доказывает его значимость в идеологическом обосновании своих действий в глазах если уж не всего общества, то ее части, будь то солдаты или нобили.

Еще одним важным направлением политической пропаганды республиканцев была демонстрация «святотатства» действий цезарианцев. Этот лозунг широко применяли и триумвиры, но республиканцы обосновывали его другими доводами. «Святотатство» было поставлено в вину еще Цезарю, когда он отрешил от должности и оскорбил народных трибунов Эпидия Маруллы и Цезетия Флава, обладавших иммунитетом от подобных действий²⁴. Эта вина Цезаря стала виной его политических наследников: «неприкосновенные магистраты лишены своей власти и священной одежды, лишены без суда, по одному распоряжению», – говорит Кассий перед Филиппийской битвой (App. В.С. IV. 93.389). «Святотатцем» стал Антоний, приравнявший Цезаря к богам благодаря постановлению о добавлении в его честь одного дня ко всем молебствиям (Cic. Phil. I. 6.13). В одиннадцатой Филиппике Цицерон обвинял Антония в разграблении святынь, как величайшем преступлении против государства (Cic. Phil. XI. 2.6).

В политической пропаганде цезарианцев убийцы Цезаря также представлялись в качестве святотатцев, осквернивших обычаи предков. В основе обвинений лежало убийство Цезаря, объявленного священной и неприкосновенной особой и обоготворенного постановлением сената (App. В.С. II. 106.442; Suet. Caes. 76.1). Убийство великого понтифика по римским законам вообще являлось одним из тягчайших преступлений, и этот факт широко использовали цезарианцы в

своей пропаганде (App. В.С. II. 144. 697). Аппиан приводит текст закона о проскрипциях, в котором, в частности, говорилось: «они умертвили Цезаря, бывшего... великим понтификом... среди священного места... на глазах у богов» (App. В.С. IV. 8.34). Таким образом, пропаганда цезарианцев подчеркивала, что республиканцы, виновные в гибели Цезаря, являются еще большими святотатцами, чем они сами. Особенно сильно пропаганда цезарианцев в этом направлении развернулась после официального обожествления Цезаря в январе 42 г. до н. э.²⁵ А. Альфельди говорит, что официальное обожествление Цезаря сразу же за созданием второго триумвирата как раз и преследовало цель оправдать проскрипции необходимостью устранения святотатцев²⁶.

Обращение политической пропаганды обеих враждующих сторон к теме осквернения священных обычаев объясняется наличием в общественном сознании идеи о том, что святотатства стали главной причиной несчастий и бедствий братоубийственных гражданских войн. Это четко прослеживается в поэзии Горация:

«За нерадение боги много
Бед посылают отчизне горьких»

Hor. Carm III. 6.7–8.

Пер. Н. И. Шатерникова.

Обличая противника в оскорблении богов, соперники тем самым возлагали вину за гражданские войны целиком на оппонентов, что не могло не повлиять на общественное мнение. Вот почему тема святотатства была так важна в политической пропаганде как республиканцев, так и цезарианцев.

Таким образом, характеризуя политическую пропаганду убийц Цезаря, следует отметить, что она была достаточно разнообразной, но при этом имела большое сходство с идеологическими лозунгами цезарианцев. Однако ее эффективность снижалась многими обстоятельствами. Это и контрпропаганда цезарианцев, еще дававшая сбои в период раскола между Октавианом и Антонием, но ставшая весьма действенной после их объединения; это и ее ориентация в большей степени на верхи общества, аристократию, а не на плебс и обезземелившееся крестьянство, для которого служба в армии была единственным надежным средством получить надел и вернуться к занятию сельским хозяйством²⁷. Целью аристократов, выступавших вместе с Брутом, было восстановление своего господства в государстве. Очевидно, что эта цель была безразлична солдатской массе и потому лидеры республиканцев своей пропагандой старались завуалировать ее, представив войну борьбой за восстановление свободы и народовластия. Аппиан и Кассий Дион приводят речи Брута и Кассия перед своими солдатами, в которых, несмотря на их различия, главный пафос заключается в прославлении свободы²⁸. Однако подобная пропаганда разительно расходилась с

реальной политикой убийц Цезаря, примером чего может служить их жесткое противодействие аграрным законам Антония. Яснее всего об этом свидетельствует Цицерон²⁹. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что Брут и Кассий обеспечивали верность своих воинов прежде всего денежными раздачами, а уж потом – агитацией.

Примечания

- ¹ Cic. Off. III. 83. Во второй Филиппике Цицерон приводит обвинения, предъявляемые Антонием заговорщикам: они «... злодеи, убийцы, отцеубийцы...» (Cic. Phil. II. 13.31). См. также: Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1972. С. 232.
- ² См. например: Cic. Phil. I. 2.6. На это же обстоятельство указал Д. Кинаст (Kienast D. Augustus. Prinzeips und Monarch. Darmstadt, 1992. S. 17).
- ³ App. B.C. II. 121–122.508–514; Nic. Dam. 25.92. С. Л. Утченко по этому поводу заметил, что, выдвигая лозунг восстановления свободы, они на самом деле стремились к реставрации сенатского правления (Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 178 сл. Ср.: Борухович В. Г. После мартовских ид 44 г. до н. э. (ист. очерк) // Античный мир и археология. Саратов, 1983. № 5. С. 126).
- ⁴ App. B.C. II. 119.499. Несколько странно звучат слова Николая Дамасского, что заговорщики призвали к союзу рабов, обещая им свободу (Nic. Dam. 17.49). Очевидно, именно так Николай трактует появление шапки вольноотпущенника. См. также оценку событий, данную Г. Ферреро (Ферреро Г. Величие и падение Рима: в 5 т. / пер. с итал. М., 1916–1925. Т. 2. С. 320).
- ⁵ Cic. Ad Brut. I. 3. 3; App. B.C. II. 138.574–577, IV. 93.389–390; Vell. Pat. II. 62.3.
- ⁶ См.: Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain communément appelées medailles imperiales. Graz, 1955. Vol. 1. P. 24. № 3.
- ⁷ См.: Cohen H. Op. cit. P. 28. № 1,3,7,8. Показательно, что пароль в день Филиппийской битвы звучал именно как «Свобода» (Dio Cass. XLVII. 43.1). О существовании медальонов с этой же надписью говорит П. Жаль (Jal P. La guerre civile a Rome. Etude litteraire et morale de Ciceron a Tacite. P., 1963. P. 198).
- ⁸ Cic. Ad fam. XI. 5.2, Phil. III. 1.1, XI. 11.21.
- ⁹ Cic. Ad Brut. I. 3.4, Ad fam. XII. 10.1. Dio Cass. XLVI. 51.4.
- ¹⁰ См.: Syme R. Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 203. Аналогичную мысль высказал С. Смитерст (Smethurst S. E. Marc Antony – reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960. P. 155–170. P. 160. Ср.: Scullard H. H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A. D. 68. L., 1964. P. 165; Wisstrand E. The Policy of Brutus the Tyrannicide. Göteborg, 1981. P. 25–26).
- ¹¹ Plut. Brut. 24. А. Раубичек высказал сомнение в достоверности данных Плутарха, так как они якобы не подтверждаются письмами Брута к Цицерону в период 44–43 гг. до н. э. (Raubitschek A. E. Brutus in Athens // Phoenix. 1957. Vol. 2. P. 6). Как показал В. Н. Парфенов, это сомнение неосновательно, так как молчание было необходимо для сохранения тайны. В это время Кассий и Брут готовили силы для борьбы (Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Очерки социально-политической истории. Саратов, 1987. С. 36).
- ¹² Hor. Sat. I. 6. 46–48; Suet. Vita Hor. 1. См. подробнее: Perowne S. Death of the Roman Republic. From 146 B.C. to the birth of the Roman Empire. N.Y., 1968. P. 248.
- ¹³ Cic. Ad fam. XI. 2.2, 3.1; Liv. ep. 117; App. B. C. III. 12.42.
- ¹⁴ Cic. Ad Att. XV. 19.2, Ad fam. XI. 2.2, 3.1. См. оценку событий: Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 36–37; Wisstrand E. Op. cit. P. 20; Kienast D. Op. cit. S. 18.
- ¹⁵ Cic. Ad Brut. I. 3.4; Plut. Brut. 24–25; App. B.C. IV. 63, IV. 93.
- ¹⁶ Cic. Phil. II. 97–100, V. 6–7, V. 9, I. 19–20, VI. 13, V.12, XIII. 3, I. 8–9. Ad Att. XVI. 16.1; Dio Cass. XLV. 9.1. См. об этом: Sternkopf W. Lex Antonia agraria // Hermes. 1912. Bd. 47. S. 150 ff.; Ehrenwirth U. Kritisch-chronologische Untersuchungen für die Zeit vom I Iuni bis 9. October 44 v. Chr. München, 1971. S. 28; Schneider H. C. Das Problem der Veteranversorgung in der späteren römischen Republik. Bonn, 1977. S. 208; Маушкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 146; Парфенов В. Н. Указ. соч. С. 13. Э. Шварц говорит, что это законодательство обусловлено стремлением Антония привязать к себе ветеранов (Schwartz Ed. Die Vertheilung der römischen Provinzen nach Caesars Tod // Hermes. 1898. Bd. 33. S. 190, 193. Ср.: Rossi R. Marco Antonio nella lotta politica della tarda Republica Romana. Trieste, 1959. P. 89).
- ¹⁷ Cic. Phil. V. 6; App. B. C. III. 23.87; Dio Cass. XLV. 9.1. Цицерон потратил немало сил, добиваясь их устранения наряду с самим Марком Антонием. Выдвинув лозунг о немедленной казни всех, кто пошел против отечества, Цицерон немного позднее настойчиво убеждал Брута казнить пленного Гая Антония (См.: Cic. Ad Brut. I. 3. 3–4. О снисходительности Брута см.: Cic. Ad Brut. I. 2.5, I. 4.2).
- ¹⁸ Cic. Ad Att. XIV. 15.2; App. B.C. II. 126–130.525–546; Dio Cass. XLIV. 22.2; Plut. Cic. 42, Ant. 14, Brut. 19. Ср.: Cic. Phil. I. 2.5, 16.2.
- ¹⁹ App. B.C. III. 4, III. 25; Cic. Ad fam. X. 3.4, XI. 2.1; Cic. Phil. I. 1.3, II. 13.31, 36.91. Эти мероприятия Антония позволили С. Смитерсту настаивать на искреннем желании Антония (по крайней мере, до конца 44 г. до н. э.) примириться с республиканской оппозицией (Smethurst S. E. Op. cit. P. 160). Р. Росси назвал политику Антония «серией маятниковых действий», целью которых являлся захват верховной власти в государстве (Rossi R. Op. cit. P. 77–78).
- ²⁰ Vell. Pat. II. 62.3. Ср.: Cic. Ad Att. XVI. 7.1. Это заявление позволило Р. Росси утверждать, что республиканцы, понадеявшись на изменение общественных настроений в Риме в результате театральных постановок, допустили ошибку, позволив Антонию усилиться посредством экстраординарного командования в эти месяцы, вместо собственного усиления (Rossi R. Op. cit. P. 83). Другими словами, если заговорщики продолжали оставаться романтическим «мечтателями», как изображает их И. В. Нетушил (Нетушил И. В. Обзор Римской исто-

- рии. Харьков, 1916. С. 190), то действия Антония были сугубо прагматичны. Думается, такая оценка действий республиканцев не учитывает реальных мероприятий Брута и Кассия на Востоке.
- ²¹ App. В.С. II. 106.441. *Babelon E.* Description historique et chronologique des monnaies de la republique Romaine. P., 1885–1886. Vol. II. S. 348 ; *Cohen H.* Op cit. P. 32. № 1 ; *Машкин Н. А.* Указ. соч. С. 199–200. Секст Помпей получил его в 43 г. до н. э. за спасение граждан, внесенных в проскрипционные списки (см.: App. В.С. IV. 36.150–152 ; Vell. Pat. II. 72.3).
- ²² Постановление против Антония проведено 26 апреля 43 г. до н. э. (Cic. Ad Brut. I. 3.4), против Лепида – 30 июня 43 г. до н. э. (Cic. Ad fam. XII. 10.1 ; Dio Cass. XLVI. 51.4).
- ²³ Cic. Ad fam. X. 35.1. Имеется в виду приказ Цезаря шадить жизнь граждан, отданный перед Фарсальской битвой (Suet. Caes. 75.2 ; Plut. Caes. 48).
- ²⁴ Suet. Caes. 79.1 ; Plut. Caes. 61 ; App. В.С. II. 108.451–452, 138.575 ; Nic. Dam. 20. 69.
- ²⁵ Dio Cass. XLVII. 18.3 ; App. В. С. II. 148.616 ; Suet. Caes. 88.1. См.: *Weinstock S.* Divus Iulius. Oxford, 1971. P. 385 ; *Fowler W.* Roman ideas of deity. L., 1914. P. 121.
- ²⁶ *Alföldi A.* La divinisation de Cesar dans la politique d'Antoine et d'Octavien entre 44 et 40 Avant J.-C. // *Révue numismatique.* 1973. VI'Serie. T. 15. P. 112. Как подчеркнул Р. Росси, Антоний, ранее сопротивлявшийся обожествлению Цезаря, в 42 г. до н. э. пошел на этот шаг, так как признание исключительного статуса диктатора оправдывало проскрипции и чрезвычайную власть триумвиров (*Rossi R.* Op. cit. P. 98).
- ²⁷ В настоящее время установлено достаточно точно, что в 50–40-е гг. до н. э. римская армия комплектовалась главным образом из крестьянства. См.: *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964. С. 10 ; *Alföldi A.* Octavians Aufstieg zur Macht // *Antike und Abendland.* 1975. Bd. 21. H. 1. S. 2 ; *Gruen E.* The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley, 1974. P. 366 ; *Gabba E.* The Perusine War and Triumviral Italy // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1971. Vol. 75. P. 148 ; *Polverini L.* L'aspetto sociale del passaggio dalla repubblica al principato // *Aevum.* 1964. 38. Fasc. V–VI. P. 244. Ср.: *Smith R. E.* The Failure of the Roman Republic. Cambr., 1955. P. 127.
- ²⁸ App. В.С. IV. 93–97.388–409 ; Dio Cass. XLVII. 42. 3–5. Кассий Дион даже противопоставил речь республиканцев речи цезарианцев, отметив, что Антоний и Кассий не позабыли обещать солдатам, помимо имущества противника, по 500 денариев в случае победы (Dio Cass. XLVII. 42.5).
- ²⁹ Cic. Phil. VI. 5.14, VIII. 9.26. Ср.: Dio Cass. XLV. 9. 1–3. См. также: *Girardet K. M.* Die Rechtsstellung der Caesarattentäter Brutus und Cassius in dem Jahren 44–42 v. Chr. // *Chiron.* 1993. Bd. 23. S. 209–211. Известно, что в лице ветеранов Цезаря Антоний и Октавиан имели постоянных сторонников. В этой связи показательно, что Брут и Кассий попытались приобрести поддержку этих ветеранов, издав эдикт, разрешающий колонистам продажу участков до истечения двадцатилетнего срока (App. В.С. III. 2.5). См.: *Boterman H.* Die Soldaten und die römische Politik in der Zeit von Caesars Tod bis zur Begründung des zweiten Triumvirats. München, 1968. S. 13.

Образец для цитирования:

Ахиев С. Н. После мартовских ид: республиканцы в 44–42 гг. до н. э. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 83–87. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-83-87.

Cite this article as:

Akhiev S. N. After the Ides of March: the Republicans in 44–42 B.C. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 83–87 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-83-87.

УДК 94(410)»1154/1399»

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКОВНОГО ЗАПРЕТА ТУРНИРОВ НА РАЗВИТИЕ ГЕРАЛЬДИКИ В XII–XIII ВЕКАХ

Д. С. Рыжова

Центр гербоведческих и генеалогических исследований
Института всеобщей истории РАН, Москва
E-mail: dar.ryzhova.iv@yandex.ru

Гербовники как первые письменные геральдические источники появились только во второй половине XIII в., хотя доподлинно известно, что геральдика как система знаков идентификации личности к тому времени существовала уже на протяжении столетия. Интересно, что весь ранний период существования геральдики совпадает со временем папского запрета турниров. Поскольку турнирная деятельность считается основополагающей для развития геральдики, в статье предпринята попытка найти закономерности в этих двух событиях.

Ключевые слова: геральдика, гербовники, турниры.

The Influence of the Ecclesiastic Prohibition of Tournaments on the Development of Heraldry in the XII–XIII Centuries

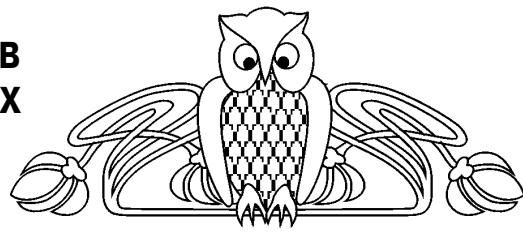
D. S. Ryzhova

The Armorial as first written heraldic sources appeared only in the XIII century. However, the heraldry itself as a system of identification signs is known to exist for a whole century before the time stated. The earlier period of heraldic development coincides in time with the official ecclesiastic prohibition of tournaments. As the tournaments are considered to be the base for the development of heraldry, the article presents an attempt to find the influence of one fact over the other.

Key words: heraldry, armorials, tournaments.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-88-91

Согласно К.-Ф. Менетрье, гербы как способ идентификации персон родились на немецких рыцарских турнирах, откуда и те, и другие были заимствованы по всей Европе¹. Широкое распространение турнирной деятельности, увлечение рыцарской куртуазной культурой, подогреваемое многочисленными рыцарскими романами, способствовали и повышению интереса к геральдике. Более того, необходимость вербального сопровождения турнира привела к быстрому складыванию фиксированных правил описания изображений на гербах, что собственно и привело к появлению блазона, а также и выделила герольдов в отдельную профессию². Однако этот рыцарский «спорт», захвативший умы средневековых европейцев, практически сразу вызвал неодобрение церкви и попал под епископальный запрет. Что именно стало причиной такого негативного отношения – действительно ли рыцари предпочитали эти состязания опасным и дорогостоящим крестовым

походам, что противоречило планам церкви, или это было вызвано личной неприязнью Бернара Клервосского, активно проповедовавшего против праздных развлечений, – установить трудно, и тема эта, безусловно, требует отдельного исследования. Однако интересно, что на протяжении практически века, с того момента, когда мы уже точно можем говорить об использовании геральдических знаков (1130–1150 гг.)³, гербы и их ношение не упоминаются в письменных текстах. Более того, гербовники, т. е. источники чисто геральдического характера, появляются только во второй половине XIII в. Таким образом, напрашивается мысль, что отсутствие гербовников может быть связано с запретом турнирной деятельности, а их неожиданное появление – с послаблением и последующим снятием этого запрета. Анализ дошедших до нас гербовников, их содержания и датировки поможет выявить взаимосвязь, если таковая была.

Первая достоверная запись о проведении турнира была сделана в 1127 г. Гальбертом Брюггским, хотя очевидно, что в том или ином виде это развлечение для рыцарей практиковалось многим ранее⁴. Далее на протяжении всего XII в. интерес к этому времяпрепровождению *milites* только возрастал, что помимо неоднократных упоминаний турниров в хрониках подтверждается появлением и немалой популярностью рыцарских романов, всячески пропагандировавших участие в подобных мероприятиях. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что во второй половине XII в. интерес к турнирам был всеобщим⁵.

Однако запрет на участие в турнирах со стороны церкви появился уже через три года после первого упоминания турнира: папа Иннокентий II запретил участие в подобных мероприятиях сначала на местном Клермонском соборе в 1130 г., а затем подтвердил его официальным декретом на вселенском Втором Латеранском соборе в 1139 г. Запрет объяснялся тем, что участие в турнирах грозило не только «потерей жизни, но и опасностью для души»: «*Detestabiles autem illas nundinas velferias, in quibus milites ex conducto convenire solent et ad astentationem virium suarum et audaciaetemerarie coongrediuntur, unde mortes hominum et animarum pericula saepe proveniunt, omnino fierynterdicimus. Quod si quis eorum ibidem mortuus fuerit, quamvis ei poscenti poenitentia et*

viaticum non negetur, ecclesiastica tamen careat sepultura»⁶.

Позднее этот запрет еще не раз повторялся папами (и был окончательно отменен только в 1316 г.). Грех этот, по мнению папы, был настолько серьезным, что в наказание за непослушание в случае гибели рыцаря на ристалище, что не было редкостью, его лишали погребения в церковной земле и по христианскому обряду, однако «не отказывая ему в покаянии и предсмертном причащении»⁷. Церковь была довольно последовательна в решении вопросов о захоронении. Известны случаи, когда родственники погибшего отправляли просьбы папе для разрешения захоронения их родича на территории монастыря, однако папы отказывали. В 1163 г., например, папа отклонил подобную просьбу, подписанную епископами Реймским и Кентерберийским. Он получал огромное количество подобных запросов от королей, принцев и баронов и понимал, что прецедент сделал бы систему запретов неэффективной⁸.

Однако запрет оставался церковным, а европейские монархи относились к нему каждый по-своему. В некоторых случаях запрет поддерживался. Так Вильям Ньюбургский сообщает о том, что на территории Англии в правление короля Стефана турниры все-таки проводились, а Генрих I и Генрих II занимали жесткую позицию против, и участвовать в турнирах на территории английского королевства во время их правлений было невозможно, а желающие были вынуждены ездить за границу⁹.

Тем не менее ни церковные, ни королевские запреты не смогли отвратить рыцарство от участия в турнирах и они проводились постоянно в той или иной части Европы. В ответ на это папе Целестину III в 1193 г. пришлось повторить запрет и направить официальное письмо епископам Англии с заявлением, что «каждый рыцарь, желающий потренироваться с оружием должен посвятить себя служению церкви и кресту». Послание папы не возымело желаемого результата. Наоборот, Ричард I в 1194 г. ответил прецедентным документом – декретом о регламентации турниров. Этот документ фактически легализовал турниры на территории Английского королевства, однако ограничил места их проведения, и теперь организаторы подобных мероприятий были вынуждены покупать лицензию, заплатив деньги в королевскую казну. Таким образом, турнирная деятельность была поставлена под контроль и подчинена интересам короны¹⁰. Легализация турниров стала причиной и еще одного важного для нашей темы события – появления «профессиональных» герольдов, задача которых заключалась в том, чтобы путешествовать по стране, а иногда и за ее пределами, объявлять о предстоящих турнирах, заниматься их организацией, объявлять участников, вести счет и т. д.¹¹

Надо отметить, что для многих монархов турниры оставались средством борьбы с баронскими войнами; так, например, важнейший период в истории больших турниров Франции XII в. – 1170-е гг. – период, когда в Северной Франции шло относительно мало войн¹². Тем самым высшая власть использовала запреты на проведение турниров скорее для личных целей как инструмент регулирования своих отношений с церковью, своими поданными и соседями.

Вторым значительным послаблением в отношении турнирной деятельности стал период фактического правления Эдуарда I – с 1255 г., когда на троне еще оставался его отец Генрих III и до смерти Эдуарда в 1307 г. Именно в этот период, кстати, были созданы самые ранние английские гербовники и в немалом количестве: нам известно около 20 гербовников, созданных за время его царствования, многие из которых посвящены его военным походам. Эдуард I выпустил в 1260 г. первый документ, регламентирующий правила турнира «*Statuta Armorum*». Этот документ, в том числе, запрещал использование боевого заточенного оружия. Несмотря на то что со стороны церкви турниры остаются под запретом, они продолжают проводиться и некоторые из них устраивает сам король. Есть интересное сообщение о том, что турнир, устроенный Эдуардом I в Нефине по случаю окончания войны в Уэльсе в 1284 г., был запрещен Джоном Пекхамом, епископом Кентерберийским, который даже написал письмо, епископу Бангорскому, категорически запрещая всем рыцарям, кто принял крест, участвовать в нем под страхом отлучения и лишения статуса крестоносца. Интересно, что это был первый случай представления Крестовых походов как причины запрета турниров, и угроза Пекхама на рыцарей, не принявших крест, не распространялась¹³.

Однако в XIII в. влияние папы на территории Англии было не столь сильным и отношения между церковью и государством были не так натянуты, вследствие чего и вопрос о захоронении умерших на турнирах стоял далеко не так остро, чему есть прямые свидетельства. Как утверждает Дж. Баркер, не существует записей о разбирательствах касательно экклезиастического захоронения погибших на турнирах англичан. Хроники аббатства Вигмор говорят, что Хью Мортимер, убитый на турнире в 1227 г. (как и его родственник Джон позже в 1318 г.), был похоронен в Аббатстве среди своих предков. Похожим образом Гилберт Маршал был похоронен рядом с его отцом и братьями в Нью Темпле в Лондоне после смертельной раны, полученной им на Хертфордском турнире в 1241 г. Около 1267 г. Эдуард I сам отправил тело сэра Джона де Во, убитого на турнире в Фирске, в Даремское аббатство, где монахи не только приняли его с честью, но и внесли его имя в список мучеников, чтобы по нему каждый год в годовщину смерти

служили мессу. Причем знатность рода отнюдь не являлась критерием, архивы Данстемблского монастыря свидетельствуют, что в 1292 г. было принято тело неизвестного рыцаря, убитого на турнире, и похоронено на территории монастыря¹⁴.

Очевидно, что эпоха Эдуарда I для Англии стала временем активной турнирной и геральдической деятельности. Если до середины XIII в. геральдика в письменном виде существовала только в виде вкраплений в литературные и нарративные произведения, представлявшие собой перечисления в тексте блазонов, и цели создания которых были отнюдь не геральдическими¹⁵, то во второй половине века как раз во время «оттепели» и более свободного отношения к турнирам появляются первые гербовники. Однако вопреки ожиданиям они не являются турнирными и, как правило, перечисляют рыцарей, присутствовавших при осадах замков или в военных походах.

Первые действительно турнирные гербовники, т. е. составленные «по случаю» проведения турнира, появляются во Франции. Самый ранний из них – Гербовник турнира в Камбрэ – составлен ок. 1263–1269 гг. Следующим за ним появляется Гербовник турнира в Компьене, составленный ок. 1278 г и содержащий 337 блазонов его участников. Завершает список Гербовник турнира в Шованси, составленный в 1285–1310 гг. Хотя этот последний гербовник представляет собой рифмованную поэму Ж. Бретеля о празднествах, организованных 1–5 октября 1285 г. в замке Шованси, является скорее «вторичным» геральдическим источником, т. е. литературным произведением, содержащим блазон, нежели непосредственно гербовником¹⁶.

Возвращаясь к предположению, что отсутствие турнирных гербовников связано с официальным запретом на их проведение, можно ожидать определенного всплеска геральдической активности после официальной отмены запрета на проведение турниров в 1316 г. и появления большего количества гербовников «по случаю» турниров. Однако этого не происходит. В XIV в. нам известны только Первый и Второй Данстемблские гербовники, Гербовник турнира в Монсе, Гербовник турнира в Шамбери, Гербовник турнира в Брюгге, Гербовник турнира в Бурк-ан-Брес, где первый и второй Данстемблские гербовники – единственные английские. Количество по отношению к общему количеству гербовников, созданных в XIV в., относительно невелико.

На первый взгляд явной связи между развитием геральдики, складыванием ее правил и появлением первых письменных непосредственно геральдических источников обнаружить не удается. Однако геральдика без турниров не имеет под собой почвы – именно на турнирах она расцветает ввиду необходимости представить рыцаря перед собравшейся публикой либо визуальное посред-

ством самого герба, либо в форме читаемого вслух блазона. Геральдика еще не документировалась, но уже жила и активно развивалась, подтверждением этому может служить стройная, уже сложившаяся и развитая система, которая потом очень скоро появляется в документах в «готовом», практически завершенном виде¹⁷. Это наводит на мысль, что официальный запрет фактически не мог остановить процесса, захватившего всю Европу, но приостановил только его документирование.

Кроме того, необходимо также учитывать тот факт, что создание письменного гербовника требовало определенного умения – не только знания правил геральдики и принадлежности гербов и генеалогии, но и простого умения писать. А так как большинство документов выходило из-под пера клириков, безусловно поддерживавших решения пап, подчинявшихся местным епископам и считавших вслед за ними, искренне или вынужденно, турниры лишней, ненужной и опасной роскошью, то и связанные с ними документы – записи гербов, создание гербовников – также не представлялись им достойным и необходимым занятием. Таким образом, возникновение первых гербовников все же, возможно, и было отложено церковным запретом до момента становления герольдов как отдельной профессии и их выделения из общей группы «менестрелей»¹⁸, который, как упоминалось, начался в XII в. и только к XIII в., завершился.

Примечания

- 1 См.: *Ménéstrier Cl.-Fr. Origines des armoiries.* P., 1680. P. 115.
- 2 См.: *Pastoureau M. Traité d'héraldique.* P., 1993. P. 302.
- 3 См.: *Черных А. П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века // Средние века : исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени.* Вып. 74 (3–4) / Ин-т всеобщей истории РАН. М. : Наука, 2013. С. 135.
- 4 См.: *Бартелеми Д. Рыцарство : От древней Германии до Франции XII в.* СПб., 2012. С. 340.
- 5 См.: *Barker J. The Tournament in England, 1100–1400.* Woodbridge, 1986. P. 6.
- 6 *Tanner N. Decrees of the Ecumenical Councils. Vol. 1 : Nicaea to Lateran V.* Georgetown, 1990. P. 198.
- 7 *Tanner N. Op. cit.* P. 198.
- 8 См.: *Barker J. Op. cit.* P. 74.
- 9 См.: *Howlett R. Chronicles of the reigns of Stephen, Henry II. and Richard I.* London, 1884. P. 422, 423.
- 10 *Ibidem.*
- 11 См.: *Denholm-Young N. History and Heraldry : 1254 to 1310.* Oxford : Clarendon Press, 1965. P. 5.
- 12 См.: *Бартелеми Д. Указ. соч.* С. 343.
- 13 См.: *Barker J. Op. cit.* P. 76.
- 14 *Ibidem.* P. 74.

- ¹⁵ См.: Черных А. П. Гербовники XIII века // Средние века : исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 68 (2). М., 2007. С. 91, 92. нормандской геральдической лексике XII–XIII вв. // Электрон. науч.-образ. журн. История. М., 2014. Вып. 8 (31). URL: <http://history.jes.su/s207987840000932-4-1> (дата обращения: 11.10.2016).
- ¹⁶ Там же. С. 104–106.
- ¹⁷ См.: Рыжова Д. С. Металлы во французской и англо- ¹⁸ Denholm-Young N. Op. cit. P. 58, 59.

Образец для цитирования:

Рыжова Д. С. Влияние церковного запрета турниров на развитие геральдики в XII–XIII веках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 88–91. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-88-91.

Cite this article as:

Ryzhova D. S. The Influence of the Ecclesiastic Prohibition of Tournaments on the Development of Heraldry in the XII–XIII Centuries. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 88–91 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-88-91.

УДК [94 + 327.7] (100 + 496.5) |19/20|

АЛБАНСКИЙ ФАКТОР В РЕГИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАТО НА БАЛКАНАХ В 1990–2000-е ГОДЫ

Е. С. Корнев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: korenev.es@mail.ru

В статье анализируется общая схема использования албанского национализма в качестве специфического инструмента реализации региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е годы. Особое внимание уделяется рассмотрению позиции Североатлантического альянса по албанскому вопросу в Сербии и Македонии во время подготовки и проведения операций и миссий Альянса. Кроме того, проводится анализ отношений НАТО с Албанией в контексте изменений архитектуры региональной безопасности и рассматриваются геополитические последствия принятия данного государства в ряды организации.

Ключевые слова: НАТО, албанский сепаратизм, Балканы, региональная стратегия НАТО.

The Albanian Factor in the Regional Strategy of NATO in the Balkans in the 1990–2000s

E. S. Korenev

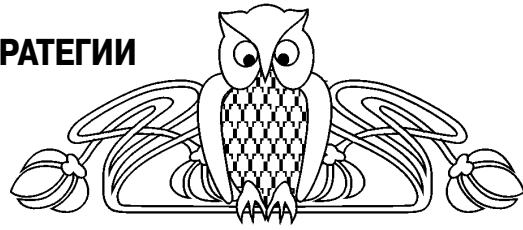
This article analyses the general scheme of using Albanian nationalism as the specific instrument of NATO's regional strategy in the Balkans in the 1990s–2000s. Special attention is paid to the consideration of the North-Atlantic Alliance's position on the Albanian issue in Serbia and Macedonia during the preparation for the Alliance's operations and missions and their conduction. Besides, an analysis is carried out concerning the NATO-Albania relations in the context of the architecture of regional security's change and geopolitical consequences of this state's integration in the organization.

Key words: NATO, Albanian separatism, Balkans, regional strategy of NATO.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98

Начало 1990-х гг. ознаменовалось качественной трансформацией стратегической концепции НАТО. Североатлантический альянс приступил к поиску новых ориентиров собственного развития, поскольку традиционные подходы после окончания холодной войны уже не могли обеспечить успешного развития. Главная задача организации заключалась в том, чтобы в короткие сроки определиться с собственной миссией в реалиях формирующегося однополярного мира. После длительных дискуссий было решено, что одним из главных векторов развития НАТО наряду с традиционным обеспечением коллективной обороны должно стать участие в миротворческих миссиях и операциях в зоне географической ответственности организации.

Кроме того, еще в начале 1990-х гг. было продекларировано, что Альянс будет открыт для

приема новых членов. В целом такое изменение ориентиров свидетельствовало только об одном: НАТО приготовилась к историческому расширению сферы своего геополитического доминирования. Причем произойти оно должно было не в форме проведения классической военной кампании, предполагавшей захват территории и установление оккупационного режима, а при помощи политики «открытых дверей» и осуществления гуманитарных интервенций. Оставалось только выбрать цель и приступить к реализации намеченной стратегии.

Сразу же стало очевидно, что первоочередной целью НАТО станет регион, в котором можно будет апробировать как интеграционные механизмы, так и силовые методы установления собственного геополитического доминирования. На роль испытательного полигона в начале 1990-х гг. лучше всего подходили Балканы, поскольку здесь крах традиционной архитектуры региональной безопасности происходил наиболее болезненно и сопровождался ростом конфликтного потенциала, который Альянс мог использовать в своих интересах.

Крушение коммунистических режимов в Югославии и Албании привело к резкому росту националистических настроений в регионе, которые при отсутствии сильной власти было невозможно ограничить. НАТО было необходимо лишь занять определенную сторону в набиравшем обороты конфликте и начать вести свою игру, придерживаясь известного правила: «разделяй и властвуй». Сохранение единой Югославии явно не входило в планы Альянса, поэтому, когда стало понятно, что распад государства неизбежен, НАТО было необходимо быстро определиться с распределением ролей в Балканском кризисе.

Главным виновником межэтнических конфликтов на пространстве бывшей Югославии были названы сербы¹, жертвами которых, по мнению руководства НАТО, стали албанцы, боснийцы-мусульмане и хорваты, вынужденные взяться за оружие для того, чтобы дать отпор сербскому национализму. Однако в реальности сам Альянс поддержал националистические силы, которые затем пришли к власти в Албании, Боснии и Герцеговине, Хорватии и сербском Косово, и тем самым повысил градус напряженности

в регионе. При этом если в начале и середине 1990-х гг. казалось, что центральное место в балканской политике НАТО занимает поддержка боснийских и хорватских националистов, то к концу десятилетия стало понятно, что еще более важную роль при реализации планов Североатлантического альянса в регионе сыграл и продолжает играть албанский фактор. Именно албанский национализм позволил НАТО установить фактический контроль над Македонией, а также способствовал закреплению военного присутствия организации на территории сербского Косово и в целом помог нанести серьезный удар по сербскому национальному самосознанию, которое могло стать серьезной преградой для евроатлантической интеграции бывших югославских республик.

Эти обстоятельства позволяют предположить, что опора на албанских националистов стала одним из ключевых моментов успеха региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е гг. Однако для того чтобы доказать данную гипотезу, необходимо проследить эволюцию взглядов руководства Альянса на албанский фактор в балканской геополитике с начала 1990-х гг.

Первая возможность использовать албанцев-радикалов в качестве проводников своих интересов у НАТО появилась в конце 1990-х гг., когда на территории Косово возник очаг крупного межэтнического конфликта. Освободительная армия Косова (ОАК), заявившая о себе в 1996 г., за два года смогла пополнить свои ряды новыми бойцами, получить необходимое вооружение из Албании, где в ходе беспорядков в 1997 г. были разграблены армейские склады, а также наладить получение финансовой помощи из-за рубежа. Значительный объем финансирования боевики получали от албанских эмигрантов, проживавших в государствах-членах НАТО, и, безусловно, спецслужбы в этих странах не могли не знать об этом.

Несмотря на то что даже в США в начальный период существования ОАК признавалась террористической организацией², потоки ее финансирования не были перекрыты, вероятно, по той причине, что в Альянсе решили занять выжидательную позицию в косовском вопросе. В случае если бы С. Милошевич пошел на значительные уступки Западу, ему можно было бы сдать в качестве компенсации спонсоров ОАК, но скорее всего уже тогда в НАТО поняли, что югославский лидер не изменит своей позиции, поэтому было принято решение не только не препятствовать деятельности ОАК, но и в завуалированной форме помогать албанским экстремистам. Кульминацией этой поддержки стала проведенная НАТО с 24 марта по 10 июня 1999 г. операция «Союзническая сила», которая создала условия для установления полного доминирования албанских радикалов в Косово. Естественно, что Альянс позаботился и о своем военном присутствии в крае, которое до сих пор сохраняется в формате миссии КФОР.

В июне 1999 г. был произведен вывод югославских войск из 5-километровой наземной зоны безопасности, созданной в соответствии с Кумановским военно-техническим соглашением³. Это привело к формированию на одном из участков этой зоны так называемой Армии освобождения Прешева, Медведжи и Буяноваца (АОПМБ), ряды которой пополняли как боевики расформированной ОАК, так и албанцы-радикалы, проживавшие на территории этих трех общин. При этом миротворцы КФОР не предпринимали в тот момент никаких попыток перекрыть поставки оружия для АОПМБ из Косово.

Необходимо отметить, что тактика действий АОПМБ очень напоминала косовский опыт ОАК. Боевики проводили террористические акты против сотрудников полиции, а также мирных граждан, осуществляли захват заложников. Кроме того, они даже обстреливали позиции КФОР, что могло создать иллюзию того, что интересы АОПМБ и НАТО в регионе не совпадают.

После многочисленных обстрелов позиций югославской армии из минометов и пулеметов в мае 2001 г., а также захвата боевиками окрестных деревень в Белграде было принято решение о вводе войск в наземную зону безопасности с 24 мая⁴. Естественно, что данный процесс проходил под полным контролем Альянса⁵ и стал возможным только после того, как сама организация в марте 2001 г. достигла соглашения с АОПМБ о прекращении огня.

По всей видимости, НАТО позволила югославской армии провести операцию «Браво» только для того чтобы укрепить позиции пришедших к власти в Белграде демократов и продемонстрировать простым гражданам Югославии, что руководство страны может обеспечить их безопасность, а, значит, должно пользоваться их поддержкой. Кроме того, для Альянса было невыгодно, чтобы в Южной Сербии вспыхнул новый масштабный вооруженный конфликт, достаточно было поддерживать здесь нестабильность и добиваться новых уступок от руководства СРЮ. Выбранная тактика оказалась успешной, поскольку сразу после окончания операции «Браво» боевики распушенной АОПМБ, в том числе и полевые командиры, были амнистированы и смогли занять все ключевые административные посты в Прешево, Медведже и Буяноваце.

Полномасштабная албанизация, которая была осуществлена за 15 лет после конфликта в Прешевской долине⁶, привела к тому, что сегодня все активнее звучат призывы к отделению этого региона от Сербии. Вот что заявил в марте 2014 г. председатель Скупщины общины Буяновац Й. Муслию, который ранее был одним из полевых командиров АОПМБ: «Если Москва хочет Крым, тогда Тирана и Приштина должны объединиться с регионом Прешевской долины»⁷. Безусловно, что наличие подобных настроений среди албанского населения Южной Сербии

дает НАТО дополнительный рычаг давления на Белград.

Очевидно, что те события, которые происходили в Косово и других районах Южной Сербии в конце 1990-х гг., не могли не спровоцировать всплеск албанского национализма и в Македонии, где албанцы фактически составляют больше трети населения. В этих условиях НАТО было необходимо лишь грамотно использовать албанский фактор в своей игре. Альянс, по сути, не предпринял никаких мер, чтобы не допустить проникновения оружия с территории Косово в Македонию, а также ограничить передвижение боевиков ОАК, пополнявших отряды Армии национального освобождения.

Ограничившись на первом этапе конфликта лишь декларациями, призывавшими стороны проявлять сдержанность⁸, руководство НАТО приняло активное участие в урегулировании этого кризиса на финальном этапе, проведя три операции, которые были направлены на сбор оружия у албанского населения и мониторинг ситуации в стране. В отличие от Косово легитимность действий Альянса в случае с Македонией не вызывала сомнений. Президент Македонии Б. Трайковский сам обратился к НАТО с просьбой помочь реализовать подписанное в августе 2001 г. Охридское соглашение⁹. Не опасаясь никаких обвинений со стороны мирового сообщества во вмешательство в македонскую политическую жизнь, Альянс смог достаточно успешно провести краткосрочные операции, которые обеспечили стабилизацию обстановки в стране, и при этом сумел сделать так, чтобы албанцы не только не подверглись преследованиям со стороны властей, но и существенным образом расширили свои права.

Анализ использования Североатлантическим альянсом албанского фактора для реализации его региональной стратегии невозможен без оценки отношений НАТО с Албанией, которая с начала 1990-х гг. являлась генератором националистических идей и командным центром для боевиков-албанцев, несмотря на то, что ее политическая элита отрицает данный факт¹⁰. Безусловно, главным вопросом для Брюсселя и Тираны в 1990–2000-е гг. была координация действий в Косово и Македонии, которая проходила в закрытом режиме. Однако существовали и другие аспекты сотрудничества в военной сфере, позволившие Албании успешно завершить процесс евроатлантической интеграции в 2009 г.

Впервые Албания стала фигурировать в официальных политических документах Альянса не как противник, а как потенциальный партнер в 1990 г., когда стало понятно, что вслед за другими государствами Юго-Восточной Европы в стране начинается «бархатная революция», которая не только изменит ее внутривнутриполитическую жизнь, но и трансформирует внешнеполитические приоритеты. В декабре 1990 г. в Албании вспыхнули студенческие беспорядки.

Основным требованием протестующих была немедленная демократизация общественно-политической жизни страны. Председатель президиума Народного собрания Албании Р. Алия пытался на тот момент сохранить свою власть и продлить существование коммунистического режима пусть и в обновленном виде. Тем не менее, помня о печальной судьбе партийных лидеров социалистических государств Восточной Европы, и в особенности о расправе над Н. Чаушеску, он был вынужден пообещать протестующим продолжение реформ, в том числе переход к многопартийной системе.

Изменение подхода к Албании со стороны военно-политического руководства НАТО фактически было зафиксировано в коммюнике Генерального секретаря организации М. Вёрнера от 17 декабря 1990 г., в котором говорилось о том, что Альянс ожидает окончательного распространения демократических свобод в Албании и выражает надежду на то, что реформы, начавшиеся в этой стране, принесут свои плоды¹¹.

Результаты действительно появились уже к марту 1992 г., когда Демократическая партия Албании победила на выборах, а 9 апреля того же года ее лидер С. Бериша был избран президентом страны. Это означало, что Албания кардинальным образом меняет свою внешнеполитическую ориентацию и ее основным приоритетом становится евроатлантическая интеграция. Безусловно, это не могло не радовать Североатлантический альянс, который в тот момент приступал к разработке собственной региональной стратегии на Балканах. Появление в регионе такого союзника как Албания, должно было помочь НАТО активизировать албанские националистические силы на пространстве бывшей Югославии. Гипотетически Тирана могла стать центром паналбанизма, а значит, фактически возрождался проект Великой Албании, от которого, правда, новая демократическая элита сразу же попыталась откренестись, хотя в ходе предвыборной кампании С. Бериша делал ряд громких заявлений, касающихся албанского вопроса¹².

Для того чтобы данный проект был реализован, требовалось создать благоприятный образ Албании, так как у албанцев, проживавших на территории Союзной Республики Югославии и в Македонии, должно было возникнуть желание воссоединиться со своей исторической родиной, воспользовавшись закрепленным в Уставе ООН правом наций на самоопределение. Для этого необходимо было делать ставку не только на развитие политических и культурных контактов, но, прежде всего, на улучшение состояния социально-экономической сферы в стране.

Решение этой задачи было невозможно без притока иностранных инвестиций, поскольку экономика страны была на тот момент полностью разрушена. Капитал из-за рубежа стал поступать сразу же после начала реформ, прежде всего из

европейских государств, США и Турции. Однако коррупция, достигшая в 1990-е гг. угрожающих масштабов, а также албанская мафия, сумевшая за короткий срок создать разветвленную преступную сеть, в которую вошли албанцы из Косово и Македонии, а также достаточно крупные политические деятели Албании, не позволили использовать поступившие в страну деньги для осуществления крупных инфраструктурных проектов. Следовательно, руководству НАТО стало понятно, что необходимо скорректировать «албанский» компонент своей региональной стратегии на Балканах.

Историческая родина, находившаяся в сложной экономической ситуации, не могла стать для албанских ирредентистов тем символом, ради которого стоило бы бороться, к тому же в случае включения ряда территорий СРЮ и Македонии в состав Албании албанское руководство могло быть обвинено в нарушении принципов международного права, а Альянс в такой ситуации оказался бы фактически союзником агрессора. В этой связи нужно было изменить задачу для албанских боевиков, которые должны были добиваться максимально возможной автономии от югославского и македонского правительства, но не помышлять о присоединении к Албании.

Несмотря на то что прозападному правительству, находившемуся у власти с 1992 по 1997 г., так и не удалось справиться с коррупцией и сформировать реально действующие демократические институты в стране, что, казалось бы, должно было вызвать острую критику со стороны руководства Альянса, в реальности все произошло наоборот. Именно в годы президентства С. Бериши был заложен прочный фундамент сотрудничества НАТО и Албании, что позволило впоследствии координировать совместные усилия по ситуации в Косово, а также ускорило евроатлантическую интеграцию государства.

Важным шагом для развития практического сотрудничества между НАТО и Албанией стало ее присоединение к программе «Партнерство ради мира» в 1994 г. Это позволило создать институциональные рамки для взаимодействия в военно-технической сфере и осуществления масштабной оборонной реформы. Особый вклад в формирование евроатлантической повестки дня в этот период внес министр обороны Албании А. Мойсиу, который впоследствии в середине 2000-х гг. стал президентом страны. Он не только приложил все усилия, чтобы ускорить процесс присоединения государства к программе «Партнерство ради мира», но и создал Североатлантическую ассоциацию Албании, которая проводила экспертную работу для реализации данной инициативы¹³.

Необходимо отметить, что во второй половине 1990-х гг. стало окончательно ясно, что албанская армия находится на пороге катастрофы. Свидетельством этого стали события 1997 г.,

когда страну охватили массовые беспорядки, вызванные банкротством крупнейших финансовых пирамид и отказом правительства защитить права обманутых вкладчиков. Протестующие смогли достаточно легко захватить с военных складов сотни тысяч единиц стрелкового оружия, большая часть которого затем попала в руки боевиков ОАК, а многие военнослужащие перешли на сторону мятежников.

Существует версия, что к организации беспорядков могло быть причастно так называемое «греческое лобби» в Вашингтоне¹⁴. Как утверждал бывший глава албанской секретной полиции Б. Газидеде, уволенный со службы после начала протестов, за разработку и реализацию сценария антиправительственного выступления в Албании мог отвечать Дж. Тенет, который в тот момент был назначен директором ЦРУ. Дело в том, что Дж. Тенет происходил из семьи греческих эмигрантов, а его отец родился в Северном Эпире, в этой связи, по мнению Б. Газидеде, он мог быть лично заинтересован в таком развитии событий. Несмотря на то что данная версия выглядит достаточно неоднозначно, она имеет под собой определенные основания.

Во-первых, США могли организовать такую операцию для того, чтобы снабдить боевиков ОАК оружием и при этом не вызвать подозрений у мирового сообщества в том, что американские военные или министерство обороны Албании оказывают им прямую поддержку. Во-вторых, Демократическая партия Албании допустила слишком много ошибок в выстраивании новой политической и социально-экономической системы в стране, что могло негативно сказаться на использовании НАТО албанского фактора в регионе для реализации своей стратегии. В условиях подготовки к решительному дипломатическому наступлению на С. Милошевича по косовскому вопросу руководство США могло решиться на смену «команды» в Тиране, так как требовалось за короткие сроки улучшить образ страны в глазах албанцев, проживавших в Косово.

Социалистическая партия Албании, пришедшая к власти после окончания беспорядков, продолжила курс на евроатлантическую интеграцию. В целом, несмотря на все внутривнутриполитические перипетии, к концу 1990-х гг. в албанском обществе, а также среди основных политических сил страны сформировался консенсус по поводу вступления в НАТО.

В 1999 г. Албания получила план действий по членству в НАТО. С этого момента началась активная подготовка страны к вступлению в Альянс. Важным этапом на этом пути стало подписание в мае 2003 г. так называемой Адриатической хартии вместе с Македонией, Хорватией и США¹⁵. Межрегиональное объединение стран-кандидатов на вступление в НАТО, созданное под эгидой Вашингтона, фактически должно было облегчить

коммуникацию между ними, а также повысить управляемость субрегионом Западные Балканы. Помимо политического диалога наладилось и военное сотрудничество.

На территории Албании неоднократно проводились крупные учения НАТО. В частности, в 2000 г. состоялись учения «Adventure Express» и «Cooperative Dragon». В октябре 2007 г. были проведены учения Сил реагирования НАТО «Cooperative Longbow 07» и «Cooperative Lance 07», которые были организованы по линии программы «Партнерство ради мира»¹⁶. По устоявшейся традиции, для того чтобы продемонстрировать, что Албания может являться донором безопасности, албанское руководство направляло войска для участия в миссиях под контролем НАТО в Боснию и Герцеговину, Афганистан и Ирак. Кроме того, Албания, даже в тот момент, когда она еще не являлась членом Альянса, отвечала за тыловое обеспечение контртеррористической операции «Active endeavour», проводившейся в Средиземном море.

В итоге те усилия, которые предпринимало в течение длительного периода времени руководство страны, увенчались успехом. На саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 г. Албания вместе с Хорватией получили приглашение стать членами Альянса и в 2009 г. обе эти страны вступили в организацию.

Стоит отметить, что теперь у НАТО появляются правовые основания активнее вмешиваться в «албанский вопрос» на Балканах, поскольку организация может объяснить это тем, что защищает интересы народа одного из своих государств-членов. Кроме того, вступление в Альянс слаборазвитой в экономическом и военно-техническом отношении Албании дает понять лидерам других развивающихся государств Евроатлантического региона, что интеграция в организацию возможна и для них, в том случае если они будут последовательно проводить политику в интересах Брюсселя. Более того, было продемонстрировано, что членом НАТО может стать страна с преимущественно мусульманским населением, что несомненно является сигналом для государств Центральной Азии и Азербайджана.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что албанский фактор стал одним из главных механизмов, обеспечивших успешную реализацию региональной стратегии НАТО на Балканах. Достаточно вспомнить о том, что негласная поддержка ведущими странами Альянса и, прежде всего, США действий боевиков ОАК позволила за несколько лет искусственно разжечь пожар межэтнического конфликта в Косово, что создало благоприятные условия для вмешательства НАТО и проведения операции «Союзническая сила» против Союзной Республики Югославии в 1999 г.

После окончания военной кампании в Косово вошел миротворческий контингент

КФОР, подконтрольный Альянсу, что помогло албанским косоварам стать полновластными хозяевами региона. В течение десяти лет НАТО целенаправленно осуществляла подготовку к объявлению независимости Косово. В итоге всему миру было продемонстрировано, что Альянс не бросает своих союзников, а последовательно реализует свою региональную стратегию, учитывая их интересы.

Однако, установив свой военно-политический контроль над Косово, НАТО не остановилась на достигнутом и фактически способствовала пусть и неофициально созданию небольшой по географическим меркам зоны нестабильности в так называемой Прешевской долине в Южной Сербии. Сегодня Альянсу необходимо держать официальный Белград в напряжении, чтобы добиваться от него новых уступок, поэтому организация не заинтересована в окончательном урегулировании ситуации на юге страны. Если конфликт между сербами и албанцами здесь вновь произойдет, то нет сомнения в том, что к его разрешению будут привлечены миротворцы КФОР, что позволит НАТО расширить пусть и незначительно зону своего непосредственного геополитического влияния в регионе. При этом после подписания Сербией и Альянсом договора о логистической поддержке у организации появились возможности беспрепятственно использовать сербскую территорию¹⁷, в том числе и для проведения подобной операции.

Албанский фактор был грамотно использован Альянсом и в Македонии, где в начале 2000-х гг. проходили столкновения между боевиками Армии национального освобождения и правительственными войсками. По окончании конфликта македонское правительство вынуждено было идти на уступки не только в вопросах внутренней политики, но и в отношениях с НАТО. Сегодня Македония находится на финальном этапе евроатлантической интеграции, и вступление государства в организацию препятствует лишь позиция Греции. Тем не менее «успехи» на международной арене контрастируют с тем, что происходит во внутренней политике.

Взрывоопасная ситуация в стране сохраняется благодаря тому, что требования со стороны этнического албанского меньшинства постоянно возрастают¹⁸, а македонское руководство для сохранения хрупкого межнационального мира вынуждено их удовлетворять. В этих условиях у НАТО появляется уникальная возможность контролировать политическую элиту Македонии, которая становится фактически проводником интересов Альянса.

Очевидно, что, несмотря на достижение основных целей в 1990–2000-е гг., Альянс продолжит и дальше использовать албанский национализм в качестве главного козыря своей региональной стратегии на Балканах. При этом фактически работа будет вестись на всем

пространстве, попадающем в границы исторического геополитического проекта «Великая Албания»¹⁹. Безусловно, в центре внимания будут оставаться Сербия и Македония, где у НАТО существуют возможности продолжить эксперименты по созданию контролируемого хаоса, опираясь на союзников в лице радикально настроенных албанцев.

В случае необходимости албанский вопрос может быть актуализирован при негласной поддержке НАТО и в других странах региона, если по каким-то причинам их политика начнет не устраивать Брюссель. При этом в отношении Черногории потенциально будет применен «македонский» сценарий, поскольку на территории 5 восточных и юго-восточных общин страны проживают десятки тысяч албанцев, а в общине Улцинь они представляют большинство населения. Хотя на данный момент это кажется нереальным и бессмысленным, поскольку политика черногорского руководства полностью удовлетворяет Альянс, а в отношениях албанцев и черногорцев отсутствуют неразрешимые противоречия.

В случае с Грецией все может ограничиться дипломатическим давлением со стороны Тираны, а также искусственной активизацией дискуссии в общественно-политической и научной среде по поводу принадлежности греческого Эпира. Большого сделать не получится по двум причинам: во-первых, и Албания, и Греция являются членами НАТО, а значит, Брюссель не допустит роста напряженности между ними, поскольку это автоматически втянет в конфликт Турцию и поставит под угрозу всю балканскую стратегию Альянса, и, во-вторых, греческие албанцы-арнауты полностью эллинизированы.

Определенные трудности у Афин могут возникнуть лишь в так называемой Чамерии – греческой части Эпира, где проживают албанцы-мусульмане, которые могут выдвинуть политические требования в случае ущемления их прав. Однако осторожная политика греческого правительства в национальном вопросе не дает оснований предполагать, что подобные протесты возникнут. Скорее самой Албании стоит опасаться подъема греческого национализма в Северном Эпире.

Стоит отметить, что Альянс в 1990–2000-е гг. был ориентирован не только на содействие в завуалированной форме албанским националистическим силам в различных государствах региона, но и на выстраивание отношений долгосрочного сотрудничества с Албанией. Вступление этой страны в НАТО в 2009 г. только расширило для Брюсселя диапазон использования албанского фактора.

Можно прогнозировать, что отработанная на Балканском полуострове схема с определенными корректировками может быть применена на постсоветском пространстве, в частности на Кавказе и Центральной Азии, где существуют этнические

меньшинства, проживающие на территории сразу нескольких стран региона, и имеются предпосылки для роста националистических настроений. В этой связи Россия должна внимательно проанализировать использование Альянсом албанского фактора в качестве инструмента его региональной стратегии на Балканах и разработать комплекс мер военно-политического, а также гуманитарного характера, включая мероприятия по линии общественной дипломатии, для того чтобы не допустить реализации подобного сценария в зоне своих непосредственных геополитических интересов.

Примечания

- 1 См.: Communiqué following the Meeting of the North Atlantic Council on the Situation in the Former Yugoslavia. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24751.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2016).
- 2 См.: Белоус С. П. К вопросу о роли США в процессе становления и укрепления Освободительной армии Косово (сеп. 1990-х – июнь 1999 г.). URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=16779> (дата обращения: 05.05.2016).
- 3 См.: Military Technical Agreement. URL: <http://www.nato.int/kosovo/docu/a990609a.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
- 4 См.: Армия СПЮ проводит операцию «Браво». URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/news/newsid_1348000/1348481.stm (дата обращения: 05.05.2016).
- 5 Там же.
- 6 См.: Филимонова А. Запад отнимает у Сербии юг. URL: http://www.stoletie.ru/geopolitika/zapad_otnimajet_u_serbii_jug_2011-07-07.htm (дата обращения: 05.05.2016).
- 7 Прешевская долина хочет последовать примеру Крыма. URL: <http://ruserbia.com/politics/2047-preshevskaya-dolina-khochet-posledovat-primeru-kruma> (дата обращения: 05.05.2016).
- 8 См.: Final Communiqué : Ministerial Meeting of the North Atlantic Council held in Budapest, Hungary. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_18892.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2016).
- 9 См.: Statement by the NATO Secretary General. URL: <http://www.nato.int/docu/pr/2001/p01-129e.htm> (дата обращения: 05.05.2016).
- 10 См.: Искендеров П. А. «Великая Албания»: теория и практика // Вопр. истории. 2012. № 1. С. 43, 44.
- 11 См.: Final Communiqué Chairman : Manfred Wörner 17.12.1990. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23690.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.05.2016).
- 12 См.: Vickers M. The Albanians. A Modern History. L. ; N.Y., 1995. P. 230.
- 13 См.: History of NATO-Albania Relations. URL: <http://www.mod.gov.al/eng/index.php/security-policies/relations-with/nato/88-history-of-nato-albania-relations> (дата обращения: 05.05.2016).
- 14 См.: Бовт Г. В Америке обнаружено «православное лобби». URL: <http://www.lobbying.ru/content/>

sections/articleid_1595_linkid_62.html (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁵ См.: Adriatic Charter. URL: <http://www.state.gov/p/eur/rls/fs/112766.htm> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁶ NATO's Relations with Albania. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_48891.htm (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁷ См.: Белоус С. Как Сербия балансирует между

НАТО и Россией. URL: <http://expert.ru/2016/04/19/assimetrichnaya-nejtralnost-kak-serbiya-balansiruet-mezhdu-nato-i-rossiej/> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁸ См.: Балтачева М., Герозникова Е. Европа боится новой войны на Балканах. URL: <http://vz.ru/world/2015/5/12/744771.html> (дата обращения: 05.05.2016).

¹⁹ Искендеров П. А. «Великая Албания...» С. 43–44.

Образец для цитирования:

Корнев Е. С. Албанский фактор в региональной стратегии НАТО на Балканах в 1990–2000-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 92–98. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98.

Cite this article as:

Korenev E. S. The Albanian Factor in the Regional Strategy of NATO in the Balkans in the 1990s–2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 92–98 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-92-98.

УДК 327(73+510)20|

США ПРОТИВ КНР НА «ВЕЛИКОЙ ШАХМАТНОЙ ДОСКЕ»: ВОЗМОЖЕН ЛИ ЦУГЦВАНГ?

И. И. Арсентьева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: airen1@yandex.ru

Анализируются основные положения статьи Збигнева Бжезинского «На пути к глобальному переустройству», опубликованной в апреле 2016 г. Американский политолог констатирует завершение эпохи глобального доминирования США и начавшееся перераспределение глобального политического влияния. В этой связи оцениваются перспективы КНР на статус нового глобального лидера, а также характеризуется будущее американо-китайских отношений.

Ключевые слова: Збигнев Бжезинский, США, КНР, Россия, гегемония, лидерство, геополитика, конфликт.

The USA vs China on the «Grand Chessboard»: Entering Zugzwang?

I. I. Arsentyeva

The author analyzes the main points of Zbigniew Brzezinski's article «Towards a Global Realignment» published in April 2016. The American political scientist comes to the conclusion that the era of the US global dominance is coming to an end and the redistribution of global political power is emerging. This paper examines, in this regard, China's prospects for achieving a position of a global leader. The future of the US-China relations is also represented in the new context.

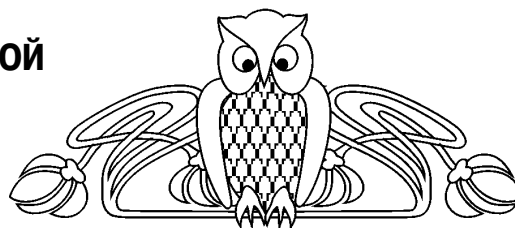
Key words: Zbigniew Brzezinski, USA, China, Russia, hegemony, leadership, geopolitics, clash.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-99-106

Введение

В начале октября 2016 г. на информационно-аналитическом портале «Военное обозрение» была опубликована статья с привлекающим внимание заголовком «Бжезинский утратил веру в американскую мощь»¹, вернее, даже не статья, а выборочный перевод аналитической работы М. Уитни «Разбитая шахматная доска: Бжезинский разочаровался в империи» (The Broken Chessboard: Brzezinski Gives Up on Empire), размещенной на американском портале The Unz Review: An Alternative Media Selection².

Майк Уитни, а вслед за ним и «Военное обозрение» утверждают, что Зб. Бжезинский в своей новой статье «На пути к глобальному переустройству» отказался от прежних геополитических схем, изложенных в получившей широкую известность «Великой шахматной доске», сделал поворот на 180 градусов, призвав к налаживанию связей с Россией и Китаем. Безусловно, подобные

кардинальные изменения во взглядах «главного архитектора» грядущей имперской экспансии США и своего рода «знаменосца русофобов всего мира» не могут не вызывать удивления.

Однако даже при беглом знакомстве со статьей Зб. Бжезинского становится очевидным, что не всё столь однозначно в его тезисах и выводах, вернее, в интерпретации работы. В этой связи цель настоящей статьи – проанализировать основные положения работы Зб. Бжезинского и, самое главное, попытаться ответить на вопрос: если действительно эпоха глобального доминирования США подходит к концу, какая страна способна сменить их на геополитическом «олимпе»?

«На пути к глобальному переустройству»

В апреле 2016 г. в журнале The American Interest (AI) была опубликована статья Збигнева Бжезинского «На пути к глобальному переустройству» (Towards a Global Realignment)³. В ней американский политолог выделяет пять основных реалий (verities) современного мира, которые свидетельствуют о начавшемся перераспределении глобального влияния.

Первая реалья – Соединенные Штаты сохраняют статус ведущей державы в экономическом, политическом и военном плане, но уже не могут претендовать на имперский статус в глобальном масштабе, как, впрочем, и ни одна из других мировых держав.

Вторая реалья – Россия переживает последнюю конвульсивную стадию деимпериализации. Это болезненный процесс, однако если она будет действовать разумно, сможет, в конце концов, стать ведущим европейским национальным государством. Но тут же звучит оговорка, что в настоящее время Москва действует непродуманно, портя отношения со странами исламского юго-запада своей некогда огромной империи, а также с Украиной, Белоруссией, Грузией, не говоря уже о странах Балтии.

Третья реалья заключается в продолжающемся возвышении Китая, несмотря на то что в последнее время темпы его развития несколько замедлились. Именно эта страна в будущем способна сравняться с США и стать их противником. Однако пока Пекин не стремится бросать открытый вызов Вашингтону, его главная задача

в настоящее время – укрепить свои ограниченные военно-морские силы и совершить прорыв в области вооружений нового поколения.

Четвертая реалья – Европа не является глобальной силой и вряд ли станет ею в будущем. Тем не менее она может сыграть конструктивную роль, взяв на себя инициативу в противостоянии глобальным угрозам. При этом немаловажно, что в политическом и культурном плане Европа является союзником США и поддерживает их политику на Ближнем Востоке.

В-пятых, сопровождаемое насилием «политическое пробуждение» исламского мира является своего рода запоздалой реакцией на жесткое давление со стороны западных стран. Это «пробуждение» подпитывается исторической памятью народов, в течение длительного времени подвергавшихся унижениям и гонениям, и искусно подогревается исламскими экстремистами.

Далее Зб. Бжезинский делает вывод о том, что с учетом этих пяти реалий США должны взять на себя инициативу и выработать комплексную стратегию по формированию новой архитектуры мира. Ее суть, по мнению американского политолога, состоит в следующем.

Во-первых, США смогут эффективно противодействовать насилию на Ближнем Востоке, если создадут коалицию с привлечением, помимо прочих участников, России и Китая. Однако прежде, пишет Зб. Бжезинский, их необходимо убедить отказаться от недальновидной внешней политики. Причем если в случае с Москвой – «агрессивной», то в случае с Пекином – «эгоистически пассивной». Другими словами, Россия должна отказаться от одностороннего применения силы против своих соседей – Украины, Грузии и балтийских стран. А Китаю, напротив, следует осознать, что в условиях разрастающегося ближневосточного кризиса пассивная внешняя политика неизбежно нанесет непоправимый ущерб китайским национальным интересам. Однако Зб. Бжезинский почему-то не уточняет, как должна измениться американская внешнеполитическая стратегия (он лишь пишет о необходимости этих изменений), а ведь создание полноценной и эффективно действующей коалиции априори, на наш взгляд, предполагает взаимные уступки входящих в нее акторов.

Во-вторых, американский политолог подчеркивает, что США должны способствовать постепенному пониманию в России (делая оговорку, что, видимо, это возможно только «после Путина») того факта, что она сможет стать влиятельной страной исключительно в составе объединяющейся Европы. В противном случае она будет не способна противостоять растущему территориально-демографическому давлению со стороны Китая. Попутно отметим, что многие политологи констатируют, что в последние годы высказывания Зб. Бжезинского в адрес России смягчились, но объясняется это тем, что в своих выступлениях и работах он больше говорит о том, какой бы хотел видеть Россию в будущем.

В-третьих, для Китая наилучшая политическая перспектива на ближайшее будущее – стать главным партнером США в сдерживании глобального хаоса, который распространяется по всему миру с Ближнего Востока, угрожая, в том числе и западным территориям КНР. Пекин должен расширять свое региональное влияние, всё более активно включать в сферу своего «геополитического охвата» Центральную и Юго-Западную Азию и, прежде всего, Иран. Однако делать это следует в тесном взаимодействии с Вашингтоном.

В-четвертых, восстановить относительную стабильность на Ближнем Востоке не представляется возможным до тех пор, пока местные вооруженные формирования рассчитывают на привилегии при распределении отвоеванных территорий и при этом избирательно поддерживают экстремистские группировки. Остановить это можно путем оказания давления на них со стороны США, России и Китая. Это, в свою очередь, увеличит вероятность более разумного применения силы против экстремистов со стороны региональных держав, а именно Ирана, Турции, Израиля и Египта. Далее Зб. Бжезинский поясняет, почему не включил в этот список, казалось бы, верного союзника США – Саудовскую Аравию: наблюдаемая сегодня склонность саудитов поддерживать ваххабизм вызывает серьезные сомнения в способности Эр-Рияда играть конструктивную роль в регионе.

В-пятых, нельзя игнорировать политическую активизацию народов «незападного мира». И не исключено, что сегодняшний рост экстремизма на Ближнем Востоке – всего лишь начало более масштабного процесса, который в будущем перекинется в Африку, Азию и даже в Западное полушарие.

Если же конструктивная долгосрочная стратегия по формированию новой архитектуры мира не будет выработана и сохранится стремление мировых держав в одностороннем порядке реализовывать свои национальные интересы и асимметричные цели, это станет самоубийственной тратой времени. США в таком случае рискуют быть втянутыми в длительные конфликты и, возможно, вернуться к политике изоляционизма, которой придерживались вплоть до XX столетия. Для России это означает серьезное поражение и признание доминирующей роли Китая. Для Китая – войну не только с Соединенными Штатами, но и с Японией или Индией (или с обеими одновременно).

Безусловно, если сравнить сделанные в статье выводы с более ранними работами Зб. Бжезинского, можно заметить значительные изменения. Так, в «Великой шахматной доске» (1997) он писал: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия»⁴.

В вышедшей в 2004 г. книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» (The Choice: Global Domination or Global Leadership) риторика несколько меняется. Предметом пристального внимания становятся альтернативы американского доминирования: господство, основанное на силе, или лидерство, основанное на согласии. Зб. Бжезинский выбирает второй вариант, парадоксально соединяя при этом гегемонию и демократию как два инструмента управления миром. По сути это близко к концепции *benevolent hegemony* – «благожелательной/гуманной гегемонии». Обоснование подобного варианта глобального доминирования США было разработано в конце 1990-х гг. американскими политологами У. Кристолом и Р. Каганом⁵. Однако очевидно, что постулируемая Зб. Бжезинским формула «глобального лидерства», или «благожелательного глобального гегемонизма», не меняет главного содержания моноцентрической структуры мироустройства, где один полюс концентрирует колоссальную мощь, которую он может использовать как самое простое средство реализации национальных интересов и экспансии.

В статье «На пути к глобальному переустройству» отход Зб. Бжезинского от прежних гегемонистских заявлений выражен намного более рельефно. Однако главный тезис статьи, на наш взгляд, все же состоит в следующем: Соединенным Штатам Америки, эра мирового доминирования которых подходит к концу, необходимо предпринять шаги, чтобы стать *лидером* в меняющейся архитектуре глобальных центров силы. Не случайно именно этим предложением начинается статья.

Поэтому, на наш взгляд, не вполне правомерно говорить о том, что Зб. Бжезинский полностью отказался от своих прежних геополитических построений, «совершил поворот на 180 градусов». Скорее изменилась общая тональность его работ на фоне происходящих в мире серьезных трансформаций и геополитических «сдвигов», и американский политолог стал более четко разграничивать понятия «гегемония» и «лидерство». Не стоит забывать и о почтенном возрасте американского эксперта – в марте 2016 г. ему исполнилось 88 лет (общеизвестно, что со временем большинство людей отходят от своих максималистских убеждений).

Однако вернемся к утверждению Зб. Бжезинского о том, что архитектура глобальных центров силы меняется. В 2012 г. в одной из своих работ он заявлял, что в случае внезапного масштабного кризиса американской системы новый мировой лидер не появится даже к 2025 г. «Ни одна держава не будет готова играть ту роль, которую после распада Советского Союза в 1991 г. мир ожидал от Соединенных Штатов: роль лидера нового, глобально кооперативного мирового порядка»⁶.

В анализируемой нами работе Зб. Бжезинский также утверждает, что вряд ли в обозримом будущем какое-либо государство сможет оспорить

финансово-экономическое превосходство Америки. В то же время появление у какой-нибудь страны средств, позволяющих в целом превзойти Америку в военном отношении, будет означать конец американского глобального превосходства. В результате мир с большой степенью вероятности погрузится в хаос. Поэтому Соединенным Штатам следует выработать такую стратегию, чтобы хотя бы одна из двух непредсказуемых и потенциально опасных для американского первенства стран стала их партнером в деле обеспечения региональной и глобальной стабильности. Далее американский эксперт с присущей ему откровенностью заявляет о том, что на сегодняшний день такой страной является Россия, а в перспективе – Китай.

Мы не будем останавливаться на крайне актуальном и сложном вопросе американо-российских отношений (поскольку не они являются предметом исследования в настоящей статье), а сосредоточим свое внимание на анализе перспектив эффективных «ходов» Китая на «великой шахматной доске», т. е. возможности его становления в качестве нового глобального лидера, а значит, и вероятности втягивания в масштабный геополитический конфликт с США.

Оценка перспектив глобального лидерства КНР

В 2007 г. Фонд Бертельсманна (ФРГ) провел социологический опрос среди жителей 9 стран – Бразилии, Великобритании, Германии, Индии, Китая, России, США, Франции, Японии. Исследование позволило выявить следующие наиболее важные качества мирового лидера⁷:

- экономическая мощь и потенциал роста (так ответили 55% респондентов);
- политическая стабильность (51%);
- развитый образовательный и научно-исследовательский сектор (47 %);
- лидерский потенциал в формировании международной повестки дня и обеспечении безопасности (27%);
- наличие значительных природных ресурсов (26%);
- социокультурная модель, которой стремятся подражать другие страны (25%);
- военная мощь (25%).

Проанализируем позицию КНР по некоторым из этих критериев более подробно.

Безусловно, *экономическая мощь и потенциал роста* являются главным аргументом сторонников грядущего *Pax Sinica*. На протяжении последних десятилетий роль Китая в мировой экономике не прерывно возрастает. Так, в течение 2006–2010 гг. (11-я пятилетка) среднегодовой прирост национальной экономики составлял 11,2%. При этом доля страны в мировом ВВП за указанный период выросла с 5 до 9,5%⁸. К концу 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) темпы прироста ВВП существенно замедлились: в 2014 г. – 7,3%; в 2015 г. – 6,9%. Однако по этому показателю КНР продолжает

удерживать 1-е место в мире. На сегодняшний день Китай, опережая Японию и уступая Соединенным Штатам Америки, занимает вторую строчку в мировом экономическом рейтинге.

Согласно оценкам Всемирного банка, номинальный ВВП Китая по итогам 2015 г. составлял порядка 10,87 трлн долл. США (для сравнения: ВВП США – 17,95 трлн долл.)⁹. А по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности (ППС), китайская экономика уже сейчас занимает лидирующие позиции. К 2025 г., согласно прогнозу Pricewaterhouse Coopers (входит в «большую четверку» аудиторско-консалтинговых компаний), экономика КНР превзойдет экономику США¹⁰. Схожие прогнозы звучат в докладе Национального разведывательного совета США, который в декабре 2012 г. опубликовал свой очередной доклад «Глобальные тенденции» (Global Trends 2030: Alternative Worlds). По мнению аналитиков, КНР и США поменяются местами в списке крупнейших экономик мира между 2022 и 2030 гг.¹¹

Доказательством растущей экономической мощи КНР могут служить ее многочисленные инициативы по созданию новых механизмов экономической интеграции. Так, в январе 2016 г. начал функционирование Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, где главную роль играет Китай. Кроме того, он достаточно успешно реализует озвученные планы по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI столетия. На сегодняшний день к этим проектам присоединилось более сотни стран; со многими из них заключены официальные соглашения.

Если говорить о политической стабильности, то, безусловно, есть некие «лакуны» в системе национальной безопасности. Так, например, с точки зрения сохранения территориальной целостности страны наиболее уязвимы СУАР и ТАР, т. е. Синьцзян-Уйгурский и Тибетский автономные районы, где достаточно сильные сепаратистские настроения (в СУАР проблема усугубляется деятельностью террористической организации «Исламское движение Восточного Туркестана»). Тем не менее вопрос о том, что СУАР и ТАР могут по каким-то причинам перестать быть частью китайской территории, не стоит на повестке дня. Более того, руководство страны неоднократно давало понять, что до 2049 г. (когда будет праздноваться 100-летний юбилей образования КНР) намерено решить и тайваньский вопрос.

В то же время в КНР достаточно остро стоит вопрос политических реформ, демократизации и либерализации системы государственного управления. Как отмечает казахстанский синолог К. Л. Сыроежкин, речь в данном случае идет как о проблемах внутри Коммунистической партии Китая (КПК) – разложение кадров, коррупция, ослабление идеологического воспитания, падение престижа марксистской идеологии, рост бюрократизма, систематические нарушения партийной

дисциплины и т. д., так и о концептуальном изменении самой идеологии правящей партии, ее движении в сторону социал-демократизма¹².

В последние годы в Поднебесной развернулась антикоррупционная кампания. Формальный старт ей был дан в ноябре 2012 г. после XVIII съезда КПК, где генеральным секретарем был избран Си Цзиньпин. Как отмечает В. Б. Кашин, старший научный сотрудник ИДВ РАН, подобные чистки следовали и за предыдущими передачами власти от одного поколения руководителей к другому. Однако нынешняя кампания беспрецедентна по своей продолжительности и широте охвата. Так, в одном только 2015 г. были рассмотрены дела 336 тыс. чиновников (в том числе высокопоставленных), наказано 282 тыс.: 200 тыс. из них отделались взысканиями, понижением, переводом на другую работу и т. п., 14 тыс. дел переданы в суд. Многие эксперты полагают, что с помощью такой чистки китайские руководители пытаются добиться трансформации государственной экономической политики, что может повлечь за собой большие изменения во внешней политике и идеологии¹³.

Однако в целом политическая ситуация в КНР достаточно стабильная и не создает серьезных преград в достижении статуса глобального лидера.

Гораздо более уязвим критерий лидерского потенциала в формировании международной повестки дня. Не случайно и зарубежные, и некоторые китайские эксперты все чаще говорят о том, что Китаю следует менять прежнюю, слишком «тихую» и «мягкую» внешнюю политику. Однако здесь хотелось бы возразить. Не тихой и не мягкой является политика Китая в крайне чувствительных для национальной безопасности областях, где проводится так называемая дипломатия «красных линий»¹⁴. На практике это означает, что Пекин наметил ряд проблем, по которым занимает предельно жесткую позицию. Прежде всего, это вопросы, касающиеся его политики в отношении Тибета, СУАР, Тайваня. Во всех остальных случаях китайцы предпочитают не форсировать события.

Что касается военной мощи КНР, то в последнее десятилетие наблюдается ее стремительное увеличение. Согласно официальным данным, в 2013 г. китайский военный бюджет составил 114,3 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2012 г. на 10,7 %. Для сравнения: в 2008 г. эта сумма составляла 57,2 млрд, в 2005 г. – 30 млрд¹⁵. В последнее время рост этих показателей несколько замедлился, в целом он коррелирует с ежегодным приростом номинального ВВП. При этом многие эксперты считают, что официальные цифры занижены по сравнению с реальными в 1,5–3 раза, поскольку не учитываются затраты на импорт вооружений, испытание новых видов оружия, расходы на ядерное оружие, субсидии в ВПК, НИОКР и многое другое. Так, по оценке Стокгольмского института исследования проблем

мира (SIPRI), военные расходы Китая в 2015 г. составили 215 млрд долл. (тогда как официальная цифра – 141 млрд)¹⁶.

В мае 2015 г. пресс-канцелярия Госсовета КНР обнародовала девятую по счету Белую книгу¹⁷, посвященную вопросам военной стратегии. В предисловии к ней говорится о приверженности мирному развитию и концепции «активной обороны» (это означает, что Китай не намерен ни на кого нападать, но оставляет за собой безусловное право контратаковать в случае нападения на него). В самом документе дается общая оценка военно-политической обстановки в регионе и мире, содержатся основные направления военной политики КНР и обозначаются четыре важнейшие области обеспечения национальной безопасности – море, космос, Интернет и ядерные силы. Если говорить о последней из этих областей, то, например, в 2014 г., согласно данным SIPRI, КНР единственная среди легитимных ядерных держав нарастила ядерный арсенал. Ее ядерные силы выросли на 10 боеголовок и в настоящее время на вооружении имеется порядка 260 боеголовок. Однако, как подчеркивают сотрудники SIPRI, в связи с нетранспарентностью ядерной политики Китая, никто за его пределами не знает, сколько боеголовок находится в рабочем состоянии (может в случае необходимости быстро устанавливаться на ракеты и запускаться по вражеским целям)¹⁸. Помимо ядерной сферы, активно осуществляется модернизация китайских военноморских сил, и семимильными шагами развивается космическая программа.

Пожалуй, наиболее уязвимым компонентом потенциального лидерства КНР на мировой арене остается так называемая «мягкая сила», или, другими словами, привлекательность китайской *социокультурной модели* и позитивный международный имидж страны. К. Л. Сыроежкин по этому поводу отмечает: лидерский потенциал измеряется не только размерами ВВП (даже по ППС), но и «идеей, которую глобальная держава может предложить остальному миру. Что может предложить Китай? Ареал конфуцианства весьма ограничен, а коммунизма (даже с его китайской спецификой) мир уже «нахлебался»¹⁹. Однако, на наш взгляд, несмотря на действительно пока еще слабую социокультурную привлекательность, Китай за достаточно короткий период добился значительных успехов на данном направлении, взяв курс на массовый экспорт своих культурных ценностей и языка. Немаловажно, что параллельно с этим внутри самой страны происходит внедрение в общественное сознание психологии «великой державы» и идеи «великого возрождения китайской нации». Российский востоковед С. Г. Лузянин по этому поводу замечает, что всё более активно проявляют себя молодежные национально-патриотические группы (движения), готовые в любой момент откликнуться на призыв партии и правительства по тому или иному внешнеполитическому поводу²⁰.

Тем не менее вопрос о готовности китайского руководства взять на себя ответственную роль глобального лидера остается открытым. Об этом, в частности, свидетельствуют заявления на 11-й встрече лидеров G20, прошедшей 4–5 сентября 2016 г. в китайском Ханчжоу. На саммите Китай вернулся к риторике пятилетней давности о том, что не может никому и ничего гарантировать, кроме собственного обогащения: само развитие Китая является его главным вкладом в мировую экономику. Подобные заявления можно расценивать по-разному, но явно не как заявку на лидерство.

Здесь стоит отметить, что еще в преддверии саммита в самой КНР всё более отчетливо зазвучали протесты против чрезмерной вовлеченности в решение глобальных проблем. Не секрет, что сегодня в мире достаточно сильные настроения, что только КНР по силам вытянуть мировую экономику из глобального зстоя. Однако сам Китай явно не намерен жертвовать внутренней экономической стабильностью во имя спасения кого бы то ни было. По словам Чэнь Чэньчэнь, эксперта Института финансовых исследований Китайского народного университета, мир ожидает от Китая гораздо больше, чем он может предложить²¹.

Возможному глобальному лидерству КНР в значительной мере препятствует сохраняющаяся и даже усиливающаяся в мире синофобия. Так, например, государства Евросоюза, крайне заинтересованные в китайских инвестициях, в то же время выражают обеспокоенность, что вместе с деньгами в Европу придут огромные массы трудовых мигрантов. Примером может служить утверждение 18 июля 2016 г. Советом Европейского союза новой стратегии в отношении Китая – *Elements for a New EU Strategy on China*²². В документе неоднократно поднимается миграционный вопрос, а также подчеркивается, что прямые китайские инвестиции в Европу должны осуществляться по законам и принципам свободного рынка. Поэтому Евросоюз будет проявлять пристальное внимание к рискам, которые могут образоваться из-за прихода на европейский рынок китайских компаний, имеющих преимущества благодаря существенной господдержке. Подобные высказывания явно говорят о недостатке доверия в отношениях между Западом и Китаем. А ведь не секрет, что в современных экономических отношениях доверие означает деньги, причем большие. Не случайно в 2014 г. Госкомитет КНР по делам развития и реформ официально признал: китайский бизнес ежегодно теряет порядка 100 млрд долларов из-за дефицита доверия²³.

Подводя промежуточные итоги, можно отметить, что уже сегодня Китай по многим показателям вполне способен составить конкуренцию Соединенным Штатам. Однако, как справедливо отмечает Зб. Бжезинский, пока Пекин не стремится бросать открытый вызов Вашингтону. В этой связи мы согласимся с высказыванием российского синоведа А. В. Виноградова, что на сегодняшний день главная цель КНР – «восстано-

вить историческую справедливость, вернуть себе место регионального лидера и мировой статус... В соответствии с этим Китай стремится стать мировой державой по статусу и региональной по ответственности»²⁴. Однако, по мнению некоторых экспертов, сама логика развития системы международных отношений может не оставить ему пространства для маневров, т. е. по целому ряду причин Китаю в конце концов придется взять на себя функции нового глобального лидера.

Конфликтогенный потенциал американо-китайских отношений

Согласно законам геополитики смена мирового лидера практически всегда сопровождается геополитическими потрясениями, масштабными конфликтами и переделом сфер влияния. Вот что по этому поводу пишет китайский профессор Лу Ючжи: «История международных отношений свидетельствует, что между новой и прежними сильными державами легко могут возникнуть конфронтация и конфликты. У поднимающихся держав, входящих в мировую систему, независимо от осознания этого, существует проблема необходимости определения заново правил, в выработке которых они не участвовали и которые не соответствуют их интересам. А старым сильным державам часто трудно разделить с новой ту власть, которой они ранее единолично распоряжались. Поэтому в процессе стремительного осуществления Китаем модернизации теоретически есть... возможность противостояния и конфронтации с Соединенными Штатами»²⁵.

Попробуем разобраться в этом вопросе и оценить вероятность геополитического конфликта США и КНР.

Еще совсем недавно Китай называл свои отношения с США «приоритетом приоритетов» и «важнейшими из двусторонних отношений современного мира». Американская сторона, в свою очередь, разработала концепцию «Большой двойки» (G2). Данная идея впервые была выдвинута Ф. Бергстеном, директором Института международной экономики им. Петерсона, в 2005 г., он рассматривает подобный союз как механизм стабилизации межгосударственных отношений и переориентации сторон на решение международных экономических проблем²⁶. Позже Г. Киссинджер и Зб. Бжезинский предложили, чтобы этот потенциальный союз занимался также решением стратегических задач (попутно отметим, что Пекин отверг данную концепцию, заявив, что ни одна из глобальных проблем не может быть решена двумя государствами).

Однако в последние годы в китайско-американских отношениях наблюдается ощутимый рост числа столкновений геополитических интересов, причем китайская сторона артикулирует свое недовольство гораздо отчетливее, чем это было

всего несколько лет назад. Более того, тесное экономическое взаимодействие (в 2015 г. двусторонний товарооборот превысил 558 млрд долл.) не отменяет, как отмечают эксперты, политической антипатии. Если перефразировать известную образную характеристику российско-китайских отношений – «активная политика и вялая экономика», можно сказать, что отношения США и КНР – это «активная экономика и вялая политика». И совершенно очевидно, что наиболее явственно противоречия двух ведущих мировых держав проявляются в АТР, поскольку данный регион обе страны считают сферой своего влияния.

Активизация тихоокеанской политики Вашингтона наблюдается с начала текущего десятилетия. При этом, как отмечают многие эксперты, смещение внешнеполитических акцентов не направлено лишь на восстановление значения и влияния Вашингтона в АТР. Это скорее «перебалансировка» приоритетов, поскольку сложная система взаимодействия США со странами региона сформировалась давно²⁷.

Барак Обама, выступая на закрытии совещания лидеров стран форума АТЭС 2011 г. на Гавайях, заявил: «Ни один регион не будет определять наши долгосрочные экономические перспективы так, как Азиатско-Тихоокеанский»²⁸. Переориентация американских геополитических интересов стала важным пунктом принятой в 2011 г. Национальной военной стратегии (National Military Strategy 2011). При этом в документе выражалась обеспокоенность возрастающими возможностями Китая по ограничению деятельности США в регионе. По мнению американских политиков, рост военной мощи КНР должен сопровождаться большей ясностью относительно ее стратегических намерений, чтобы избежать возможных трений. Схожие оценки звучат в Национальной военной стратегии 2015 г., где говорится о том, что политика Китая добавляет напряженности в АТР, а агрессивные действия Пекина в акватории Южно-Китайского моря противоречат нормам международного права²⁹.

В Стратегии национальной безопасности (National Security Strategy), принятой в феврале 2015 г.³⁰, в очередной раз подтверждается стратегический поворот США в сторону АТР. При этом Вашингтон открыто заявляет о намерении соперничать с Пекином с позиции силы, добиваясь соблюдения последним норм международного права по широкому кругу вопросов – от обеспечения безопасности морского пространства до торговли и прав человека. Кроме того, в документе подчеркивается стремление сформировать новый глобальный порядок в сфере экономики. Особую роль в этом процессе призваны сыграть трансатлантическое и транстихоокеанское партнерства. Последний проект, по оценкам многих экспертов, нацелен на «выдавливание» китайского капитала из ряда стран АТР и перекраивание сфер влияния.

Однако серьезные геополитические разногласия не мешают КНР и США расширять торго-

экономические связи и подписывать различные соглашения, среди которых, например, заключенное в 2015 г. Соглашение об активизации сотрудничества в военной сфере³¹. Нельзя не учитывать и тот факт, что Китай – крупнейший держатель американского госдолга. Это и многое другое свидетельствует о том, что обе страны пока не заинтересованы в том, чтобы периодически возникающие спорные ситуации перешли в более серьезную плоскость. В противном случае это рискует перерасти в масштабный конфликт, в котором у сторон не останется пространства для маневрирования, а каждый дальнейший шаг будет только ухудшать ситуацию и наносить непоправимый урон их жизненно важным интересам. Или, если использовать шахматную терминологию (на наш взгляд, это вполне допустимо, поскольку значительная часть текстового материала посвящена анализу взглядов Зб. Бжезинского), стороны конфликта окажутся в ситуации цугцванга. Это, в свою очередь, таит серьезную угрозу для системы глобальной безопасности, т. е. пострадавшими будут не только американцы или китайцы, но и весь остальной мир.

Заключение

На наш взгляд, главный вопрос заключается даже не в том, сместит ли Китай Соединенные Штаты с геополитического «олимпа» (хотя вероятность реализации такого сценария существует). Проблема в том, какую модель поведения на мировой арене выберет в таком случае Китай – гегемонию или лидерство. Неотъемлемой чертой первой являются диктат и подавление недовольных. Лидерство же предполагает наличие общих интересов у лидера и тех, кто за ним следует, добровольное признание с их стороны авторитета лидера. В этой связи, по утверждению Т. А. Шапклинной, наличие глобального лидера жизненно важно для развития всех стран мира³². Схожее мнение высказывает А. Н. Михайленко: «...лидер способен усмотреть в разнородных фрагментах действительности элементы новизны и из написанных многими художниками кусочков мозаики составить целостную картину, соответствующую тенденциям развития и определяющую их. Он может... наметить пути необходимых совместных преобразований»³³.

Нам остается лишь надеяться, что Китай выберет модель, отличную от той, которую явили всему миру США, поскольку до сих пор он демонстрировал большую способность к просчитыванию вероятных последствий своих действий. Тем более что китайская дипломатия, исходя из традиций своей политической культуры, не мыслит категориями «здесь и сейчас». Интересную мысль в этой связи высказывает С. А. Михеев: «Все, к чему прикасаются китайцы, становится китайским... Если... чего-то и стоит опасаться, так это именно того, что китайцы не теряют своей идентичности на протяжении веков. Они дружат с

вечностью. В этом и есть главная китайская угроза и главный урок, который Китай преподносит... всему миру»³⁴.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-37-01208).

Примечания

- 1 Бжезинский утратил веру в американскую мощь // Военное обозрение. 2016.03.10. URL: https://topwar.ru/101423-bzhezinskiy-utratil-veru-v-amerikanskuyu-mosch.html?utm_source=website&utm_medium=social&utm_campaign=group (дата обращения: 05.10.2016).
- 2 См.: Whitney M. The Broken Chessboard : Brzezinski Gives Up on Empire // The Unz Review : An Alternative Media Selection. 2016. August 25. URL: <http://www.unz.com/mwhitney/the-broken-chessboard-brzezinski-gives-up-on-empire/> (дата обращения: 05.10.2016).
- 3 Brzezinski Zb. Towards a Global Realignment // The American Interest. 2016. April 17. URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 06.10.2016).
- 4 Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М. : Международные отношения, 1998. С. 40.
- 5 См., например: Kagan R. The Benevolent Empire // Foreign Policy. 1998 (Summer). № 111. P. 24–35.
- 6 Brzezinski Zb. After America : How Does the World Look in an Age of U. S. Decline? Dangerously Unstable // Foreign Policy. 2012. January-February. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/01/03/after_america?print=yes&hidecomments=yes&page=full (дата обращения: 16.09.2016).
- 7 См.: Who Rules the World? The Results of the Second Representative Survey in Brazil, China, France, Germany, India, Japan, Russia, the United Kingdom, and the United States / Bertelsmann Stiftung. Berlin, 2007. P. 13.
- 8 См.: Доля КНР в мировом ВВП выросла до 9,5% // Жэньминь жибао онлайн. 2011.25.03. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7331614.html> (дата обращения: 02.10.2016).
- 9 См.: GDP Ranking 2015. The World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/GDP-ranking-table> (дата обращения: 07.10.2016).
- 10 См.: The World in 2050. The BRICs and Beyond : Prospects, Challenges and Opportunities // PricewaterhouseCoopers. 2013. January. URL: http://www.pwc.com/en_GX/gx/world-2050/the-brics-and-beyond-prospects-challenges-and-opportunities.jhtml (дата обращения: 07.10.2016).
- 11 См.: Global Trends 2030 : Alternative Worlds : a Publication of the National Intelligence Council. 2012. December. P. 15.
- 12 См.: Сыроежкин К. Л. Политические проблемы современного Китая // Центр Азии. 2013. № 1 (83). URL: <http://www.asiakz.com/politicheskie-problemy-sovremennogo-kitaya> (дата обращения: 08.10.2016).
- 13 См.: Кашин В. Большая китайская чистка // Ведомости. 2016.18.02. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/>

- articles/2016/02/18/630151-bolshaya-kitaiskaya-chistka (дата обращения: 08.10.2016).
- ¹⁴ Мамонов М. Инерция и новации во внешней политике Китая // *Международные процессы*. 2010. Т. 8, № 3 (24). URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm> (дата обращения: 21.09.2016).
- ¹⁵ См.: Соловьев Е. Китай вложился в оборону : Пекин значительно увеличит военные расходы // *Рос. газ.* 2013.07.03. URL: <http://www.rg.ru/2013/03/07/kitay.html> (дата обращения: 01.10.2016).
- ¹⁶ См.: Trends in World Military Expenditure, 2015 : SIPRI Fact Sheet // Stockholm International Peace Research Institute. URL: <https://www.sipri.org/publications/2016/sipri-fact-sheets/trends-world-military-expenditure-2015> (дата обращения: 01.10.2016).
- ¹⁷ См.: Шишкина Н. И. Военная стратегия Китая : девятая «Белая книга» // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). 2015.14.06. URL: <http://rusrand.ru/events/voennaja-strategija-kitaja-devjataja-belaja-kniga> (дата обращения: 15.09.2016).
- ¹⁸ См.: World Nuclear Forces // SIPRI Yearbook 2015. URL: <http://www.sipri.org/yearbook/2015/11> (дата обращения: 03.10.2016).
- ¹⁹ Константин Сыроежкин : «В глобальное лидерство Китая я не верю» // NOTUMinfo. 2014.21.01. URL: <http://www.notum.info/news/politika/konstantin-syiroezhkin-v-globalnoe-liderstvo-kitaya-ya-ne-veryu> (дата обращения: 03.10.2016).
- ²⁰ См.: Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // *Обозреватель-Observer*. 2013. № 1. С. 58.
- ²¹ Более подробно см.: Щепин К. Саммит «одной лодки». G20 подтвердила сплоченность во имя развития // *Рос. газ.* 2016.21.09. URL: <https://rg.ru/2016/09/21/lidery-stran-g20-reshili-vmeste-preodolevat-posledstviia-ekonomicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 05.10.2016).
- ²² См.: Council Conclusions EU Strategy on China (Brussels, 18 July 2016). URL: <http://www.eu2016.sk/data/documents/china.pdf> (дата обращения: 03.10.2016).
- ²³ См.: Щепин К. Саммит «одной лодки». G20 подтвердила сплоченность во имя развития // *Рос. газ.* 2016.21.09. URL: <https://rg.ru/2016/09/21/lidery-stran-g20-reshili-vmeste-preodolevat-posledstviia-ekonomicheskogo-krizisa.html> (дата обращения: 05.10.2016).
- ²⁴ Цит. по: Лузянин С. Китай и XVIII съезд КПК. Внутренние и внешние ориентиры // *Обозреватель-Observer*. 2013. № 1. С. 57.
- ²⁵ Цит. по: Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай-Россия-2050 : стратегия соразвития. М. : ИНЭС, 2006. С. 553, 554.
- ²⁶ См.: The United States and the World Economy. Foreign Economic Policy for the Next Decade / Institute for International Economics. Washington, 2005.
- ²⁷ Более подробно см.: Политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2014. Вып. 1.
- ²⁸ Obama : Asia-Pacific Will Shape U. S. Economic Future / U. S. Department of State. 2011. November 14. URL: <http://iipdigital.usembassy.gov/st/english/article/2011/11/20111114150929elrem0.5449182.html#axzz3uYr1VHWy> (дата обращения: 06.10.2016).
- ²⁹ См.: The National Military Strategy of the United States of America 2015. URL: http://www.jcs.mil/portals/36/documents/publications/2015_national_military_strategy.pdf (дата обращения: 08.10.2016).
- ³⁰ См.: The 2015 National Security Strategy (February 2015) // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения: 08.10.2016).
- ³¹ См.: China, US Sign Agreement to Boost Army Cooperation // *China Daily*. 2015. June 15. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2015-06/15/content_21001723.htm (дата обращения: 09.10.2016).
- ³² См.: Шаклеина Т. А. Эволюция глобальной стратегии США (2001–2011) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика*. 2011. № 3. С. 54.
- ³³ Михайленко А. Н. Лидерство в современных международных отношениях // *Обозреватель-Observer*. 2012. № 5. С. 74.
- ³⁴ Михеев С. А. Экспансия мигрантов. Китайская угроза как она есть // *Центр Азия*. 2006.20.07. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1153369020> (дата обращения: 09.10.2016).

Образец для цитирования:

Арсентьева И. И. США против КНР на «великой шахматной доске»: возможен ли цугцванг? // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 99–106. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-99-106.

Cite this article as:

Arsentyeva I. I. The USA vs China on the «Grand Chessboard»: Entering Zugzwang? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 99–106 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-99-106.

УДК [94+327](55)

ИРАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ОТНОШЕНИЙ С ЕГИПТОМ В 2011 ГОДУ

А. В. Баранов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: baranovav@mail.ru

Статья посвящена анализу иранской инициативы по восстановлению дипломатических отношений с Египтом весной 2011 года. В основу инициативы легла концепция «Исламского пробуждения» аятоллы Али Хаменеи. Дается обзор основных мероприятий иранских властей по налаживанию контактов с революционными властями Египта после свержения Хосни Мубарака и выделяются причины провала иранских инициатив.

Ключевые слова: «Исламское пробуждение», Арабская весна, Египет, Иран, Хосни Мубарак, Али Хаменеи, внешняя политика ИРИ, Ближний Восток.

The Iranian Initiative Concerning the Restoration of Relations with Egypt in 2011

A. V. Baranov

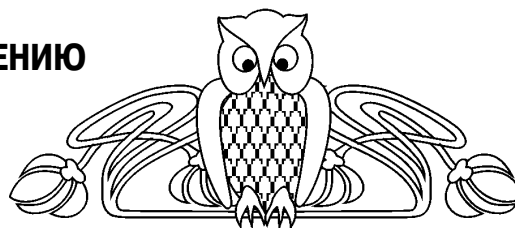
This article analyzes the Iranian initiative to restore diplomatic relations with Egypt in the spring of 2011. The basis of the initiative was the concept of «Islamic awakening» of Ayatollah Ali Khamenei. A review of the main activities of the Iranian authorities conducted in order to establish contacts with the revolutionary government of Egypt after the overthrow of Hosni Mubarak is made, and the reasons for the failure of the Iranian initiatives are highlighted.

Key words: Islamic awakening, Arab spring, Egypt, Iran, Hosni Mubarak, Ali Khamenei, foreign policy of IRI, Middle East.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-107-112

События «Арабской весны» серьезным образом изменят и уже меняют, ландшафт Ближнего Востока. К сожалению, учитывая фактор активного вовлечения в региональные события России, отечественными экспертами довольно слабо освещается «иранский фактор»¹, который активно присутствует в регионе и который становится союзником в сирийском конфликте. Анализ внешнеполитических инициатив Тегерана призван помочь в планировании и прогнозировании стратегии и тактики России в достижении внешнеполитических целей в регионе.

В Иране очень внимательно отслеживали развитие событий, сначала в Тунисе, а потом и в Египте. Активная фаза египетской революции началась после массовых манифестаций 28 января, получивших название «Дня гнева», когда на центральную площадь Каира – Тахрир – вышли десятки тысяч человек. Протестующие практически оккупировали площадь, ставшую символом революции, и их численность только росла, приближаясь 10 февраля к миллиону.

Первое официальное заявление МИД ИРИ последовало 4 февраля 2011 года после известной «верблюжьей битвы» на Тахрир между сторонниками власти и оппозицией. В заявлении подчеркивалось, что МИД ИРИ внимательно отслеживает ситуацию и понимает всю важность и значимость происходящего. Иран поддерживает народ в их законных требованиях, заявив, что эти события являются внутренним делом Египта. Иран жестко осуждает любые попытки внешнего вмешательства со стороны США и сионистского режима, и предупреждает, что любое действие, идущее в разрез общего направления исламского народного движения Египта, против интереса, против единства нации ... неизбежно приведет к возмущению всей исламской уммы и ненависти во всем мире»².

Поэтому ничего удивительного не было в том, что Иран был в числе первых, кто поздравил египетский народ со свержением диктатуры Хосни Мубарака. Глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи в официальном заявлении от 12 февраля 2011 года сказал: «Мы поздравляем великий египетский народ с этой победой и мы разделяем его радость»³. Далее в заявлении говорится о том, что отмечаемая в Иране 32-я годовщина победы Исламской революции совпала с великой победой египетского народа, и иранский народ полностью поддерживает это «храброе движение» египтян.

Официальную позицию Ирана в трактовке произошедших событий изначально озвучил верховный лидер исламской революции аятолла сейид Али Хаменеи, когда в пятничной проповеди 4 февраля 2011 года⁴ в кампусе Тегеранского университета сказал, что главной причиной протеста тунисского и египетского народа явилось то унижение, которое они терпели от своих правительств, прислуживавших США. Во время проповеди Лидер назвал Мубарака «слугой» Израйля и США. «На протяжении 30 лет эта страна находилась в руках тех, кто не стремился к свободе, а сам являлся главным врагом свободы. Он не был не только антиссионистом, он был их компаньоном, коллегой, доверенным лицом, и в полном смысле, слугой сионистов».

Лидер также сказал, что Израиль обеспокоен развитием событий в Египте, так как может поте-

рять поддержку своего союзника, если египетская революция завершится успешно. Он охарактеризовал все происходящее в арабском мире, как «отраженное эхо голоса иранского народа». «Сегодняшние события в Северной Африке, Египте, Тунисе и некоторых других странах имеют для нас особое звучание и значение». Это исламское пробуждение, «о котором мы всегда говорили, как о времени победы великой Иранской исламской революции».

В одной из частей своей проповеди Хаменеи перешел с фарси на арабский и обратился к египетскому народу: «Не отступайте до тех пор, пока не будет установлен народный режим на основе религии. Духовенство должно сыграть отведенную ему роль. Например, когда народ после посещения мечети, начинает скандировать лозунги, необходимо их поддерживать. И хвала Аллаху, часть египетской армии уже перешла на сторону народа. Так как главный враг египетской армии – Сионистский режим, а не народ».

Таким образом, уже с первых дней египетской революции Иран сформулировал свою позицию в отношении революционного Египта. Согласно заявлениям аятоллы Хаменеи, египетская революция является частью мировой исламской революции, начатой Ираном в 1979 году. Характер этого движения, получившего название Исламского пробуждения, определялся лозунгами антиамериканизма, антисионизма и возрождения ислама⁵.

Помимо идеологических причин, в Иране была озвучена и военно-политическая заинтересованность в Египте, который имеет очень выгодное геополитическое положение. С точки зрения военных кругов ИРИ, установление стратегических отношений с Каиром призвано укрепить исламский фронт сопротивления Израилю, куда уже входят Иран, Сирия и Ливан. Так, командующий корпусом Басидж Мохаммад Реза Накди, комментируя события в Египте 11 февраля, заявил: «Осадное положение для сионистов близится к завершению, и осталось не так много времени до того, как будут им перекрыты все пути отхода. Так что я советую им паковать вещи и возвращаться туда, откуда они пришли, потому что, после того как кольцо осады полностью захлопнется, у революционно настроенных палестинцев не останется выбора, кроме как сбросить оставшихся в море». Он также заявил, что иранский народ не будет сторонним наблюдателем в этом действии⁶. К нему присоединился и глава Объединенного комитета начальников штабов ВС ИРИ генерал Хассан Фирузабади, заявивший: «Мы располагаем информацией, что процесс распада сионистского режима начался». Сионисты пока сопротивляются, но сопротивляться Исламскому пробуждению и мусульманским движениям бессмысленно, добавил генерал⁷.

В Египте после отставки Х. Мубарака 11 февраля власть в стране перешла к военным – Верховному совету вооруженных сил (ВСВС), во главе которого встал министр обороны прежнего режима маршал Хуссейн Тантави. ВСВС объявил 13 февраля о приостановке действия конституции, роспуске парламента и образовании специального конституционного совета из 8 юристов и ученых с целью внесения в конституцию поправок, направленных на ограничение полномочий президента и права передачи дел военным трибуналам. Тем самым, под воздействием массовых народных требований, временные власти страны вынуждены были предпринимать меры, призванные продемонстрировать их настрой на решительный разрыв с прежней политикой режима, как во внутренней, так и во внешней политике.

Комментируя мероприятия революционных властей Египта, в Иране приветствовали их начало, но, как отметил глава комитета меджлиса по национальной безопасности и внешней политики Аллаэддин Боруджерди: «Египетское движение должно продолжаться до того момента, пока египтяне не достигнут своей главной цели – демократии»⁸. С ним был согласен и спикер меджлиса Али Лариджани, отметивший, что цель народа Египта была не в том, что на смену диктатору должен прийти другой из среды военных, а в том, чтобы добиться своей главной цели – смены всей системы. Иранский народ и правительство поддерживают восстание египетского народа и приветствуют падение Мубарака. «Победа Египта зависит от установления демократической системы, а не от подчинения США. Свержение египетскими революционерами режима Мубарака – это только первая стадия, на второй стадии должна произойти смена режима»⁹. Лариджани также отметил «подозрительную» деятельность США вокруг планов будущего Египта, поэтому революционный египетский народ должен решительно продолжить свою борьбу пока не реализует всех своих требований.

Во внешней политике Египта это должно было означать отход от политики непризнания ИРИ и провозглашение курса на полное восстановление дипломатических отношений. Политику пересмотра взаимоотношений Каир начал еще при Мубараке, когда после прихода к власти в Иране правительства «реформатора» М. Хатами в 1997 году власти обеих республик пошли на учреждение своих миссий и интересов. Поэтому свержение режима Мубарака рассматривалось как ликвидация последнего препятствия на пути восстановления отношений, тем более что в Тегеране и не скрывали этого¹⁰.

Пожалуй, первым шагом на пути налаживания конструктивных отношений с новой политической элитой Египта стало приглашение Тегераном одного из влиятельных лидеров Ассоциации братьев-мусульман (АБМ) Камала аль-Халбави

для участия в 24-й международной конференции по исламскому единству, которая прошла в Тегеране 19–21 февраля 2011 года. Понятно, что участие в конференции было не главное в визите аль-Халбави. В ходе своего пребывания он был принят рядом высокопоставленных государственных служащих ИРИ, в ходе этих встреч обсуждались вопросы улучшения отношений между странами. Особое значение придавалось встрече участников конференции с Рахбаром аятоллой Хаменеи, которая прошла в резиденции Лидера 21 февраля. На встрече с аятоллой Хаменеи Камаль аль-Халбави в качестве почетного гостя сидел справа рядом с лидером.

В ходе встречи аятолла Хаменеи коснулся ситуации в Египте и описал, как в Иране трактуют и понимают ее. «Сегодня египетский народ вышел на политическую арену и должен проявить решимость в том, чтобы не позволить врагам сбить себя с революционного пути, позволив вновь привести к власти человека, связанного с режимом египетского фараона (Хосни Мубарака. – А. Б.)», заявил Рахбар¹¹. По его мнению, на первом месте должна стоять ответственность египтян, прежде всего ученых и интеллектуалов, за безопасность революции. Кроме того, это долг исламской уммы отбивать все попытки похитить плоды революции.

Далее лидер сказал, что враги будут стремиться отрицать исламский характер восстаний в Египте, Тунисе и других исламских странах. И этого ни в коем случае допустить нельзя. Исламский мир сейчас должен решительно объединиться, потому что если нынешние события не будут восприняты правильно, это может привести к новым проблемам для мусульман.

Сам Камаль аль-Халбави, отвечая на вопросы журналистов после встречи с Рахбаром¹², заявил, что АБМ обязательно будет участвовать в предстоящих парламентских выборах. АБМ в своей внешнеполитической программе настаивает на ревизии прежней политики, что может коснуться и отношений с Израилем. На вопрос о судьбе Кэмп-Дэвидских соглашений в случае прихода АБМ к власти Камаль аль-Халбави ответил: «Если соглашения справедливы, мы будем их соблюдать, если нет, то мы должны будем их расторгнуть». При этом он отметил, что открытие КПП Рафах на границе с Газой – уже зримый результат начала пересмотра политики Х. Мубарака.

В конце пресс-конференции Камаль аль-Халбави заявил о приверженности исламским порядкам в политике, но категорически отверг идею о том, что АБМ будут насаждать эти порядки среди египтян. По его мнению, нигде в Коране не говорится о насильственном распространении ислама. «Те, кто хочет верить, поверят; а те, кто не хочет – останутся кафирами. Аллах создал людей, и он создал свободу (выбора)».

Визит египетской делегации участников конференции во главе с аль-Халбави проходил

на положительном фоне, дававшем дополнительную надежду на кардинальные перемены во внешней политике Египта. Впервые в истории существования ИРИ ее военные корабли дважды прошли через Суэцкий канал – 21 и 28 февраля, вышли в Средиземное море, чтобы посетить с дружественной миссией Сирию, а затем вернуться обратно на родину¹³. При Хосни Мубараке такого просто невозможно было представить! Посол ИРИ в Дамаске Ахмад Мусави во время посещения иранской эскадры в сирийском порту Латакия 27 февраля 2011 года приветствовал данный шаг Каира и призвал на нем не останавливаться, а идти дальше, заявив: «Если Египет и другие исламские страны встанут вместе с Ираном и Сирией, вместе мы сможем положить конец доминированию США (в регионе)»¹⁴.

На таком фоне была вполне ожидаема реакция на заявления главы МИД переходного правительства Набиля аль-Араби, занявшего свой пост 2 марта 2011 года. Он заявил, что Египет готов «открыть новую страницу» во взаимоотношениях с Ираном. «Египетское правительство больше не рассматривает Иран в качестве враждебного государства»¹⁵. Восстановление дипотношений зависит от иранской стороны, подчеркнул аль-Араби. О «революционности» заявления также свидетельствует и тот факт, что внешнеполитические инициативы нового министра касались и Хезбаллы, стратегического союзника Тегерана в Ливане. Аль-Араби заявил: Хезбалла является неотъемлемой частью политического ландшафта Ливана, поэтому коммуникация между Хезбалла и Египтом также будет приветствоваться.

Глава МИД ИРИ Али Акбар Салехи 30 марта 2011 года заявил, что Иран с удовольствием принял предложение Египта о начале переговоров по восстановлению дипотношений. «Хорошие отношения между двумя странами, бесспорно, помогут сохранению стабильности, безопасности и развитию региона»¹⁶. Эту инициативу египетской стороны Салехи приписал победе египетского народа в февральской революции. «Египетский народ предпринял шаги по реализации своих собственных требований, открыл новую главу в истории страны и я вновь поздравляю их с этой победой».

Салехи добавил, что, несмотря на взлеты и падения, «исторические отношения» между двумя странами всегда сохранялись и, «я надеюсь, в новых обстоятельствах мы станем свидетелями их поднятия на новый уровень взаимоотношений между двумя странами и двумя великими народами Ирана и Египта».

Апрель месяц принес новые свидетельства активности в переговорном процессе между Ираном и Египтом. 9 апреля на пресс-конференции МИД ИРИ Али Акбар Салехи подтвердил информацию СМИ, что Тегеран отправил приглашение МИД Египта посетить с официальным визитом

Иран. «Мы готовы принять его в Тегеране, а также мы готовы совершить ответный визит в Каир. Соответствующие консультации продолжатся»¹⁷.

На таком фоне иранские СМИ со ссылкой на «неназванные правительственные источники» стали распространять информацию о грядущем восстановлении полноформатных отношений между Ираном и Египтом. Сообщалось даже о назначении иранского посла в Каир и называлась конкретная фамилия Али Акбара Сибуйи, карьерного дипломата и сына влиятельного улема. Спикер МИД ИРИ Рамин Мехманпараст 18 апреля был вынужден выступить с официальным опровержением данной информации, назвав их «догадками и поспешными выводами»¹⁸. Однако, как говорится, «дыма без огня не бывает», и уже глава МИД ИРИ подтвердил, что определенные шаги в этом направлении были предприняты, но отказался подтвердить СМИ информацию о назначении посла, но он и не опроверг ее¹⁹.

У МИД ИРИ были причины надеяться на скорейшее восстановление дипломатических отношений, исходя из тех новостей, которые приходили из Египта. Во-первых, в результате массовых манифестаций с требованием высылки израильского посла и прекращения осадного положения палестинских территорий посол Израиля в Каире Ицхак Леванон был вынужден покинуть страну 19 апреля²⁰. Этот шаг полностью соответствовал данным соцопроса американского Pew Research Center. Согласно ему большинство египтян высказались за то, чтобы ислам стал основой законодательной базы страны, 54% высказались за разрыв отношений с Израилем, 79% опрошенных негативно относятся к США²¹. Во-вторых, под эгидой Каира 28 апреля было достигнуто принципиальное решение о формировании правительства национального единства между палестинскими группировками ХАМАС и Фатх. МИД ИРИ Али Акбар Салехи приветствовал сделку по примирению между палестинскими движениями сопротивления Фатх и ХАМАС, назвав его одним из достижений египетской революции²².

Комментируя состояние диалога между двумя странами, Али Акбар Салехи 8 мая 2011 года заявил в интервью ИРНА, что «две страны открыто объявили, что они заинтересованы в возобновлении дипломатических отношений». «Иран и Египет имеют потенциал в различных сферах и это прокладывает путь к возобновлению политических, культурных и экономических отношений», подчеркнул Салехи. Далее он сообщил, что консультации между официальными лицами двух стран должны открыть новую главу во взаимоотношениях между Тегераном и Каиром. «К настоящему моменту две стороны обменялись письменными и устными посланиями, иранские и египетские официальные лица

провели несколько телефонных консультаций». По словам Салехи, «Иран и Египет имеют высокий статус в регионе, и их сотрудничество будет выгодно региону и исламскому миру». Далее он сообщил, что запланирована встреча с его египетским коллегой в кулуарах саммита Организации движения неприсоединения на Бали 25 мая 2011 года, на которой будут обсуждаться дальнейшие шаги по укреплению двусторонних отношений²³.

Действительно, как и было запланировано, встреча на Бали состоялась, однако, как заявил Али Акбар Салехи, вопрос о возобновлении дипломатических отношений между странами не подымался. Глава МИД ИРИ объяснил это тем, что «нам необходимо расширить двусторонние связи, а затем уже обсуждать данный вопрос»²⁴. Фактически было признано, что «прорыва» не произошло, основания для выстраивания дипотношений не создано. А 31 мая Салехи констатировал простой факт, «отношения будут восстановлены после того, как в Египте будут отменены ограничения на них»²⁵. По его словам, это станет возможным после проведения парламентских выборов в стране и формирования гражданского правительства.

Несмотря на старания иранских властей сохранять позитивный и оптимистичный настрой в отношении перспектив восстановления отношений с Египтом, существовали серьезные причины как внутреннего, так и внешнего фактора, которые не позволили, что называется «на революционной волне» форсированным маршем пройти этот путь. Уже 15 мая стало известно, что Набиль аль-Араби, выдвинутый на пост генсека ЛАГ, должен будет покинуть пост главы МИД Египта. Ему на смену пришел Мохаммед Камель Амр, который не разделял взглядов своего предшественника на отношения с ИРИ²⁶. Это лишь наглядно подтвердило тот факт, что временные правительства, формируемые под эгидой ВСВС, не имеют единой точки зрения на данный вопрос и находятся под внешним жестким контролем. В свою очередь, военные Египта традиционно имеют хорошие связи с США, которые рассматривают Каир в качестве своего стратегического союзника в регионе, которому оказывают существенную военную и финансовую помощь. Это означает, что при сохранении за военными значительных полномочий для вмешательства в дела правительств никаких изменений во внешней политике не будет.

Естественным образом отреагировали на возобновившийся диалог ИРИ и Египта региональные соперники в лице арабских монархий. В связи с событиями в Бахрейне, куда 14 марта 2011 года были введены войска Саудовской Аравии и ОАЭ, виновным в нагнетании ситуации в стране был объявлен Иран. В апреле Бахрейн и Кувейт выдворили ряд иранских дипломатов по обвинению в шпионаже. А 29 мая 2011 года еги-

петские СМИ сообщили о выдворении иранского дипломата, служащего иранской миссии в Каире Кассема Хоссейни, по подозрению его в сборе и получении разведывательной информации. Офис МИД Египта не комментировал факт задержания. Однако это отрицательно отразилось на налаживании диалога между странами²⁷. Таким образом, в регионе формируется негативный образ Ирана, обвиняемого в нагнетании региональной нестабильности.

В данном случае сложно не согласиться с выводами иранского эксперта Сабаха Зангане²⁸, который, анализируя внешнеполитические инициативы Египта, приходит к неутешительным выводам для Тегерана. По его мнению, внешняя политика Египта строится по принципу трех перекрывающихся сфер интересов. Первая – отношения с Палестиной, вторая – отношения со странами Арабского мира и третья – отношения со странами мусульманского мира. Палестина, таким образом, является основанием всех трех сфер.

В этом ракурсе отношения Египта с Ираном не будут приоритетом для Каира. Приоритетными направлениями будут являться отношения с соседними странами: Палестиной, Ливией и Суданом. Думается, что примирение с Ираном – это второстепенная цель для египтян, если не третьестепенная, так как в финансовом плане Каир сильно зависит от помощи арабских монархий – Саудовской Аравии, Катара, Кувейта и ОАЭ.

Примечания

- 1 См. например : Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия : что дальше? : сб. ст. / отв. ред. В. В. Наумкин, В. В. Попов, В. А. Кузнецов. М. : ИВ РАН, 2012 ; Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб. : Изд-во «Студия НП-Принт», 2013 ; Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки / отв. ред. В. Н. Колотов. СПб. : Студия НП-Принт, 2013 ; *Ражбадинов М. З.* Анатомия египетской революции – 2011 : Египет накануне и после политического кризиса в январе – феврале 2011 г. М. : Восточная лит., 2013 ; Иран при М. Ахмадинежаде / под ред. Н. М. Мамедовой. М. : ИВ РАН, 2013 ; «Арабский кризис» и его международные последствия / под общ. ред. А. М. Васильева ; отв. ред. А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М. : ЛЕНАНД, 2014 ; Иран : история и современность / под ред. Л. М. Кулагиной, Н. М. Мамедовой. М. : ИВ РАН, 2014.
- 2 Iran warns US, Israel against meddling in Egypt // Tehran Times. 2011. February 5. № 11080.
- 3 Iran congratulates Egyptian nation on great victory. URL: <http://en.mehrnews.com/news/44608/Iran-congratulates-Egyptian-nation-on-great-victory> (дата обращения: 12.02.2011)
- 4 См.: Egyptians rising up against servitude to US : Leader // Tehran Times. 2011. February 5. № 11080.
- 5 См. подробнее: *Баранов А. В.* «Исламское пробужде-
- ние» и «Арабская весна» : внешнеполитическая доктрина Исламской Республики Иран // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 3. С. 71–77 ; *Он же.* Концепция Исламского пробуждения аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память : межвуз сб. науч. тр. / под ред. А. В. Гладышева. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2014. Вып. 9. С. 190–204.
- 6 См.: Basij commander advises Zionists to leave Palestine // Tehran Times. 2011. February 13. № 11087.
- 7 См.: Israel's days are numbered : Iranian general. URL: <http://en.mehrnews.com/news/44820/Israel-s-days-are-numbered-Iranian-general> (дата обращения: 25.02.2011).
- 8 Top legislator hopes Tehran, Cairo resume diplomatic ties // Tehran Times. 2011. February 14. № 11088.
- 9 Change of system, next stage of Egypt revolution // Tehran Times. 2011. February 15. № 11089.
- 10 См.: Top legislator hopes Tehran, Cairo resume diplomatic ties // Tehran Times. 2011. February 14. № 11088.
- 11 См.: Egyptians should not allow enemies to misdirect revolution : Leader. URL: <http://en.mehrnews.com/news/44760/Egyptians-should-not-allow-enemies-to-misdirect-revolution-Leader> (дата обращения: 21.02.2011).
- 12 См.: Muslim Brotherhood will run in parliamentary elections : Halbawi // Tehran Times. 2011. February 23. № 11095.
- 13 См.: Egypt okays Suez Canal use for Iran warships // Tehran Times. 2011. February 19. № 11092.
- 14 Top Syrian commanders review Iranian warships. URL: <http://en.mehrnews.com/news/44873/Top-Syrian-commanders-review-Iranian-warships> (дата обращения: 27.02.2011)
- 15 Tehran welcomes overture by Egypt to establish ties with Iran. URL: <http://en.mehrnews.com/news/45247/Tehran-welcomes-overture-by-Egypt-to-establish-ties-with-Iran> (дата обращения: 30.03.2011).
- 16 Ibid.
- 17 Saudi Arabia is on the wrong path : Salehi // Tehran Times. 2011. April 10. № 11121.
- 18 Tehran declines to confirm report of restored Egypt ties. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12033/Tehran+declines+to+confirm+report+of+restored+Egypt+ties.html> (дата обращения: 19.04.2011).
- 19 См.: Egypt and Iran forging closer links with ambassadors plan. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12070/Egypt+and+Iran+forging+closer+links+with+ambassadors+plan.html> (дата обращения: 20.04.2011).
- 20 См.: 'Israel envoy leaves Egypt after protest'. URL: <http://english.trib.ir/news/world/west-asia/item/73452-israel-envoy-leaves-egypt-after-protest> (дата обращения: 19.04.2011).
- 21 См.: Egyptians want to end deal with Israel. URL: <http://english.trib.ir/news/world/west-asia/item/73745-egyptians-want-to-end-deal-with-israel> (дата обращения: 26.04.2011).
- 22 См.: Fatah-Hamas deal fruit of Egyptian revolution : Iran FM. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12302/Fatah+Hamas+deal+fruit+of+Egyptian+revolution+Iran+FM.html> (дата обращения: 30.04.2011).

- ²³ См.: Tehran, Cairo determined to resume diplomatic ties : Iranian FM. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/12578/Tehran%2C+Cairo+determined+to+resume+diplomatic+tie+s+Iranian+FM.html> (дата обращения: 09.05.2011).
- ²⁴ Iran, Egypt FMs meet in Indonesia. URL: <http://isna.ir/en/news/9003-03356/Iran-Egypt-FMs-meet-in-Indonesia> (дата обращения: 25.05.2011).
- ²⁵ FM : Ties to be resumed with Egypt after restrictions lifted. URL: <http://isna.ir/en/news/9003-06997/FM-Ties-to-be-resumed-with-Egypt-after-restrictio> (дата обращения: 31.05.2011).
- ²⁶ См.: Egypt's new cabinet to be sworn. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/14669/Egypt%27s+new+cabinet+to+be+sworn+in.html> (дата обращения: 18.07.2011).
- ²⁷ См.: Iranian diplomat detained in Cairo. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/13231/Iranian+diplomat+detained+in+Cairo.html> (дата обращения: 29.05.2011).
- ²⁸ См.: *Zanganeh S.* Iran Is Not Egypt's Priority. URL: <http://irdiplomacy.ir/en/page/13394/Iran+Is+Not+Egypt+Priority.html> (дата обращения: 02.06.2011).

Образец для цитирования:

Баранов А. В. Иранская инициатива по восстановлению отношений с Египтом в 2011 году // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 107–112. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-107-112.

Cite this article as:

Baranov A. V. The Iranian Initiative Concerning the Restoration of Relations with Egypt in 2011. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 107–112 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-107-112.

УДК 327.7

НОВЫЙ ЭТАП В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И НАТО В ЭПОХУ СДЕРЖИВАНИЯ И ДИАЛОГА

Д. С. Алексеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: alexeyevds@gmail.com

В статье рассмотрены процессы изменения архитектуры европейской безопасности в контексте трансформации современной стратегии НАТО. Автор анализирует вопросы нового военного строительства и новых подходов к взаимодействию между Россией и странами Запада в области безопасности. нынешний этап пересмотра взаимоотношений представляется в качестве отправной точки для корректировки подходов сторон к вопросам взаимного диалога и сотрудничества.

Ключевые слова: европейская безопасность, НАТО, США, постсоветское пространство, внешняя политика России.

A New Stage of Relations between Russia and NATO in the Era of Deterrence and Dialogue

D. S. Alexeev

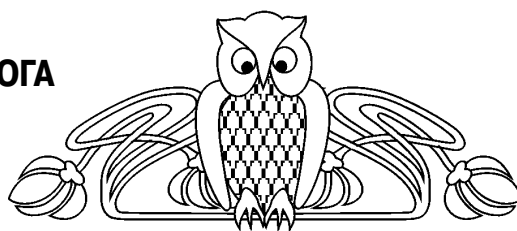
The article examines the process of transformation of European security architecture after the Warsaw NATO Summit of 2016. The author analyses some issues of military building, and new approaches toward the interaction between Russia and the Western countries in the security area. The current stage of revisiting the relations between the two parties is seen as the new starting point for a more balanced way of dialogue and cooperation.

Key words: European security, NATO, USA, post-Soviet space, Russian foreign policy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-113-116

События последних месяцев наглядно продемонстрировали, что НАТО укрепляет восточные рубежи, ссылаясь на рост возможных угроз со стороны России. Россия, в свою очередь, наращивает группировку войск на западных границах. Однако в действительный сценарий военного столкновения, похоже, не верит никто. К чему же приведет укрепление военного потенциала взаимного сдерживания в условиях роста напряженности в международных отношениях?

Своеобразным ответом на, как считается, более резкую внешнюю политику России становится трансформация военного строительства в странах Восточной Европы, постепенного меняя армии стран-членов НАТО, находящихся по западным границам России. Предполагается начать процесс превращения их из экспедиционных в традиционные, т. е. придания вооруженным силам восточно-европейских членов Альянса статуса полноценных оборонительно-наступательных армий, способных вести военные действия на восточном направлении в условиях конфликта высокой интенсивности.

Прошедший в июле 2016 г. саммит стран НАТО определил стратегические направления взаимодействия Альянса с Россией, которые укладываются в формулу трех составляющих: оборона, сдерживание и диалог. Так или иначе, все эти термины в определенной степени заимствованы из времен холодной войны и хотя в настоящий момент имеют несколько другую смысловую нагрузку, общий контекст и характеристика данной политики имеет довольно заметный негативный уклон. Тем более что задача сдерживания видится в настоящий момент первоочередной и призвана дополняться диалогом, который еще предстоит налаживать в новом формате отношений. Таким образом, новый формат взаимодействия являет собой симбиоз практик конца XX века, характеризующихся довольно высоким уровнем взаимного недоверия, и желание выстраивать новые отношения, ориентируясь исключительно на степень готовности партнеров к обсуждению и решению отдельных проблем европейской безопасности.

3 июня 2014 г. президент США Б. Обама провозгласил проект «European Reassurance Initiative», направленный на укрепление военного присутствия в Европе и защиту союзников на континенте в случае возникновения вооруженного конфликта, подобного украинскому (включающего и так называемые гибридные войны). Рост присутствия вооруженных сил США в Европе имеет основную цель убедить союзников в заинтересованности США участвовать в обеспечении их безопасности.

Бюджет, запланированный на поддержание присутствия войск США в Европе к 2017 г., должен быть увеличен в 4 раза, с 750 млн до примерно 3,4 млрд в год. При этом эксперты подчеркивают, что данные поправки в бюджет носят временный характер и могут быть быстро изменены, как только изменится конъюнктура. Таким образом, США оставляет за собой определенное пространство для маневра. Основные денежные затраты направляются США на поддержание присутствия и ротации войск и установку постоянного военного оборудования в странах НАТО на территории Европы (включая элементы ПРО). Ротация войск США, дислоцированных в Европе, будет осуществляться каждые 9 месяцев. Основными регионами присутствия станут Северная Италия, Южная Германия – контингенты постоянного базирования, Польша, Румыния, Болгария и страны Балтии – ротационное базирование¹.

Структурно ротационные силы США по всему миру теперь будут представлять 9 ротационных бригад, из которых три будут находиться в действующих зонах (в настоящее время: Корея, Европа и Кувейт), три будут готовиться к их смене, а остальные три в это время будут находиться на военных базах на территории США.

Большинство экспертов действительно отмечают слабую подготовленность армий восточноевропейских стран к действиям в условиях конфликта высокой интенсивности. Именно в этой связи НАТО рассчитывает разместить там ротационные силы. Помимо размещения войск к 2017 году США планирует перебросить в зону приграничных стран с РФ военную технику для всех ротационных войск. Из всех восточноевропейских государств, пожалуй, наибольшие усилия для укрепления собственной обороноспособности в настоящий момент прилагает Польша, которая не только собирается увеличить численность своих вооруженных сил со 100 000 до 150 000, но и провести существенную программу по модернизации армии (Technical Modernization Plan) стоимостью около 35 млрд долларов². Причем в эту программу входят комплексные меры по перевооружению армии тяжелой военной техникой и создание новой системы управления войсками, расширение возможностей ПВО и ракетных войск, доведя возможную дальность поражения целей до 900 км.

В докладе, подготовленном корпорацией РЭНД в июне 2016 г., американские эксперты утверждают, что Российским вооруженным силам достаточно шестидесяти часов для того, чтобы занять столицы прибалтийских государств, действуя силами Северо-Западного военного округа³. Аналогичные опасения и прогнозы высказывают и целый ряд других экспертов и наблюдателей. Однако никто из комментаторов не объясняет причин, которые даже гипотетически могли бы подтолкнуть Москву к такого рода шагам. При всех опасениях российских военных относительно инфраструктуры НАТО, находящейся в непосредственной близости к российским границам, данная ситуация имеет место уже много лет с момента вступления прибалтийских стран в Альянс, в предыдущие годы это не воспринималось странами НАТО как возможная причина российской агрессии в отношении стран Балтии. Сторонники данной перспективы утверждают, что события в Крыму и на Юго-Востоке Украины дают возможность делать такие предположения, однако аналогии в данном случае едва ли выдерживают серьезную критику.

Более того, практически все без исключения западные эксперты соглашаются с тем, что для России начало полномасштабного военного конфликта со странами НАТО в совокупности с превосходящими ее как в военном, так и в экономическом и технологическом отношении обернулось бы очень тяжелыми последствиями, которые, скорее всего, будут неприемлемы.

Новая глобальная стратегия ЕС в области внешней политики и безопасности, вышедшая в свет в июне 2016 г., также определяет Россию как вызов для безопасности объединенной Европы. Причем этот вызов связывают исключительно с событиями в Крыму и на Юго-Востоке Украины⁴.

Таким образом, формируется логический парадокс: Россия, как утверждает, с высокой вероятностью может стать агрессором в отношении стран Балтии, однако это станет для нее катастрофическим сценарием. Другими словами, Кремль предстает иррациональным игроком, который при определенных обстоятельствах может пожертвовать всем ради достижения эфемерной цели восстановления своего влияния на пространстве Прибалтики и, возможно в Северном Причерноморье. Однако исторически нет подтверждений такой иррациональной логике ни в политической культуре Российской империи, ни СССР, ни в истории современной России.

Возвращение в повестку дня НАТО функции сдерживания, как считается, менее предсказуемой России возвращают организации ранее утраченный смысл, что не без удовлетворения отмечают восточноевропейские и прибалтийские союзники по Альянсу.

В качестве отправной точки для обоснования своих прогнозов западные аналитики ссылаются на новую военную доктрину России, в которой НАТО и США определяются как ключевые угрозы национальной безопасности. Кроме того, по мнению экспертов, конфликт на Украине будет носить затяжной характер и это якобы является стратегической целью России. Опасения со стороны России в отношении возможного распространения цветных революций на постсоветском пространстве, также добавляет нервозности российской внешнеполитической линии. Все это, по мнению аналитиков, приводит Россию к необходимости «мобилизации» по всем стратегическим направлениям, прежде всего в военном отношении, для формирования выгодного ей военно-политического баланса. Данная мобилизация логично объясняется новым этапом стратегической нестабильности, в который вступает мир в последние годы⁵. Имеется в виду масштабный мировой экономический кризис, рост напряженности на Ближнем Востоке, обострение конфликтов на постсоветском пространстве и в регионе АТР. При этом аналогичными процессами объясняется и повышенное внимание к проблемам безопасности и в самих странах Запада. Таким образом, происходит своего рода зеркальный процесс, который, однако, не всегда беспристрастно оценивается западными наблюдателями, предпочитающими делать акцент, прежде всего, на изменениях в российской политике.

Подобные изменения на доктринальном уровне тесно перекликаются с резким ростом расходов на оборону, который происходит в последние годы в России. По оценкам специалистов американского Совета по международным делам, затраты РФ на

оборону увеличились на 100% за последнее десятилетие, что, по словам комментаторов, является беспрецедентным в новейшей истории России⁶.

Все это накладывает отпечаток на осложнение отношений России и Запада. Прежде всего специалисты западных аналитических центров подчеркивают, что Россия не заинтересована в мирном урегулировании конфликта на Украине и не планирует выполнять обязательства по минским договоренностям. Как считается, Россия заинтересована в сохранении замороженного конфликта как минимум до 2019 г. для оказания влияния на процесс будущих президентских выборов на Украине. В этой связи необходимо, по мнению западных экспертов, сохранять экономические санкции, которые оказывают давление на российскую экономику и будут препятствовать ее дальнейшей «милитаризации».

Похожие модели модернизации, только несколько меньшего масштаба, проводятся в Болгарии, Румынии и странах Балтии. Здесь программы перевооружения не столь амбициозны и менее затратны, чем в Польше, однако также направлены на повышение боеготовности армий союзников на случай прямого столкновения с потенциальным противником. В случае со странами Балтии речь идет о закупке нового стрелкового вооружения и бронетехники. Наиболее востребованными позициями являются закупки странами Балтии уже бывших в употреблении в войсках западноевропейских государств бронетранспортеров и легких танков⁷. Однако стоит отметить, что в случае с балтийскими союзниками по НАТО США предусматривают развертывание широкомасштабной программы военного сотрудничества, которая позволит компенсировать слабость в оснащении армий прибалтийских государств⁸. Ротационный принцип размещения войск в Восточной Европе и Балтии переносит центр тяжести военной инфраструктуры НАТО к границам РФ, что неизбежно будет провоцировать зеркальный процесс со стороны российской военной группировки у западных границ.

Союзники НАТО в Западной Европе также прилагают большие усилия для укрепления своих вооруженных сил. В самых общих чертах, их работа осуществляется по трем основным направлениям:

- предоставление ротационных военных возможностей и вооружений для стран Балтии и Восточной Европы.

- перестройка принципов подготовки войск к новым задачам в связи с акцентом на укрепление восточных границ НАТО.

- перевооружение и модернизация собственных вооруженных сил за счет наращивания закупок тяжелой техники в войска и увеличения численности личного состава.

Однако в целом модернизация вооруженных сил в Западной Европе все же идет достаточно медленными темпами и амбиции союзников по НАТО в этом вопросе остаются весьма скромными. США продолжают упрекать западноевропейские

страны в том, что их военные бюджеты продолжают оставаться менее 2% ВВП. В настоящий момент, по оценкам наблюдателей, только пять из двадцати восьми стран поддерживают расходы на оборону в размере рекомендуемых НАТО 2% ВВП. Большинство западноевропейских стран до 2015 г., напротив, снижали военные расходы.

Примечательно, что впервые с момента окончания холодной войны Германия предполагает пойти на увеличение численного состава своих ВС на почти 7000 человек в ближайшие несколько лет. Кроме того, партнеры по НАТО возлагают большие надежды на то, что именно Германия сможет стать своеобразным стержнем европейской обороны и континентального военного строительства, особенно в свете недавнего выхода Британии из ЕС и растущих евроскептических настроений внутри Евросоюза.

И, тем не менее, выводы, которые эксперты делают из своего анализа, в большинстве своем сводятся к тому, что вероятность открытого вооруженного конфликта между НАТО и РФ остается крайне низкой. Представить себе сценарий, который мог бы привести к масштабному конфликту России и НАТО, в настоящее время довольно сложно. Более того, рассматриваемые сценарии военных игр экспертов корпорации РЭНД показывают, что даже при укреплении наземной группировки НАТО, «красные» все равно будут иметь стратегическое превосходство в воздухе, по крайней мере, в ближайшие несколько лет. В этой связи модель «сдерживания и диалога» между Россией и НАТО могла бы вполне стать базовой в двусторонних отношениях на обозримую перспективу.

Кроме того, несмотря на все усилия, которые принимают страны НАТО по модернизации своих вооруженных сил, процесс идет довольно медленно. Тем более что для поддержания на границах России группировки войск в относительно высокой постоянной боеготовности, по подсчетам военных специалистов РЭНД, потребует порядка 2,7 млрд долларов в год, что на фоне 35-трллионного бюджета государств-участниц НАТО не выглядит непомерной цифрой, однако в условиях экономической неопределенности целого ряда восточно-европейских государств ЕС может стать достаточно чувствительным стимулом⁹. Однако это усиление группировки войск НАТО, как считает большинство сторонников данного подхода, должно корректирующе повлиять на стратегическую картину мира, какой она видится из Москвы.

При этом складывается впечатление, что Крым определил на годы вперед все оценки политики России на постсоветском пространстве, точно так же, как конфликт Грузии и Южной Осетии 08.08.2008 (согласно докладу ОБСЕ, спровоцированный, в первую очередь, грузинской стороной) в одночасье окрасил негативным цветом в глазах многих западных наблюдателей более 10 лет миротворческой миссии России в этом регионе, за время работы которой не произошло ни одного открытого

вооруженного столкновения между сторонами. Такие резкие смены в оценках политики России и далеко идущие выводы, основанные на ограниченном количестве фактов, в очень короткий отрезок времени, как правило, не вполне дальновидны. Однако именно они конструируют современную стратегическую реальность в отношениях между Россией и Западом. Аналогичный дрейф в восприятии Запада как формирующегося основного противника России также следует в логике этой реальности. Это подчас отвлекает внимание от более значимых угроз и проблем, стоящих как перед Россией, так и перед странами НАТО.

Новый характер стратегической реальности может привести к стабилизации в отношениях, пусть и на довольно низком уровне, который будет заставлять стороны более осторожно относиться друг к другу, не допуская появления дисбалансов и эскалации напряженности.

Как ни парадоксально, но формирование нового силового баланса между Россией и НАТО в Европе с большой долей вероятности создаст более стабильные условия взаимодействия, которые пусть и не будут характеризоваться высоким уровнем взаимного доверия, но при этом будут лишены волатильности, которая может спровоцировать стороны на необдуманные решения и действия. Новый формат диалога в таких условиях позволит сторонам не только переосмыслить общее видение будущего европейской безопасности, но и заново определить области дальнейшего диалога, что неизбежно приведет к более глубокому пониманию стратегических целей противоположной стороны, что в настоящий момент представляется проблематичным из-за высокой конъюнктурной политизированности текущих процессов взаимодействия. Именно эта низкая точка стабильности в отношениях России и Запада может, по нашему мнению, стать фундаментом строительства новой архитектуры безопасности в Европе в XXI веке.

Представляется, что сползание отношений России и НАТО в новый формат, который вбирает в себя черты холодной войны с элементами взаимного сдерживания, снижения уровня доверия, подсчетов военного потенциала противоборствующих сторон на «опасных» направлениях и прочее, может оказаться одним из логических элементов трансформации системы международной безопасности после распада СССР. Как ни парадоксально, но в данной новой международной стратегической реальности Россия и Запад находятся в ситуации поиска нового status quo. Данный баланс, который долгое время отсутствовал в силу транзитарной

ситуации, связанной с процессом расширения НАТО, эволюцией внешнеполитической стратегии России, процессом политических изменений в целом ряде стран постсоветского пространства, может стать достаточно устойчивой формой новых взаимоотношений России и Запада.

Примечания

- 1 См.: *Burns N., Jones J. Jr.* Restoring the Power and Purpose of the NATO Alliance. The Atlantic Council. 2016. June. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Restoring_the_Power_and_Purpose_of_the_NATO_Alliance_web_0624.pdf (дата обращения: 21.08.2016).
- 2 См.: *Shirreff R., Olex-Szczytowski M.* Arming for Deterrence : How Poland and NATO should Counter Resurgent Russia Atlantic Council. 2016. July. P. 12 URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Arming_for_Deterrence_web_0719.pdf (дата обращения: 21.08.2016).
- 3 См.: *Shlapak D., Johnson M.* Reinforcing NATO Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics. RAND Corporation. 2016. P. 1. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1253.html (дата обращения: 23.08.2016).
- 4 См.: Global Strategy on Foreign and Security Policy of the European Union 2016.21.07.URL: <https://europa.eu/globalstrategy/en/global-strategy-foreign-and-security-policy-european-union> (дата обращения: 21.08.2016).
- 5 См.: *Monaghan A.* Russian State Mobilization Moving the Country on to a War Footing Chatham House. 2016. May. P. 15. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/publications/research/2016-05-20-russian-state-mobilization-monaghan-2.pdf> (дата обращения: 21.08.2016).
- 6 См.: *Sestanovich St.* The Warsaw Summit : NATO Examines Itself, Again. Council on Foreign Affairs. Expert Brief. 2016. June 30. URL: <http://www.cfr.org/defense-and-security/warsaw-summit-nato-examines-itself-again/p38105> (дата обращения: 21.08.2016).
- 7 См.: Литва предпочла германские бронетранспортеры украинским // BBC Russia. 2016.31.08.URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37224263> (дата обращения: 30.08.2016).
- 8 См.: *Micha A.* Partial Answers to the Russia Question. National Interest. 2016. May 24. URL: <http://www.the-american-interest.com/2016/05/24/partial-answers-to-the-russia-question> (дата обращения: 21.08.2016).
- 9 См.: *Shlapak D., Johnson M.* Reinforcing NATO Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics. RAND Corporation. 2016. P. 18. URL: http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1253.html (дата обращения: 23.08.2016).

Образец для цитирования:

Алексеев Д. С. Новый этап в отношениях России и НАТО в эпоху сдерживания и диалога // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 113–116. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-113-116.

Cite this article as:

Alexeev D. S. A New Stage of Relations between Russia and NATO in the Era of Deterrence and Dialogue. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 113–116 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-113-116.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47). 084 [1920/1930]

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ САРАТОВА В 1920–1930-е ГОДЫ

Т. А. Колганова

Саратовский областной институт развития образования
E-mail: tanya-groter@yandex.ru

В статье рассматривается политика Советского государства по совершенствованию системы начисления заработной платы работников промышленности и их семейные бюджеты. На основе данных периодической печати, статистических материалов и архивных документов автор исследует доходную и расходную части семейных бюджетов, анализирует уровень жизни трудящихся Саратова в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: заработная плата, бюджет, рубль, приход, расход, тарифная сетка.

The Living Standards of Saratov Industrial Workers in the 1920–1930s.

T. A. Kolganova

The article deals with the policy of the Soviet state concerning the improvement of the payroll accounting system of industrial workers and their family budgets. On the basis of periodicals, statistical materials and archival documents, the author shows the revenue and expenditure of family budgets, analyzes the workers' standard of living in Saratov in 1920–1930s.

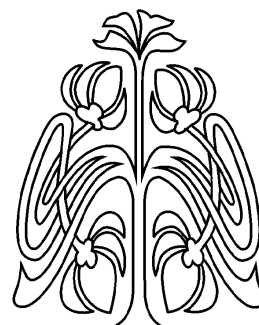
Key words: salary, budget, ruble, income, expense, tariff scale.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-117-122

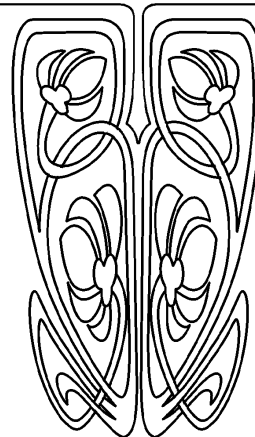
В годы Гражданской войны доля заработной платы в общем доходе саратовского рабочего была невелика. Заработок, составлявший с натуральными выдачами 5–6 довоенных руб., не мог удовлетворить минимальных потребностей, и люди были вынуждены дополнять свой семейный бюджет различными способами: продажей одежды, выделкой зажигалок и прочими «побочными» заработками¹. В период «военного коммунизма» при общем курсе на уравнительность размер заработка фактически не зависел от уровня квалификации.

Однако уже с 1921 г. порядок оплаты труда изменился. Переходной формой от уравнительности к дифференцированной оплате по труду стала натурально-премиальная оплата, декретированная постановлением правительства от 7 апреля 1921 г. В некоторых важнейших отраслях промышленности (в виде опыта) вводилась выдача рабочим части производимых ими продуктов с целью обмена на предметы сельскохозяйственного производства. Натуральная премия рассматривалась как дополнение к денежной оплате. Так, например, в Саратове городские власти выделили специальный фонд для натурального премирования рабочих, содержащий свыше 3 490 пудов муки, 540 пудов рыбы, 380 пудов соли, 180 пудов сахара, 15 пудов масла, 41,9 тыс. пудов мяса, два вагона посуды, 3 933 пары американской обуви, 5 тыс. аршин легкой и 2 тыс. тяжелой мануфактуры. Новая форма премирования в Поволжье получила распространение по преимуществу в пищевой, кожевенной и швейной отраслях².

В соответствии с декретом СНК «Основное положение по тарифному вопросу» от 10 сентября 1921 г. все виды снабжения рабочих (денежная плата, квартира, коммунальные услуги, спец-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

одежда, расходы на культурные нужды и т. д.) включались в сумму заработной платы, и размер её определялся исключительно производственными показателями рабочего³. В конце 1921 г. вместо 35-разрядной тарифной сетки, существовавшей в годы Гражданской войны, вводилась новая, 17-разрядная сетка, основанная на строгом учёте производственной квалификации и производительности труда работников. Это обусловило личную материальную заинтересованность рабочих и служащих в улучшении производства⁴.

При непрерывном падении курса бумажного рубля в начале 1920-х гг. в стране возникла необходимость поиска устойчивой единицы исчисления действительной заработной платы. Таковой стал условный товарный рубль, который устанавливался следующим образом: рыночная цена набора необходимых рабочей семье пищевых продуктов и предметов первой необходимости (бюджетный набор), выраженная в советских денежных знаках, делилась на его стоимость в ценах 1913 г. Полученная таким образом величина показывала, сколько советских рублей содержится в одном товарном. Однако определение зарплаты таким способом для каждой местности с учётом региональных цен встретило большие трудности. Зачастую отсутствовали точные данные о довоенных ценах, а применение местного товарного рубля затрудняло установление зарплаты по генеральным коллективным договорам, охватывавшим многие районы с разной довоенной стоимостью бюджетного набора. С целью устранения подобных недостатков с осени 1922 г. зарплата стала исчисляться при помощи товарного московского рубля. Таким образом, устанавливалась одинаковая для всех регионов единица исчисления зарплаты⁵.

Существенное значение для оздоровления финансовой системы страны имела денежная реформа 1922–1924 гг. В ходе её осуществления основной валютой страны стал червонец, вытеснивший из оборота полностью обесценившуюся денежную массу совзнаков. Стабильность золотого рубля определила условия для ускорения восстановительных процессов в народном хозяйстве, повышения эффективности производства, нормализации рыночных отношений, а также стала материальной основой для устойчивого роста зарплаты⁶.

Средний заработок саратовского промышленного рабочего в январе 1922 г. составлял 43,5 % по отношению к прожиточному минимуму (расчёт в довоенных рублях), т. е. зарплаты совершенно не хватало на удовлетворение самых минимальных потребностей. В мае 1922 г. это соотношение составляло уже 65%, а в июле 1922 г. – 72,7%. У служащих, работавших в промышленности, очевидно, средний заработок был выше, чем у рабочих, и в процентном

соотношении к прожиточному минимуму составлял 60,9% в январе 1922 г., в мае – 86,2%, а в июле – 111%⁷.

В зависимости от первоочередности восстановления той или иной отрасли промышленности в Поволжье существовали различные уровни зарплаты, хотя повсеместно они оставались чрезвычайно низкими и отставали от роста цен⁸. Так, средний заработок саратовского рабочего ценовой промышленности в октябре 1923 г. составлял 26,98 черв. руб. При этом самый высокий заработок наблюдался у рабочих металлообрабатывающей промышленности (48,33 черв. руб.), а самый низкий – в производстве по обработке шерсти (13,53 черв. руб.)⁹. В июле–сентябре 1926 г. средний заработок рабочего ценовой промышленности достиг 49,58 черв. руб. Высокооплачиваемой теперь стала работа в научно-художественной промышленности и табачном производстве (76,50 и 72,92 черв. руб. соответственно). Самый низкий средний заработок, по-прежнему оставался в производстве по обработке шерсти (31,24 черв. руб.)¹⁰.

Подавляющее большинство рабочих из-за низкой оплаты труда не могли хорошо питаться, пополнять свой и без того скудный гардероб. Кроме того, существовали обязательные вычеты из зарплаты в виде прямых и косвенных налогов. В годы нэпа постоянно проводились кампании по самообложению, подписке на «заём индустриализации» и другие мероприятия, которые уменьшали реальный заработок рабочего¹¹. Кроме того, на протяжении рассматриваемого периода неоднократно задерживалась зарплата рабочим и преподавателям. Например, в артели «Трикотаж», на заводе «Универсаль», 8-рамном Лесокомбинате, предприятии РУЖД, управлении Затона, в Сельскохозяйственном и Зооветеринарном институтах и др. задержки при выплате зарплаты доходили до 6 и более месяцев¹².

В лучшем положении находились рабочие поволжских частновладельческих предприятий. Помимо заработной платы, приближенной к прожиточному минимуму, предприниматели им выдавали определённый процент от полученной прибыли для того, чтобы заинтересовывать их в развитии производства. В наиболее тяжёлом положении оказались сезонные рабочие (плотники, подносчики), зарабатывавшие в среднем 60–70 коп. в день. Выдача зарплаты такой категории рабочих проводилась без соответствующего оформления, а отдельные виды работ и вовсе не оплачивались, например, подача руды и пр.¹³ Кроме того, сезонным рабочим не представлялся отпуск или больничный лист¹⁴.

Приходную часть бюджета рабочих Саратова можно представить в виде следующей таблицы (табл. 1).

В данном обследовании в марте 1924 г. в Саратове участвовали 177 рабочих бюджетов,

Таблица 1

Приходный бюджет семейных и одиноких рабочих Саратова за март 1924 г., черв. руб.¹⁵

Статьи прихода	Производства											В том числе	
	Металло- обрабатыва- ющее	Полигра- фическое	Табачное	Маслобой- ное	Мукомоль- ное	Деревооб- делочное	Комму- нальное	Текстиль- ное	Строители	Грузчики	Итого, %	семейные	одиночки
Приход													
Зарплата главы семьи	73,3	60,9	79,1	65,3	59,2	69,8	78,2	41,3	6,9	54,4	61,6	60,5	72,1
Прочие доходы главы семьи	0,0	-	0,5	-	0,1	1,8	0,1	-	15,5	0,9	1,0	1,1	0,3
Зарплата членов семьи	6,2	1,1	-	0,9	1,4	3,5	4,0	3,5	3,9	-	2,6	2,8	-
Прочие доходы членов семьи	1,5	-	-	-	0,7	-	0,3		2,2	0,2	0,5	0,5	-
Доходы от собственного хозяйства	2,7	-	0,4	0,2	0,5	1,7	-	1,5	7,0	1,2	1,2	1,4	-
Продажа вещей и продуктов из запаса	-	0,5	1,0	-	2,9	1,7	2,5	1,7	15,0	7,6	2,1	2,3	-
Занято в долг	1,0	0,9	5,4	0,8	1,4	4,4	2,7	3,4	10,6	2,3	2,6	2,4	4,6
Кредит в лавках и кооперативах	0,4	29,8	2,1	24,3	12,6	2,8	2,4	35,6	-	-	13,7	13,3	18,4
Прочие поступления	1,9	0,7	0,9	1,2	-	3,8	1,6	10,5	12,3	2,0	2,9	3,1	1,3
Всего поступило	87,0	94,0	89,4	92,7	78,8	89,5	91,8	97,5	73,4	68,6	88,2	87,4	96,7
Невыясненных доходов	0,0	0,4	0,3	0,0	0,0	1,6	0,1	0,1	0,3	0,0	0,3	0,3	0,4
Взято из сбережений и запасов	13,0	5,6	10,3	7,3	21,2	8,9	8,1	2,4	26,3	31,4	11,5	12,3	2,9

в том числе 155 семейных и 22 одиночек 10-ти основных отраслей промышленности (металлообрабатывающей, полиграфической, табачной, маслобойной, мукомольной, деревообделочной, текстильной промышленности, а также грузчики, строители и работники коммунальных предприятий). В среднем каждая обследованная семья состояла из 5 чел., а на одно хозяйство приходилось 1,2 работника. Это означало, что в Саратове только 20% всех обследованных рабочих семей имели второго работника (кроме главы семьи), в то время как в Москве, по данным бюджетных обследований, в 40% семей имелся второй работник. Следовательно, в Саратове подсобный труд членов семьи применялся сравнительно мало. Из отдельных производств наиболее был развит труд членов семьи у текстильщиков, что объяснялось широким применением на «Саратовской Мануфактуре» труда женщин и подростков, а также неблагоприятными жилищными условиями. Совсем не применялся труд членов семьи табачников и грузчиков¹⁶.

Из таблицы видно, что зарплата в среднем по всем производствам составляла 61,6% всего дохода, в то время как в годы Гражданской войны доля зарплаты была совсем незначительна в структуре доходов рабочего. Кроме того, если добавить кредитование (13,7%), полностью покрывавшееся заработной платой, то можно получить примерно 80% доли зарплаты в статье прихода. Таким образом, можно констатировать,

что рабочий жил почти целиком на одну зарплату. В бюджете строителя, однако, зарплата составляла 10% в структуре доходов, что объяснялось безработицей и временным характером работы. Бюджеты семей строителей складывались, как правило, из других доходов главы семьи, продажи личного имущества, взятия денег в долг, прочих поступлений (сюда могли включаться пособия по безработице), различных сбережений. Зарплата членов семьи и их доходы не играли значительной роли в статье прихода бюджетов рабочих. Высокий размер заработка (кроме строителей) позволял рабочим снизить продажу одежды и продуктов, взятых ссуд и долгов. В семьях рабочих металлообрабатывающей и маслобойной промышленности и вовсе не наблюдалась продажа личных вещей.

Рассмотрим теперь расходную часть бюджета саратовских рабочих. Структура потребления является важным показателем характеристики уровня жизни (табл. 2).

Как следует из табл. 2, доминирующими являлись расходы на питание – в среднем 44 %. Самый высокий расход на питание наблюдался в семьях грузчиков, а низкий – в семьях печатников. Высокие расходы на питание объяснялись низким заработком в ряде отраслей. Наряду с питанием достаточно много денег расходовалось на приобретение одежды и предметов туалета. В частности, печатники 40 % всего дохода тратили на покупку одежды. Расходы на одежду текстильщиков составили примерно 36,5 %, что

Таблица 2

Расходный бюджет семейных и одиноких рабочих Саратова за март 1924 г., черв. руб.¹⁷

Статьи расхода	Производства											В том числе	
	Металлообрабатывающее	Полиграфическое	Табачное	Маслобойное	Мукомольное	Деревообделочное	Коммунальное	Текстильное	Строители	Грузчики	Итого, %	семейные	одиночки
Расход													
Помещение	1,3	1,2	1,3	2,0	0,7	1,7	2,8	-	0,6	1,4	1,3	1,2	1,9
Топливо и основные материалы	9,9	7,7	12,1	9,6	9,0	14,0	13,5	0,03	23,1	21,1	10,4	11,0	5,0
Питание	45,8	30,6	45,0	41,4	50,1	45,1	53,4	36,7	56,4	61,4	43,9	44,9	33,6
Табак, папиросы, спички	0,8	0,6	0,4	0,9	0,6	0,9	0,7	0,4	1,1	1,0	0,7	0,6	0,9
Одежда и туалет	24,7	39,9	25,6	32,6	29,3	21,7	16,2	35,6	9,2	5,7	2,7	26,2	36,9
Хоз. вещи	1,2	0,3	0,2	0,1	0,3	0,7	0,5	2,5		0,5	0,7	0,7	0,5
Гигиена	0,4	0,6	0,7	0,5	0,3	0,6	0,4	0,1	0,6	0,3	0,4	0,4	0,8
Лечение	-	0,1	0,0	0,03	-	0,1	0,04	-	3,6	-	0,2	0,2	-
Культурно-просветительские расходы	2,9	1,5	2,8	2,0	2,4	1,9	2,9	2,2	0,1	0,6	2,1	2,0	2,5
Общественно-политические расходы	3,5	1,2	2,7	2,6	2,5	3,1	1,3	2,0	0,2	-	2,1	2,2	2,5
Помощь отсутствующему члену семьи	0,4	-	-	-	-	1,3	-	1,9	-	-	0,4	0,2	2,2
Расход на соб. произв. хоз.	1,0	-	0,7	0,5	0,3	0,4	1,3	3,9	-	0,3	0,9	0,9	0,2
Прочие расходы	3,4	9,8	5,3	1,5	2,8	4,9	3,3	4,3	0,9	4,1	4,5	4,3	7,2
Всего израсходовано	95,3	93,5	96,8	93,7	98,3	96,4	96,3	89,6	95,8	96,4	94,8	94,8	94,2
Невыясненные расходы	0,2	0,8	1,4	-	-	0,8	2,1	0,4	1,3	0,001	0,6	0,7	0,3
Остаток доходов	4,5	5,7	1,8	6,3	1,7	2,8	1,6	10,0	2,9	3,6	4,6	4,5	5,5

объяснялось дороговизной тканей и готового платья. Грузчики, чьи доходы не были высокими, на одежду расходовали мало, возможно, занимаясь самостоятельно переделкой и ремонтом старого платья. Примерно 10 % заработка тратилось на топливо. Плата за помещение была незначительной. В структуре бюджетов рабочих наблюдались минимальные расходы на хозяйственные вещи (0,7 %), предметы гигиены (0,4 %), лечение (0,2 %). В семьях строителей, например, совсем отсутствовала такая статья расхода, как покупка хозяйственных вещей. Расходы на собственное производственное хозяйство (0,9 %) лишь незначительно отставали от доходов от него (1,2 %).

С конца 1920-х гг. Советское государство взяло курс на повышение роли тарифной ставки в общем заработке промышленного рабочего. В 1932–1934 гг. была проведена новая тарифная реформа, в результате которой вводились четкие различия между высшими и низшими разрядами, премиально-прогрессивная система и неограниченная сдельщина. На сдельных работах стали действовать четыре тарифные ставки в зависимости от значения производственных участков и роли обслуживающих рабочих¹⁸.

На изменение жизненного уровня рабочих повлияло стахановское движение. Оно внесло

значительный вклад в ускорение темпов роста производительности труда и позволило привести в действие колоссальные экономические резервы, связанные с освоением современной техники. Производственные рекорды выглядели столь внушительно, потому что достигались на фоне слабого использования возможностей, заложенных в передовой технике¹⁹.

К середине 1930-х гг. в Саратове среднемесячная зарплата рабочего составила 125,67 руб., инженерно-технического персонала – 325,08 руб., служащего – 181,17 руб.²⁰

Современные исследователи полагают, что начиная с рубежа 1920–1930-х гг. реальная заработная плата не увеличивалась, а, наоборот, понижалась²¹. Этот процесс был характерен и для 1930-х гг., когда писать и говорить о низком жизненном уровне рабочих приравнивалось к политическому преступлению. От органов статистики требовалось четко следовать официальному тезису Советского государства о ежегодном повышении заработной платы. С этой целью соответствующие органы в категорию средней зарплаты стали включать затраты из общественных фондов на общее и профессиональное образование, стипендии обучающимся, затраты на культурное обслуживание, медпомощь, страхование по старости

и т. п. По сути, устанавливалась так называемая «обобществлённая» заработная плата с целью скрыть реальное состояние зарплаты, которая платилась за конкретный труд. Характерно, что общественные расходы включались в оценку жизненного уровня только в Советской России, тогда как при оценке его в дореволюционной России и странах Запада они отсутствовали. Жизненный уровень городских рабочих России завышался и тем, что потребление определялось исходя из цен только в государственной и кооперативной торговле, а расходы на покупку вещей в частных лавках не учитывались²².

Постепенно в связи с политикой форсированной индустриализации «в Саратове строили всё новые и новые заводы», где, поощряя «выполнение и перевыполнение планов, ...повышали зарплату»²³. Например, слесарь «Водоканала» получал 350 руб. в месяц, а рабочий такой же специальности на недавно пущенном в эксплуатацию заводе «Крекинг» – 700 руб. и хорошие премии. Тысячи высококвалифицированных рабочих, закончивших только среднюю школу, проучившись два года у заводского мастера, имели высокие профессорские оклады²⁴.

На протяжении 1920–1930-х гг. доля зарплаты в бюджете промышленного рабочего непрерывно повышалась. Так, если в 1924 г. зарплата у саратовских рабочих-одиночек составляла 72,1% дохода, то уже весной 1938 г. она выросла до 92,5 %. У служащих-одиночек удельный вес зарплаты в структуре прихода был намного ниже: в марте 1938 г. заработок составлял 75,5 %. Нестабильность выплат и снижение расценок зарплат приводили к росту в бюджете рабочего в конце года таких доходов, как получение сумм в долг, прибыль от заклада вещей. В то же время доля продажи личного имущества и приработков была сведена к минимуму. Удельный вес премий в приходном бюджете рабочих и стипендий у служащих являлся в 1938 г. незначительным и составлял примерно 4 %²⁵.

Положительным фактором, свидетельствующим о некотором улучшении жизненного уровня, стало снижение к концу 1930-х гг. удельного веса расходов на питание. У саратовских рабочих-одиночек в декабре 1938 г. затраты на продукты питания составляли 25,6 % расхода. Однако одновременно возросли и расходы на общественное питание, составив в апреле 1938 г. 11,3 %, а в декабре – 15,02 %. Следовательно, добавив к домашнему питанию общественное, мы получим 40,6 % расхода на питание у рабочих-одиночек в конце 1938 г. У служащих-одиночек расходы на общественное питание были намного выше и даже преобладали над домашним питанием, составив в марте 1938 г. 19,2 %. По-прежнему в структуре бюджета горожан сохранялись высокие расходы на одежду и обувь, а также минимальные расходы на посещение культурных учреждений²⁶.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода существовали различные методы исчисления зарплаты. От тенденций уравнительности в годы военного коммунизма власти перешли к натуральному премированию и учёту производственных показателей рабочих. В 1920-е гг. происходили изменения в тарифной сетке и сдельщине. Доля заработной платы, небольшая в годы Гражданской войны, постепенно увеличивалась, а такие источники доходов, как продажа вещей и приработки, постепенно снижались. О невысоком жизненном уровне рабочих и служащих свидетельствовало сохранение высоких расходов на питание и одежду.

Примечания

- 1 См.: Каган Г. Бюджет саратовского рабочего // Нижнее Поволжье. 1924. № 7. С. 35.
- 2 См.: О натуральном премировании рабочих // Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1921. № 28. С. 156; Шарошкин Н. А. Рабочий класс Поволжья в первое десятилетие Советской власти (1917–1927 гг.). Рязань, 1982. С. 78–79; Маруцкий Э. С. Рабочая молодежь в условиях НЭПа и индустриализации. Саратов, 1995. С. 82, 83; Юдина Т. В. Рабочие Нижнего Поволжья в период НЭПа. Волгоград, 2000. С. 31–32.
- 3 См.: Юдина Т. В. Указ. соч. С. 31.
- 4 См.: Матюгин А. А. Рабочий класс СССР в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М., 1962. С. 133–134.
- 5 См.: Матюгин А. А. Указ. соч. С. 160–161; Юдина Т. В. Указ. соч. С. 32.
- 6 См.: Юдина Т. В. Указ. соч. С. 34.
- 7 См.: Отчёт Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля 1922 г. по 1 октября 1922 г. Саратов, 1922. С. 193.
- 8 См.: Юдина Т. В. Указ. соч. С. 33.
- 9 См.: Статистический справочник 1925. Саратов, 1925. С. 104.
- 10 См.: Статистический ежегодник (справочник) на 1927 г. Саратов, 1927. С. 193.
- 11 См.: Юдина Т. В. Указ. соч. С. 33, 38.
- 12 См., например: Саратовские известия. 1927. 11 сент. № 207. С. 3; Саратовский рабочий. 1933. 26 апр. № 95. С. 1; Саратовский рабочий. 1933, 22 окт. № 243. С. 3; 26 окт. № 246. С. 3 и др.
- 13 См.: Юдина Т. В. Указ. соч. С. 33, 39.
- 14 См.: Саратовские известия. 1927. 8 июля. № 152. С. 3.
- 15 Таблица составлена по: Каган Г. Указ. соч. С. 36–37.
- 16 См.: Каган Г. Указ. соч. С. 35.
- 17 Таблица составлена по: Каган Г. Указ. соч. С. 36–37.
- 18 См.: Илюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 216, 217.
- 19 См.: Rogovin B. 3. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 224, 225.
- 20 См.: Сборник статистических сведений по Саратовскому краю за 1934 г. Саратов, 1935. С. 173.

- ²¹ См., например: *Коровин Н. Р.* Некоторые вопросы социального развития рабочего класса СССР в годы второй пятилетки (1933–1937 гг.) // Проблемы социального развития советского общества. Иваново, 1992 ; *Иванов Ю. М.* Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28, 29 ; *Ильюхов А. А.* Указ. соч.
- ²² См.: *Иванов Ю. М.* Положение рабочих России в 20-х – начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 28, 29 ; *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 326, 327.
- ²³ *Семёнов Н. Н.* В те далёкие тридцатые годы // Семёнов В. Н., Семёнов Н. Н. Весна на Рабочей улице. Очерки быта саратовской семьи 30 – 50-х гг. прошлого века. Саратов, 2012. С. 67.
- ²⁴ Там же. С. 68.
- ²⁵ См.: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 21. Д. 521. Л. 66–66 об., 74–74 об. ; Д. 522. Л. 36–36 об. Расчёты произведены автором.
- ²⁶ Расчёты произведены автором см.: Там же.

Образец для цитирования:

Колганова Т. А. Уровень жизни работников промышленных предприятий Саратова в 1920–1930-е годы // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 117–122. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-117-122.

Cite this article as:

Kolganova T. A. The Living Standards of Saratov Industrial Workers in the 1920–1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 117–122 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-117-122.

УДК 94(47).084

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ САРАТОВА И ЭНГЕЛЬСА В 1921–1941 ГОДАХ

А. В. Лукьянов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: anton230878@mail.ru

В статье освещается история создания и становления военно-учебных заведений Саратова и Энгельса. Рассмотрен их вклад в подготовку офицерских кадров для Красной армии.

Ключевые слова: Красная армия, Гражданская война, межвоенный период, школа пилотов, танковое училище.

Military Educational Institutions of Saratov and Engels in 1921–1941

A. V. Lukyanov

The history of Saratov and Engels military educational institutions' creation and development is described in the article. Their contribution to the Red Army officers' training is considered.

Key words: Red army, Civil war, interwar period, pilots' school, tank school.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-123-126

Эффективное строительство вооружённых сил напрямую связано с качеством командного состава, проходящего в них военную службу. От того, насколько подготовлены командиры, зависит выполнение войсками поставленных задач. Особенно отчётливо это становится понятным в период формирования и становления новых государственных образований, когда само их существование приходится отстаивать в вооружённой борьбе.

С образованием Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) недостаток командных кадров явился одной из главных проблем комплектования воинских частей для защиты Республики Советов. С окончанием Гражданской войны вопрос подготовки «красных командиров» не утратил своей актуальности. В этом смысле интересен пример подготовки офицеров в Саратовском Поволжье на примере Саратовского и Покровского (с 18.10.1931 – Энгельсского) военных гарнизонов.

Одним из наследий Гражданской войны было большое количество краткосрочных командных курсов, время обучения на которых, как правило, не превышало 6–8 месяцев. В течение 1918–1923 гг. в Саратове и Покровске функционировало 15 таких курсов, готовивших командиров разных специальностей, что видно из табл. 1.

С окончанием активных боевых действий руководством РККА стало ясно, что количественный показатель в подготовке офицеров должен уступить место качественному. Особо отличившиеся

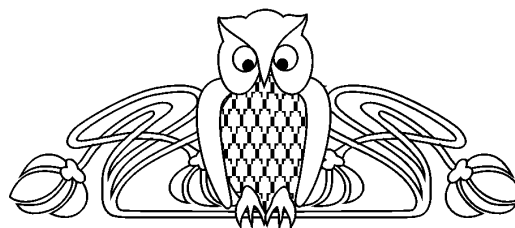

Таблица 1

Краткосрочные курсы красных командиров, функционировавшие в Саратове и Покровске в 1918–1923 гг.¹

Наименование краткосрочных курсов
<i>Саратовский гарнизон</i>
Саратовское военно-инструкторское училище (позже 1-е Саратовские пехотно-пулемётные курсы, 34-е Саратовские пехотно-пулемётные курсы)
71-е Саратовские пехотные подготовительные курсы
6-е Саратовские артиллерийские курсы
8-е Саратовские подготовительные артиллерийские курсы
2-е Саратовские повторные курсы младшего командного состава
18-е Саратовские кавалерийские курсы
3-я Саратовская школа военно-железнодорожных техников
6-е Саратовские кавалерийские командные курсы
6-е Саратовские пехотные курсы
5-е Саратовские военно-хозяйственные курсы
Командные курсы связи
Этапно-транспортные курсы
Саратовские военные клубно-библиотечные курсы
<i>Покровский гарнизон</i>
Школа инструкторов при штабе 4-й армии Восточного фронта
Артиллерийские курсы 4-й армии Восточного фронта

курсы становятся военными школами. Так, приказом Революционного военного совета Республики (РВСР) № 2900 от 1920 г. с 31 декабря 1920 г. 34-е Саратовские пехотно-пулемётные курсы становятся 20-й Саратовской пехотной школой командиров РККА². Краткосрочные командные курсы, так необходимые для подготовки офицеров в военное время, всё более уступали место военным школам и к концу 1923 г. были полностью сокращены или переформированы.

Военной реформой в СССР 1924–1928 гг. была введена новая система организации РККА – кадрово-милиционная, просуществовавшая до середины 1930-х гг. Смешанный принцип комплектования позволял уменьшить затраты на содержание армии и сохранить обороноспособность государства.

В качестве организационного ядра была сохранена небольшая по численности кадровая армия. Наряду с ней были созданы территориально-милиционные части. Переменный состав таких частей проходил военную службу в ходе краткосрочных сборов и комплектовался по территориальному принципу. Примером таких частей может служить 32-я Саратовская стрелковая дивизия, переформированная в апреле 1924 г. на штат территориальной дивизии с выделением районов комплектования Саратовской губернии³.

Военной реформой были затронуты и военно-учебные заведения (ВУЗ) РККА. Некоторые из них были переориентированы на подготовку офицеров запаса. Не была исключением и 20-я Саратовская пехотная школа командиров РККА. В октябре 1924 г. школа переформирована в Саратовскую пехотную школу переподготовки командиров, в октябре 1927 г. – в Саратовскую Краснознамённую школу переподготовки командиров запаса⁴.

Успешная модернизация экономики СССР в ходе первой пятилетки позволила руководству страны перейти к плановому оснащению вооружённых сил новыми образцами военной техники. Появление более сложного в обращении оружия, увеличение его численности и значимости на поле боя выявила некомплект специалистов нужного уровня. В связи с этим с апреля 1931 г. школа переподготовки командиров запаса начинает готовить танкистов и становится Саратовской Краснознамённой бронетанковой школой (с марта 1937 г. – училище, с октября 1938 г. – 1-е Саратовское Краснознамённое бронетанковое училище, с января 1941 г. – 1-е Саратовское Краснознамённое танковое училище малых танков и бронемашин) РККА⁵.

С момента своего образования это учебное заведение неоднократно принимало участие в боевых действиях на полях Гражданской войны. С 27 декабря 1918 г. по 24 марта 1919 г. курсанты подавляли мятеж Николаевской дивизии на Уральском фронте. С 24 мая по 18 июня 1919 г. и с 23 июня по 20 августа 1920 г. курсы действовали против войск генералов Деникина и Врангеля на Южном фронте. Кроме того, будущие «красные командиры» активно действовали на территории Саратовской губернии при подавлении крестьянских восстаний 1920–1922 гг.⁶

С улучшением положения дел в Поволжье к осени 1922 г. 20-я школа перешла к плановой боевой подготовке и учёбе курсантов.

Новой вехой развития военно-учебного заведения стал переход на подготовку командиров танкистов с двухлетним сроком обучения. Ни один вооружённый конфликт 1930-х гг., в котором участвовал СССР – Советско-Финляндская война и даже гражданская война в Испании – не обошелся без участия выпускников училища.

Дальнейшее увеличение численности танковых соединений и частей Красной армии привело к созданию в Саратове еще одного учебного заведения по подготовке танкистов. Им стало 2-е Саратов-

ское танковое училище, сформированное в октябре 1938 г. из командного состава Ленинградского танкотехнического училища, 1-го Саратовского и Орловского бронетанковых училищ⁷. Переменный состав для обучения прибыл из этих же училищ: на первый курс – 522 курсанта из Саратова, на второй – 80 курсантов из Орла и Ленинграда.

Курсанты обучались в двух батальонах на командиров и техников тяжёлых танков. Отдельно в составе училища работали курсы усовершенствования начальствующего состава тяжёлых машин. С декабря 1939 г. число курсантских батальонов было доведено до четырёх, при этом техников готовил только один из них⁸. Учебная программа в училище была рассчитана на два года обучения.

С 1 октября 1940 г. в училище начинается подготовка курсантов на тяжёлые танки КВ, численность переменного состава увеличивается до 1200. С мая 1941 г. при училище организованы курсы командиров танка Т-28⁹.

Большое развитие в начале 30-х гг. прошлого века получили и Военно-воздушные силы (ВВС) РККА. В связи с нехваткой специалистов лётного дела возросло количество учебных заведений ВВС. Одно из них было открыто в Энгельсе. 7 декабря 1931 г. началось формирование 14-й военной школы лётчиков ВВС РККА¹⁰ (с мая 1937 г. – Энгельское военное авиационное училище, с февраля 1941 г. – Энгельсская военная авиационная школа пилотов), а уже 27 января 1932 г. с курсантами начались плановые теоретические занятия¹¹.

На укомплектование школы лётным, техническим и преподавательским составом прибыли специалисты из Качинской, Борисоглебской, Вольской и Ленинградской военно-теоретических школ (ВТШ). В январе 1932 г. в школе был сделан первый набор курсантов. В основном это были выпускники Ленинградской ВТШ, аэроклубов и других гражданских учебных заведений¹². Время обучения в школе составляло полтора года.

Вначале учебное заведение в составе двух эскадрилий готовило лётчиков на самолёты У-2 и Р-1¹³. В 1934–36 гг. школой были получены самолёты Р-5, Р-6, И-4, И-5, И-15, И-16, Ути-4¹⁴. Для изучения новых самолётов число эскадрилий было увеличено вдвое. С 1938 г. в авиашколе велась переподготовка действующих лётчиков на новые самолёты, а с 1939 г. открылась школа младших авиационных специалистов. В 1939 г. школа перешла на подготовку лётчиков-бомбардировщиков. Самолёты СБ и Пе-2 курсанты изучали, обучаясь уже в составе восьми эскадрилий¹⁵. Как и выпускники 1-го Саратовского танкового училища, лётчики Энгельсской школы принимали активное участие во всех вооружённых конфликтах 30-х гг. прошлого столетия.

Конфликт на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 г., усиливающиеся изоляция и враждебное отношение к СССР соседей требовали усиления охраны государственной

границы страны. В те годы за безопасность и охрану границы отвечало Главное управление пограничной и внутренней охраны Объединённого государственного политического управления (ГУПВО ОГПУ).

Постановлением коллегии ОГПУ для подготовки «среднего и начальствующего состава» пограничной охраны и войск ОГПУ, в 1932 г. было предложено открыть новую школу в Саратове. Школе досталось здание химического факультета Саратовского государственного университета в форме буквы Ш¹⁶.

Окончить строительство всех объектов планировалось к октябрю 1932 г., а начать обучение курсантов с 1 декабря 1932 г. Однако срывы в работах участковой конторы 28-го Стройтреста внесли свои поправки. Из-за задержек в строительстве и неготовности учебной базы в октябре 1932 г. командованию школы пришлось даже отправить обратно в части двести военнослужащих, прибывших для обучения¹⁷.

Фактически школа была открыта только в апреле 1933 г. и стала четвертой школой пограничной охраны и войск ОГПУ (с апреля 1937 г. – Саратовское военное училище пограничной и внутренней охраны НКВД, с декабря 1939 г. – Саратовское военное училище НКВД)¹⁸. Обучение было рассчитано на полтора года. Для обучения курсантов формировали четыре пехотных дивизиона, дивизион химиков, дивизион сапёров и курс переподготовки среднего начальствующего состава¹⁹. В июне 1936 г. химический и сапёрный дивизионы были реорганизованы в специальный дивизион.

С ноября 1936 г. для подготовки младших командиров войск НКВД в школе образовали

годовые курсы. Принимали на них только красноармейцев, награждённых орденами СССР²⁰. В мае 1938 г. при школе были созданы пятимесячные ускоренные курсы младших лейтенантов пехоты²¹.

Продолжавшийся накануне Великой Отечественной войны количественный и качественный рост РККА требовал увеличения числа военных врачей в медицинских подразделениях и учреждениях. Весной 1939 г. при Саратовском государственном медицинском институте (с 1993 г. университет) был сформирован военный факультет. Состоял факультет из шести кафедр и был рассчитан на обучение 150-ти слушателей 4-го и 5-го курсов. Студенты из Саратовского, Астраханского, Башкирского, Пермского и Ижевского медицинского институтов, желающие стать офицерами, в июне 1939 г. были зачислены на обучение²². Учёба на факультете была рассчитана на два года. До начала Великой Отечественной войны было выпущено 150 военных врачей в части РККА²³.

Последним учебным заведением, открытым до начала войны в Саратове, стала Саратовская военная авиационная школа пилотов. Она была образована в апреле 1940 г. на базе 58-й отдельной разведывательной авиационной эскадрильи. Численность школы была небольшой, и в первом наборе обучались не более сорока курсантов. Тридцать пять из них через год успешно закончили обучение на самолёте Р-5. Тридцать лейтенантов ушли в состав 7-го тяжёлобомбардировочного авиационного полка Ленинградского военного округа, а оставшиеся стали инструкторами в школе²⁴.

Информация о выпускаемых специалистах и дальнейшей судьбе учебных заведений представлена в табл. 2.

Таблица 2

Военно-учебные заведения Саратова и Энгельса: выпускавшиеся специалисты и дальнейшая судьба

Наименование военно-учебного заведения, год основания	Кого готовили до Великой Отечественной войны	Судьба военно-учебных заведений после войны
1-е Саратовское Краснознамённое танковое училище малых танков и бронемашин (1918)	«Красных командиров» пехоты, связи; офицеров запаса; лейтенантов-танкистов (химиков-танкистов, техников ГСМ); воентехников 2-го ранга	С 1959 г. готовило офицеров-ракетчиков для ракетных войск стратегического назначения, с 1963 г. – для сухопутных войск. Расформировано в 2003 г.
Энгельсская военная авиационная школа пилотов (1931)	Младших лётчиков; младших лейтенантов, лейтенантов и старшин ВВС	С 1955 г. передислоцирована в г. Тамбов (военное училище). Расформировано в 1995 г.
Саратовское военное училище НКВД (1932)	Младших лейтенантов и лейтенантов (пехотинцев, сапёров, химиков)	В настоящее время Саратовский военный институт Внутренних войск МВД России
2-е Саратовское танковое училище (1938)	Лейтенантов-танкистов и воентехников 2-го ранга	Расформировано в 1959 г.
Военный факультет при Саратовском государственном медицинском институте (1939)	Военврачей 3-го ранга	С 1998 г. Саратовский военно-медицинский институт. Расформирован в 2010 г.
Саратовская военная авиационная школа пилотов (1940)	Лейтенантов ВВС	С сентября 1941 г. готовит пилотов-планеристов ВДВ, с 1952 г. – лётчиков армейской авиации. С 1946 г. перемещено в г. Пугачёв Саратовской обл., с 1960 г. – в г. Сызрань. В настоящее время – Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков

Таким образом, государственное и военное руководство СССР достаточно серьёзно рассматривало возможность участия страны в новой мировой войне. Количество военно-учебных заведений только в Саратове и Энгельсе за одно десятилетие было увеличено в шесть раз. Обширной системой подготовки командных кадров накануне Великой Отечественной войны было охвачено значительное число крупных городов СССР. Одно из лидирующих мест в этом деле занимали города Поволжья.

Примечания

- ¹ Табл. сост. авт. по см.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 25889.
- ² См.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦА МО РФ). Ф. 60124. Оп. 706035. Д. 1. Л. 2.
- ³ См.: РГВА. Ф. 17343. Оп. 1. Д. 39. Л. 20.
- ⁴ Там же. Ф. 34912. Оп. 3. Д. 612. Л. 2–3.
- ⁵ См.: ЦА МО РФ. Ф. 60124. Оп. 706035. Д. 1. Л. 3.
- ⁶ Там же. Л. 4.

- ⁷ ЦА МО РФ. Ф. 2-го СТУ. Оп. 595131. Д. 1. Л. 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 16.
- ¹⁰ Приказ по школе № 1 от 07.12.1931 см.: ЦА МО РФ. Ф. 60396. Оп. 36262. Д. 1. Л. 1.
- ¹¹ См.: ЦА МО РФ. Ф. 60396. Оп. 36262. Д. 1. Л. 4.
- ¹² Там же. Д. 2. Л. 2.
- ¹³ См.: РГВА. Ф. 34756. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.
- ¹⁴ См.: ЦА МО РФ. Ф. 60396. Оп. 36262. Д. 2. Л. 8.
- ¹⁵ Там же. Л. 2.
- ¹⁶ См.: Исторический формуляр Саратовского военного института ВВ МВД России. Т. 1. Гл. 1. Л. 2.
- ¹⁷ Там же. Гл. 4. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Гл. 1. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Л. 3.
- ²¹ Там же. Л. 11.
- ²² См.: РГВА. Ф. 34912. Оп. 4. Д. 104. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 4.
- ²⁴ См.: ЦА МО РФ. Ф. 60373. Оп. 35807. Д. 1. Л. 1–2.

Образец для цитирования:

Лукьянов А. В. Военно-учебные заведения Саратова и Энгельса в 1921–1941 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 123–126. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-123-126.

Cite this article as:

Lukyanov A. V. Military Educational Institutions of Saratov and Engels in 1921–1941. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 123–126 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-123-126.

УДК [322:28]+94 (470.44) |1930/1940|

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ КАМПАНИЯ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАН САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В 1930-е ГОДЫ

Ж. В. Яковлева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: jgv1972@yandex.ru

Автор исследует мусульманский аспект антирелигиозной кампании в Саратовском Поволжье в 1930-е гг.: репрессии против священнослужителей и верующих, изъятие мечетей, антирелигиозную агитацию и пропаганду, а также запрещение религиозного образования. В ходе кампании религиозная жизнь мусульман была существенно подорвана, но не сломлена. Она приобрела новые формы полулегального существования.

Ключевые слова: ислам, мусульмане, Саратовское Поволжье, 1930-е гг., антирелигиозная кампания, закрытие мечетей, агитация и пропаганда, репрессии.

The Anti-religious Campaign against Muslims of Saratov Volga Region in the 1930s

Zh. V. Yacovleva

The author investigates the Muslim aspect of the anti-religious campaign in Saratov Volga region in the 1930s: repression of the clergy and the faithful, the removal of mosques, anti-religious agitation and propaganda, and prohibition of religious education. During the campaign, the religious life of the Muslims has been significantly undermined, but not subdued. It acquired new forms of semi-legal existence.

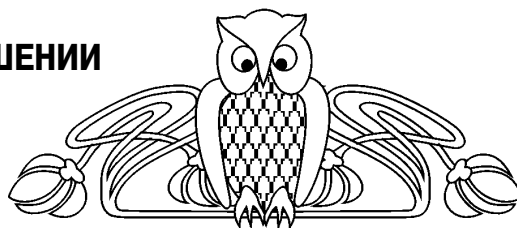
Key words: Islam, muslims, Saratov Volga region, 1930s, anti-religious campaign, mosques closure, agitation and propaganda, repression.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-127-132

В многоконфессиональном обществе Саратовского Поволжья до 1941 г. по численности верующих ислам находился на четвертом месте, уступая православию, протестантизму и католицизму.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., на территории Саратовского Поволжья (Саратовская губерния, Республика немцев Поволжья, Пугачевский уезд Самарской губернии) проживало 118,5 тыс. человек татарского населения, 6,3 тыс. казахов и 4 тыс. башкир. Остальные приверженцы ислама исчислялись единицами и десятками. Следовательно, в Саратовском Поволжье на тот период насчитывалось примерно около 130 тыс. мусульман¹.

Мусульманское население проживало в основном в сельской местности. В Саратовском Поволжье насчитывалось около 150 мечетей, которые обслуживали примерно столько же мулл и свыше 400 человек другого мусульманского духовенства.

Татары компактно проживали в Базарно-Карабулакском, Дергачевском, Ершовском, Петровском районах. Некоторые села в этих районах были чисто татарские. Достаточно много татар проживало в Саратове, Хвалынске². Казахи проживали в восточных районах Саратовской губернии, башкиры – в Пугачевском уезде.

Отношения большевиков с мусульманами в период образования и становления Советского государства складывались более лояльно, чем с другими конфессиями. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин и нарком по делам национальностей И. В. Сталин подписали обращение Совнаркома Российской Советской Республики «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». В обращении говорилось о свободе и неприкосновенности мусульманских национальных и культурных учреждений, о праве мусульман устраивать свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Отныне, говорилось в обращении, права мусульман, как и права всех народов России, защищают Советы, революция и ее органы. Главной идеей обращения, таким образом, было то, что Октябрьская революция принесет всем народам Востока освобождение³.

Обращение открыто показывает, что большевики своими предпочтениями мусульманам пытались обеспечить их лояльность. Не прошло, однако, и двух месяцев, как Совнарком РСФСР 23 января (2 февраля) 1918 г. принял декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»⁴.

Естественно, что этот декрет мусульманским духовенством и простыми верующими был воспринят негативно, однако медленная и непоследовательная реализация декрета в годы Гражданской войны смягчили это недовольство.

Изучение мусульманского вероучения проводилось на разрешённых государством основах, оно переживало наряду с запретами и периоды некоторого смягчения. Тем не менее по уездам Саратовского Поволжья до 1928 г. шел строгий контроль за легальным и нелегальным религиозным обучением, все школы вероучения находились на счету и строго контролировались⁵.

Например, в селе Бичеево Кузнецкого уезда была обнаружена одна нелегальная школа преподавания мусульманского вероучения детям в возрасте от 10 до 14 лет муллой Аникеевым. Были предприняты соответствующие меры: «привлечение виновных к ответственности» и

закрытие данной школы. Нелегальная школа была также обнаружена в селе Новая Елюзань того же уезда, материалы на виновных были переданы в народный суд⁶.

В 1927/28 учебном году в Саратовском Поволжье функционировало три школы мусульманского вероучения с количеством обучаемых 100 чел. (сведения неполны. По ориентировочным данным, в нелегальных школах обучалось до 200 чел.)⁷.

В конце 1920-х гг. произошла замена принятой среди советских тюрок арабской письменности латинизированным алфавитом – «яналифом». Одной из целей этой замены была попытка оградить рядовых мусульман от религиозной литературы на арабском языке⁸. Эта замена натолкнулась на определенные трудности. В 1929 г. партийные активисты писали, что в Нижне-Волжском крае очень мало антирелигиозной литературы на яналифе, а также недостаточно кадров, которые могли проводить антирелигиозную агитацию среди мусульман⁹. В сводке Союза воинствующих безбожников за тот же год о религиозном состоянии районов в качестве примера сопротивления новой системе образования приводится факт, когда некто Сабир Яваев «под влиянием муллы», не выступая против самого яналифа, требовал замены в нем латиницы на кириллицу¹⁰. Представляется, что это требование вытекало из чисто практических соображений. Татарский крестьянин знал русский язык, а значит, и кириллицу, но ему совершенно не была знакома латиница. Парадоксально, но Яваев требовал того, что буквально через десятилетие было воплощено в жизнь на государственном уровне. После 1938 г. татарская письменность была переведена на кириллицу.

С конца 1920-х гг. антирелигиозная политика государства начинает ужесточаться, при этом ислам ставится в один ряд с другими религиями.

В 1927 г. в стране вступил в действие новый уголовный кодекс, согласно которому всякая организованная деятельность, направленная на свержение, подрыв или ослабление советской власти, в том числе *с использованием религиозных или национальных предрассудков масс*, влекла высшую меру защиты – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества, лишением гражданских прав и изгнание из пределов СССР навсегда¹¹. Любой религиозной деятельности легко было придать антисоветский характер и подвести ее под эту статью, что и делалось на практике.

Постановлением Президиума ЦИК СССР от 30 мая 1928 г. все ранее разрешенные смягчения в области религиозного образования были аннулированы. Закрываются мусульманские религиозные школы, запрещаются любые формы религиозного образования¹².

При этом партийно-советское руководство центрального и регионального уровней предостерегало свои органы на местах от поспешных и

необдуманных действий в отношении верующих. В частности, в том же 1928 г. агитационно-пропагандистский отдел Нижневолжского крайкома ВКП(б) писал всем окружкам, райкомам и ячейкам ВКП(б) Нижневолжской краевой организации об имеющем место «искажении линии партии», выразившейся в закрытии церквей, мечетей, молитвенных домов без предварительной агитационно-пропагандистской работы, с использованием лишь административных мер. Низовым парторганизациям ставилось в укор также закрытие храмов «чохом», когда закрывались одновременно для «справедливости» православные храмы, мечети, синагоги, молитвенные дома.

Как отмечалось в письме, к каждой конфессии необходимо подходить дифференцированно. Уравнительный метод сугубо вреден и затрудняет борьбу с религией. «Вместо того, чтобы на основе конкретного учета особенностей различных религиозных групп нам разными методами их бить, не отказываясь в то же время и от использования существующей между ними вражды, мы такими действиями их объединяем, организуем сами же против себя»¹³. Последняя фраза весьма показательно характеризует подлинную политику коммунистической власти в отношении религиозных конфессий.

Действительно, различные религиозные организации, несмотря на возникающие иногда внутренние противоречия, в борьбе за свои права сплывались и выступали единым фронтом. В выписке из заседания протокола агитационно-пропагандистского отдела Нижневолжского крайкома ВКП(б) от 2 апреля 1929 г. констатируется, например, что в Балашовском округе и в АССР немцев Поволжья, несмотря на «усиленную борьбу разных религиозных течений между собой (церковники, сектанты, мусдуховенство и буддисты), [они] проявляют полное единство своей борьбы против советской власти»¹⁴.

Отправной точкой нового витка антирелигиозной политики, в том числе антиисламской политики, стали постановление ЦК ВКП(б) от 24 января 1929 г. «О мерах по усилению антирелигиозной работы», а также постановление Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях»¹⁵. С помощью этих документов стало гораздо проще контролировать «религиозный вопрос» и проводить антирелигиозную политику, опираясь на «советскую законность». Постановления практически уравнили в своем бесправии все существовавшие в СССР конфессии. Борьба с исламом в Саратовском Поволжье существенно активизировалась. Если раньше закрытие культовых сооружений мусульман, переоборудование их под национальные клубы, разборка под строительные материалы или просто снос, целиком или частично, были явлениями относительно единичными,

то теперь они приобрели массовый характер.

Культовые сооружения должны были закрываться постановлением крайисполкома, но часто местные власти делали это самовольно, например, санкцией райисполкома с подачи сельского совета. Церкви, мечети и молельные дома переоборудовались под другое функциональное предназначение (чаще всего, в клубы), разбирались на строительные материалы. Одним словом, они переставали существовать еще до решения крайисполкома. За такое самоволье рьяные боготоры получали взыскания от вышестоящих партийно-государственных органов, их журили за поспешные решения, нарушение советской законности, однако изменить уже ничего было нельзя. Происходило это по той простой причине, что получить взыскание за «перегибы» в борьбе с церковью было гораздо менее опасным делом, чем быть обвиненными в отступлении от генеральной линии партии в борьбе с религией.

Порой многие годы реальное закрытие и даже уничтожение мечетей, храмов других конфессий юридически не оформлялось. В середине 1930-х гг. этим фактом попытались воспользоваться некоторые общины верующих, отправляя в соответствующие органы власти прошения о передаче им отобранных ранее церквей для использования их по прямому назначению. Такие действия находились в рамках законодательства СССР и РСФСР.

В мае 1929 г. XIV Всероссийский съезд Советов внес поправку в ст. 4 Конституции РСФСР, которой разрешалась свобода религиозных исповеданий и свобода антирелигиозной пропаганды. Под исповеданием понималось исполнение религиозных обрядов и возможность религиозных проповедей. И хотя Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» своими жесткими условиями создания и функционирования религиозного объединения фактически сводило это право верующих на нет, тем не менее, попытки реализовать свои права верующие все же предпринимали.

По Конституции СССР 1936 г. в ст. 124. прямо провозглашалось, что «в целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаются за всеми гражданами»¹⁶. Более того, по Конституции священнослужители получали права всех советских людей, включая право участия в выборах органов власти. Эти положения Конституции вызвали еще большее стремление верующих вернуть себе отобранные у них культовые сооружения. Движение за возвращение храмов, в том числе и мечетей, стало для власти неприятной реальностью, с которой надо было бороться законными методами.

Одной из форм такой борьбы стало ускоренное юридическое оформление закрытия ранее ото-

бранных у верующих храмов. Чтобы верующие не имели возможности возобновить в незакрытых зданиях, которые считались по закону функционирующими, богослужения, к середине 1930-х гг. возникла и фактически стала постоянной практика центральных и региональных органов власти – торопить местные власти с юридическим закрытием культовых сооружений.

Приведем пример. 16 апреля 1935 г. председателю Хвалынского райисполкома из Саратовского крайисполкома пришло напоминание о том, что в районе бездействует ряд церквей (в том числе мечеть в г. Хвалынске), но закрытие этих культовых сооружений не оформлено в соответствии с законом. Крайисполком выражал недовольство тем, что, несмотря на многочисленные напоминания и заверения в ответ о немедленном предоставлении всех необходимых для закрытия документов, процесс закрытия этих церквей (мечети в том числе) стоял на месте¹⁷.

Естественно, что такие напоминания заставляли местные власти ускорять процесс юридического закрытия культовых сооружений. С 1937 г. он принял лавинообразный характер, что видно из таблицы.

В таблице перечислены далеко не все мечети Саратовского Поволжья. Однако даже приведенные примеры подтверждают отмеченный выше факт о том, что многие мечети были фактически закрыты и даже уничтожены намного раньше, чем произошло юридическое оформление этих актов.

Исследованные документы говорят о том, что храмы всех конфессий, включая и мечети, закрывались вместе, часто едиными списками. Таким образом, в 1930-е гг. власть уже не делала нюансов в своей антирелигиозной политике.

Одним постановлением вместе с мечетью в Хвалынске были закрыты три старообрядческих молитвенных дома, несколько православных храмов, часовня. Как и мечети, некоторые культовые сооружения других конфессий из этого списка были сломаны, другие переоборудованы. Постановление, закрывавшее мечеть г. Новоузенска, одновременно закрывало лютеранский храм в с. Таловка (Байдек) в АССР немцев Поволжья (он был переоборудован под «народный дом» еще в 1918 г.), молитвенный дом баптистов в с. Куриловка (также был переоборудован под «народный дом»), дом молокан в г. Новоузенске (его переоборудовали под жилой дом)¹⁹.

Чтобы остановить процесс религиозного возрождения, мусульманское духовенство вместе с духовенством других конфессий стало арестовывать, обвинять в антисоветской деятельности и приговаривать к высшей мере наказания. Так, в 1937 г. были репрессированы руководители Саратовской мусульманской общины Якуб Давыдов и Абдурахман Ляпин²⁰. В 1940 г. – мулла центральной соборной мечети Саратова С. К. Касимов²¹.

Закрывание мечетей в Саратовском Поволжье в 1930-е гг.¹⁸

Место расположения мечетей	Кол-во мечетей	Закрываются фактически	Закрываются официально	Судьба мечети
Октябрьский район г. Саратова (ул. Серова, 14)	1	1928 г.	18.12.1929 г.	Переоборудована под национальный татарский клуб
с. Новая Елюзань Балаковского района	1	1930 г.	20.06.1934 г.	Переоборудована под амбулаторию
с. Алтата Ново-Репинского района	3	До 1933 г.	Февраль-март 1935 г.	Одна мечеть переоборудована под хранилище зерна, две разобраны на стройматериалы
Новоузенск	1	1920 г.	2.04.1937 г.	В 1925 г. разобрана на стройматериалы
Хвалынский	1	1928 г.	22.02.1937 г.	Переоборудована под клуб
д. Новый Вершаут Петровского района	1	1929 г.	1935 г.	Разграблена, передана под клуб
с. Татарская Пакаевка (Уразметовка) Петровского района	1	1929–1930 гг.	1935 г.	Разграблена, передана под школу (по другим данным – под клуб)
ст. Варшаута Лопатинского района	2	До 1933 г.	1937 г.	Разграблены, использовались под хранение зерна, другие хозяйственные нужды
с. Суляевка Лопатинского района	5	До 1933 г.	1937 г.	Разграблены, использовались под хозяйственные нужды
Центральная мечеть Саратова на ул. Татарской (совр. ул. Зарубина).	1	Декабрь 1938 г.	Декабрь 1938 г.	Разрушена, снесен минарет

Как и по всей стране, в Саратовском Поволжье, наряду с массовым закрытием мечетей, арестами священнослужителей, запрещением религиозного образования, повсеместно насаждался атеизм при помощи агитации и пропаганды. Национальные меньшинства: татары, казахи, нагайцы проживали в крае в большом количестве и, по мнению краевого руководства, «религиозные бытовые пережитки» были еще сильны среди этого населения²².

Основная антирелигиозная агитация и пропаганда возлагалась на Союз воинствующих безбожников (далее – СВБ). Обычно он развертывал свою работу накануне и в период мусульманских постов и крупнейших праздников: Ураза-байрам и Курбан-байрам. Такую работу обычно увязывали с выборами в Советы, другими текущими политическими и хозяйственными мероприятиями. Работа СВБ по замыслу должна направляться на отвлечение от постов и праздников.

Указания по борьбе с мусульманскими праздниками, поступающие из года в год, носили очень похожее содержание²³. Ислам должен был преподноситься трудящимся как мир невежества, фанатизма и представляться тормозом социалистического строительства, контрреволюционной силой.

В директивных письмах из центра «безбожников» предупреждали, что муллы вместе с кулаками, баями, нэпманами будут активно заниматься агитацией против советской власти, пятилетних планов развития народного хозяйства, объяснять населению, что все мероприятия советской власти и строительство социализма противоречат учению Корана и воле Аллаха.

Муллы, по мнению организаторов антиисламской кампании, не выступали открыто против

советской власти, но, пользуясь авторитетом у населения, агитировали за религиозное обучение детей, за плату служителям культа и их поддержку. В религиозные праздники они, используя свое влияние, могли агитировать против закрытия мечетей, за старые религиозные школы – мектебы и медресе, против культпохода, «отрывать рабочих от работы изнурительными постами», а следом – обжорством в сам праздник, «подтачивать организм пролетарской трудовой семьи»²⁴.

В отличие от предыдущих основной акцент антирелигиозного мероприятия в 1936 г. был сделан на будущей Конституции, достижениях советской власти и перечислении тех бед, которые несет в себе ислам. В письме приведен отрывок текста Емельяна Ярославского о том, что заявление «воинствующей церкви» о нерушимости церкви звучит теперь смешно и «их песенка в ближайшее десятилетие будет спета не только в СССР, но и других странах»²⁵. В письме также приведено мнение председателя ВЦИК М. И. Калинина по поводу предоставления избирательных прав (выбирать и быть избранными), в силу чего «противникам» (так именуются священнослужители) предоставляется возможность участия в общественной жизни, открывается возможность воздействия на них широких масс²⁶.

Основными мероприятиями в агитационно-пропагандистской борьбе с исламом были громкие читки, доклады и лекции о «классовой сущности» ислама, о вредности религиозных пережитков и постов, о вредности религии по отношению к обороне страны и производству, для чего привлекались «политически выдержанные» докладчики. К участию в проведении кампании привлекались комсомольские, профсоюзные и общественные

организации. Проходили мероприятия на предприятиях, в колхозах, совхозах, даже в тех населенных пунктах, где национальных меньшинств было совсем мало.

«Безбожники» проводили также «индивидуальную и групповую обработку верующих производственников – мусульман и членов из семей» в дни самих праздников. В дни Байрама пытались добиться 100%-ной явки на работу. Одной из форм проведения кампании были индивидуальные беседы на квартирах «знатных людей предприятий» и «ударников социалистических полей», привлекались к мероприятию и единоличники. В школах среди учеников и их родителей также проводилась работа по «разъяснению кулацкой сущности Уразы». Велось наблюдение за учениками, соблюдавшими пост (они не пользовались горячими завтраками в школе), с ними проводились беседы о вреде религии, ее антинаучности и реакционности.

Несмотря на антирелигиозную политику и репрессии, религиозная жизнь мусульман в городах и селах Саратовского Поволжья в 1930-е гг. продолжалась. Так, в Саратове в праздник Курбан Байрам, проводившийся в период с 20 декабря 1937 г. по 20 января 1938 г. организовывалось проведение этого праздника на территории Волжского, Фрунзенского, Октябрьского районов с жертвоприношением. Число зафиксированных жертвоприношений в Саратове с каждым годом возрастало: в 1932 г. – 9, в 1934 г. – 20, в 1937 г. – 37 случаев²⁷.

В докладной записке председателя Саратовского областного организационного бюро СВБ А. Пашина от 20 февраля 1938 г., направленной в бюро Саратовского горкома ВКП(б), говорится об активности священнослужителей православного, магометанского, иудейского вероисповедания. Верующее население собирало средства и к 1938 г. в г. Саратове были отремонтированы: здание мечети, синагоги, католическая и старообрядческая церкви. На татарском кладбище в 1939 г. имелся сторож Муслимов, который превратил сторожку в здание для проведения религиозных обрядов²⁸.

По мнению Саратовского городского оргбюро СВБ, такие явления нарастания религиозной активности среди населения, исповедовавшего ислам, и активизации мусульманского духовенства происходили из-за плохой агитационно-пропагандистской работы среди населения ячейками СВБ, профсоюзные, комсомольские организации активно не помогали в антирелигиозной пропаганде и агитации. Как представляется, причина кроется в другом – одним «кавалерийским наскоком» коммунистической власти, пусть даже и жестоким, искоренить религиозные традиции, сформировавшиеся много веков назад и переходившие из поколения в поколение, было невозможно.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в 1930-е гг. религиозная жизнь мусульман

Саратовского Поволжья находилась в сложном состоянии. Результатом антирелигиозной кампании стало уничтожение системы религиозного образования, преследованию подверглись бытовые религиозные традиции, были закрыты с дальнейшим переоборудованием или сломаны на строительные материалы почти все мечети, репрессированы и расстреляны мусульманские священнослужители. Тем не менее религиозная жизнь, приняв нелегальные или полунелегальные формы, все же сохранялась.

Примечания

- 1 Подсчет сделан автором на основе статистических данных. См.: Всесоюзная перепись населения СССР 17 декабря 1926 г. : Краткие сводки. Выпуск 4 : Народность и родной язык населения СССР. М., 1928. С. 67, 69 ; Список населенных пунктов Самарской губернии с алфавитным указателем. Составлен по материалам Самарского губстатотдела согласно последней переписи. Самара, 1928. С. 11, 164–186.
- 2 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 94.
- 3 См.: Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). М. : Изд-во МГУ, 1966. С. 57.
- 4 Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви // Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода (1917–1958 гг.). С. 68.
- 5 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-521. Оп. 4. Д. 176. Л. 3.
- 6 Там же.
- 7 Гусева Ю. Н., Рябов В. В. Особенности духовной жизни мусульманских приходов Среднего Поволжья в 1920-е гг. // Вестн. Моск. городского пед. ун-та. 2012. № 2(10). С. 71.
- 8 Яналиф – новый тюркский алфавит (НТА), проект перевода всех тюркских языков на единообразный алфавит на основе латиницы, предложенный в конце 1920-х гг. в рамках общесоюзного проекта латинизации. Был официально введен в 1928 г. в тюркоязычных республиках и автономных республиках СССР взамен алфавитов на основе арабского. В 1938–1940 гг. форсированными темпами заменен на алфавиты на основе кириллицы. В настоящее время не используется.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 38 об.
- 10 См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 3. Д. 73. Л. 32.
- 11 См.: Антирелигиозник. 1935. № 6. С. 56, 57.
- 12 См.: Гусева Ю. Н., Рябов В. В. Указ. соч. С. 70.
- 13 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 96, 97.
- 14 ГАНИСО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 111. Л. 43.
- 15 О религиозных объединениях : Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР, 8 апреля 1929 г. URL://http://www.1000dokumente.

- de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&st=&l=ru (дата обращения: 18.03.2016); IV расширенный пленум ЦС СВБ 1–4 февраля 1938. М.: ОГИЗ, 1938. С. 48–49.
- ¹⁶ Конституция (Основной Закон) СССР. URL:// <http://док.история.рф/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda/> <http://док.история.рф/20/konstitutsiya-sssr-1936-goda/> (дата обращения: 08.05.2016).
- ¹⁷ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 414.
- ¹⁸ Таблица подготовлена автором на основе архивных материалов. См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 137; Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 146. Л. 39; Д. 147. Л. 152, 153, 336, 378, 379, 380, 416; Д. 211. Л. 217, 219; Д. 151. Л. 249, 425; Д. 243. Л. 276, 277.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 151. Л. 425.
- ²⁰ См.: Семенов В. В. Ислам в Саратовской области. М.: Логос, 2007. С. 13–14.
- ²¹ См.: Мечеть на Татарской улице. URL:// <http://elsso.ru/cont/cul/1112.html> (дата обращения: 17.03.2016).
- ²² См.: ГАСО. Ф. 522. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.
- ²³ См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 1. Л. 24; Д. 5. Л. 26.
- ²⁴ ГАСО. Ф. 522. Оп. 3. Д. 191. Л. 1.
- ²⁵ ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
- ²⁶ Там же. Л. 33. Текст обращения М. И. Калинина был опубликован. См.: Известия. 1936. 6 июля.
- ²⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 6159. Оп. 1. Д. 9. Л. 33, 38.
- ²⁸ Там же. Л. 31, 39, 50.

Образец для цитирования:

Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в отношении мусульман Саратовского Поволжья в 1930-е годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 127–132. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-127-132.

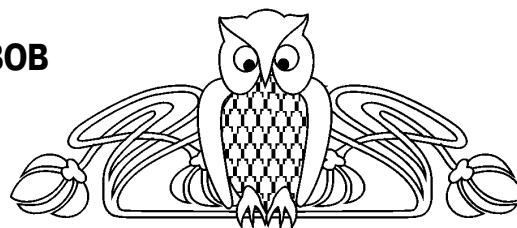
Cite this article as:

Yacovleva Zh. V. The Anti-religious Campaign Against Muslims of Saratov Volga Region in the 1930s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 127–132 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-127-132.

УДК 94(47).084.8

ПОДГОТОВКА ВОЕННООБУЧЕННЫХ РЕЗЕРВОВ ИЗ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье рассматривается развитие вневойсковой системы подготовки резервов Красной армии в период Великой Отечественной войны, включавшей в себя военное обучение в организациях оборонных обществ, в структурах всеобщего и формированиях местной самообороны. Показан вклад Саратовской области в дело обеспечения фронта людскими ресурсами, обученными военному делу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, Осоавиахим, всеобщее, народное ополчение.

The Preparation of Military Reserves from the Civil Population in the Saratov Region during the Great Patriotic War

V. N. Danilov

The article discusses the development of a system of military training for the civilians of the Red Army reserves during the Great Patriotic war, which included military training in the defense societies, the structures of the universal military training and units of local self-defense. The contribution of the Saratov region to the cause of supporting the front with trained human resources is shown.

Key words: Great Patriotic War, Saratov region, Osoaviakhim, universal military training, militia.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-133-139

Массовую подготовку военнообученных резервов из гражданского населения, осуществленную в годы Великой Отечественной войны, с полным основанием можно отнести к числу факторов, которые обеспечили боеспособность Красной армии на протяжении всего военного периода. Вневойсковое обучение военному делу дало возможность экономить время при подготовке бойцов в вооруженных силах, поскольку тем самым в армию призывались люди, уже умеющие обращаться с оружием, знающие основы тактики и топографии. Сложившаяся в 1941–1945 гг. система подготовки резервистов для армии и флота в своей основе имела довоенную практику призывной военной подготовки военнообязанных в структурах массовых оборонных и спортивных обществ, в первую очередь Общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим) и Российского общества Красного Креста (РОКК), имевших полугосудар-

ственный статус. Вместе с тем в годы Великой Отечественной войны система обеспечения армии военнообученными резервами подверглась серьезной перестройке, прежде всего в плане включения в нее новых вневойсковых компонентов, которые в большей степени соответствовали задачам численного роста новых формирований и возмещения потерь личного состава в условиях крайне неблагоприятного начала вооруженного противоборства с мощным противником.

Осоавиахим и РОКК

Считается, что в довоенный период организации Осоавиахима обеспечили допризывную подготовку 80% военнослужащих сухопутных войск и флота и до 100% авиации¹. В Саратовской области на 1 мая 1941 г. военное обучение в структурах Осоавиахима проходили 115 064 человека. К тому времени наряду со стрелковыми подразделениями появились новые группы и команды: пулеметчиков, снайперов, ворошиловских всадников, автодела, мотоциклистов и др. Кроме того, в Саратове возникли клубы технической связи, планерного дела и подготовки кавалерийстов. Продолжали готовить авиаспециалистов и спортсменов Саратовский, Вольский и Ртищевский аэроклубы. Свыше 60 тыс. человек состояло в областной организации Красного Креста², в задачу которой входила подготовка санитарно-оборонных кадров.

С началом Великой Отечественной войны практическая деятельность этих оборонно-массовых обществ была перестроена на военный лад и подчинена непосредственно интересам действующей армии. В конце июня 1941 г. Центральный совет Осоавиахима направил в адрес своих региональных структур письмо, в котором местным организациям предлагалось максимально форсировать подготовку боевых кадров для фронта, расширив сеть военных кружков, подобрав для них хорошо подготовленных, не подлежавших мобилизации в армию специалистов.

За время войны специальность членов Саратовской областной организации Осоавиахима увеличилась с 105 тысяч до 182,6 тысяч. Для подготовки резервов использовались созданные в довоенные годы различные кружки, курсы, клубы, школы Осоавиахима, но прежде всего учебно-стрелковые центры. Правда, в связи с передачей имущества формированиям народного ополчения

и всевобуча количество этих пунктов сократилось на треть. Тем не менее долгое время именно они обеспечивали массовое обучение кадров по 30-ти различным военным специальностям, а затем с весны 1943 г. основную роль в этом деле стали играть первичные осоавиахимовские организации, учебные группы в которых стали создаваться по армейскому принципу (отделение–взвод–рота–батальон)³. В последний год войны в области 89 % военных специалистов готовили в учебных подразделениях при первичных организациях и только 11 % в учебных пунктах и при райгорсоветах Осоавиахима⁴. Учебные центры теперь в первую очередь отвечали за подготовку командно-инструкторского состава, проведение курсов повышения квалификации, военно-методическую работу с первичными организациями.

На организации Осоавиахима возлагалась задача по совершенствованию и расширению военных знаний и навыков, полученных в ходе всеобщего военного обучения допризывниками и добровольцами. Особое внимание обращалось на обучение снайперов, пулеметчиков, минометчиков, истребителей танков, мотоциклистов, шоферов, радистов, телефонистов, инструкторов служебных собак и др., в том числе женщин. В Осоавиахиме учили сооружать из подручных материалов простейшие противопехотные и противотанковые препятствия, знакомили с приемами борьбы против воздушных десантов, уничтожения танков, с действиями партизанских отрядов и групп в тылу врага. С целью повышения качества военного обучения и закрепления полученных знаний и навыков часто проводились строевые смотры и тактические учения в учебных подразделениях. За годы войны в Саратовской области было проведено 253 тактических учения, 458 военизированных походов, а всего – 2 046 массовых мероприятий с охватом 121 080 осоавиахимовцев⁵.

Если в первый период войны со стороны руководящих инстанций и были нарекания в адрес саратовской организации («растеряли кадры, долгое время имели застой в работе, раскачивались и занимались междуусобицей со всевобучем из-за оружия»⁶), то в 1944 и 1945 гг. Осоавиахим области, который почти все время в годы войны возглавлял Андрей Иванович Кушнер, по всем видам оборонной работы занимал первое место в СССР. В целом за период Великой Отечественной войны Саратовская областная организация Осоавиахима подготовила свыше 160 тыс. различных военных специалистов, 1 184 младших комендиринструктора⁷. Саратовский Осоавиахим особенно гордился такими своими активными членами, проявившими себя на фронте, как летчик Дмитрий Тарасов, уже на пятый день войны он один из первых таранил фашистский самолет, пилот Б. Д. Калинин (из ртищевской организации), спасший Верховный штаб Народно-освободительной армии Югославии во главе с маршалом И. Б. Тито, и бывший председатель Воскресенско-

го райсовета М. И. Читалин, отличившийся в боях.

Саратовская областная организация Российского общества Красного Креста в годы Великой Отечественной войны готовила в массовом количестве средний и младший медицинский персонал. На нее также было возложено обучение граждан по программам «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО). Подготовка в медицинских школах и кружках медицинских сестер, сандружинниц, санинструкторов и санитаров, так же как и обучение населения по программам санитарной обороны, велось без отрыва от основной работы. Итоговые данные этой работы в Саратовской области за период 1941–1945 гг. таковы: медсестер подготовлено 6,4 тысячи человек, сандружинниц – 8,7 тысяч, значкистов ГСО – 450 тысяч, значкистов БГСО – 250 тысяч человек⁸. Именно в саратовских школах РОКК получили санитарную подготовку знаменитые героини войны Зинаида Мересьева и Евдокия Мешкова.

Всеобщее военное обучение (всевобуч)

Размах войны, необходимость подготовки миллионов резервов для фронта потребовали более широкой постановки военного обучения советских людей, чем это могли сделать добровольные оборонные общества. 17 сентября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 690 «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», согласно которому все мужчины с 16 до 50 лет обязывались пройти вневойсковую подготовку по 110-ти часовой программе⁹. В первую очередь к военной подготовке привлекались граждане 1923–1924 гг. рождения и необученные запасники в возрасте до 45 лет. Непосредственная ответственность за обучение военному делу гражданского населения возлагалась на Наркомат обороны, в составе которого было образовано Главное управление всевобуча. В военных округах и во всех областных, краевых и республиканских военкоматах создавались отделы всевобуча, а в райвоенкоматах выделялись инструкторы. Обучение проходили без отрыва от производства в объеме подготовки за одиночного бойца и отделение. Обучающиеся должны были научиться владеть оружием, метко стрелять, уничтожать танки противника, уметь вести рукопашный бой, знать средства ПВХО и уметь ими пользоваться, научиться самоокапываться, маскироваться и вести бой. Введение всевобуча стало логическим продолжением и развитием существовавшей в стране системы массовой вневойсковой подготовки военнообученных резервов.

Решение бюро Саратовского обкома ВКП (б) от 27 сентября 1941 г. обязывало партийные органы и исполкомы Советов развернуть широкую агитационно-массовую и политическую работу среди населения, до 28 сентября выявить всех лиц, подлежащих военному обучению, подобрать

инструкторов и политработников в подразделения и части всеобуча, подготовить помещения для занятий, обеспечить их литературой, оружием, боеприпасами. Военные занятия в городах предполагалось проводить 4 раза в неделю по 2 часа, а в сельской местности – 2 раза по 3 часа в нерабочее время.

К 1 октября 1941 г. при каждом военкомате, на крупных заводах, фабриках, совхозах и колхозах были созданы военно-учебные пункты, на которых стали проводиться занятия. Все обучающиеся, за исключением школьников, были сведены в учебные подразделения: отделения, взводы, роты, батальоны, полки, комплектовавшиеся по территориально-производственному принципу. В разное время в Саратове и области действовало от 770 до 1000 военно-учебных пунктов. Как пишет Д. П. Ванчинов, пункты всеобуча напоминали учебные пункты воинских частей, только меньшего масштаба и при худшем материально-техническом обеспечении¹⁰.

Уже в первой очереди всеобщего военного обучения в Саратовской области предстояло подготовить около 33 тыс. человек¹¹. Совершенно очевидно, что короткий (около 10 дней) организационный период не позволил полностью решить все необходимые вопросы развертывания военной подготовки столь значительного людского контингента. Поэтому на первых порах системе всеобуча пришлось испытать ряд серьезных затруднений, типичных для всех форм подготовки боевых резервов в то время, – плохо оборудованные помещения, нехватка учебного оружия и пособий, недостаток квалифицированных кадров преподавателей¹². Вопреки трудностям, подготовка военнообученных резервов в системе всеобуча велась почти непрерывно. За время войны прошло семь смен обучающихся, начиная с допризывников 1923 г. рождения и кончая 1928 г. Только за шесть первых смен в системе всеобуча Саратовской области было подготовлено 123 650 человек¹³. Кроме того, немало было тех, кто призывался в армию еще в период обучения. Таковых, например, в первой очереди всеобуча по области насчитывалось 11 322 человека¹⁴.

В основном готовились бойцы-стрелки, но немало было обучено различных специалистов военному делу: пулеметчиков, автоматчиков, снайперов, истребителей танков, минометчиков, саперов-подрывников, радистов, телефонистов, регулировщиков. За 1942–1944 гг. в системе всеобуча области таковых было подготовлено 28 358 человек. Примечательно, что всеобуч готовил бойцов-специалистов не только из числа мужчин, но и женщин. Во второй очереди всеобуча военными специальностями овладели 1 252 женщины, в третьей очереди – 1 250, в пятой очереди – 1 963 женщины¹⁵. В целях улучшения подготовки бойцов-специалистов приказом НКО № 091 от 11 февраля 1942 г. в системе всеобуча были созданы специальные комсомольско-мо-

лодежные подразделения из молодых людей, стоящих на спецучете и успешно прошедших обучение по 110-часовой программе бойца-стрелка. ГУ всеобуча разработало для этих подразделений специальную программу на 120–150 часов со сроком обучения без отрыва от производства в 4–5 месяцев.

В числе лучших по организации всеобуча постоянно отмечались Вольск, Балашов и Ершовский район. В Вольске допризывники на пунктах всеобуча находились на казарменном положении и освобождались от работы. Практика военного обучения с отрывом от производства допускалась и в ряде других мест, особенно в сельских районах. Начиная с третьей очереди в сельских районах стали проходить всеобуч методом сборов по 15–20 дней с казарменным положением. Эти сборы проводились до начала и после сельскохозяйственных работ. С точки зрения качества обучения данная практика, несомненно, явилась поправкой к постановлению ГКО, вызванная опытом. Особенностью подготовки военнообученных резервов в Балашове являлось объединение большинства пунктов всеобуча в полк. Его состав колебался от 600 до 700 человек¹⁶.

Наряду с общим военным обучением в годы Великой Отечественной войны была введена военная подготовка в школах, ремесленных училищах, техникумах и вузах, которая вводилась в октябре 1942 г. в соответствии с постановлением СНК СССР. Задачей начальной военной подготовки для юношей являлось приобретение военных знаний и практических навыков в объеме начальной подготовки бойца, а допризывной – совершенствование одиночной подготовки и обучение действиям в составе отделения и взвода¹⁷. По прохождению первого этапа военной подготовки в учебных заведениях Саратова и области в июне 1943 г. было проэкзаменовано 40 844 юноши и 66 742 девушки¹⁸. В целях закрепления полученных в течение учебного года военных знаний в летние месяцы 1943–1944 гг. райвоенкоматами с учащимися 8–9-х классов средних школ и 1–2-х курсов техникумов организовывались двухнедельные лагерные сборы.

Народное ополчение

К форированию отрядов самообороны по типу народного ополчения в Саратовском Поволжье, как и в целом в российской провинции, приступили после речи И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 г., где содержался призыв «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага», создавать по примеру Москвы и Ленинграда «многотысячное народное ополчение на поддержку Красной Армии»¹⁹. Вначале это происходило в инициативном порядке: соответствующие резолюции принимались на митингах и собраниях, которые организовывались на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях в связи с вы-

ступлением вождя, тут же составлялись списки лиц, изъявивших желание вступить в народное ополчение. В числе первых были сообщения о создании ополченческих отрядов на саратовских заводах «Трактородеталь» и имени Ленина, в управлении Рязано-Уральской железной дороги²⁰.

Вскоре к организационному оформлению этого народного движения подключились местные партийные органы. Так, в докладной записке в Саратовский горком Фрунзенский райком ВКП (б) сообщал, что уже 5 июля 1941 г. им даны секретарям первичных организаций подробные указания по набору в отряды народного ополчения, а в райком за два дня поступило несколько списков записавшихся в ополчение²¹. 9 июля бюро Саратовского обкома приняло решение об организации на территории края народноополченческих формирований: в районах Саратова, Вольске, Балашове, Ртищеве, Аткарске – полков, в остальных городах и районах – батальонов, рот, эскадронов. Предлагалось внутреннюю организационную структуру отрядов народного ополчения приблизить к армейской и после сформирования сразу же приступать к проведению с ними военных занятий по месту производственной работы, для чего подобрать «руководящий состав из командно-политического и начальствующего состава запаса Красной Армии непризывных возрастов»²².

Для отбора добровольцев в народное ополчение создавались специальные комиссии городских и районных парткомов во главе с заведующими военными отделами. Запись производилась в индивидуальном порядке и, как правило, на основе личного заявления. Значительное число записавшихся в ополчение составляли коммунисты и комсомольцы. В Саратове, например, на них приходилась примерно четвертая часть ополченцев. По имеющимся в нашем распоряжении данным, в период зачисления, который занял около месяца, в формировании народного ополчения в Саратовской области записалось более 40 тыс. человек²³. Естественно, что не все желающие были зачислены в части и подразделения. В Саратове, например, было подано более 15 тыс. заявлений, а зачислено в ополчение только 10 807 человек²⁴. Ограничения в приеме вызывались не столько рамками штатов формирований, в некоторых из них их практически не существовало, сколько возрастом, состоянием здоровья добровольцев, возможностью обучения их военному делу.

В основу комплектования формирований народного ополчения был положен территориально-производственный принцип. В подавляющем большинстве это были стрелковые части и подразделения, в своей организации лишь формально напоминавшие аналогичные кадровые единицы Красной армии. Полки Сталинского, Волжского, Октябрьского, Кировского и Фрунзенского районов были сведены в Саратовскую дивизию народного ополчения, которая в своем составе имела на 12 августа 1941 г. 10148 человек²⁵.

Вольский полк состоял из четырех батальонов с личным составом около 2,5 тыс. человек, полк г. Ртищева насчитывал 4,4 тыс. бойцов, сведенных в 10 рот и 13 отдельных взводов, 4 тыс. бойцов и командиров находились в составе Балашовского полка, 2,4 тыс. – Энгельсского полка²⁶. Намерение Саратовского обкома ВКП (б) создать в районах левобережья кавалерийские эскадроны, за исключением Дергачевского, Балаковского и Ново-Репинского районов, не было воплощено в жизнь ввиду отсутствия подготовленных всадников и строевых лошадей в местах формирований.

На этапе организации частей и подразделений ополчения наиболее острым оказался вопрос о подборе и сохранении командно-политического состава, особенно среднего и младшего. Основным источником комплектования руководящими кадрами служил, безусловно, партийно-советский актив, но средними командирами в своем большинстве являлись преподаватели военных кафедр вузов, имевшие, как правило, боевой опыт и соответствующие воинские звания. Первым командиром Саратовской дивизии был назначен начальник военной кафедры юридического института, бывший командир 14-й дивизии РККА майор Константин Иванович Рыбалко, а в феврале 1942 г. на этой должности его сменил начальник военной кафедры пединститута капитан Григорий Алексеевич Роговин. Комиссаром дивизии народного ополчения долгое время являлся старый большевик, уполномоченный Главного управления геодезии и картографии облисполкома, а до этого руководитель Саратовского истпарта – Захар Семенович Петров.

В своем развитии народное ополчение области прошло достаточно сложный путь. Осенью 1941 г. из-за большого оттока ополченцев в армию и введения с 1 октября всеобщего военного обучения населения (всеобуча) постепенно стали сворачивать свою деятельность формирования народного ополчения в малых городах и сельских районах Саратовской области²⁷. Тем самым завершился определенный этап ополченческого движения в крае, который характеризовался повсеместным и массовым созданием частей и подразделений ополчения.

Сам факт расформирования народного ополчения в небольших городах и сельских районах представляется неизбежным, ибо обстановка не требовала непосредственного боевого их применения в тот момент, боеспособность и укомплектованность их была низкой, а организовать планомерную военную подготовку личного состава параллельно со всеобучем они не могли ввиду отсутствия достаточной материальной базы и опытных командиров. Заслуга прекративших тогда существование отрядов народного ополчения состоит в том, что до введения всеобщего военного обучения населения они служили базой подготовки военнообученного резерва для регулярной армии. По примерным данным, к концу

1941 г. из народного ополчения Саратовской области было призвано в Красную армию не менее 20 тыс. человек, прошедших начальное военное обучение²⁸. Кроме того, к тому времени несколько сотен человек, призванных в армию, прошли военную подготовку в других формированиях местной самообороны – истребительных батальонах.

Нестабильным оказался и состав продолжавшей действовать Саратовской дивизии народного ополчения. Уже осенью 1941 г. более половины ополченцев города было призвано в армию. В связи с этим командование дивизии 28 октября обратилось в городской комитет обороны с письмом, в котором намечался комплекс мер по укреплению соединения народного ополчения²⁹. Через три дня своим постановлением № 3 комитет обороны Саратова «категорически запретил всякие переброски и командировки личного состава народноополченцев без ведома и согласия командования дивизии как хозяйственными, так и общественными организациями», перевел на освобожденные должности непосредственно в ополчение командно-штабных работников дивизии и полков (всего 18 человек). Штабу дивизии народного ополчения было предоставлено отдельное помещение, в котором ранее располагался обком ВЛКСМ³⁰. 8 декабря 1941 г. в здании цирка в присутствии руководителей области состоялось собрание дивизии, где с докладом о задачах народного ополчения Саратова выступил член городского комитета обороны комендант города полковник А. В. Воробейков, пообещавший оказывать ополченческому соединению необходимую помощь, в том числе постоянным пополнением его личного состава³¹.

Тем не менее к середине июля 1942 г. в частях Саратовской дивизии насчитывалось не более 2 тыс. человек. Поэтому, когда фронт стал неумолимо приближаться к волжским берегам, Саратовский обком ВКП (б) обратился к командованию Приволжского военного округа, штаб которого тогда уже располагался в Саратове, с просьбой принять дивизию народного ополчения в его ведение. 17 июля 1942 г. такое решение состоялось, и вскоре дивизия через военкоматы была пополнена личным составом за счет лиц непризывного возраста или имевших отсрочку, подразделения стали комплектоваться исключительно только из ополченцев одного предприятия или учреждения. Вместе с тем, учитывая недостаток людских ресурсов для народного ополчения в Саратове в условиях продолжавшегося призыва в армию, ее численность была определена почти в два раза меньше кадровой в Красной армии – 7 852 человека³². На командные должности округ направил кадровых военных из запасных частей. Командиром дивизии стал полковник Хафизов, комиссаром – батальонный комиссар Петровых, начальником – штаба капитан Степанов. Снабжение и вооружение дивизии были организованы по нормам Наркомата обороны. По сути дела с этого

времени Саратовская дивизия народного ополчения получила тот же статус, что и московские и ленинградские ополченческие соединения, принявшие осенью – зимой 1941 г. участие в боях. В новом Положении о Саратовской дивизии народного ополчения³³, вступившем в действие с начала августа 1942 г., определялось, что «дивизия народного ополчения формируется как резервное соединение», в вопросах оперативного характера она подчиняется Саратовскому городскому комитету обороны и командующему войсками ПриВО, в вопросах организации и руководства боевой подготовки – непосредственно командующему войсками округа, а «с момента перехода на казарменное положение – дивизия целиком переходит на полное довольствие Наркомата обороны и оперативное подчинение командования округом»³⁴.

В соответствии с указанием штаба ПриВО в августе 1942 г. была изменена и организационно-штатная структура Саратовской дивизии народного ополчения. В ее состав вошли три стрелковых полка – Сталинский, Кировский и города Энгельса, артиллерийский полк, организованный заново в Октябрьском районе, а также необходимые спецподразделения. Существовавшие ранее Волжский и Фрунзенские полки были реорганизованы в батальоны и включены в состав Кировского стрелкового полка народного ополчения. В состав Энгельсского стрелкового полка вошел также батальон народного ополчения города Маркса. Таким образом, с лета 1942 г. Саратовская дивизия народного ополчения уже не являлась формированием самообороны только города Саратова, что, конечно, облегчало решение проблемы с ее укомплектованием личным составом, но затрудняло взаимодействие командования дивизии с партийными органами, так как ему приходилось иметь дело уже с тремя горкомами.

Заметные изменения произошли также в материально-техническом обеспечении и вооружении Саратовской дивизии народного ополчения. При создании дивизии обком ВКП(б) дал указание обеспечить ее снабжение за счет Осоавиахима, однако организации этого оборонного общества не обладали достаточной материальной базой, чтобы обеспечить всем необходимым столь значительный контингент ополченцев для организации планомерной военной подготовки. Учитывая это обстоятельство, 31 октября 1941 г. городской комитет обороны распорядился организовать производство вооружения и боеприпасов для добровольческих отрядов Саратова на местных предприятиях и возложил ответственность за это на секретаря обкома ВКП(б) по машиностроению В. И. Киселева³⁵. На практике же стал реализовываться другой вариант снабжения дивизии народного ополчения: зимой 1942 г. ей было передано оружие временно прекративших деятельность истребительных батальонов города, что обеспечивало, однако, только 20 % потребности³⁶. Но уже к 10 октября 1942 г. на вооружении дивизии

находилось 649 учебных винтовок, 234 боевых винтовки образца 1891/1930 гг., 613 малокалиберных, 56 самозарядных и 10 снайперских винтовок, 36 ручных и 24 станковых пулеметов, 70 минометов, 12 ПТР, 12 автоматов ППШ, 31 револьвер и 3 пушки³⁷. Конечно, в боевых условиях и этого оружия было бы совсем мало, но для организации военного обучения ополченцев без отрыва их от производства – вполне достаточно.

Что же касается самого военного обучения в частях и подразделениях саратовского народного ополчения, то первоначально основой для боевой учебы послужила усовершенствованная сообразно ополченческой специфике осоавиахимовская программа подготовки Ворошиловского стрелка I и II ступени, поскольку она была более известной и доступной, тем более что базой для занятий служили как раз организации Осоавиахима. В конце 1941 г. формирования Саратовской дивизии, личный состав которой к тому времени почти полностью обновился, перешли на более эффективную 110-часовую программу всевобуча. Обучение включало в себя как одиночную подготовку бойцов, так и овладение ими знаний действия в составе отделения и взвода. В программы входили: строевая и физическая подготовка, изучение уставов и материальной части оружия, топография и тактика. На тактических занятиях отрабатывались темы: марш, походное охранение, разведка, основы общевоинского боя, борьба с авиадесантом противника и др. Для подготовки младшего начальствующего состава были созданы полковые школы.

После того как Саратовская дивизия народного ополчения была передана в ведение НКО СССР, обучение ее личного состава стало проводиться под руководством отдела боевой подготовки ПриВО и по двухмесячной программе подготовки стрелковой дивизии Красной армии, а артиллерийский полк по специальной четырехнедельной программе подготовки дивизионной артиллерии Главного артиллерийского управления. Улучшение вооруженности дивизии позволило регулярно проводить учебные стрельбы. Для повышения уровня стрелковой подготовки организовывались стрелковые сборы командно-политического состава и снайперские сборы приписного состава. Большое внимание в зимний период 1942/43 гг. уделялось лыжным занятиям, в которых приняли участие 3 850 человек рядового и младшего начальствующего состава³⁸. В целом боевая учеба в частях дивизии протекала успешно, большая часть бойцов получила необходимые военные знания, которые оказывались полезными в случае призыва в армию, о чем свидетельствовали письма с фронта бывших ополченцев. Однако на планомерной подготовке личного состава, как и прежде, отрицательно сказывалась нерегулярность посещения бойцами занятий по причине занятости на производстве, отсутствие собственных транспортных средств.

С разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом, а затем на Курской дуге, есте-

ственно, практическая надобность в народном ополчении Саратова отпала. 7 октября 1943 г. штаб Саратовской дивизии направил в горком ВКП (б) докладную записку, в которой говорилось, что командующий ПриВО своим указанием от 16 сентября 1943 г. отозвал кадровый офицерский состав и имущество округа из дивизии народного ополчения. «Отсутствие решения или указания горкома ВКП (б) по этому вопросу, – говорилось далее в докладной записке, – создает неясность: ликвидируется дивизия или реорганизуется, а также необходимо указание, .. кому передать оружие и имущество дивизии, не принадлежащее ПриВО»³⁹. Вскоре 13 октября 1943 г. в штаб дивизии народного ополчения поступило распоряжение Саратовского обкома ВКП (б) за подписью секретаря обкома Н. И. Гусева, в котором говорилось следующее: «На основании указания ЦК ВКП (б) о реорганизации дивизии народного ополчения и передачи всех имеющихся подразделений в систему Осоавиахима и договоренности с начальником штаба ПриВО генерал-майором товарищем Глинским вам надлежит до 16 октября 1943 года:

1. Имущество и вооружение, принадлежащее ПриВО, сдать по указанию последнего.

2. Все имущество, вооружение и учебные пособия, принадлежащие дивизии по состоянию на 17 июля 1942 года, сдать Облсовету Осоавиахима под личную ответственность председателя т. Кушнера.

3. Все делопривозное, в том числе и секретное, сдать областному партийному архиву»⁴⁰. Это означало фактическое упразднение одного из самых долго действовавших в стране формирований народного ополчения, к которому более двух лет было привлечено внимание партийных и военных органов, значительной части населения региона.

Таким образом, хотя и на территории края ополченческие формирования предназначались, прежде всего, для непосредственной обороны городов в случае прорыва к ним войск противника, ни одно из них не участвовало в военных действиях, включая и Саратовскую дивизию народного ополчения, которую в период Сталинградской битвы стремились поддерживать в определенной боевой готовности. Народное ополчение региона явилось своеобразным источником военнообученных контингентов, пополнявших маршевые роты и батальоны. Достаточно сказать, что только из Саратовской дивизии народного ополчения убыло в Красную армию до 34 тыс. человек, а всего за два с лишним года существования через нее прошло более 45 тыс. человек⁴¹. Дивизия народного ополчения в Саратове дополняла и углубляла работу всевобуча, охватывая боевой подготовкой те группы населения, которые не включались в его систему (забронированные, запасные старших возрастов и пр.), и проводя обучение с более широкими целевыми установками и более высокой квалификации обучаемых, в том числе, готовые кадры командного и начальствующего состава.

Примечания

- ¹ См.: Дважды Орденоносное оборонное. Книга о ДОСААФ СССР, о возникновении и развитии общества, его военно-патриотической деятельности, вкладе в укрепление оборонного могущества страны. М., 1983. С. 163.
- ² См.: Кононов В. С. Полувековой путь Саратовской оборонной организации. Саратов, 1979. С. 61; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2606. Л. 26.
- ³ В середине 1943 г. в организациях Осоавиахима Саратовской области для подготовки военных специалистов было создано 2 батальона, 24 роты, 192 взвода и 609 отделений (ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3439. Л. 61).
- ⁴ См.: Кононов В. С. Полувековой путь Саратовской оборонной организации. Саратов, 1979. С. 81.
- ⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4546. Л. 95.
- ⁶ Из доклада зав. военным отделом обкома ВКП (б) Денисова на совещании в мае 1943 г. (ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3098. Л. 28).
- ⁷ См.: Ванчинов Д. П., Данилов В. Н., Ченакал Д. Д. Трудящиеся Поволжья – фронту: Оборонно-массовая работа в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1984. С. 85.
- ⁸ Там же. С. 87.
- ⁹ См.: Правда. 1941, 18 сент.; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 168.
- ¹⁰ См.: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 191.
- ¹¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3077. Л. 16.
- ¹² Первоначально на тысячи всех военно-учебных пунктах имелись 1663 учебных винтовки, 5 станковых пулеметов, 407 ручных учебных гранат, 11 ручных пулеметов, 36 разрезных и 1039 малокалиберных винтовок. См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3077. Л. 17–18; Д. 3086. Л. 16.
- ¹³ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4546. Л. 49, 50.
- ¹⁴ Там же. Д. 307. Л. 72.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ См.: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 193.
- ¹⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3096. Л. 155.
- ¹⁸ ГАНИСО. Д. 3401. Л. 57.
- ¹⁹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 15–16.
- ²⁰ См.: Коммунист (Саратов). 1941. 5 июля.
- ²¹ См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 42. Л. 186.
- ²² Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 25–26.
- ²³ См.: Ванчинов Д. П., Данилов В. Н., Ченакал Д. Д. Трудящиеся Поволжья – фронту. С. 52; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 70. Л. 25.
- ²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 3072. Л. 22.
- ²⁵ Там же. Ф. 30. Оп. 13. Д. 72. Л. 131.
- ²⁶ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2441. Л. 52; Д. 3072. Л. 46, 79; Ф. 30. Оп. 13. Д. 73. Л. 144–233.
- ²⁷ Дольше других просуществовали отдельные подразделения народного ополчения в Вольске – до осени 1942 г.
- ²⁸ Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2593. Л. 8–46.
- ²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.
- ³⁰ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 504. Л. 3–4.
- ³¹ См.: Коммунист. 1941. 10 дек.
- ³² См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 57. Л. 197, 266.
- ³³ Первое Положение было введено в действие приказом № 8 по дивизии народного ополчения г. Саратова от 4 августа 1941 г. В нем определялось, что народное ополчение есть боевой резерв Красной армии, в него может входить каждый гражданин в возрасте от 16 до 60 лет, добровольно изъявивший желание, с момента зачисления на народноополченцев распространяется дисциплинарный устав армии, подготовка осуществляется без отрыва от производства, личный состав может в любое время быть переведен на казарменное положение, руководство дивизией осуществляется горкомом ВКП (б). См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 73. Л. 231.
- ³⁴ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 73. Л. 64, 67.
- ³⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 504. Л. 8.
- ³⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3022. Л. 24.
- ³⁷ Там же. Д. 3072. Л. 46.
- ³⁸ Там же. Д. 3529. Л. 70; Ф. 30. Оп. 15. Д. 57. Л. 186.
- ³⁹ Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 57. Л. 316.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3529. Л. 85.
- ⁴¹ Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 57. Л. 187, 266.

Образец для цитирования:

Данилов В. Н. Подготовка военнообученных резервов из гражданского населения в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 133–139. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-133-139.

Cite this article as:

Danilov V. N. The Preparation of Military Reserves from the Civil Population in the Saratov Region during the Great Patriotic War. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 133–139 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-133-139.

УДК 94(47).084.8

МЕДИЦИНСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940 – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ (на материалах Саратовской области)

Ю. В. Ищенко

Поволжский кооперативный институт (филиал) Российского
университета кооперации, Энгельс
E-mail: ishenko1978@yandex.ru

В настоящей статье на основе анализа литературы и архивных материалов исследуется состояние здравоохранительных учреждений российской деревни, выявляются проблемы, связанные с медицинским обслуживанием сельского населения в первое послевоенное десятилетие. Особое внимание обращается на выявление таких лечебно-профилактических мероприятий, которые оказывали влияние на состояние трудовых ресурсов села. Автор вводит в оборот новые данные, ранее остававшиеся за рамками научных исследований, излагает собственное оригинальное видение затронутых в публикации проблем.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинское обслуживание, сельская медицина, участок, больница, врач, медперсонал, амбулатория, родовспоможение, клинично-диагностическое оборудование, специализированное отделение, послевоенные годы.

Medical Care of the Russian Village Manpower Resources in the Second Half of the 1940s – the Beginning of the 1950s (based on the Materials of the Saratov Region)

Yu. V. Ishchenko

In the present article, on the basis of the analysis of literature and archival materials the condition of public health establishments of the Russian village is investigated, the problems connected with medical care of the rural population in the first post-war decade come to light. Special attention is paid to the identification of treatment-and-prophylactic actions which had impact on the condition of the village manpower resources. The author introduces new data which was earlier remaining beyond the scope of academic research, and comes up with his own original vision of the issues touched upon in the paper.

Key words: health care, medical care, rural medicine, site, hospital, doctor, medical staff, out-patient clinic, obstetrics, clinicodiagnostic equipment, specialized section, post-war years.

DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-140-146

В отмеченный хронологическими рамками период происходил противоречивый, но неуклонный процесс восстановления и дальнейшего поиска эффективных путей развития российского села, проблемы и противоречия которого в некоторой степени зависели от состояния медицинского обслуживания его трудовых ресурсов.

Некоторые аспекты, касающиеся обозначенной в заглавии темы, уже находили свое отражение в исторических исследованиях советского и постсоветского периодов как регионального, так и общероссийского (союзного) характера¹. В то же время вопросы медицинского обслуживания

российского села рассматривались в них, как правило, в рамках изучения его социальной сферы и затрагивали далеко не все его стороны. Отдельные данные были опубликованы в специальных сборниках, посвященных истории и практике медицинского обслуживания населения, а также в очерках по истории Саратовской области, приуроченных к очередной годовщине октябрьской революции². В отношении статистических сборников важно отметить то обстоятельство, что они практически не содержат данных, касающихся непосредственно сельского здравоохранения³. Таким образом, в целом вопросы медицинского обслуживания трудовых ресурсов российской деревни так и не стали предметом отдельных научных исследований, особенно в региональном аспекте. До сих пор в работах ученых остаются не затронутыми целые пласты архивных данных, введение которых в научный оборот будет способствовать обогащению научных знаний, изучению связанных с обозначенной темой проблем. Все это, на наш взгляд, актуализирует необходимость исследования заявленной темы. Не претендуя на отражение в рамках настоящей работы всех ее аспектов, представляется важным на основе анализа источников и литературы выявить связанные с ней тенденции, проблемы и противоречия, осветить их с использованием современных теоретических и методологических подходов, изложив при этом оригинальную авторскую точку зрения по поводу затронутых в публикации вопросов. Все это, несомненно, должно способствовать обобщению теоретического и практического опыта исторических исследований, более углубленному изучению вопросов, касающихся отечественной истории в целом и аграрной в частности.

Для нашей темы важным является то обстоятельство, что участие в аграрном производстве второй половины 40 – начала 50-х гг. XX века принимало практически все население российской деревни – начиная от трудоспособных мужчин и женщин и заканчивая подростками, престарелыми, инвалидами и даже детьми. Так, в 1952 г. в колхозном производстве Саратовской области принимали участие 78 263 трудоспособных мужчин, 140 634 женщины и 48 023 подростка от 12 до 16 лет⁴. В том же году из всех работников колхозов области 18,8% составляли престарелые колхозники, мужчины с частичной потерей трудоспособности (инвалиды) и другие нетрудоспособные⁵. Таким образом, вовлеченность в аграрное производство практически всего сельского населения

обусловливало тот факт, что от решения вопросов медицинского обслуживания российского села зависело качественное состояние не только его населения в целом, но и в значительной, если не в большей степени, его трудовых ресурсов. По этой причине для нашей темы представляется важным выяснить состояние общей сети медицинских учреждений российской деревни.

Война оставила тяжелые последствия в области сельского здравоохранения. Значительно сократилась сеть и уменьшилась медицинская помощь сельскому населению в тыловых районах. В приказе Минздрава СССР от 29 мая 1947 г. «Об улучшении медицинского обслуживания сельского населения» отмечалось о том, что существующая медицинская помощь ни в качественном, ни в количественном отношении не удовлетворяет потребности в ней сельского населения. Хирургические отделения имелись лишь в 29% сельских больниц. Большинство из них не имели стационарных отделений. Более четверти коечного фонда городских больниц использовалось сельским населением. 57% родов проходило без наблюдения и помощи со стороны врачебного персонала. В 1946 г. более полутора тысяч сельских участков не имели врачей, а в сельской местности РСФСР работало всего 15% от их общей численности. Многие больничные здания требовали капитального ремонта⁶.

С первых послевоенных лет государством выделялись значительные средства для здравоохранения, которые шли на восстановление и капитальный ремонт старых больниц, строительство новых, оснащение их медицинским оборудованием, подготовку кадров, проведение по всей стране широких оздоровительных мероприятий. Всего за годы четвертой пятилетки только прямые государственные расходы на здравоохранение и физическую культуру составили 94,5 млрд руб.⁷

Постепенно восстанавливалась сеть медицинских учреждений на селе, вследствие чего уровень госпитализации в сельской местности в среднем по СССР вырос с 5,1 % в 1940 г. до 7,1 % в 1950 г.⁸

Восстанавливая и развивая сеть медицинских учреждений, органы здравоохранения с целью приближения медицинской помощи сельскому населению стремились развивать сеть районных и участковых больниц, амбулаторий, открывать фельдшерско-акушерские пункты. Только за 1951–1952 гг. в Саратовской области была открыта 31 больница, 25 из которых – в сельской местности. К концу 1952 г. непосредственно обслуживанием сельского населения Саратовской области были заняты 34 врачебных амбулатории (без стационара), 128 участковых и 40 районных больниц. За 1948–1952 гг. коечный фонд последних увеличился на четверть, и общее количество койко-мест в больницах обеих категорий составило 3 153 единицы.

Учитывая тот факт, что, согласно приведенным выше данным, в исследуемый период женщины представляли подавляющую часть трудовых ресурсов российской деревни, важное значение в решении вопросов их медицинского обслуживания имело наличие родовспомогательных учреждений. В том же году в области насчитывалось 47 женских консультаций, 5 районных роддомов на 37 коек и 49 колхозных роддомов на 138 койко-мест. 591 койко-место было развернуто при специальных отделениях в сельских районных и участковых больницах. Кроме того, в сельских районах области имелись 768 медпунктов, из которых 452 были фельдшерско-акушерскими, 285 только фельдшерскими и 31 только акушерским⁹.

Осуществляемый с 1947 г. комплекс мероприятий по организации медицинского обслуживания сельского населения давал о себе знать не только в развитии сети здравоохранительных учреждений, но и в ряде мер по её специализации. В том же году Минздрав СССР издает приказ, согласно которому центром специализированной медицинской помощи сельскому населению становится сельская районная больница, для которой впервые устанавливаются специальные нормативы коечной помощи и профилизации коек по определенным специальностям.

Наряду со специализацией коек в сельских районных больницах последние оснащались клинико-диагностическим оборудованием и медицинским инструментарием. В сентябре 1948 г. Минздрав СССР направил для сельских районных больниц медицинское оборудование на 50 млн рублей. В 1949 г. в регионах страны создаются специальные фонды для централизованного приобретения медицинской аппаратуры¹⁰.

Оказание специализированной медицинской помощи в некотором объеме возлагалось и на участковые больницы. Это, в свою очередь, инициировало процесс реорганизации амбулаторных участковых учреждений в больничные, получить представление о ходе которого позволяют архивные материалы. Так, в течение 1952 г. в Саратовской области было открыто 4 сельских участковых больницы, однако их открытие происходило за счет реорганизации врачебных амбулаторий в стационары и сопровождалось недостаточным приростом коечного фонда. Лишь 14 больниц данной категории располагали отделениями для хирургических больных. В остальных 114 хирургическая помощь оказывалась только в пределах малой хирургии и выполнялась врачами общей специализации. В участковых больницах проводилось свыше 50 % операций, связанных с заболеваниями брюшной полости, а также лечение переломов, вправление вывихов. Больные же, нуждающиеся в квалифицированной помощи, направлялись в районные и городские больницы.

В сельских амбулаториях оказывалась первичная хирургическая помощь – вскрытие флег-

мон и абсцессов, вправление вывихов, лечение переломов, проводились мероприятия по профилактике и лечению малярии, болезней сердечно-сосудистой системы, гриппа, травм без повреждения кости и некоторых других заболеваний. В то же время некоторые амбулатории размещались в малочисленных населенных пунктах, характеризовались небольшим радиусом охвата населения, близким расположением стационаров и непригодностью помещений, что обуславливало необходимость их дальнейшей реорганизации в фельдшерско-акушерские пункты. В том же году в сельских районах Саратовской области было реорганизовано 10 амбулаторий в больницы, 5 амбулаторий были объединены с роддомами и реорганизованы в больницы, 13 амбулаторий были реорганизованы в фельдшерско-акушерские пункты. К концу 1952 г. в области остались 34 необъединенных амбулатории на 54 врачебных единицы¹¹.

Проводимая перестройка здравоохранения на селе и расширение строительства медицинских учреждений требовали увеличения финансирования. В целом по стране в 1948 г. на строительство сельских больниц было ассигновано 24,3 млн рублей, в 1949 г. 88 млн руб., а в 1950 – 132,5 млн рублей соответственно¹². За 1948–1952 гг. бюджет здравоохранения Саратовской области вырос почти в 4 раза. Вместе с тем, как отмечалось в отчете о работе медицинских учреждений Саратовской области за 1952 г., финансирование ремонтных работ и строительство новых лечебных учреждений, отпускаемое по линии Минздрава РСФСР, было «крайне недостаточным и не могло удовлетворить потребности области в данном направлении»¹³.

К началу 1950-х гг. среди основных проблем сельских лечебных учреждений оставались недостаток специального оборудования, материалов, приспособленных помещений, транспорта и т. д. На фоне остальных лечебно-профилактических учреждений российской деревни относительно благополучно выглядели сельские районные больницы, которые, как отмечено выше, имели централизованные источники снабжения. Так, хотя из 40 расположенных в 1952 г. в Саратовской области больниц указанной категории только 7 имели рентгеноаппараты, однако 35 из них располагали собственными клинико-диагностическими лабораториями, в 36 имелись свои операционные, а в 35 – автоклавы. Несмотря на то что в семи районных больницах не имелось даже электроосвещения, все они располагали собственным транспортом: 13 – автомобильным, а остальные – конным. И хотя случались перебои в снабжении этих больниц специальными реактивами, тем не менее они применяли такие новейшие по тем временам методы лечения, как пеницилино-, сантомицино-, стрептомицино- и вакцинолечение, подсадку тканей, жидкость Гордеева, препарат ПАСИ и т. д.¹⁴

Гораздо хуже обстояло дело с оснащением сельских участковых больниц и амбулаторий. В

1952 г. количество электрифицированных участков больниц по Саратовской области увеличилось с 39 до 51, однако лишь 96 из 128 больниц имели конный транспорт, два – мотоконный и только одна больница имела автомобильный, а 23 не имели транспорта вообще. Более половины (74) указанной категории больниц не имели санпропускников и половина – дезинфекционных камер.

Лишь одна амбулатория располагала клинико-диагностической лабораторией, две имели физиотерапевтическую аппаратуру, восемь – автоклавы и три – дезинфекционные камеры. Только 8 амбулаторий были обеспечены конным транспортом и 19 электрифицированы.

Если летом функционировали почти все колхозные роддома, то зимой работала лишь небольшая их часть и то, как фельдшерско-акушерские пункты, поскольку они не были обеспечены достаточным количеством топлива из-за невыполнения колхозами договоров, заключенных с районными отделами здравоохранения. Все это ограничивало возможности колхозных роддомов – в 1952 г. в колхозах было госпитализировано лишь 58,2 % рожениц при 85,5-процентном охвате стационарным родовспоможением всех сельских тружениц. При этом, если в районных роддомах, а также при родовых отделениях сельских больниц питание находилось на должном уровне, то в колхозных роддомах организованное питание повсеместно отсутствовало, вследствие чего резко сокращался срок пребывания рожениц на стационарном лечении¹⁵.

В начале 1950-х гг. многие сельские медучреждения размещались в жилых домах, частных квартирах и других непригодных, нуждающихся в капитальном ремонте помещениях, не соответствующих санитарно-гигиеническим требованиям, отличавшихся малой площадью и плохой оснащенностью твердым (мебель, посуда, медицинские инструменты и т. д.) и мягким (постельные принадлежности) инвентарем. Нередко имели место перебои со специальными препаратами.

Недостаточное оснащение клинико-диагностической аппаратурой ставило врачей сельской медицинской сети в чрезвычайно сложное положение при диагностике заболеваний. Даже в районных больницах, находившихся в сравнительно благоприятных условиях, процент совпадений клинических и патологоанатомических диагнозов был ниже, чем в городских больницах. В 1953 г. этот показатель в целом по стране составил 63,1% и 76,7% соответственно¹⁶.

Недостаток или отсутствие транспорта в ряде больниц, а также бездорожье создавали большие трудности в оказании своевременной медпомощи при транспортировке больных в случае необходимости. Особенно это касалось сельских рожениц, своевременная госпитализация которых была затруднена и, как следствие, процент проведенных на дому родов продолжал оставаться весьма

высоким, что, в свою очередь, не способствовало снижению детской смертности.

Нехватка мебели и другого инвентаря сказывалась на культуре и уюте лечебных учреждений, а недостаток специальных помещений, клиничко-диагностической аппаратуры и специалистов приводил к тому, что даже функционирующие койко-места не всегда были загружены на полную мощность, при этом их в лечебных учреждениях не всегда хватало. В результате в тех больницах, где были более или менее подходящие условия для госпитализации и лечения, койко-места работали с большой перегрузкой, наблюдалась скученность пациентов, что, в свою очередь, нарушало существующие санитарно-гигиенические нормы и ухудшало качество медицинской помощи в целом.

Неудовлетворительное состояние материальной базы сельских медучреждений обуславливало недостатки в их лечебно-профилактической деятельности. Так, в 1952 г. рентгеновская помощь сельскому населению Саратовской области оказывалась только в пяти районах. Отсутствие рентгеновских аппаратов в 39 районах сельской местности создавало исключительные трудности по улучшению качества диагностики заболеваний и выявлению ранних форм туберкулеза и злокачественных новообразований. С целью уточнения диагноза врачами сельских районов направлялось большое количество больных в г. Саратов, однако это вело к перегрузке существующих рентгеновских аппаратов городов и лишало их возможности проводить профилактическую работу¹⁷.

Существующая сеть сельских лечебно-профилактических учреждений не могла удовлетворить потребности российской деревни, поэтому решение задач, связанных с медицинским обслуживанием её населения, возлагалось также и на центральные больницы городов и рабочих поселков. В 1952 г. в Саратовской области функционировало 15 таких больниц, расположенных в её районных центрах – городах и рабочих поселках (Аткарске, Базарном Карабулаке и т. д.) на 1 235 койко-мест. При удовлетворительном их оснащении клиничко-диагностическом оборудованием они имели нужду в биохимических лабораториях, электрокардиограммах, а некоторые нуждались в дооборудовании рентгеноаппаратами, физиотерапевтической аппаратурой, а также зубопротезными лабораториями. Часть больниц не были достаточно укомплектованы кроватями, тумбочками и другой мебелью, а некоторые требовали капитального ремонта¹⁸.

Если города почти полностью были укомплектованы квалифицированными врачебными кадрами, а рабочие поселки располагали хотя бы основными специалистами, то вопрос с обеспеченностью последними медицинских учреждений российской деревни оставался наиболее острым и открытым на всем протяжении обозначенного периода. Так, по состоянию на 1 января 1953 г. из 108 имевшихся в Саратовской области сельских

врачебных участков, каждый из которых являлся центром, координирующим работу всех учреждений, расположенных на территории сельского района, 30 не были укомплектованы врачами в силу их недостатка. Только 30 районных центров области были полностью укомплектованы четырьмя основными положенными по нормам Минздрава специалистами (без санитарных врачей), восемь райцентров имели по три, в одном райцентре – два и еще один располагал только одним специалистом соответственно. Санитарные врачи были представлены лишь в 21 районе области¹⁹.

Недостаток медицинских кадров обуславливал трудности развертывания сельской медицинской сети, а также то обстоятельство, что в ряде случаев её учреждения вынужденно возглавлялись средним медперсоналом. Так, например, в 1952 г. из 128 сельских участковых больниц Саратовской области 15 возглавлялись фельдшерами. Сельские клиничко-диагностические лаборатории возглавляли среднемедицинские работники, в лучшем случае окончившие школу лаборантов²⁰. Данное обстоятельство, конечно же, отрицательно сказывалось на организации и качестве их деятельности.

В некоторых случаях врачи отсутствовали в силу того, что им приходилось совершать выезды в радиусе 15–20 км от своей больницы для посещения больных на дому, а также для проведения лечебно-профилактических мероприятий в бригадах и полевых станциях в период сельскохозяйственных работ.

Недостаток врачебных кадров в сельских медучреждениях обуславливал относительно большой первичный прием больных средним медицинским персоналом. Так, если в районных больницах городов и рабочих поселков Саратовской области в 1952 г. практически весь первичный прием больных осуществлялся врачами, то в сельских районных больницах ими было принято 90% указанной категории больных, а в участковых больницах и амбулаториях сельской местности почти треть первичного приема больных осуществлялась средним медперсоналом. Однако даже притом, что часть приема пациентов в сельских больницах осуществлялась средним медперсоналом, врачи за рабочий день в среднем принимали по 20 человек. Такая высокая нагрузка, конечно же, не могла способствовать квалифицированному лечению и сказывалась на качестве медицинской помощи сельскому населению в целом.

Нехватка квалифицированных врачебных кадров, с одной стороны, и неудовлетворительная оснащенность сельских больниц оборудованием, с другой, приводили к тому, что врачи в ряде случаев не могли определить заболевание либо ставили неправильный диагноз. В первую очередь это касалось таких болезней, как острый ревматизм, порок сердца, гипертония, аппендицит²¹.

Важно отметить, что к началу 1950-х гг. в медицинском обслуживании трудовых ресур-

сов российской деревни была задействована не только лечебно-профилактическая сеть сельской местности, но и различные городские, а также областные поликлиники, больницы, диспансер и прочие медицинские учреждения. Особенно это касалось специализированной медицинской помощи, которую сельские медучреждения из-за отсутствия специальных отделений, нехватки коек, кадров, оборудования и т. д. полностью либо частично не могли её оказать. Так, например, больные кожно-венерологическими заболеваниями, нуждающиеся в стационарном лечении, направлялись из районов сельской местности в Областную кожно-венерологический диспансер и другие городские вендиспансеры.

В 1952 г. в области было зарегистрировано 4 988 больных трахомой, из которых 96% были жителями сельской местности. Для оказания специализированной помощи населению в неблагополучных по трахоме районах систематически выезжали специалисты Областного трахоматозного диспансера и клиники глазных болезней Саратовского мединститута. Были составлены планы по ликвидации трахомы в таких районах, проводились массовые профилактические осмотры населения, выявленные больные брались на учет и лечение. Выявлялись источники заражения, проводилось изучение труда и быта населения и принимались меры к его оздоровлению. Путем лекций и бесед проводилась санитарно-просветительская работа среди населения. Для лечебно-профилактической деятельности привлекалась местная общественность, а также медицинские работники сельских здравоохранительных учреждений. В некоторых неблагополучных по трахоме районах имелись сестринские трахоматозные пункты, в которых сестры работали под руководством окулистов из районных больниц, диспансеров и глазной клиники. В сложных случаях населению оказывалась хирургическая помощь. Проводилась она как в Областном трахоматозном диспансере, так и при выезде диспансерных врачей в районы, в местных сельских больницах.

В 1952 г. областными и городскими онкологическими диспансерами, а также онкологическими кабинетами некоторых городов области было принято 33,4% жителей из сельской местности против 30% в 1951 г.²² Такая же тенденция наблюдалась и в целом по стране – в 1950 г. посещения городских медучреждений составили 19,5%, а в 1955 г. – 26,3% всех амбулаторно-поликлинических посещений, сделанных сельским населением за указанный период²³.

Говоря о медицинском обслуживании сельского населения, нельзя не упомянуть о деятельности санитарной авиации, направленной на систематические выезды специалистов по первому же требованию районных или сельских стационаров для оказания экстренной помощи. В 1953 г. Саратовской областной станцией санитарной авиации для осуществления неотложной и кон-

сультативной медпомощи на вылеты в сельские районы было затрачено 1 246 часов, из которых для клинического обследования и лечения в г. Саратов было эвакуировано 92, проконсультировано 840 и прооперировано 29 больных²⁴.

Непосредственное отношение к медицинскому обслуживанию трудовых ресурсов российской деревни имел диспансерный метод, инициаторами которого выступили медицинские работники Чудновского района Житомирской области Украинской ССР. После изучения данного опыта и соответствующих указаний Минздрава СССР этот метод с 1951 г. стал применяться на территории Саратовской области, а в 1952 г. он был развернут в более широком объеме.

Для врачей был установлен график выезда в колхозы, полевые станы и бригады, обслуживание которых закреплялось за районными и участковыми больницами. До начала полевых работ трактористам, комбайнерам, прицепщикам, бригадирам и другим ведущим группам сельскохозяйственных работников проводились профилактические прививки против бруцеллеза и дизентерии, план которых был выполнен на 130 и 104 % соответственно.

За всеми питьевыми источниками водоснабжения устанавливался повседневный санитарный контроль, особое внимание обращалось на гигиену питания в полевых условиях и на санитарно-гигиеническое содержание полевых стантов, в каждой бригаде был организован санитарный пост, проводились регулярные массовые обследования населенных пунктов в целях своевременного выявления больных.

Создавались районные медкомиссии по определению трудоспособности колхозников и утверждались планы их работы. Комиссии включали в себя терапевта, хирурга, акушера, гинеколога, эпидемиолога, лаборанта, зубного врача и двух средних медработников. Выезжая в какой-либо колхоз, члены комиссии в промежутках между заседаниями читали лекции, изучали условия труда и быта колхозников, а средний медперсонал проводил подворные обходы, осмотр источников водоснабжения, общежитий, бань и т. п.

При диспансеризации измерялось кровяное давление, проверялась острота зрения, исследовались кровь, а также кал на яйца глист, проводились прививки. Нуждающиеся в коечном лечении госпитализировались, а амбулаторные больные направлялись в поликлиническое отделение больницы.

В ряде районов диспансеризация носила довольно обширный характер. Так, в Дергачевском районе перед началом сева были осмотрены 9 724 колхозника, рабочих МТС и совхозов.

Выявленные в процессе диспансерного обследования больные направлялись на лечение, после которого большинство, как правило, возвращалось к работе, а некоторая их часть переводилась на более легкий труд. Последнее обстоятельство имело важное значение при забо-

леваниях сердечно-сосудистой системы, а именно они были одними из наиболее распространенных среди сельскохозяйственных работников²⁵. Таким образом, диспансерный метод обслуживания позволял выявлять заболевания на ранней стадии их развития у ведущих групп сельскохозяйственных работников и, что не менее важно, делать это до начала основных полевых работ, контролируя тем самым наличие и качество трудовых ресурсов российской деревни.

Важное значение в деятельности здравоохранительных организаций имели мероприятия по борьбе с инфекционными заболеваниями, в частности, по профилактике и лечению бруцеллеза, поскольку от их успешного претворения в жизнь зависело не только состояние непосредственно трудовых ресурсов села, но и животноводческой отрасли. Непосредственно в районах руководства лечением бруцеллезных больных осуществлялось специально ответственными врачами. Все хозяйства, неблагополучные по бруцеллезу животных, стояли на учете в Областной противобруцеллезной станции. Было проведено диспансерное обследование работников, занятых в неблагополучных по заболеванию бруцеллезом хозяйствах, и сделаны соответствующие прививки. Госпитализация и лечение выявленных больных осуществлялись как местными больницами, так и клиникой инфекционных болезней Саратовского медицинского института. Кроме того, в целях профилактики бруцеллеза местными медработниками проводилась санитарно-просветительская работа, в ходе которой населению читались лекции, транслировались специальные радиопередачи, а в местной печати публиковались статьи на соответствующие темы²⁶.

Большое участие в профилактической работе принимало население, оказывая существенную помощь органам здравоохранения. Миллионы тружеников состояли членами общества Красного Креста и Красного Полумесяца, в колхозах действовали специально созданные санитарные посты²⁷.

Несмотря на трудности и проблемы, с которыми сталкивались в своей деятельности органы здравоохранения, к началу 1950-х гг. в целом несколько улучшились качественные и количественные показатели медицинского обслуживания сельского населения в районных и областных учреждениях. Так, например, результатом улучшения качества экстренной хирургической помощи, чему в определенной степени способствовали меры по повышению квалификации сельских хирургов, являлось снижение летальности болезней. С 1951 по 1952 г. летальность по крупозной пневмонии в сельских районных больницах Саратовской области снизилась с 3,8 до 1,4%, гипертонии – с 3,9 до 1,4%, язвенные болезни – с 1,8 до 0,6%, от ущемления грыжи – с 4 до 1,8% соответственно. Смертность в ходе хирургических операций снизилась до 0,8%. С 9 до 12 возросло

число районных больниц, где применялась лечебная физкультура. Увеличились и количественные показатели охвата больных лечебной физкультурой: хирургических – с 2 285 в 1951 г. до 4 477 в 1952 г., нервных – с 412 до 1 524 соответственно. Шире стал применяться метод лечебной физкультуры в клинике внутренних болезней, легочного и костно-составного туберкулеза. В результате проведения лечебно-профилактических мероприятий по ликвидации трахомы удалось снизить число больных 1-й стадии²⁸.

Что же касается здравоохранительных учреждений, расположенных в сельской глубинке, то качество медицинского обслуживания в них оставляло желать лучшего. Так, при проведении родов в колхозных роддомах в основном пользовались лишь акушерской сумкой. Однако трудно переоценить их значение в оказании первичной медицинской помощи, ведь именно благодаря им она становилась более доступной для тружеников российской деревни.

Таким образом, как показывает исторический анализ, в обозначенный хронологическими рамками период происходил рост здравоохранительной сети российской деревни и укрепление ее материальной базы, что, в свою очередь, обуславливало доступность медицинского обслуживания для сельского населения. Вместе с тем выделяемых по линии здравоохранения финансовых, материальных и кадровых ресурсов было явно недостаточно, чтобы удовлетворить потребности российского села в качественном медицинском обслуживании. Все это обуславливало необходимость вовлечения в решение вопросов, связанных с медицинским обслуживанием трудовых ресурсов российской деревни, областных и городских здравоохранительных учреждений, которые при этом расширяли свою деятельность в отношении сельского населения, внедряли новый по тем временам диспансерный метод обслуживания.

Трудности госпитализации больных в сельских лечебно-профилактических учреждениях были вызваны не только недостаточным количеством развернутого в них коечного фонда, но и неудовлетворительным их оснащением клиничко-диагностическим оборудованием, транспортом, отсутствием специальных помещений, а также неудовлетворительной организацией питания в целом ряде этих учреждений.

Одной из важнейших черт медицинского обслуживания российской деревни в указанный период являлся синтез профилактики и лечения. Он заключался в том, что здравоохранительные учреждения занимались не только лечением больных, но и с привлечением местной общественности проводили специальные мероприятия, связанные с санитарно-просветительской работой (чтение лекций, трансляция специальных радиопередач, публикация статей на соответствующие темы), обследованием источников водоснабжения и заражения, соблюдением гигиены питания, изу-

чением труда и быта в населенных пунктах, полевых станах и других производственных участках сельской местности.

Как свидетельствует анализ представленных в публикации материалов, само по себе администрирование по отношению к имеющимся в наличии ресурсам общемедицинской сети не могло компенсировать нехватку врачей, коечного фонда, клинично-диагностического оборудования и другие недостатки материальной и кадровой базы здравоохранительных учреждений. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что эффективное решение вопросов медицинского обслуживания населения зависит от комплексного решения проблем, связанных с материальной базой, кадрами и финансированием здравоохранительных учреждений, решение которых, в свою очередь, возможно лишь при наличии целенаправленной государственной политики.

Примечания

- 1 См.: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945 – конец 50-х годов / отв. ред. и авт. предисл. И. М. Волков. М. : Наука, 1988. 499 с. (Серия «История советского крестьянства», Т. 4) ; *Чайка Е. А.* Социальная политика советского государства на селе с 1945 по 1965 гг. : На материалах Краснодарского, Ставропольского краев и Ростовской области : дис. ... канд. ист. наук. М. : РГБ, 2005 и др.
- 2 См.: *Гехтман М. Я., Дискаленко А. П., Ильин В. А.* Районная больница в новых условиях : структура, содержание, формы и методы работы. Кишинев : Госиздат Молдавии, 1957 ; Саратовская область за 70 лет. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1987 и др.
- 3 См.: Здравоохранение в СССР : стат. сб. / ЦСУ СССР. М. : «Госстатиздат», 1960 ; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. : стат. ежегодник / ЦСУ РСФСР. М. : Финансы и статистика, 1981 ; Народное хозяйство Саратовской области (Краткий стат. сб.). Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1987 и др.
- 4 См.: Областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Саратовской области» (ОГУ ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 2936. Л. 274–277.
- 5 См.: *Ищенко Ю. В.* Развитие производительных сил села в послевоенный период : середина 1940-х – начало 1950-х гг. (На материалах Саратовской и Сталинградской областей) : дис. ... канд. ист. наук / Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. Саратов, 2011. С. 102.
- 6 См.: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества... С. 190.
- 7 См.: Народное хозяйство СССР в 1963 г. : стат. ежегодник. М. : Госстатиздат, 1965. С. 656–657.
- 8 См.: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества... С. 191.
- 9 См.: Областное государственное учреждение «Государственный архив Саратовской области» (ОГУ ГАСО). Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 16 а, 29, 70, 75.
- 10 См.: Сорок лет советского здравоохранения. К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 1917–1957 / главн. ред. М. Д. Ковригина. М. : Гос. изд-во мед. лит., 1957. С. 208.
- 11 См.: ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 19–73.
- 12 См.: Сорок лет советского здравоохранения... С. 208–209.
- 13 ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 33, 241.
- 14 Там же. Л. 31–32, 38.
- 15 Там же. Л. 59–72, 119–120.
- 16 См.: Сорок лет советского здравоохранения... С. 131.
- 17 См.: ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 60, 76–77, 85.
- 18 Там же. Л. 39, 41
- 19 Там же. Л. 8.
- 20 Там же. Л. 88.
- 21 Там же. Л. 35, 45, 60.
- 22 Там же. Л. 172, 178–181, 183.
- 23 См.: Сорок лет советского здравоохранения... С. 214.
- 24 См.: ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 94, 96.
- 25 См.: Саратовская область за 50 лет : сб. / ред. В. И. Пырков. Саратов : Приволж. кн. изд., 1967. С. 419 ; ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 110–111.
- 26 См.: ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 219, 223–226.
- 27 См.: *Селиванов В. И.* Советское Общество Красного Креста и Красного Полумесяца в годы Великой Отечественной войны // Советское здравоохранение. 1965. № 5. С. 20–26.
- 28 См.: ОГУ ГАСО. Ф. Р-2302. Оп. 5. Д. 19. Л. 37, 183–188, 193–194.

Образец для цитирования:

Ищенко Ю. В. Медицинское обслуживание трудовых ресурсов российской деревни во второй половине 1940 – начале 1950-х годов (на материалах Саратовской области) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 140–146. DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-140-146.

Cite this article as:

Ishchenko Yu. V. Medical Care of the Russian Village Manpower Resources in the Second Half of the 1940s – the Beginning of the 1950s (based on the Materials of the Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 140–146 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2017-17-1-140-146.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абуков Сергей Навильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории Донецкого национального университета. E-mail: legusha@list.ru

Алексеев Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Арсентьева Ирина Ильинична, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: airen1@yandex.ru

Аукштыкальните Анна Дмитриевна, аспирант кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского; начальник отдела педагогической информации муниципального казенного учреждения «Городской методический центр» Комитета по образованию администрации муниципального образования «Город Саратов». E-mail: aukshytykalinite@yandex.ru

Ахиев Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: responsum@list.ru

Баранов Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: baranovav@mail.ru

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: a.a.german@mail.ru

Голосеева Анна Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: goloseyeva@gmail.com.

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: danilovvik@yandex.ru

Ивашенко Михаил Вениаминович, аспирант кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Ищенко Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и иностранных языков Поволжского кооперативного института (филиал) Российского государственного университета кооперации, Энгельс. E-mail: ishenko1978@yandex.ru

Колганова Татьяна Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Саратовского областного института развития образования. E-mail: Tanya-groter@yandex.ru.

Конониренко Виктория Анатольевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Корнев Евгений Сергеевич, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: korenev.es@mail.ru

Лукьянов Антон Валерьевич, соискатель ученой степени кандидата исторических наук по кафедре отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: anton230878@mail.ru

Матиев Тимур Хусенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ингушского государственного университета, Магас. E-mail: tmt_77@list.ru

Мединец Михаил Яковлевич, аспирант кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения исторического факультета Социально-гуманитарного института Самарского национально-исследовательского университета им. акад. С. П. Королёва. E-mail: mmedinec@mail.ru

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: myakshhev@mail.ru

Полозова Ирина Викторовна, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки Саратовской государственной консерватории им. Л. В. Собинова. E-mail: i.v.polozova@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Рыжова Дарья Сергеевна, младший научный сотрудник Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории РАН, Москва. E-mail: merlanor@gmail.com

Шашлова Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры всеобщей истории Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru

Шех Александр Владимирович, аспирант кафедры истории и права Мурманского арктического государственного университета. E-mail: Sheh28@yandex.ru

Яковлева Жанна Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. E-mail: jgv1972@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abukov Sergey Navil'evich, PhD in History, Senior Lecture of the department of historiography, source studies, archeology and methods teaching history of Donetsk National University. E-mail: legusha@list.ru

Akhiev Sergey Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the Chair of Ancient History, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: responsum@list.ru

Alexeev Denis Sergeevich, PhD in History, Associate Professor of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Arsentyeva Irina Ilinichna, Doctor of Political Sciences, Professor of International Relations and Russian Foreign Policy Department, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: airen1@yandex.ru

Aukshtykalnitsa Anna Dmitrievna, Postgraduate student of the Chair of History and Archaeology, Institute of History and International Relations, Saratov State University; head of Department of pedagogical information of the municipal public institution «City methodical center» of the Committee on education of administration of municipal formation «the City of Saratov». E-mail: aukshtykalnitsa@yandex.ru

Baranov Alexey Vladimirovich, PhD in History, Assistant Professor of the General History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: baranovav@mail.ru

Chekh Alexander Vladimirovich, Postgraduate student of the Department of History and Law, Murmansk Arctic State University. E-mail: Sheh28@yandex.ru

Danilov Victor Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), professor, Head of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: danilovvik@yandex.ru

German Arkady Adol'fovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: a.a.german@mail.ru.

Goloseyeva Anna Anatolyevna, PhD in History, Assistant Professor of Political Sociology Chair, Department of Sociology of Russian State University for the Humanities (Moscow). E-mail: goloseyeva@gmail.com.

Ishchenko Yuriy Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Chair of humanitarian disciplines and foreign languages Volga region cooperative institute (branch) of the Russian University of cooperation, Engels. E-mail: ishenko1978@yandex.ru

Ivashchenko Mikhail Veniaminovich, Postgraduate student of the Chair

of Ancient History, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: m.ivashchenko@list.ru

Jakovleva Zhanna Vladimirovna, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: jgv1972@yandex.ru

Kolganova Tatiana Andreevna, PhD in History, Senior researcher of the Saratov Regional Institute of Education Development. E-mail: Tanya-groter@yandex.ru.

Kononirenska Victoria Anatolyevna, Postgraduate student of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: vspwshka_89@mail.ru

Korenev Eugeny Sergeevich, Postgraduate student of the International Relations and Russian Foreign Policy Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: korenev.es@mail.ru

Lukyanov Anton Valerievich, the Competitor of an academic degree of candidate of historical sciences of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: anton230878@mail.ru

Matiev Timur Husenovich, PhD in History, Associate Professor of the department of history of the Ingush State University, Magas. E-mail: tmt_77@list.ru

Medinets Mikhail Yakovlevich, Postgraduate student of General History, International Relations and Records Management Chair, Social and Humanitarian Institute of Samara University. E-mail: mmedinec@mail.ru

Myakshov Anatoly Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History and Historiography Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: myakshov@mail.ru

Polozova Irina Victorovna, Doctor of Arts, professor of the History of Music Chair, Saratov State Conservatory (Academy) named after L.V. Sobinov. E-mail: i.v.polozova@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, PhD in History, Associate Professor of the History of Russia and Archeology Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Ryzhova Daria Sergeevna, junior research fellow at Centre of Heraldic and Genealogic Research, Institute of World History RAS, Moscow. E-mail: merlanor@gmail.com

Shashlova Tatyana Jurjevna, Postgraduate student of World History Chair, Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: tatyana.shashlova2014@yandex.ru